

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНСТИТУТ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Центр изучения Вьетнама и АСЕАН

Страны Индокитая в АСЕАН

ключевые
аспекты
развития

Москва
ИКСА РАН

2024

УДК 327(5-012)
ББК 66.4(55)
С83

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИКСА РАН

Рецензенты: д.и.н. Н.Н. Бектимирова, д.и.н. Д.В. Мосяков

Ответственный редактор: д.э.н. В.М. Мазырин

Члены редколлегии: д.и.н. Е.А. Канаев, д.и.н. В.Н. Колотов, Е.С. Бурова

Авторский коллектив:

В.В. Бойцов (глава 1), А.В. Бредихин (глава 15), Е.С. Бурова (Введение, глава 3), А.А. Бутко (глава 19), Ван Цзинвэй (глава 11), И.С. Виноградов (глава 12), М.Г. Евтодьева (глава 16), К.А. Ефремова (глава 4), Е.А. Канаев (глава 18), Е.В. Колдунова (глава 7), В.Н. Колотов (глава 14), Л.М. Кунтыш (глава 8), Г.Н. Кучеренко (глава 9), И.Н. Липилина (глава 6), В.М. Мазырин (глава 5, Заключение), Найн Све У (глава 4), Н.Д. Осман (глава 21), Н. Тьярёнси (глава 2), А.В. Попов (глава 13), С.В. Рязанцев (глава 17), С.Л. Сазонов (глава 11), Хоанг Тхи Ми Ни (глава 20), М.Н. Храмова (глава 17), П.С. Шатерников (глава 10).

С83 Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития : коллективная монография / отв. ред. В.М. Мазырин. — М.: ИКСА РАН, 2024. — 308 с.

ISBN 978-5-8381-0479-3

DOI: 10.48647/ICCA.2024.54.72.001

Монография посвящена проблемам развития континентальных стран Юго-Восточной Азии (Индокитая) как интегральной части АСЕАН. Впервые в России обобщен обширный пласт информации о современных процессах в этом субрегионе, приведены актуальные оценки различных аспектов внутренней и внешней политики входящих в него стран. Исследование проведено учеными и экспертами России и ЮВА, которые приняли участие в тематической международной научной конференции в ИКСА РАН в мае 2023 г. В Разделе I рассмотрены общие черты и особенности Индокитая как субрегиона ЮВА, представлены базовые знания о нем в политико-экономическом дискурсе. Раздел II характеризует субрегиональные тренды сотрудничества на примере отдельных стран. Раздел III посвящен взаимодействию стран Индокитая с внешним миром, прежде всего с Китаем. В Разделе IV рассмотрены отношения стран Индокитая с Россией и ЕАЭС, выявлены формы, результаты и перспективы взаимовыгодного экономического сотрудничества, показан опыт в сфере ВТС с учетом ведущей роли РФ на региональном рынке вооружений. Раздел V содержит анализ социально-экономических тенденций в жизни АСЕАН с акцентом на страны Индокитая.

Коллективная монография ориентирована на научные и образовательные сообщества, занятые изучением процессов в Юго-Восточной Азии, а также представителей госучреждений. Собранная информация также будет полезна широкому кругу читателей.

Ключевые слова: континентальные страны АСЕАН (Индокитай), Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам, Китай, интеграционные процессы, внутренняя и внешняя политика, социально-экономические тенденции.

УДК 327(5-012)
ББК 66.4(55)

ISBN 978-5-8381-0479-3

© Коллектив авторов, 2024
© ИКСА РАН, 2024

В оформлении использована условная схема расположения континентальных стран Юго-Восточной Азии

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences

Center for Vietnam and ASEAN Studies

**MAINLAND ASEAN COUNTRIES:
CORE TRENDS
OF DEVELOPMENT**

Moscow
ICCA RAS
2024

*Recommended for publication by:
Academic Council of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences*

Reviewers:

Nadezhda N. Bektimirova, Dr. Sc. (Hist.), Dmitriy V. Mosyakov, Dr. Sc. (Hist.)

Edited by:

Vladimir M. Mazyrin, Dr. Sc. (Econ.)

Editorial Board:

Vladimir N. Kolotov, Dr. Sc. (Hist.); Evgeny A. Kanaev, Dr. Sc. (Hist.), Elena S. Burova, M.A.

Team of Authors

V.V. Boytsov (Chapter 1), A.V. Bredikhin (Chapter 15), E.S. Burova (Introduction, Chapter 3), A.A. Butko (Chapter 19), K.A. Efremova (Chapter 4), Hoang Thi My Nhi (Chapter 20), E.A. Kanaev (Chapter 18), M.N. Khramova (Chapter 17), E.V. Koldunova (Chapter 7), V.N. Kolotov (Chapter 14), G.N. Kucherenko (Chapter 9), L.M. Kuntysch (Chapter 8), I.N. Lipilina (Chapter 6), V.M. Mazyrin (Chapter 5, Conclusion), Naing Swe Oo (Chapter 4), N.D. Osman. (Chapter 21), A.V. Popov (Chapter 13), S.V. Ryazantsev (Chapter 17), S.L. Sazonov (Chapter 11), P.S. Shaternikov (Chapter 10), Charoensri Narut (Chapter 2), I.S. Vinogradov (Chapter 12), Wang Jingwei (Chapter 11), M.G. Yevtodyeva (Chapter 16).

**Mainland ASEAN Countries: Core Trends of Development / Ed. by
V.M. Mazyrin. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
2024. 308 p.**

The monograph focuses on the development problems of the mainland countries of Southeast Asia (Indochina), which are an integral part of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). For the first time in Russia, a vast amount of information on the current processes in this subregion is summarized given relevant assessments of various aspects of domestic and foreign policy of its member countries. The study was prepared by scientists and experts from academic and educational institutions of Russia and Southeast Asia (SEA), who participated in the thematic international scientific conference held at the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) in May 2023.

The Part I provides an overview of the general features and characteristics of Indochina as a subregion of the SEA and presents the basic knowledge about it in the political and economic discourse. The Part II reviews subregional trends in cooperation through the individual countries cases. The Part III focuses on Indochina's interaction with the outside world, especially China. The Part IV highlights the interaction of the Indochinese countries with Russia and the Eurasian Economic Union (EAEU), identifies the forms, results and prospects of economic cooperation between the two sides, and shows the experience in the field of military cooperation, taking into account Russia's leading role in the arms procurement to regional market. The Part V analyzes various socio-economic trends in ASEAN, focusing on Indochina.

The collective monograph is intended for the scholarly and educational communities engaged in the study of processes in Southeast Asia, as well as representatives of government agencies. The information gathered in this monograph will be useful for a wide range of readers.

Keywords: ASEAN mainland countries (Indochina), Thailand, Cambodia, Laos, Myanmar, Vietnam, China, integration processes, domestic and foreign policy, socio-economic trends.

Оглавление

Введение	11
----------------	----

Раздел I

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНДОКИТАЯ КАК СУБРЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Глава 1. Индокитай как географический, исторический и экономический субрегион Юго-Восточной Азии	16
Глава 2. Соперничество сверхдержав в субрегионе Меконга и задачи устойчивого развития	31
Глава 3. Экономические характеристики и различия стран Индокитая	39
Глава 4. Проблемы обеспечения всеобъемлющей безопасности АСЕАН и их проекция на Индокитай	55

Раздел II

СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Глава 5. Характерные черты и формы участия военных во властных структурах стран Индокитая	71
Глава 6. Роль Таиланда в интеграционных процессах в Индокитае	87
Глава 7. Таиландские оценки кризиса в Мьянме в контексте региональных интеграционных процессов	95

-
- Глава 8. Результаты интеграции ЛНДР в АСЕАН
и в субрегионе Индокитая 108
- Глава 9. Эволюция отношений Камбоджи и Таиланда:
опыт преодоления противоречий внутри АСЕАН 127

Раздел III

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

- Глава 10. Проблемы расширения и безопасности АСЕАН
на примере Восточного Тимора 140
- Глава 11. Сотрудничество Китая и стран АСЕАН в создании
паназиатской железнодорожной магистрали 151
- Глава 12. Успехи и вызовы сотрудничества Китая и Лаоса 158
- Глава 13. Торгово-экономические отношения Индонезии
со странами Индокитая 170

Раздел IV

ВЕКТОР РОССИЯ—ЕАЭС ДЛЯ СТРАН ИНДОКИТАЯ

- Глава 14. Поворот России на Восток и место в нем АСЕАН 187
- Глава 15. Вьетнам и ЕАЭС в поисках новых форм
сотрудничества 197
- Глава 16. Особенности закупок вооружений и ВТС Вьетнама,
Камбоджи, Лаоса и Мьянмы: роль России и Китая 205
- Глава 17. «Русскоязычная экономика» в континентальных
странах АСЕАН 220

Раздел V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН АСЕАН

- Глава 18. Развитие центров хранения и обработки данных
как направление цифрового регионализма
на примере государств Индокитая 234

Глава 19. Электроэнергетическое сотрудничество стран субрегиона Большого Меконга и геополитика	247
Глава 20. Актуальные проблемы религиозных трансформаций в материковых странах Юго-Восточной Азии	258
Глава 21. Разработка социально-экономических требований к законам о биобезопасности в странах АСЕАН	269
Заключение	278
Список аббревиатур	282
Библиография	286
Summary	298
Сведения об авторах	302
About the Authors	305

Contents

Introduction	11
--------------------	----

Part I

GENERAL FEATURES AND PECULIARITIES OF INDOCHINA AS A SUB-REGION OF SOUTH-EAST ASIA

Chapter 1. Indochina as a Geographical, Historical and Economic Region of Southeast Asia	16
Chapter 2. Superpower Rivalry in the Mekong Subregion and Sustainable Development Challenges	31
Chapter 3. Economic Characteristics and Differences of Indochina Countries	39
Chapter 4. Challenges in Achieving Comprehensive Security of ASEAN and their Projection to Indochina	55

Part II

SUB-REGIONAL TRENDS OF COOPERATION: POLITICAL ASPECTS

Chapter 5. Core Features and Forms of the Military Rule in Indochina Countries	71
Chapter 6. The Role of Thailand in Integration Processes in Indochina	87
Chapter 7. Thailand's Assessments of Myanmar Crisis in the Context of Regional Integration	95
Chapter 8. Results of Integration of the Lao PDR into ASEAN in General and within Indochina	108

-
- Chapter 9. The Evolution of Relations between Cambodia and Thailand as an Example of Overcoming Contradictions among ASEAN Member States 127

Part III

GLOBAL PARTNERSHIP

- Chapter 10. Problems of Asean Enlargement and Security: the Case of East Timor 140
- Chapter 11. Cooperation between China and ASEAN Countries in the Creation of a Pan-Asian Railway 151
- Chapter 12. Successes and Challenges of ChinA-Laos Cooperation . . . 158
- Chapter 13. Trade and Economic Relations of Indonesia with Indochina countries 170

Part IV

RUSSIA-EAEU VECTOR FOR INDOCHINA COUNTRIES

- Chapter 14. Russia's Turn to the East and ASEAN's Place in iT 187
- Chapter 15. Vietnam and Eurasian Economic Union: in Search of new Forms for Cooperation 197
- Chapter 16. Key Features of Arms Procurement and Military-technical Cooperation of Vietnam, Cambodia, Laos and Myanmar: the Role of Russia and China 205
- Chapter 17. "The Russian origin Economy" in the ASEAN Mainland Countries 220

Part V

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF ASEAN COUNTRIES

- Chapter 18. Development of Data Storage and Processing Centers as a Direction of Digital Regionalism based on the Example of Indochina States 234
- Chapter 19. Electric Power Cooperation between Countries of the Greater Mekong Subregion and Geopolitics 247

Chapter 20. Current Problems of Religious Transformations in the Mainland Countries of Southeast Asia	258
Chapter 21. Developing Socio-economic Requirements for Biosafety Laws in ASEAN Countries	269
Conclusion	278
List of abbreviations	282
Bibliography	286
Summary	298
About the Authors (In Russian)	302
About the Authors (In English)	305

Введение

В материковой части Юго-Восточной Азии расположены различные по уровню экономического развития государства: Таиланд, опережающий другие страны субрегиона, и динамично растущие экономики — Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма (ВКЛМ), которые стремятся повторить успех новых индустриальных стран АСЕАН. Государства Индокитайского полуострова объединяют не только схожие культурно-религиозные традиции, но и общие задачи социально-экономического прогресса, в частности решения проблем Меконга и устойчивого развития, политической интеграции как реакции на новые внешние вызовы.

Континентальные страны ЮВА отличает разнообразие политических режимов. Власть здесь реализована в рамках военного правления в Мьянме, конституционных монархий — в Таиланде и Камбодже, авторитарных систем с монополично правящими коммунистическими партиями — в Лаосе и Вьетнаме.

Все эти страны строят экспортно ориентированную экономику, следуют примеру так называемых азиатских драконов, рассматривая их модель развития как оптимальную. Такой подход в совокупности с развитием торгово-экономических отношений с Китаем позволил добиться быстрого экономического роста и повышения уровня жизни населения. Мьянма и Лаос пока имеют ограниченные достижения по причине в первом случае политически мотивированных экономических санкций со стороны США и их союзников, и отсутствия выхода к морю — во втором.

В период после Азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. ускорилось развитие экономических связей стран Индокитая с КНР, что привело к созданию Зоны свободной торговли КНР—АСЕАН и резко увеличению товарооборота с Китаем, прежде всего в странах континентальной ЮВА. Идеологически к КНР ближе всего Вьетнам, Лаос и Камбоджа. Очень сильно влияние Пекина ощущается в Мьянме и Таиланде благодаря тесным связям с местными китайцами. Проникновение западного капитала и идеологии больше проявляется в

Таиланде, где рыночная экономика господствует давно. В последние годы позиции западных стран, особенно США, существенно окрепли во Вьетнаме, что сказывается на росте товарооборота с ними и позволяет уравновесить дисбаланс во внешней торговле с Китаем.

Основной религией в континентальных странах ЮВА — от Мьянмы до Лаоса — является буддизм тхеравады, в СРВ наибольшее распространение получил буддизм махаяны, облегчая взаимодействие с северным соседом. За время колониального господства Франции окрепли позиции католицизма, протестантизма, распространилось влияние сект Каодай (религиозный синкретизм) и Хоахао (буддизм). В последние десятилетия буддизм в качестве традиционной религии пользуется растущим влиянием и почетом во всех странах рассматриваемого региона. Западные и южные области Индокитая населены мусульманами, что нередко приводит к хронической нестабильности с элементами сепаратизма. Особенно это заметно в Мьянме и южных провинциях Таиланда. Ситуация в Камбодже и Вьетнаме находится под контролем властей.

В АСЕАН сложился рациональный подход к решению территориальных споров стран-членов исключительно дипломатическими, ненасильственными методами. Однако такого консенсуса нет с соседними державами, поэтому отношения между Пекином и всеми странами ЮВА, которые омываются Южно-Китайским морем, отягощены притязаниями на владение архипелагом Спратли и Парасельскими островами. В континентальной части АСЕАН такие споры с КНР ведет только СРВ, тогда как другие страны предпочитают держаться в стороне, явно не желая портить отношения с Пекином из-за чужих проблем. Будучи не в состоянии противостоять Пекину в формате «один на один», Ханой реализует традиционный для себя стратегический курс — «опираясь на дальнего, противостоять ближнему», пытаясь найти опору в Вашингтоне. Последний умело использует ситуацию в своих интересах, чтобы собрать «обиженных и оскорбленных» регионалов в антикитайскую коалицию. В субрегионе это понимают и там, где фактический уровень суверенитета позволяет, стараются проводить более гибкую политику, балансируя между Пекином и Вашингтоном.

Россия в настоящее время пока не может принимать активного участия в региональных делах по ряду объективных и субъективных причин. Среди некогда эффективных рычагов сохранилось только военно-техническое и энергетическое сотрудничество, которое в условиях сильнейшей конкуренции с каждым годом ослабевает даже в таких странах, как Вьетнам.

После распада СССР Россия практически ушла из региона, что привело к падению товарооборота, снижению контактов на всех уровнях, их эффективности, а также сокращению числа знающих и изучающих русский язык там, где раньше он был популярен. В российских СМИ очень мало релевантной информации о континентальных странах АСЕАН. Для широкого потребителя транслируются передачи и выпускаются книги крайне низкого качества с признаками сознательного искажения действительности. Российские же новостные программы, как и продукция культурно-массового спроса, в ЮВА имеют ограниченный характер, не пользуются интересом — соответственно населению навязываются повестка и интерпретация актуальных событий через англоязычные информационные каналы CNN, BBC и др. Среди местных лидеров общественного мнения практически нет пророссийски настроенных деятелей, которые могут читать по-русски и распространять альтернативную точку зрения, попутно монетизируя свое медийное участие. В результате широкие слои знакомятся с весьма специфической и не отличающейся объективностью интерпретацией текущих событий с участием РФ и их международного контекста.

Преимущественная ориентация на Запад в 1990—2000-е годы привела к падению былого влияния России на Востоке вообще и в ЮВА в частности, что неизбежно вызвало негативные последствия экономического, культурного и идеологического порядка. В Москве в то время даже не помышляли об усилении своего присутствия в ЮВА, почему-то полагая, что добровольный уход из зон динамичного роста и высокой конкуренции облегчит интеграцию в западный проект. Соответственно не было разработано планов по развитию сотрудничества со странами Индокитая со всеми вытекающими последствиями для сегодняшнего дня, когда нечего предъявить, кроме общих рассуждений об интересах РФ в ЮВА. В то же время западные и восточные конкуренты существенно усилили свое присутствие и углубили взаимодействие с АСЕАН в целом и странами Индокитая в частности.

Когда под воздействием растущих угроз безопасности пришло время резко менять внешнюю и внутреннюю политику, то оказалось, что быстро нарастить эффективные контакты со странами ЮВА в условиях западного санкционного давления очень не просто, особенно в условиях, когда, к примеру, товарооборот этих государств с Россией, с одной стороны, и ведущими недружественными странами Запада — с другой, различается не в разы, а на порядки.

* * *

Актуальность темы исследования возросла с усилением значения для России отношений со странами Азии. В контексте анонсированного во внешнеполитическом курсе РФ «поворота на Восток» укрепление связей со странами АСЕАН приобретает особую важность.

Исследование охватывает широкий круг официальных источников, включая документы саммитов, статистику АСЕАН, решения правительств членов Ассоциации, сообщения информационных агентств и др. В работе использованы как первичные, так и вторичные источники информации, проанализированы работы ведущих ученых из стран ЮВА, России, Китая, Запада, посвященные исследованиям различных проблем этого региона.

Структурно монография включает Введение, пять разделов и Заключение.

В Разделе I рассмотрены общие черты и особенности Индокитая как субрегиона ЮВА, представлены базовые сведения о субрегионе в политико-экономическом дискурсе. Здесь же дается характеристика Индокитая как особого географического, исторического и экономического субрегиона Юго-Восточной Азии, подчеркнута его специфика и отличие от островной части региона. Прослежены особенности формирования хозяйства и экономические характеристики стран Индокитая, их различия; анализируется роль географических, исторических, экономических и иных факторов, которые предопределили пути развития региона. Авторы представляют свое видение геополитической ситуации и показывают, как экономическое и политическое соперничество сверхдержав, а именно США, Китая, Японии, Республики Кореи и России, влияет на субрегиональную динамику. Освещаются также подходы к интеграции в сфере безопасности.

Раздел II представляет субрегиональные тренды сотрудничества на примере отдельных стран. Показана, в частности, эволюция роли Таиланда в интеграционных процессах в Индокитае и его «тихая» дипломатия в вопросе урегулирования текущего политического кризиса в Мьянме. Рассматриваются схожие черты и различия Таиланда и Мьянмы с точки зрения роли военных в политическом процессе, а также характерные черты и формы участия военных во власти всех стран континентальной части ЮВА; предложена возможная классификация этого участия. Раскрыты процессы взаимодействия Лаоса с АСЕАН в целом и со странами-соседями в частности. Не осталась без внимания и эволюция отношений Камбоджи и Таиланда.

Раздел III посвящен взаимодействию стран Индокитая с внешним миром. Поставлен вопрос о своевременности присоединения новых стран к АСЕАН и необходимых изменениях в Ассоциации с учётом экспертной критики в адрес существующих форматов. Затронуты важные аспекты сотрудничества с Китаем, в частности со стороны Лаоса, в развитие которого КНР вносит значимый вклад, а также при сооружении Паназиатской железнодорожной магистрали. Как пример взаимодействия континентальной и островной частей АСЕАН, рассмотрены торгово-экономические отношения Индонезии со странами Индокитая.

В Разделе IV освещено взаимодействие России и ЕАЭС со странами Индокитая. В нем даются оценки российского «поворота на Восток». Проанализировано взаимодействие по линии ЕАЭС на примере Вьетнама: представлена характеристика экономического сотрудничества, определены его проблемы и перспективы, выявлены пути экономической интеграции. В этом разделе затронута и такая важная тема, как рынок вооружений и сотрудничество в сфере ВТС — единственного сохранившегося из ряда некогда эффективных рычагов влияния РФ в Индокитае. Авторы также представили характеристику так называемой русскоязычной экономики в континентальной части АСЕАН.

Раздел V содержит анализ социально-экономических аспектов сотрудничества в АСЕАН. В нем раскрыты набирающая обороты цифровая трансформация социума субрегиона и ее инфраструктурная составляющая, особенности политики государств Индокитая в отношении центров хранения и обработки данных. Этот акцент сделан в контексте нацеленности АСЕАН на цифровое сопровождение своих проектов экономического регионализма, формирующихся подходов к развитию цифровой инфраструктуры. Как еще один важный аспект сотрудничества в Индокитае представлена сфера энергетической безопасности, которая столь необходима для дальнейшего устойчивого роста, в частности, рассмотрены вопросы взаимодействия в области гидроэнергетики. Поднимается также тема религиозных трансформаций, проблемы возникновения экстремистских религиозных движений, политизации религий и свободы вероисповедания. Завершает раздел обзор правовых вопросов биобезопасности и защиты биоразнообразия в регионе с учетом исторических, культурных и социально-экономических различий между странами Индокитая.

Раздел I

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНДОКИТАЯ КАК СУБРЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Глава 1

ИНДОКИТАЙ КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУБРЕГИОН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Факторы формирования Индокитая как субрегиона Юго-Восточной Азии

Географически регион Юго-Восточной Азии подразделяется на два субрегиона: островной мир, или Нусантара, включающий Малайский и Филиппинский архипелаги, а также полуостров Малакка, и полуостров Индокитай с примыкающими к нему с севера территориями. На полуострове Индокитай располагаются пять государств — Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Таиланд. Их общая площадь насчитывает 1 млн 969 тыс. кв. км, что составляет 43 % территории всего региона ЮВА¹. Численность населения достигает 196 млн человек, или 31,1 % жителей всего региона ЮВА². Различие между двумя субрегионами просматривается уже в орографическом строении и струк-

¹ FAO. FAOSTAT. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data>

² UNCTAD. UNCTADSTAT. URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/Folders/reportFold-ers.aspx?cCS_ChosenLang=en

туре полезных ископаемых, климатическом режиме и других природных условиях, что во многом предопределило особенности их хозяйственного развития и образа жизни населяющих их народов.

Активное освоение крупных речных систем в странах Индокитая, начавшееся еще в далеком прошлом, привело к тому, что в долинах образующих их рек и обширных дельтах сформировались так называемые аллювиальные цивилизации, базирующиеся на разветвленной системе орошаемого земледелия. Это во многом предопределило дальнейший ход, темпы и особенности экономического, исторического, культурного развития народов Индокитая, их национальную идентичность. Европейские колонизаторы, используя природный и общественный потенциал этих стран, усилили продовольственную (рисоводческую) составляющую их хозяйства и сформировали там в конце XIX — начале XX в. производственную базу, снабжающую метрополии продовольствием, нехватка которого ощущалась теми в годы индустриализации и сокращения численности сельского населения. В результате Индокитай сформировался и закрепился в мировой аграрной структуре в качестве субрегиона по преимуществу зернового (в основном рисоводческого) ирригационного хозяйства.

В отличие от Индокитая, островная часть ЮВА сформировалась и развивалась как приморская цивилизация с обширными и диверсифицированными торговыми связями. Такому типу развития способствовало, с одной стороны, островное положение большинства стран этого региона, огромная протяженность их береговой линии и относительная доступность их внутренних районов, с другой — их близость к морским торговым путям, которые с древности активно осваивались странами Востока, а позднее и государствами Западной Европы и Америки. Контакты с торговыми партнерами способствовали знакомству с техническими и коммерческими знаниями других народов, их культурой, а также распространению в странах субрегиона религиозно-этических учений этих народов. В итоге, если Индокитай остается в основном зоной господства буддийской идеологии, то Нусантара представляет из себя конгломерат конфессий, прежде всего ислама (Индонезия, Малайзия, некоторые территории на Филиппинах), христианства в католической версии (главным образом на Филиппинах) и конфуцианства (практически на три четверти в Сингапуре и в разных пропорциях почти во всех остальных странах субрегиона) с вкраплениями индуизма. В свою очередь внешние влияния разного рода на страны Индокитая носят не только более ограниченный, но и более специфический характер. Эти территории историче-

ски были менее открыты для торговых и культурных связей с отдаленными странами и экономиками, но и одновременно менее защищены от давления со стороны соседей, тогда как страны Нусантары оказались более доступны для нападений со стороны моря, которые могли осуществлять корабли далеких государств. Европейский колониализм проник на островную часть региона ЮВА еще в XVI—XVII вв., а завершал создание своей империи в этой части мира, на ее полуостровной части, уже в самом конце XIX в. Более того, несмотря на компактность территории Индокитая, в особенности в сравнении с Нусантарой, из-за исключительной сложности его рельефа развитие внутренних районов полуострова и контакты между населяющими его народами (и с соседями) сухопутным путем были во многих случаях крайне осложнены, что суживало и продолжает осложнять возможности и перспективы их внутрирегионального сотрудничества. Наконец, во второй половине XX в. история превратила Индокитай в зону разграничения интересов и влияния мировых центров силы (США, СССР и Китая), что также осложнило взаимоотношения со многими странами мира и повлияло на всю траекторию развития большинства стран субрегиона.

Активная мировая торговля в зоне островной части ЮВА имела следствием создание на этих территориях опорных баз ведущих торговых держав с последующим освоением и прямыми захватами земель. Постепенно втягивая эти страны в международные торговые и производственные отношения, колонизаторы из разных стран стимулировали не столько развитие некоторых уже существующих там производств, сколько становление новых их видов, необходимых для расширения индустриального производства в метрополиях.

Структура хозяйства и ресурсы стран Индокитая

Потребности в сырье для новых отраслей промышленности, благоприятные природные условия и наличие пригодных для обработки свободных земель вызвали в конце XIX в. в странах Нусантары бурное расширение посадок под такие технические культуры, как гевея (в Индонезии и Малайе), сахарный тростник (на Филиппинах), позднее масличная пальма (в Индонезии и Малайе) и т. п. Соответственное развитие в сельских районах получили плантационное хозяйство и товарный сектор. Страны же Индокитая, также не избежавшие внедрения плантационных культур, сосредоточились, как уже было отмечено, в основном на производстве продовольствия (риса) на экс-

порт. Сложившаяся на рубеже XIX—XX вв. структура сельского хозяйства в обоих субрегионах ЮВА в целом сохраняется до сих пор. Так, по данным на 2021 г., в странах Индокитая под плантационными (техническими) культурами в среднем оказалось всего 29,5 % сельскохозяйственных земель, тогда как в странах Нусантары — 55,3 %. В то же время на долю пропашных культур в Индокитае пришлось 70,5 % соответствующей территории, тогда как в островной части региона — 44,7 %.

Особенно заметная разница в структуре аграрного производства между двумя субрегионам ЮВА сложилась в производстве риса — основного продукта питания местного населения. Всего рис и изделия из него составляют в странах Индокитая в среднем около половины (46,8 %) всех потребляемых с продуктами питания калорий (от 39,3 % в Таиланде до 57,5 % в Камбодже), что заметно больше, чем в островной части региона ЮВА, где в среднем они достигают 33,9 % (от 23,4 % в Малайзии до 43,6 % на Филиппинах)¹. Средняя для стран Индокитая доля уборочных площадей под рисом составила в 2020 г. 28,7 млн га, или 61,6 % всей уборочной площади в этом субрегионе, тогда как в государствах Нусантары всего 17,7 %. Особенно большие площади под рис отведены в таких странах, как Вьетнам (61,6 % земель под пропашными культурами), Лаос (68,0 %) и Камбоджа (73,1 %). Всего в 2020 г. в субрегионе Индокитая было собрано 112,7 млн т риса. Заметная его часть (13,9 млн т) направлена на экспорт, что составило 99,3 % экспорта этого товара из региона ЮВА (2020 г.). В то же время островные государства были вынуждены ввезти 2,8 млн т риса, что превысило 90 % импорта этого продукта всеми странами ЮВА. Благодаря этим поставкам Индонезия обеспечила в 2020 г. 13,1 % своего внутреннего потребления, Филиппины — 27,2 % и Малайзия — 71,5 %, тогда как почти все страны Индокитая, напротив, занимались экспортом риса, что было следствием наличия у них излишков зерна, составивших в Лаосе 3,3 %, в Камбодже — 6,6 %, в Мьянме — 9,7 %, в Таиланде — 57,1 % от всего объема собранного урожая².

Решение проблемы роста производства риса, равно как и других сельскохозяйственных культур, сдерживается во всем регионе ЮВА нарастающей исчерпанностью свободных земель. Особенно остро стоит эта проблема в странах Нусантары, где в среднем на одного жителя в 2020 г. приходилось 0,13 га (от 0,00 в Сингапуре, 0,1 в Брунее и

¹ FAO. FAOSTAT. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data>

² FAO. Statistical Yearbook: Food and Agriculture 2022. Rome, 2022. P. 280—284.

на Филиппинах до 0,26 га в Малайзии). В государствах Индокитая ситуация с использованием земельного фонда под посадки сельскохозяйственных культур носит менее острый характер. Здесь на одного человека приходится в среднем 0,22 га земель, занятых сельскохозяйственными культурами (от 0,12 га во Вьетнаме до 0,32 в Таиланде). Тем не менее проблема нехватки сельскохозяйственных земель становится все более актуальной и здесь, а перспективы экстенсивного роста сельскохозяйственного производства без ущерба для окружающей среды представляются практически исчерпанными¹.

В сфере производства промышленного сырья Индокитай и страны Нусантары, начиная со второй половины XIX в., под прямым и косвенным воздействием стран Европы, Северной Америки и Японии, где разворачивалась индустриализация, требовавшая всё возрастающего количества недостающих или вовсе отсутствующих у них видов сырья, постепенно превратились в одного из крупнейших его поставщиков на мировой рынок. Хотя недра Индокитая содержат богатые запасы ценных минерально-сырьевых ресурсов, прежде всего олова, вольфрама, бокситов, нефти, угля и др., практически все основные запасы полезных ископаемых располагаются в островной части региона и превосходят Индокитай и по разнообразию, и по объему.

Совокупные запасы энергетического сырья, содержащиеся в недрах стран Индокитая, насчитывают почти 7 млрд т условного топлива, из которых около 4 млрд т, или 56,8 %, приходится на каменный уголь, практически 2 млрд т (28,1 %) — на природный газ и 1,1 млрд т (15,1 %) — на сырую нефть. Такие ресурсы при нынешнем уровне развития этих стран и объемах потребления ими минерального энергетического сырья представляются вполне удовлетворительными и даже позволяют осуществлять его экспорт. Однако в сравнении с государствами Нусантары эти запасы выглядят достаточно скромными и составляют только 17,7 % от энергетических ресурсов всего региона ЮВА, в том числе по запасам каменного угля — 13,6 %, натурального газа — 25,4 % и сырой нефти — 39,1 %. Понятно, что по мере продвижения в своем экономическом развитии страны Индокитая рано или поздно будут испытывать все более острую нехватку минеральных энергоносителей и все чаще обращаться к их импорту, поискам альтернативных источников или более глубокой разведке собственных недр.

Достаточно велики в Индокитае и гидроэнергетические ресурсы. По некоторым оценкам, их технические запасы в пересчете на услов-

¹ Ibid. P. 84—92.

ное топливо достигают 46,1 млрд т в год. Однако и здесь ресурсы Нусантары, несмотря на отсутствие крупных речных систем, благодаря многочисленным горным рекам, пусть и не столь значительно, как по запасам минерального топлива, заметно превосходят гидроэнергетический потенциал своих соседей по региону (55,8 млрд т). К тому же перспективы использования этих ресурсов в странах Индокитая остаются, по меньшей мере, весьма неопределенными¹. И дело здесь не столько в дороговизне и технической сложности сооружения гидроэлектростанций, сколько в их потенциально отрицательном воздействии на легко ранимую экологическую систему местного земледелия.

Заметные различия между двумя субрегионами ЮВА наблюдаются в сфере трудовых ресурсов и прежде всего в их структуре и особенностях в экспортных отраслях, сформированных под воздействием внешних факторов. Можно констатировать, что развитие экспортно ориентированного рисового земледелия в странах Индокитая базировалось почти целиком на труде мелких и средних крестьянских хозяйств и было таким образом вполне обеспечено рабочей силой. В то же время становление плантационного производства и добывающей индустрии в крупных масштабах испытывало нехватку работников из-за нежелания мелких производителей риса оставлять свою деятельность и нуждалось в привлечении рабочей силы из-за рубежа. В конкретных условиях стран региона того периода такой рабочей силой могли стать только мигранты из Южной и в особенности из Восточной Азии, в основном выходцы из Китая.

История китайской миграции в ЮВА насчитывает несколько столетий. Но только с конца XIX в. она приобрела массовый характер. Основным ее направлением стали страны Нусантары и Южный Таиланд. К началу XXI в. численность этнических китайцев достигла в ЮВА 24,3 млн человек, из которых на государства Индокитая пришлось всего 8,1 млн человек, или 32,3 % их общей численности, тогда как на страны Нусантары — 16,2 млн (66,7 %), т. е. практически две трети от числа всех этнических китайцев в регионе. При этом примерно 6,5 млн, или 80,0 %, этнических китайцев, проживающих в Индокитае, оказались сосредоточены в одной стране — Таиланде. На остальные четыре страны субрегиона пришлось только 1,6 млн человек (20,0 %). Всего доля этнических китайцев среди населения стран полуостровной части региона ЮВА составила в среднем менее 4,0 %

¹ EES EAEC. Мировая энергетика: Энергетическая статистика. URL: <https://www.eesaec.org/energeticeskaa-statistika>

(от 1,3 % во Вьетнаме до 10,7 % в Таиланде), тогда как в его островной части заметно больше — 24,1 % (от 1,3 % на Филиппинах до почти 77,0 % в Сингапуре) [Wang Shufang 2017].

Влияние китайской миграции на развитие государств Нусантары невозможно переоценить. Они своим трудом (в плантационном секторе вместе с выходцами из Индии) и заработанными там денежными средствами (в особенности на ранних этапах) буквально подняли не только целые новые быстро развивавшиеся экспортные отрасли хозяйства в этих странах (в особенности в Малайе), но и способствовали развитию торгово-предпринимательского и финансового секторов в их экономике, а также международных связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Заняв важные, даже ведущие позиции в хозяйстве стран Нусантары, они расширили свое влияние, распространив его на новые современные отрасли экономики. В страны ЮВА и прежде всего в его островную часть китайцы привнесли не только трудовые навыки и новые для этих стран орудия труда, но и деловую хватку, склонность к накоплению капитала для последующего его инвестирования, консолидирующие принципы ведения хозяйства и др. По своему месту и роли в экономической жизни отдельных стран Индокитая этнические китайцы занимают сопоставимые со странами Нусантары позиции только в одном Таиланде.

Тенденции экономического развития субрегиона

В условиях становления и развития экспортно ориентированного, хотя и различающегося по номенклатуре и организации, производства сырьевых товаров в обеих частях региона ЮВА местоположение стран Нусантары вблизи оживленных морских путей сообщения способствовало возникновению там погрузочно-перегрузочных портов, а затем и региональной товарно-сырьевой биржи и финансового центра по обеспечению хозяйственных операций в регионе, разместившихся в Сингапуре. Постепенно во всех странах ЮВА стали возникать промышленные предприятия по первичной, а позднее и более глубокой переработке промышленного и сельскохозяйственного сырья для экспорта. Естественно, что большинство этих предприятий возникали на территориях, наиболее удобно расположенных по отношению к путям транспортировки экспортной продукции, т. е. в странах Нусантары. Всё это способствовало относительно быстрому росту их общественного производства и углублению экономической дифференциации со странами Индокитая. По данным некоторых расче-

тов, к 1950 г. средний показатель производства ВВП на душу населения в странах Индокитая достигал 600 условных международных долларов (от 396 в Мьянме до 817 в Таиланде), тогда как в странах Нусантары (без учета Брунея) он составлял 1422 долларов (от 840 в Индонезии до 2219 в Сингапуре) [Maddison 2001: 215].

В последующие годы, после достижения всеми странами региона ЮВА политической независимости, основным направлением их экономического развития стала индустриализация в сочетании с курсом на ослабление зависимости от производства и экспорта сырья. Результатом этого, прежде всего, стало резкое расширение позиций обрабатывающих отраслей. Особенно быстро этот процесс идет в странах Индокитая, долгие годы заметно отстававших по масштабам развития индустриального производства от островных государств. Так, вклад вновь созданной в обрабатывающей промышленности добавленной стоимости в ВВП этих стран за период с 1970 по 2021 г. увеличился в среднем на 10,2 п. п. и достиг 24,8 % их ВВП (от 19,4 % в Камбодже до 28,3 % в Лаосе), тогда как в государствах Нусантары из-за ускоренной сервисизации экономики — только на 2,6 п. п. и в результате оказался меньше, чем в Индокитае, составив 20,2 %. Что касается сферы услуг в субрегионе, то несмотря на ее прогресс в таких странах, как Лаос, Таиланд и Вьетнам, она развивается медленнее, чем в островной части ЮВА. Если в государствах Нусантары доля сферы услуг в общественном производстве увеличилась за период с 1970 по 2021 г. в среднем на 14,5 п. п. и достигла 72,6 % их ВВП, то в Индокитае — всего на 6,6 п. п., составив в среднем 45,1 % ВВП (от 36,1 % в Камбодже до 56,7 % в Таиланде).

На фоне динамичного развития обрабатывающих отраслей промышленности и пусть пока и замедленного расширения позиций сферы услуг в странах Индокитая в последние десятилетия, как и в островной части ЮВА, идет активный процесс деаграризации и ослабления позиций аграрного сектора в общественном производстве. Однако, по сравнению с островной частью ЮВА, в субрегионе Индокитая этот процесс развивается более медленными темпами. Так, вклад аграрного сектора в ВВП в странах Индокитая в среднем составил в 2021 г. 14,1 % (от 8,6 % в Таиланде до 25,3 % в Мьянме), тогда как в государствах Нусантары — 7,0 % (от 0,02 % в Сингапуре и 1,2 % в Брунее до 10,1 % на Филиппинах)¹.

¹ UNCTAD. UNCTADSTAT. URL: http://www.unctadstat.unctad.org/wds/Folder/reportFolders.aspx?cCS_ChosenLang=en

Еще медленнее и противоречивее процесс деаграризации происходит в полуостровной части ЮВА в сфере сельской занятости. В аграрном секторе Индокитая в 2020 г. оказалось сконцентрировано в среднем 40,8 % всех занятых в общественном производстве (от 29,0 % во Вьетнаме до 58,1 % в Лаосе), тогда как в государствах Нусантары — 17,8 % (от 0,3 % в Сингапуре и 1,3 % в Брунее до 29,0 % в Индонезии)¹. Такая структура занятости практически во всех странах Индокитая, независимо от уровня хозяйственного развития, способна оказать серьезное воздействие не только на их экономическую, но также социальную и политическую жизнь. Диспропорция между масштабами производства и занятости в аграрном секторе в пользу последней в этих странах в условиях дороговизны современного индустриального и сервисного строительства способна стать источником хозяйственных и социально-политических проблем и конфликтов.

Вместе с развитием индустриальных и других современных отраслей экономики в субрегионе Индокитая происходит рост городского населения. Однако вследствие отмеченной относительно медленной деаграризации занятости увеличение численности его городского населения идет намного медленнее, чем в странах Нусантары, где в 2021 г. в городах проживало в среднем 72,3 % всего населения (от 47,7 % до 78,6 % в Брунее и 100,0 % в Сингапуре), в то время как на территории стран Индокитая — 36,5 % (от 24,7 % в Камбодже до 52,2 % в Таиланде)². Таким образом, полуостровная часть ЮВА по преобладающему типу расселения до сих пор остается по преимуществу сельской.

Внешнеэкономическое влияние на страны Индокитая

Интенсивный рост промышленности и других современных отраслей хозяйства в странах Индокитая не изменили экспортно ориентированную природу их развития. Возникновение в этих странах новых отраслей часто происходит за счет производств, продукция которых предназначена на экспорт. Создание этих отраслей и их функционирование, в свою очередь, зависит от поставок из-за рубежа необходимых для них техники, полуфабрикатов и сырья. Особенно

¹ FAO. Statistical Yearbook: Food and Agriculture 2022. Rome, 2022. P. 114—118

² UNCTAD. UNCTADSTAT. URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/Folder/reportFolders.aspx?cCS_ChosenLang=en.

усилились торгово-экономические связи стран Индокитая по мере включения их в международные производственно-сбытовые цепочки добавленной стоимости. По данным Всемирного банка за 2020 г., средняя доля производства в рамках этих цепочек с 1995 по 2020 г. возросла с 10,5 до 20,3 % (с 5,4 до 8,5 % в Мьянме, с 9,4 до 15,8 % в Лаосе, с 14,1 до 19,9 % в Таиланде, с 11,5 до 23,1 % в Камбодже, с 12,2 до 34,1 % во Вьетнаме)¹. В результате экспортно-импортные операции в этих странах по объему не только заметно увеличились, но и стали играть все более важную и возрастающую роль в их хозяйстве. Если в 1970 г. доля экспорта в ВВП в странах Индокитая в среднем составляла всего 10,2 % (от 2,3 % в Камбодже до 25,9 % во Вьетнаме), то в 2021 г. она достигла 53,9 % (от 26,3 % в Мьянме до 93,3 % в том же Вьетнаме). В свою очередь, вклад импортных операций в ВВП стран этого субрегиона в среднем составлял 18,6 % в 1970 г. (от 10,3 % в Лаосе до 36,7 % во Вьетнаме), тогда как в 2021 г. он достиг 59,1 % (от 21,7 % в Мьянме до 93,2 % во Вьетнаме). Благодаря этому по уровню включенности в мировую торговлю Индокитай приблизился к островному субрегиону, хотя дистанция по этому показателю между ними все еще продолжает сохраняться, в особенности в экспортной торговле. Так, в 1970 г. средняя доля экспорта в ВВП стран Индокитая отставала от соответствующего показателя для государств Нусантары на 46,7 п. п., тогда как в 2021 г. это отставание сократилось до 34,6 п. п., а отставание по вкладу импортной торговли в ВВП сократилось за указанное время с 28,6 до 8,7 п. п.²

Формированию экспортно ориентированного производства в субрегионе Индокитая, также как в странах Нусантары, способствует и иностранный капитал, который финансирует создание и развитие там соответствующих отраслей экономики. Иностранные компании, размещая свой капитал в обоих субрегионах ЮВА, в известной мере, хотя и ставят хозяйство этих стран под свой контроль, объективно стимулируют развитие их экономик. Из всех накопленных на конец 2021 г. в ЮВА прямых иностранных инвестиций (общий объем — 2737 млрд долл. США) в страны Индокитая было направлено всего 579 млрд, или 21,2 %. В то же время значительная часть иностранных инвестиций, размещенных в субрегионе Нусантары, сконцентриро-

¹ World Bank. World Integrated Solution (WITS). URL: <https://www.wits.worldbank.org>

² UNCTAD. UNCTADSTAT. URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/Folde/rs/reportFold-ers.aspx?cCS_ChosenLang=en

вана в одной стране — Сингапуре (79,3 %). На все другие страны этого субрегиона приходится 567 млрд долл. США, т. е. практически столько же (даже немного меньше), сколько на страны Индокитая¹. Такое значительное предпочтение, оказываемое иностранным капиталом Сингапuru, связано с его особой ролью в хозяйстве ЮВА и всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако и среди стран Индокитая прямые иностранные инвестиции распределяются крайне неравномерно: 51,1 % приходится на Таиланд и 33,2 % — на Вьетнам, что связано как с масштабами экономик этих стран, так и более предпочтительным инвестиционным климатом, по сравнению с другими странами субрегиона. Тем не менее иностранный капитал, независимо от его величины, играет во всех этих странах исключительно важную, ничуть не меньшую, а иногда и большую роль в их экономическом развитии, чем в странах, являющихся его основными реципиентами. Достаточно сказать, что только в 2021 г. вклад прямых иностранных инвестиций в финансирование основного капитала составил в Лаосе 7,4 %, в Таиланде — 11,3 %, в Мьянме — 12,9 %, во Вьетнаме — 14,6 %, а в Камбодже — даже 51,2 %, т. е. в последнем случае свыше половины всего инвестирования в основные фонды в этой стране. Эти показатели вполне сопоставимы с индикаторами, характеризующими большинство стран Нусантары и составившими в Брунее — 4,7 %, Индонезии — 5,6 %, на Филиппинах — 12,0 % и в Малайзии — 15,8 %. И только в Сингапуре прямые иностранные инвестиции достигают величины, даже превышающей объем финансирования там основного капитала (141,5 %)².

Еще более скромные позиции в регионе ЮВА Индокитая занимает в сфере экспорта национального капитала в зарубежные страны. На его долю, по данным на 2021 г., приходится только 189 млрд долл., или 9,7 % прямых инвестиций, размещенных странами этого региона за рубежом. При этом почти все они (93,0 %) принадлежат одной стране — Таиланду. Хотя в островной части ЮВА большая часть экспорта капитала также приходится на одну страну — Сингапур, масштабы его концентрации меньше: на долю Сингапура в том же 2021 г. приходилось 83,3 % прямых инвестиций, размещенных странами Нусантары за рубежом. Относительно более равномерно, чем в Индоки-

¹ IMF. Direction of Trade Statistics (DOTS). URL: <https://www.data.imf.org/?sK=9d6028d4-f14a-464c-a212-59b2cd424b85>

² Ibid.

тае, распределялись и зарубежные капиталовложения из других стран островной части ЮВА¹.

Экономическая политика государств, направленная, с одной стороны, на расширение производства и модернизацию их отраслевой структуры, и активизация деятельности иностранного предпринимательского капитала, заинтересованного в освоении трудовых и природных ресурсов в странах Индокитая — с другой, стимулировали, хотя и с разными результатами, процесс структурной перестройки их хозяйства и связанного с этим ускорения темпов экономического развития. В результате средний для стран Индокитая ВВП на душу населения в постоянных ценах 2015 г. увеличился за период с 1970 по 2022 г. более чем в 6,3 раза, тогда как в государствах Нусантары всего в 2,8 раза. К 2022 г. он достиг в субрегионе Индокитая в текущем исчислении 3190 долл. США (от 1041 долл. в Мьянме до 6958 долл. в Таиланде). Однако его абсолютный рост в странах Нусантары оказался еще более значительным, составив к указанной дате 26 071 долл. (от 3500 долл. на Филиппинах до 73 170 в Сингапуре)². Таким образом, абсолютный разрыв между общим экономическим потенциалом двух субрегионов ЮВА, измеряемый в ВВП на душу населения, изменился еще больше в пользу его островной части.

Соответственно в странах Индокитая, несмотря на рост качества жизни, его уровень остается относительно более низким, чем в государствах Нусантары. Так, согласно рейтингу индекса человеческого развития, страны Индокитая располагаются между 66-й (Таиланд) и 149-й позициями (Мьянма), тогда как государства Нусантары находятся в интервале с 12-й (Сингапур) до 116-й позиции (Филиппины)³. По мнению автора, причина отмеченного относительного отставания стран Индокитая от государств Нусантары заключается не только в более низком исходном уровне экономики большинства стран Индокитая, но и в известном эффекте роста развивающихся стран: менее развитые экономически страны, за крайне редкими исключениями, несмотря на более высокие темпы роста, по абсолютным масштабам их производства на душу населения, все больше и больше отстают от наиболее развитых и богатых стран.

¹ UNCTAD. World Investment Report 2022. Washington, 2022. P. 202.

² UNCTAD. UNCTADSTAT. URL: https://www.unctadstat.unctad.org/wds/Folders/reportFold-ers.aspx?cCS_ChosenLang=en.

³ UN Development Programme. The 2021/2022 Human Development Report. New York, 2022. P. 277—280.

Субрегиональное хозяйственное сотрудничество

Одной из важнейших составляющих экономической жизни любого региона (субрегиона) является внутрорегиональное (субрегиональное) хозяйственное сотрудничество. Основным видом этого сотрудничества традиционно являются взаимные внешнеторговые связи стран, образующих этот регион (субрегион). Совокупный объем взаимного экспорта товаров и услуг стран Индокитая достиг в 2022 г. 56,5 млрд долл. США, что составило 7,5 % всей их совместной экспортной торговли и заметно превысило соответствующий показатель для государств Нусантары (5,1 %). Однако доля внутрисубрегионального экспорта отдельных стран Индокитая в их общей экспортной торговле отличается большим разбросом — от 2,3 % в Камбодже до 51,7 % в Лаосе, в среднем составляя 16,4 %. В свою очередь объем внутрисубрегионального импорта стран Индокитая в 2022 г. достиг 52,3 млрд долл., или 5,9 % их валового импорта (а в субрегионе Нусантары — 5,1 %). Внутрисубрегиональная импортная торговля стран Индокитая, как и экспортная, отличается значительным разбросом показателей ее вклада в национальный импорт и находится в интервале от 4,3 % во Вьетнаме до 53,6 % в Лаосе, при среднем значении в 24,6 %¹.

Еще одной характерной чертой внутрисубрегиональной торговли Индокитая, как, впрочем, и торговли Нусантары, является ее исключительно высокая территориальная концентрация. По данным 2022 г., 43,0 % ее общего товарооборота приходится на одну страну — Таиланд. Последний обеспечивает 44,2 % внутрисубрегионального экспорта и 69,1 % импорта Вьетнама, 45,9 и 51,9 % — Камбоджи, 73,7 и 88,2 % — Лаоса, 96,3 и 84,0 % — Мьянмы. Можно сказать, что Таиланд является своего рода неформальным торгово-экономическим центром всего субрегиона Индокитая, также как Сингапур — субрегиона Нусантары и всей Юго-Восточной Азии. Высокий уровень взаимной торговли стран Индокитая подтверждается и индексом интенсивности региональной торговли, составившим в 2022 г. 1,9 (при 1,0 — пороговом показателе для оценки степени интенсивности региональной торговли)².

Другим важнейшим направлением внутрисубрегионального сотрудничества стран Индокитая, характерного для современного этапа

¹ IMF. Direction of Trade Statistics (DOTS). URL: <https://www.data.imf.org/?sK=9d6028d4-f14a-464c-a212-59b2cd424b85>

² Ibid.

развития и всего мирового хозяйства, является взаимодействие в рамках производственно-сбытовых цепочек добавленной стоимости. Всего, по данным 2020 г., вклад операций, связанных с перемещением товаров, созданных в рамках этих цепочек, во всей внешней торговле составил в странах Индокитая в среднем 44,0 %, что было лишь немногим меньше, чем в государствах Нусантары (44,6 %), в том числе, в Мьянме — 29,5 %, в Лаосе — 35,0 %, в Таиланде — 50,3 %, в Камбодже — 43,2 % и во Вьетнаме — 61,9 %. Из них на долю внутрисубрегиональной торговли пришлось во Вьетнаме 4,9 %, в Камбодже — 9,3 %, в Таиланде — 12,5 %, в Мьянме — 27,0 % и в Лаосе свыше половины (57,2 %), что составило в среднем для всех стран Индокитая 22,2 % и заметно превысило соответствующий показатель, характеризующий внутрисубрегиональную торговлю товарами с добавленной стоимостью в странах Нусантары (14,0 %)¹. Приведенные факты позволяют сделать вывод о высокой степени включенности отдельных стран Индокитая в субрегиональное сотрудничество в рамках производственно-сбытовых цепочек. Последнее обстоятельство свидетельствует об относительно активном использовании этими странами преимуществ разделения труда на уровне субрегиона и одновременно об опасности замыкания некоторых из них на своих ближайших соседях и сужении возможностей более плодотворных связей с более развитыми странами за пределами субрегиона.

Что касается сотрудничества стран Индокитая в сфере перемещения прямых частных инвестиций, то их масштабы остаются крайне незначительными. Это обусловлено относительной молодостью и неразвитостью местного частного предпринимательского и особенно финансового капитала почти во всех странах, за исключением, может быть, одного Таиланда и отчасти Вьетнама. К сожалению, дать полноценный подробный анализ движения частного капитала между странами Индокитая не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих сопоставимых статистических данных. Однако и имеющиеся факты могут дать представление о сложившейся в этой сфере экономики Индокитая ситуации. Так, об общем инвестиционном потенциале капитала стран Индокитая говорит тот факт, что сумма прямых частных инвестиций, направленных из этих стран во все страны ЮВА, достигла к концу 2022 г. всего 17,5 % внутрорегиональных инвестиций этих стран, что составило 4858 млн долл. При

¹ World Bank. World Integrated Solution (WITS). URL: <https://www.wits.worldbank.org>

этом подавляющая часть этих инвестиций была представлена только одной страной — Таиландом (91,6 %, или 4452 млн долл.) и лишь частично Вьетнамом (7,2 %, или 348 млн долл.). Однако для наименее экономически развитых стран Индокитая субрегиональный капитал является заметным источником иностранного инвестирования. Так, в Мьянме на долю прямых частных инвестиций из стран Индокитая (в основном из Таиланда и из Вьетнама) к концу 2022 г. пришлось 18,4 % всех иностранных капиталовложений, размещенных в этой стране. В Камбодже субрегиональные прямые частные инвестиции также почти целиком имеют таиландское и вьетнамское происхождение и составили в 2022 г. 10,0 % всего их объема. В то же время в наиболее экономически развитой стране региона — Таиланде — вклад субрегиональных прямых частных инвестиций не достиг и 1,0 % всех инвестиций, полученных этой страной из-за рубежа в 2022 г.¹. Таким образом, можно заключить, что эти инвестиции в настоящее время являются критически важными для недостаточно развитых стран Индокитая и одновременно не играют сколько-нибудь существенной роли для их более экономически развитых соседей.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что страны Индокитая характеризуются многими сходными, сближающими их с государствами Нусантары чертами — природно-географическими, историческими и экономическими. Хозяйство как тех, так и других остается по-прежнему экспортно ориентированным и находится, несмотря на подчас весьма заметные различия по уровню экономического развития, в сильной зависимости от внешних факторов, как и прежде во многом определяющих вектор и особенности их общественного развития. Вместе с тем конкретные подходы к реализации сходных естественных и общественных условий социально-экономического и политического развития стран полуостровной и островной частей Юго-Восточной Азии развели траектории развития этих двух субрегионов — где в меньшей, а где и в большей степени. В результате есть все основания рассматривать Индокитай (равно как и Нусантару) в качестве не только географического, но и исторического и экономического субрегиона более обширного региона ЮВА, обладающего собственными центром (Таиланд и отчасти Вьетнам) и соответственно периферией (все прочие страны субрегиона).

¹ ASEANStats Data Portal. URL: // <https://www.data.aseanstats.org/fdi-by-source-s-andsectors>

Глава 2

СОПЕРНИЧЕСТВО СВЕРХДЕРЖАВ В СУБРЕГИОНЕ МЕКОНГА И ЗАДАЧИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹

Субрегион Меконга, расположенный в Юго-Восточной Азии, включает в себя пять стран: Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Мьянму и Таиланд. В политическом плане этот субрегион имеет огромное значение для геополитики, экономики и безопасности Юго-Восточной Азии. Он служит важнейшим узлом, соединяющим южные регионы Китая и простирающимся в сторону восточной части Индии. Его географическое положение между двумя крупными державами и между Индийским и Тихим океанами создает ему как возможности, так и проблемы в разработке политики, отвечающей постоянно меняющейся динамике отношений между странами. Мы намеренно называем эту территорию «субрегионом Меконга», в отличие от других работ, использующих термин «бассейн реки Меконг», чтобы подчеркнуть политическую значимость противоборства между крупными державами, спорящими за право влияния в данном субрегионе, и детально проанализировать сложившуюся ситуацию [Charoensri 2023].

Если рассматривать Юго-Восточную Азию в целом, то среди стран этого региона можно выделить две различные политические идентичности. Первая идентичность — это «физическое пространство», относящееся к географической области, расположенной между Индией и Китаем, исторически известное как Индокитай. Вторую идентичность отражает межправительственная организация, известная как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), созданная в 1967 г. Таким образом, политически этот регион представляет собой пересечение между физическим и политическим простран-

¹ Идеи, представленные в данной главе, вошли в учебник, который разработан автором для модуля «Исследования субрегиона Большого Меконга» в Университете Чиангмай (Таиланд) при плодотворном сотрудничестве с Центром изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН.

ствами. Кроме того, географически Юго-Восточную Азию можно разделить на два особых субрегиона: материковую Юго-Восточную Азию и ее морскую (островную) часть. Эти два субрегиона существенно различаются не только в географическом, но и в политическом аспекте. В материковой части ЮВА протяженная суша создает уникальные условия, влияющие на политическое развитие, безопасность и экономику, а также на военно-стратегические планы, отличные от таковых у островных государств региона. Различные политические структуры, существующие в рамках межправительственных контактов в обоих субрегионах, ставят перед собой разные цели и используют разные инструменты для развития.

Юго-Восточная Азия сама по себе имеет де-факто статус региона, в котором возникают те или иные системы связей, взаимодействий и противоречий. Одновременно она является регионом, в котором де-юре функционируют межправительственные организации. Внутри этого большого региона фактически существуют два субрегиона: субрегион Меконга и морской субрегион. Однако они не имеют отдельного статуса де-юре, в отличие от их объединения на общерегиональном уровне. Причина в том, что в этих субрегионах нет признанных рамок сотрудничества или межправительственных организаций, которые отражали бы их самобытность или обладали бы полномочиями, позволяющими однозначно представлять субрегион, как это делает АСЕАН в отношении всей Юго-Восточной Азии.

Субрегион Меконга, несмотря на то что он состоит из пяти небольших и средних стран, имеет большое политическое значение, оказывая влияние на международную стабильность и экономику. Такие крупные державы, как США, Китай, Япония, Россия, Европейский союз и Австралия, со времен окончания Второй мировой войны пытаются включиться в дела субрегиона через различные структуры, механизмы и межрегиональные отношения [Berkofsky, Miracola 2019]. Эти действия, как на межрегиональном, так и многостороннем уровнях, отражают цели крупных держав, воспринимающих субрегион как политически, экономически и стратегически значимый. Поэтому можно утверждать, что субрегион Меконга имеет важное значение для межгосударственных экономических и политических связей.

Более того, субрегион Меконга не только подвержен влиянию со стороны межгосударственных структур, но и рассматривается исключительно как пассивный реципиент их воздействия, что, возможно, слишком упрощает суть и динамику отношений участников процесса. Этот субрегион активно влияет на межгосударственные организации,

поскольку механизмы сотрудничества внутри субрегиона играют заметную роль в формировании повестки переговоров, решении конфликтов и координации действий между азиатскими странами. Таким образом, изменения в межгосударственной политике являются результатом взаимодействия внутри субрегиона и внешнеполитических процессов между странами.

Многостороннее влияние конкуренции между крупными державами на субрегион Меконга очевидно. Даже политическая терминология, связанная с этим субрегионом, оставляет спорные вопросы, не приводя к консенсусу. Политическое значение, придаваемое терминологии, отражает конкурентную природу субрегиона и борьбу за влияние в межстрановых отношениях.

Мы наблюдаем феномен, при котором крупные державы создают напряженность в отношениях между странами субрегиона, если рассматривать его как отражение проблем, с которыми сталкивается субрегион в целом. Различные системы сотрудничества преследуют разные цели: одни сосредоточены на экономическом сотрудничестве, другие — на экологических вопросах или на сотрудничестве в области человеческих ресурсов. Отличия между этими системами отражают стратегии, используемые ведущими державами для взаимодействия с субрегионом, и демонстрируют, какие вопросы позволяют державам играть ведущую роль. Однако механизмы сотрудничества работают не только на благо субрегиона, напротив: различные напряженные ситуации возникают в результате межгосударственной политики и влияют на нее.

В контексте межгосударственных отношений возникает вопрос о том, как трактовать происхождение, функционирование и оценку различных напряженностей. Этот вопрос не ограничивается рамками сотрудничества только в субрегионе Меконга; скорее, он стимулирует начало исследований по международному сотрудничеству, росту напряженности или активности межправительственных организаций в целом. Институциональные исследования направлены на выявление эффективности или механизмов дополнения, развития или устранения ограничений, трудностей или проблем, с которыми приходится сталкиваться. Однако в рамках институциональных исследований могут возникать нормативные проблемы, связанные с международным сотрудничеством, направленным на развитие отношений между странами. Если перейти от институционального к нормативному аспекту, то на первый план выйдут вопросы, касающиеся различных механизмов сотрудничества или инициатив, которые могут помочь укрепить

устойчивое развитие, равное развитие или справедливость в международном развитии.

Среди существующих региональных инициатив, поддержанных крупными державами, выделяются следующие:

1992 — Экономическое сотрудничество в субрегионе Большого Меконга (СБМ);

2000 — Сотрудничество Меконг — Ганг (MGC);

2009 — Сотрудничество Япония — Меконг (JMC);

2009 — Инициатива Нижнего Меконга (LMI), с 2020 г. «Партнерство Меконг — США» (MUSP);

2010 — Сотрудничество Меконг — Республика Корея (MROKC);

2014 — Сотрудничество Меконг — Ланьцан (LMC);

2020 — Партнерство Меконг — Австралия (MAP).

Однако Комиссия по реке Меконг (MRC) и Стратегия экономического сотрудничества Иравади — Чаупхрая — Меконг (АСМЕКС), учрежденные в 2003 г., не попадали в представленный выше перечень, поскольку они возникли не при поддержке крупных держав. Особого внимания заслуживает АСМЕКС, которая представляет собой уникальное начинание, призванное стать субрегиональной структурой, свободной от влияния крупных держав. Примечательно отсутствие России во всех существующих субрегиональных инициативах. Потенциал Москвы заключается в стратегическом участии в совместных инициативах, соответствующих ее экономическим интересам и опыту.

СБМ: экономическая и политическая динамика

Для понимания механизма, обеспечивающего безопасность в регионе, начнем с анализа ситуации, которая имеет существенные последствия для большой государственной политики. Для удобства разделим наш анализ на два уровня — межгосударственный и региональный. Важным и продолжительным процессом изменений является переход от биполярной структуры геополитики к многополярной международной системе. Эти изменения влекут за собой многочисленные политические последствия, поскольку основные мировые игроки, такие как США, Китай, Япония, Россия, Южная Корея и Европейский союз, пытаются повысить свою роль в международной политике [Euler 2022]. К таким последствиям ведут интенсивные попытки великих держав влиять на международную политику путем создания новых правил, механизмов, международных институтов или

различных форм сотрудничества. Мы стали свидетелями того, как великие державы пытаются создать механизмы, способствующие достижению объективности, законности путем разработки новых правил, механизмов или институтов, требующих выбора одной из противостоящих сторон.

Принимая во внимание действующие правила, которые в настоящее время регулируют международные отношения, следует отметить, что они имеют важное значение для установления условий, влияющих на формирование взаимоотношений различных участников международной политики. Межгосударственное регулирование зависит от нескольких факторов, одним из которых является структура организаций, отстаивающих свою ведущую роль в отношениях между государствами. Ключевой характеристикой современного глобального политического ландшафта является многополярность, при которой многочисленные центры силы борются за влияние. В таком сценарии определение того, кто играет наиболее важную роль для конкретного государства, становится сложной задачей, поскольку нет единого доминирующего актора или четкого разделения на две противоборствующие стороны, как было во время Второй мировой войны. Однако многополярность имеет и свои преимущества, поскольку конкуренция между государствами способствует взаимодействию, которое может привести к конструктивным изменениям. В частности, в современной глобальной политической обстановке конкуренция между великими державами в том или ином регионе часто приводит к помощи или вмешательству, которые могут восприниматься как предвзятые, но служат политическим инструментом для руководства, влияния или создания сфер влияния.

Регулирование межгосударственного взаимодействия также испытывает влияние глобальной стратегии, поскольку при наличии нескольких центров силы каждый пытается выработать собственную глобальную стратегию во внешней политике, цели и средства которой отвечали бы национальным интересам. Эти стратегии влияют на правила межгосударственного взаимодействия, представляя собой политику и действия государств, направленные на изменение структуры международных отношений. Инструменты, используемые для достижения целей глобальной стратегии, разнообразны и многомерны, поскольку требуют координации действий между правительствами, различными группами интересов и международными организациями.

Две важные глобальные стратегии, которые непосредственно связаны с межгосударственным регулированием в азиатском регионе, —

это стратегия Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP) и китайская инициатива «Пояса и пути» (BRI). Стратегия FOIP, предложенная бывшим премьер-министром Японии Синдзо Абэ, получила поддержку крупных держав, таких как США, Индия, Австралия, и некоторых других стран, а также международных организаций, которые приняли положения этой стратегии [Nosoya 2019]. С другой стороны, китайская инициатива «Пояса и пути» нацелена на установление отношений КНР с различными странами по всему миру, чтобы способствовать развитию взаимосвязанных производственных систем между ними. Эта инициатива привлекла внимание к роли Китая в распространении «концепции Шелкового пути», которая проповедует общее культурное наследие, объединяющее страны мира. Продвижение межгосударственных ценностей как части глобального культурного наследия призвано обеспечить взаимодействие между экономикой, историей, журналистикой и международной политикой [Oehler-Sincai 2019].

Соперничество сверхдержав

Такие крупные державы, как Япония, Китай и США, принимают активное участие в поддержке различных аспектов развития субрегиона Меконга, преследуя не только политические и экономические цели, но и интересы в сфере безопасности. Они используют разнообразные инструменты — экономические, политические и культурные, чтобы оказать поддержку или укрепить отношения со странами Индокитая через совместные механизмы и инициативы. В случае Таиланда важно уметь выстраивать отношения в соответствии со своими национальными интересами, поддерживая внешний нейтралитет, хотя на практике Бангкок может временно или по отдельным вопросам присоединяться к одной из сторон. Необходимость сохранения нейтралитета велика и вызвана тем, что для Таиланда, как малой страны, не имеющей значительного влияния на мировой арене, стремление выжить и достичь максимальной выгоды в условиях конкуренции с другими государствами представляется наиболее разумным курсом действий, чтобы не вступать в противоборство и оставаться в мире с другими странами.

Вопрос международных отношений с великими державами в субрегионе Меконга сводится к теме взаимодействия этих держав с различными странами в ряде совместных проектов, в основном касающихся безопасности региона Юго-Восточной Азии в целом.

Проблема Южно-Китайского моря. Усилия Китая по развитию проектов «Пояса и пути» в Камбодже, включая строительство глубоководных портов, развитие аэропортов или размещение военных объектов, вызывают недовольство США и желание уравновесить китайскую мощь. Эти начинания в сфере экономики и безопасности связаны с давней проблемой Южно-Китайского моря, которая остается важным фактором, влияющим на решения в области экономической политики США, Китая и Японии.

Инициатива «Пояса и пути». Мы наблюдаем попытки Китая развивать проекты, связывающие его с различными странами, в том числе особенно в субрегионе Меконга. Это приводит к финансовым, долговым и экологическим проблемам, которые втягивают этот субрегион в глобальную экономическую систему, изменяя его геополитический ландшафт через транспортные и производственные сети. Другие великие державы, например, США или Япония, вынуждены искать пути противодействия этим инициативам для установления своего встречного влияния.

Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP), предложенная Японией, США, Индией, Австралией и Новой Зеландией, представляет собой вызов для стран АСЕАН, которые должны решить, следует ли им тесно сотрудничать или следовать политике великих держав. Сама АСЕАН стремится акцентировать свою центральное положение в духе видения Индо-Тихоокеанской перспективы, где она играет роль основополагающего элемента, а не просто действует в соответствии с инициативами США или Японии. АСЕАН стремится иметь собственную позицию по вопросам выстраивания отношений с партнерами. В этом контексте страны субрегиона Меконга, как члены АСЕАН, разделяют Индо-Тихоокеанскую стратегию АСЕАН. Возможно, стратегии, непосредственно связанные с субрегионом Меконга, все еще находятся в процессе разработки и требуют дальнейшего анализа.

Европейский Союз. ЕС сохраняет значительный потенциал для сотрудничества с субрегионом Меконга. ЕС готов оказать помощь местным сообществам в инициировании и расширении программ развития кадрового потенциала, содействию усилиям по защите окружающей среды и продвижению экологически безопасных методов производства. Используя свое нормативное влияние, ЕС может эффективно содействовать региональному развитию, применяя как экономические, так и социальные механизмы.

Российская Федерация. В контексте экономической и политической динамики субрегиона Меконга очевидно, что соперничество между глобальными державами, такими как США, Китай и Япония, оказывает влияние на этот субрегион. Однако российское присутствие в нем остается весьма ограниченным. Россия до сих пор не предложила никаких региональных инициатив или механизмов, которые могли бы способствовать ее более активному участию, особенно в таких областях, как наука, аэрокосмическая промышленность, производство удобрений, технологии добычи нефти и природного газа, что могло бы значительно усилить ее роль в субрегионе. Было бы желательно, чтобы Москва активнее сотрудничала с региональными университетами, аналитическими центрами и образовательными учреждениями для развития академического партнерства, одновременно используя инициативы народной дипломатии для воспитания благоприятных настроений среди местного населения. По сути, если Россия стремится играть более заметную роль в субрегионе, она должна отдать предпочтение культурному сотрудничеству как средству укрепления взаимопонимания. Такой подход позволит жителям субрегиона Меконга глубже понять Россию, и наоборот. Кроме того, более глубокое внедрение преподавания русского языка и популяризация российских исследований могли бы способствовать расширению экономических перспектив за счёт укрепления торговых и инвестиционных связей с заинтересованными сторонами в России. Для того, чтобы увеличить уровень информированности о России и занять активную позицию, важно, чтобы Москва поддерживала инициативы, направленные на повышение уровня осведомленности о стране, а также активно участвовала в академических и культурных обменах. Особое внимание следует уделить работе с молодым поколением, чтобы завоевать его поддержку и признание.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РАЗЛИЧИЯ СТРАН ИНДОКИТАЯ

На материковой части Юго-Восточной Азии расположены различные по уровню экономического развития государства: Таиланд, опережающий другие страны субрегиона, и динамично растущие экономики — Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма (ВКЛМ), которые стремятся повторить успех новых индустриальных стран АСЕАН. Эти страны имеют много схожих черт и вместе с тем не лишены существенных различий, прежде всего, в экономическом развитии. Исторические обстоятельства сложились так, что страны ВКЛМ пережили гражданские войны и политический хаос, которые привели к разрушению их экономик и серьезному отставанию от уровня развития региона и мира. Таиланд, избежавший в 1960—1970-е годы таких катаклизмов, раньше начал быстрый экономический рост и стал лидером в субрегионе.

Изучение экономических характеристик стран Индокитая и отличий между ними важно не только для понимания траектории развития, но и для оценки их потенциала, выявления стимулирующих и сдерживающих факторов.

Общая характеристика факторов экономического роста

Крупнейшей страной Индокитая является Мьянма, занимая площадь в 676,5 тыс. кв. км. По этому показателю страна находится на 40-м месте в мире. Далее следуют Таиланд — 513 тыс. кв. км (51-е место в мире), Вьетнам — 331 тыс. кв. км (67-е место), Лаос — 236 тыс. кв. км (84-е место), Камбоджа — 181 тыс. кв. км (90-е место)¹. Территории стран Индокитая богаты полезными ископаемыми и лесами.

¹ Largest Countries in the World (by area) / Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/geography/largest-countries-in-the-world/>

По численности населения в субрегионе лидирует Вьетнам: в 2023 г. его население составило 98,8 млн человек (по данным национальной статистики, превысило 100 млн¹). По этому показателю он занимает 16-е место в мире. Второй по численности населения страной субрегиона и 20-й в мире является Таиланд — 71,8 млн человек. Затем следуют Мьянма — 54,5 млн человек (27-е место) и с существенным отрывом Камбоджа (16,9 млн человек, 73-е место) и Лаос (7,6 млн человек, 103-е место) (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности населения

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2022
Вьетнам	66,9	73,7	79,0	83,1	87,4	92,2	96,6	98,2
Камбоджа	8,9	10,9	12,1	13,2	14,4	15,4	16,4	16,8
Лаос	4,3	4,9	5,4	5,8	6,3	6,8	7,3	7,5
Мьянма	40,1	42,8	45,5	47,7	49,4	51,5	53,4	54,2
Таиланд	55,2	59,4	63,1	65,8	68,3	70,3	71,5	71,7

Источник: Countries in the world by population / Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/>

В то же время плотность населения по субрегиону серьезно варьируется. Самой густонаселенной страной является Вьетнам, где на 1 кв. км проживает 311 человек. С серьезным отставанием по данному показателю идут Таиланд — 140 чел./кв. км, далее Камбоджа (94 чел./кв. км) и Мьянма (82 чел./кв. км). Низкая плотность населения наблюдается в Лаосе — 32 чел./кв. км².

Страны Индокитая находятся на этапе демографического перехода, открывающего перед ними окно демографических возможностей: формирование демографического дивиденда способствует социально-экономическому развитию. В структуре населения всех стран Индокитайского полуострова преобладают работоспособные возраста — 15—64 года. Так, в 2022 г. этот показатель составил 69 % в Таиланде и в Мьянме, 68 % — во Вьетнаме, 65 % — в Камбодже и Лаосе³. Средний

¹ Исходя из того, что в 2022 г. оно достигло 99,5 млн человек. URL: <https://www.gso.gov.vn/px-web-2/?pxid=V0202&theme=Dân%20số%20và%20lao%20động>

² Population density / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DNST?locations=VN-LA-TH-KH-MM>

³ Population ages 15—64 (% of total population) / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.1564.TO.ZS?locations=VN-LA-TH-KH-MM>

возраст населения составляет 40,2 в Таиланде, 32,8 во Вьетнаме, 29,6 в Мьянме, 27,1 в Камбодже, 24,4 в Лаосе¹. Однако во Вьетнаме и Таиланде происходит постепенное старение населения, которое при отсутствии каких-либо корректировок может оказать негативное воздействие на экономический рост. В последние годы прослеживается тенденция сокращения численности работоспособного населения, прежде всего, за счет расширения пожилых возрастов. В результате наблюдается тенденция роста коэффициента демографической нагрузки на трудоспособные возраста. В Таиланде этот показатель возрос с 39,6 до 44,4, во Вьетнаме — с 43,8 до 46,0. В Лаосе, Камбодже и Мьянме преобладает обратная тенденция и происходит снижение данного показателя. Так, в 2015—2022 гг. он снизился с 59,4 до 54,1 в Лаосе, с 54,1 до 53,7 — в Камбодже, с 47,4 до 45,9 — в Мьянме (рис. 1).

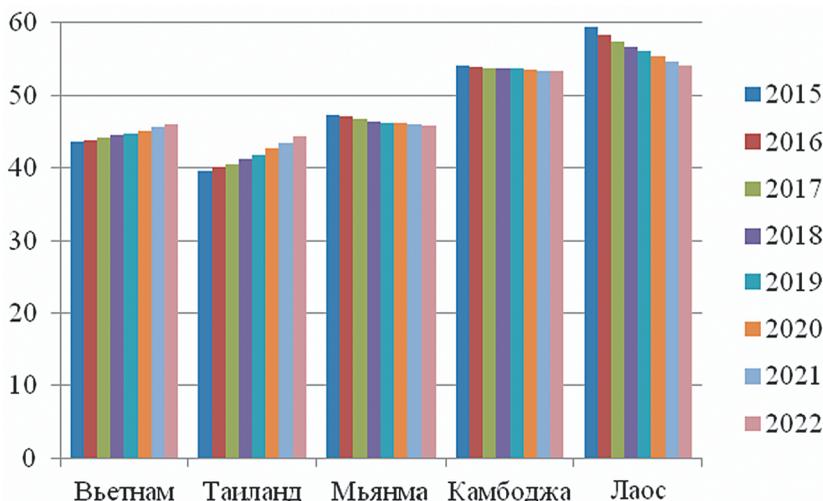

Рис. 1. Динамика коэффициента демографической нагрузки.

Источник: The Global Economy. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Age_dependency_ratio/

В 2022 г. численность рабочей силы во Вьетнаме достигла 55,95 млн человек, Таиланде — 40,23 млн, Мьянме — 24,06 млн, Камбодже — 9,02 млн, Лаосе — 3,07 млн². Отличительной чертой субре-

¹ URL: <https://www.worldometers.info/demographics/cambodia-demographics/>

² Labor force, total / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=VN-LA-TH-KH-MM>

гиона является низкий уровень безработицы — 0,36 % в Камбодже, 1,3 % в Таиланде, 1,8 % в Мьянме, 1,9 % во Вьетнаме, 2,6 % в Лаосе¹.

В странах субрегиона наблюдается небольшой разрыв между женщинами и мужчинами в участии на рынке труда, что говорит о наличии определенного потенциала для дополнительной активизации предложения женской рабочей силы. Уровень участия женщин в рабочей силе составляет 73,7 % в Камбодже, 68,5 % во Вьетнаме, 61,5 % в Лаосе, 59,9 % в Таиланде и лишь 45,6 % в Мьянме². Следует отметить, что в первых четырех странах эти показатели выше среднемировых.

Страны Индокитая характеризуются относительно невысоким качеством человеческого капитала. В Таиланде доля высококвалифицированных работников равна 14 %³. Во Вьетнаме этот показатель составляет лишь 11 %⁴. Данные по остальным странам отсутствуют, однако, принимая во внимание уровень образования, следует предположить, что этот показатель должен быть еще ниже.

Неоднородная картина выявляется по условиям ведения бизнеса на Индокитайском полуострове и эффективности государственных институтов, влияние которых выступает важным фактором экономического роста. По условиям ведения бизнеса наиболее комфортной страной в субрегионе считается Таиланд, занимающий 21-е место в мире. С серьезным отрывом идет Вьетнам — на 70-м месте в мире, Камбоджа — 144-м, Лаос — 154-м, Мьянма — на 165-м месте⁵.

По качеству государственного управления в регионе лидируют Таиланд и Вьетнам, где индекс государственной эффективности имеет хотя и низкие, но положительные значения. Так, в последние годы в Таиланде он колеблется в пределах 0,16—0,26, а во Вьетнаме — 0,18—0,24⁶. В то же время в Камбодже, Лаосе и Мьянме он имеет отрицательные значения, что говорит о ненадлежащем качестве и низкой эффективности государственного управления, проблемах коррупции.

¹ Country profiles / International Labor Organization. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/country-profiles/>

² Labor force participation rate, female / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.NE.ZS?locations=VN-LA-TH-KH-MM>

³ URL: <https://research.eef.or.th/after-covid-19-thai-workers-face-a-lack-of-fundamental-skills-and-difficulties/>

⁴ URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-needs-highly-skilled-labour-force/238996.vnp>

⁵ URL: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings?region=east-asia-and-pacific>

⁶ URL: www.theglobaleconomy.com/Vietnam/wb_government_effectiveness; www.theglobaleconomy.com/Thailand/wb_government_effectiveness

Динамика экономического развития

Индокитай представляет собой зону динамичного развития. На протяжении десятилетий страны субрегиона демонстрировали быстрые темпы роста. Авангардом экономического развития выступает Таиланд, который встал на путь динамичного развития раньше своих соседей, выбрав рыночно ориентированный курс. Его экономический рывок начался еще в 1960-е годы. Страна осуществляла проекты по созданию интегрированного инфраструктурного хозяйства и индустриализации, которые положительно отразились на динамике экономического роста, составлявшего 7,5 % вплоть до финансового кризиса 1997/1998 г. и в среднем 5 % после него¹. Такому росту способствовали расширение экспортного сектора, опережающее увеличение объема внутренних и внешних инвестиций и поступлений от туризма². Международная экономическая ситуация была также благоприятной из-за низких цен на нефть и дешевизны кредитных ресурсов.

Арьергардом развития в регионе является Мьянма. В 1960-е годы страна выбрала социалистический путь. Он обладал некоторыми особенностями: в стране признавался частный сектор, а также проводилась политика «опоры на собственные силы». В 1970—1980-е годы предоставлялись льготы частному капиталу, внедрялись формы госкапитализма и активно развивались внешнеэкономические связи с капиталистическими странами и международными организациями. В конце 1970-х — начале 1980-х годов страна демонстрировала экономические успехи — среднегодовые темпы роста составляли 6,5 %.

Несмотря на некоторые успехи, Мьянма представляла собой отсталую аграрную страну с преимущественно сельским населением, крайне неэффективным государственным сектором, огромной внешней задолженностью и практически полным отсутствием золотовалютных резервов. После падения социалистического правительства и прихода к власти военных в стране начались реформаторские мероприятия. Однако в Мьянме вряд ли можно говорить о либерализации экономики, так как государственная монополия во многих отраслях сменилась монополией отдельных кланов. Политический фактор был и остается главным и решающим в процессе экономического развития страны, поскольку политическая нестабильность мешает последнему.

¹ Thailand Overview / World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/thailand/overview>

² Ibid.

Посредине по уровню развития в регионе расположились Вьетнам, Камбоджа и Лаос, которые испытали последствия непрерывных войн, внутренних конфликтов и социалистических преобразований. После окончания войны, с середины 1970-х годов, в этих странах осуществлялся курс на построение социализма ускоренными темпами, минуя стадию капитализма, хотя кое-где сохранялись еще дофеодальные отношения. Преобразования проводились с опорой на идеологическую, экономическую, финансовую и материальную поддержку дружественных социалистических стран. Однако в целом применение постулатов строительства социализма и административного регулирования социально-экономических процессов оказалось в рассматриваемых странах малопригодным, и к середине 1980-х годов назрела острая необходимость экономических реформ и либерализации экономики. В основу стратегии развития был положен курс на прекращение самоизоляции стран, формирование рыночной системы и интеграцию в региональное и мировое хозяйство. Политика «открытых дверей» способствовала ускорению процессов экономического развития и темпов экономического роста.

Таким образом, можно говорить, что последняя тройка стран присоединилась к активному процессу модернизации лишь в 1990-е годы и демонстрировала экспоненциальный рост, благодаря чему вошла в разряд самых быстрорастущих экономик мира. В целом по субрегиону в 1990—2022 гг. темпы роста составляли 7,7 %, что позволило добиться существенного увеличения абсолютных показателей ВВП и его значений в пересчете на душу населения (табл. 2).

Таблица 2. Динамика номинального ВВП в странах Индокитая (млрд долл. США)

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2022
Вьетнам	6,5	20,7	31,2	57,6	147,2	239,3	334,4	346,6	408,8
Камбоджа	1,6	3,4	3,6	6,2	11,2	18,1	27,1	25,9	29,5
Лаос	0,8	1,7	1,7	2,7	7,1	14,4	18,7	18,9	15,4
Мьянма	2,1	5,3	8,9	11,9	49,5	59,6	75,1	79,1	62,2
Таиланд	85,3	169,3	126,4	189,3	341,1	401,3	543,9	500,5	495,4

Источник: GDP (current US\$) — Cambodia, Viet Nam, Thailand, Myanmar, Lao PDR / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KH-VN-TH-MM-LA>

Как видно из таблицы, Индокитай существенно различается по объему национальных хозяйств. Крупнейшей экономикой субрегиона, а также второй в ЮВА, является Таиланд, объем ВВП которого составил в 2022 г. 495,4 млрд долл. по номиналу и 1,48 трлн долл. по ППС. Эти показатели соответствуют 30-му и 24-му месту среди крупнейших экономик мира. Второй по величине экономикой субрегиона является Вьетнам. В 2022 г. его ВВП достиг 408,8 млрд долл. по номиналу и 1,32 трлн долл. по ППС, расположившись на 37-м и 26-м месте в мире¹. Остальные страны субрегиона не входят в число 50 крупнейших экономик мира. Третьим по величине хозяйством Индокитая обладает Мьянма. Объем ее ВВП составил 62,2 млрд долл. по номиналу и 271,97 млрд по ППС. Камбоджа и Лаос представляют собой небольшие экономики. В 2022 г. объем их ВВП по номиналу составил 29,5 млрд и 15,5 млрд долл., а по ППС — 89,79 млрд и 70,68 млрд долл. соответственно.

Неоднороден Индокитай и по доходам на душу населения. Благодаря быстрому росту абсолютного объема производства заметно увеличился ВВП на душу населения. В результате Камбоджа, Лаос и Мьянма вошли в нижнюю подгруппу стран со средними доходами, Вьетнам — в среднюю подгруппу, а Таиланд — в верхнюю подгруппу стран со средними доходами (рис. 2).

Происходит постепенное, но достаточно медленное сближение уровней развития². Обмен опытом в ходе региональной интеграции вывел Вьетнам, Камбоджу, Лаос и Мьянму в той или иной мере на общую траекторию развития.

Будучи некогда в группе беднейших стран мира и несостоявшихся государств, за три десятилетия четверка стран Индокитая сократила разрыв в доходах с субрегиональным лидером, однако догнать его пока так и не смогла. Этому способствовали опережающие темпы роста четверки, тем не менее более высокий рост не компенсировал эффект низкой базы. Подушевые доходы в Камбодже, Лаосе и Мьянме пока не дотягивают до уровня нижней группы стран со средними доходами, который в 2022 г. составил 2561 долл. Вьетнам же превышает этот показатель в 1,6 раз.

Мировая турбулентность, начавшаяся с пандемии COVID-19, негативно сказалась на всех экономиках и вызвала замедление темпов

¹ The World GDP Ranking 2023. URL: <https://statisticstimes.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php>

² Подробнее см.: [АСЕАН на пути интеграции 2023: 217—218].

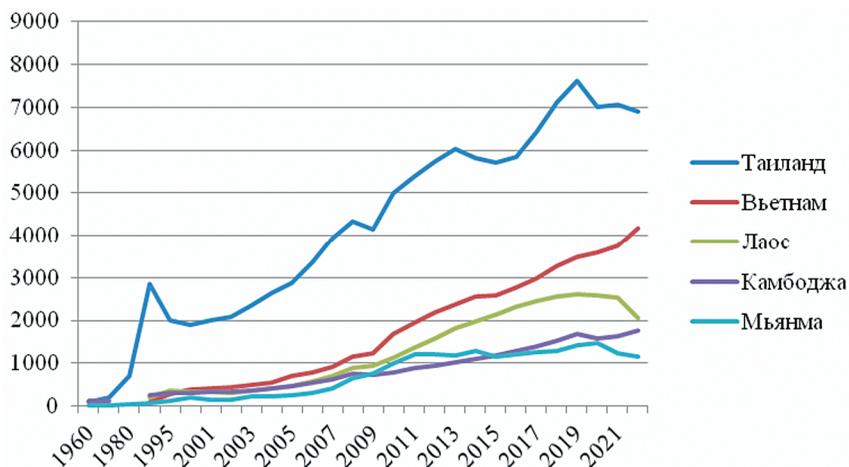

Рис. 2. Динамика подушевого ВВП стран Индокитая по номиналу (долл.).

Источник: GDP (current US\$) — Cambodia, Viet Nam, Thailand, Myanmar, Lao PDR / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD?locations=KH-VN-TH-MM-LA>

роста, однако Вьетнам и Камбоджа справились с ней лучше и продолжают демонстрировать более высокую динамику, чем другие члены АСЕАН. Мьянму же в результате смены власти наступила волна новых западных санкций и ухода иностранных инвесторов, что сопровождалось падением доходов населения.

Отраслевая структура экономики

Как отмечалось выше, ускорение экономической динамики сопровождалось и одновременно стимулировалось трансформацией отраслевой структуры производства с сокращением роли и вклада аграрного сектора и увеличением вклада промышленности и сферы услуг. В результате хозяйства Мьянмы, Лаоса, Камбоджи и Вьетнама характеризуются индустриально-аграрными чертами, а экономика Таиланда находится на промежуточной стадии между индустриальным и постиндустриальным этапом развития.

Трансформация отраслевой структуры хозяйства происходила за счет более низкой динамики аграрного сектора, темпы роста которого составляли 4,8 % в год в среднем по субрегиону. Вместе с тем аграрный сектор сохранил ключевые позиции во всех без исключения странах ввиду своей стратегической роли. Его рост является ключом к

снижению бедности, потому как большая часть населения, живущего за чертой бедности в субрегионе, сосредоточена преимущественно в сельской местности. Аграрный сектор играет стратегическую роль и в поддержании продовольственной безопасности не только в субрегионе, но и мире в целом. Страны Индокитайского полуострова вносят заметный вклад в региональное и мировое аграрное производство, являясь лидерами по ряду видов продукции. Так, субрегион формирует «рисовую чашу» Азии и производит в мире пятую часть всего риса — одной из основных зерновых культур. Индокитай активно вовлечен и в мировую торговлю и играет важную роль в обеспечении глобальных поставок. На его долю приходится 31 % мирового экспорта риса¹. Все, кроме Лаоса, входят в группу крупнейших мировых производителей и экспортеров риса.

Несмотря на важные позиции рисоводства, аграрный сектор субрегиона активно диверсифицируется. Лидерами этого процесса выступают Таиланд и Вьетнам, занявшие ведущие места в производстве и экспорте целого ряда видов продовольственного и технического сырья, таких как каучук, кофе, сахар, кешью и пр. Вместе с тем аграрный сектор сохраняет отсталые черты. В нем действуют как мелкие, практически натуральные, крестьянские хозяйства, так и крупные вертикально интегрированные аграрно-индустриальные холдинги. Мелкое производство носит экстенсивный характер и технологически крайне не развито.

Наибольшую динамику демонстрировал индустриальный сектор, который стал основой хозяйств и одним из важнейших драйверов экономического роста. Его темпы составляли в 1996—2022 гг. 9,2 % в целом по субрегиону, будучи наиболее высокими в Камбодже (15,2 %), Лаосе (14,8 %), Вьетнаме (13,1 %), Мьянме (10,1 %) и менее высокими в Таиланде (5,7 %)².

Повсеместно развита обрабатывающая промышленность, дающая заметную долю валовой продукции. Так, в Таиланде она производит 27,0 % ВВП, в Мьянме — 25,6 %, во Вьетнаме — 25,1 %, Камбодже — 17,9 %, в Лаосе — 8,4 %³. Еще более весомые позиции обрабатывающая промышленность занимает в структуре экспорта. В Камбодже на

¹ FAOSTAT. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TCL>

² Industry, value added / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.CD?locations=VN-KH-LA-TH-MM>

³ Manufacturing, value added (% of GDP) / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?locations=VN-KH-LA-TH-MM>

нее приходится 94,5 % всех поставок на мировой рынок, во Вьетнаме — 88,4 %, в Таиланде — 81,7 %, в Мьянме — 49,5 %, в Лаосе — 42,2 %.

Сравнительными преимуществами обладает текстильная, швейная, коженно-обувная, пищевкусовая индустрия, производство лесоматериалов и мебели. В субрегионе представлены предприятия по производству стали, конструкционных материалов, химикатов и удобрений, цемента, бумаги, изделий электроники и кабелей, по сборке мотоциклов и автомобилей, другого транспортного оборудования.

Немалую роль играет добывающая промышленность, так как страны субрегиона располагают богатыми природными ресурсами и ископаемыми, что является существенным потенциалом для развития добывающей промышленности и поддержания экономического роста. Так, например, Мьянма является крупнейшим участником рынка олова, имея заметные позиции в добыче и экспорте железных и полиметаллических руд, драгоценных камней, а также нефти и газа. Вьетнам активно осуществляет нефте- и газодобычу, намерен также выйти в лидеры добычи редкоземельных металлов. Камбоджа ведет разработку золота и драгоценных камней.

Растут показатели энергетики и коммунального хозяйства, отвечая на нужды производства и населения, но из-за высоких темпов индустриализации сохраняется дефицит продукции и услуг этих отраслей.

Третичный сектор показывает высокую динамику роста и лидирует по вкладу в ВВП, обеспечению занятости и потребностей населения в услугах, формированию мелкого и среднего бизнеса. В Камбодже, Лаосе и Мьянме этап сервисизации экономики пока не наступил, в то время как в Таиланде и Вьетнаме третичный сектор является ведущим в структуре экономики.

Традиционно важную роль во всех без исключения странах играет внутренняя торговля, являясь крупнейшим работодателем в сфере услуг. Как правило, внутренняя торговля на Индокитайском полуострове представлена двумя форматами. Первый — это традиционные небольшие семейные магазины или места на открытых рынках. Традиционный сегмент обеспечивает наибольшую занятость в торговле. Второй формат образует современная торговля в разнотипных магазинах, среди которых наибольший вес имеют магазины у дома, гипермаркеты и крупные торговые центры. Ретейлеры увеличивают предложение путём открытия новых магазинов.

При значительных территориях и численности населения страны субрегиона нуждаются в развитой транспортной и телекоммуникационной системе, состоящей из дополняющих друг друга видов. В настоящее время данная подотрасль сферы услуг динамично развивается и повышается ее значимость в структуре экономике. Во многом усиление роли сферы услуг происходит благодаря стремительному расширению телекоммуникационного бизнеса, в основном услуг по предоставлению мобильной связи и доступа в Интернет. Такой результат является отражением общемировой тенденции взрывного роста услуг мобильной связи, интернет-коммерции, социальных сетей, которые развиваются существенно быстрее, чем экономика в целом.

Ускоренными темпами растет туристическая отрасль. Таиланд стал одним из самых популярных туристических направлений в мире. Соседние страны также активно привлекают туристов, хотя серьезно уступают в этом деле Таиланду. В 2019 г. Таиланд посетило 39,9 млн, Вьетнам — 18 млн, Камбоджу — 6,6 млн, Лаос — 4,7 млн, Мьянму — 4,3 млн гостей¹. Исключением стала Мьянма, туристическая отрасль которой сильно пострадала сначала в результате COVID-19, а затем негативных новостей о смене власти в стране. В текущей ситуации перспективы ее восстановления остаются неопределенными.

Драйверы экономического роста

Рост ВВП поддерживался за счет расширения внутреннего спроса, чему способствовали увеличение доходов населения и сокращение уровня бедности. В результате доля расходов на конечное потребление в ВВП в 2022 г. составила 79,7 % в Лаосе, 72,3 % — в Таиланде, 68,9 % — в Камбодже, 64,5 % — в Мьянме, 63,9 % — во Вьетнаме².

Увеличение объемов общественного производства и перестройка отраслевой структуры сопровождались ускоренным ростом внешне-торговых связей и повышением роли последних в экономике. Хотя вклад общественного потребления в формирование ВВП был выше, экспортная экспансия все же сыграла важную роль. Страны субрегиона, разве что с некоторыми оговорками о Мьянме, пошли по пути

¹ International tourism, number of arrivals / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL?locations=TH-VN-KH-LA-MM>

² Final consumption expenditure / World Bank Data. URL: [https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TOTL.ZS?contextual=aggregate&locations=LA-KH-VN-TH-MM; Myanmar / Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/myanmar/final-consumption-expenditure-current-us\\$-wb-data.html](https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.TOTL.ZS?contextual=aggregate&locations=LA-KH-VN-TH-MM; Myanmar / Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/myanmar/final-consumption-expenditure-current-us$-wb-data.html)

экспортно ориентированного развития: экспорт стал одним из ключевых компонентов их роста в течение последних десятилетий. Доля экспорта в ВВП достигает 91 % во Вьетнаме, 63 % — в Камбодже, 54 % — в Таиланде, 37 % — в Лаосе, 21 % — в Мьянме¹.

Внешняя торговля является одной из самых процветающих и быстро растущих отраслей. Так, в период 2009—2019 гг., между серьезными мировыми экономическими потрясениями, ее темпы роста достигали 10,2 % в целом по субрегиону, будучи более высокими во Вьетнаме (16 %), Камбодже (16 %), Лаосе (16 %), Мьянме (15 %) и менее динамичными в Таиланде (5 %). Под влиянием кризисных шоков последних лет расширение внешней торговли рассматриваемых стран замедлилось до 9,1 % в целом по субрегиону и в частности до 14 % в Камбодже, 13 % — в Лаосе, 12 % — во Вьетнаме. Мьянма демонстрировала отрицательные темпы роста (–2 %). В Таиланде же, наоборот, наблюдалось ускорение динамики внешней торговли (до 6,8 %).

Однако все чаще звучат опасения по поводу уязвимости экспортно ориентированной стратегии развития. Во-первых, динамичное развитие страны, происходящее под влиянием внешнего спроса на продукцию отраслей, конкурентоспособных на мировом рынке, может привести к искажению её экономического развития, что впоследствии ведет к экономическому спаду, и выгоду из глобализации извлекают только те сегменты населения, которые связаны с конкурентоспособными отраслями. Во-вторых, экспортно ориентированная модель делает экономику зависимой от мировой экономики, глобальных рынков и потрясений на них. Как правило, мировые экономические кризисы также оказывают жёсткое воздействие на ход развития стран — активных участников глобальной экономики, хотя в годы улучшения мировой конъюнктуры их доходы резко возрастают.

В 2023 г. наблюдалось существенное сокращение экспорта во всех странах Индокитайского полуострова. Наибольшее проседание зарубежных поставок наблюдалось в Лаосе, где экспорт снизился на 42 % (с 9,5 до 5,5 млрд долл.). В Мьянме он сократился на 13,6 % (с 17,1 до 14,7 млрд долл.), во Вьетнаме — на 4,6 % (с 370,9 до 353,1 млрд долл.), в Таиланде — на 1 % (с 287 до 284,5 млрд долл.). Исключением стала Камбоджа, ее поставки на зарубежные рынки возросли на 4,5 % (с 20,7 до 21,7 млрд долл.)².

¹ URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually>

² URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly>

ПИИ также стали важным компонентом роста экономик субрегиона. В 2022 г. доля новых поступлений капитала в ВВП составила 12,1 % в Камбодже, 5,7 % в Лаосе, 4,4 % во Вьетнаме, 2,1 % в Таиланде, 2,0 % в Мьянме¹. В течение последних десятилетий Таиланд, Вьетнам, Камбоджа и Лаос были известны как государства, предлагающие иностранным компаниям благоприятные условия и разнообразные возможности для инвестирования в национальные экономики (вплоть до превращения их в налоговые гавани, как во Вьетнаме). С началом торговой войны между Китаем и США сюда переместились производства многих ТНК.

Основной сферой приложения ПИИ стали отрасли индустриального сектора, на долю которых приходится почти 50 % их общего объема. Не менее интересной для иностранных инвесторов является сфера услуг, на долю которой приходится 32 % ПИИ².

Сдерживающие факторы

Страны Индокитая добились впечатляющих успехов, однако их экономические модели работают на грани своих возможностей, что ставит под сомнение дальнейшее устойчивое развитие. Таиланд, первым осуществивший экономический рывок, уже столкнулся с пробуксовками экономики.

Первой преградой на пути ускорения темпов роста являются низкие темпы производительности труда. Несмотря на радикальные преобразования и впечатляющий рост, странам субрегиона не удалось решить насущнейшую экономическую задачу — добиться радикального повышения эффективности труда. Более того, данные о добавленной стоимости на одного работника в постоянных ценах позволяют сделать неутешительные выводы о сравнительно низкой производительности труда в регионе и ее медленном росте. За двадцатилетний период производительность труда выросла лишь в 2,6 раза — с 2227 до 5874 долл. на одного работника за год в среднем по субрегиону. Темпы роста этого показателя составили 3,2 %³.

¹ Foreign direct investment / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?locations=TH-VN-KH-LA>

² URL: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-sources-and-sectors>

³ GDP — Viet Nam, Lao PDR, Thailand, Cambodia, Myanmar / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD?locations=VN-LA-TH-KH-MM>

Наиболее медленная динамика наблюдалась в аграрном секторе, средние темпы роста которой едва превышали 1 %, хотя следует отметить, что в отдельных странах фиксировались более позитивные сдвиги. Столь вялая динамика отражает неэффективное использование как людских, так и природных ресурсов. В Таиланде производительность труда в аграрном секторе возросла за период 1996—2019 гг. до 3216 долл. на работника (в постоянных ценах 2015 г.). В категории стран с доходами выше среднего этот показатель в начале рассматриваемого периода был ниже — 1420 долл., однако увеличивался более быстрыми темпами и существенно или почти в 2 раза превзошел уровень Таиланда, составив 6041 долл. на работника. В остальных странах субрегиона наблюдается отставание от группы стран с доходами ниже среднего, показатель для которой вырос с 1103 до 2524 долл., то время как во Вьетнаме — с 572 до 1734 долл., Лаосе — с 803 до 1184 долл., Камбодже — 595 до 1547 долл., Мьянме — с 523 до 1389 долл.¹

Производительность труда в индустриальном секторе увеличивалась заметно более быстрыми темпами — 5,2 % в год в целом по субрегиону. Однако ее уровень по-прежнему остается неудовлетворительным. В группе стран с доходами ниже среднего, где показатель производительности труда составляет 8163 долл., преуспел лишь Лаос — добавленная стоимость на одного сотрудника, занятого в промышленности, достигла 11 627 долл. Остальные страны существенно отстают от среднего показателя по своей группе стран. Так, в Мьянме он составляет 6484 долл., во Вьетнаме — 5744 долл., в Камбодже — 2898 долл.² Такая ситуация вызвана тем, что в промышленности преобладают капиталоемкие, а также трудоемкие виды деятельности, создано множество дублирующих, избыточных производств.

Сфера услуг также демонстрирует отставание в показателях производительности труда. Во Вьетнаме добавленная стоимость на одного сотрудника не превышает 5108 долл., Мьянме — 3749 долл., Камбодже — 2664 долл., в то время как в группе стран с доходами ниже среднего она составляет 8015 долл. Исключением вновь является Лаос, где этот показатель превысил 8215 долл. Что касается Таиланда, то по этому показателю также наблюдается отставание от группы

¹ Agriculture, forestry, and fishing, value added per worker / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.EMPL.KD?locations=VN-LA-TH-KH-MM>

² Industry (including construction), value added per worker / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.EMPL.KD?contextual=aggregate&locations=VN-LA-TH-KH-MM>

стран с доходами выше среднего, однако не столь существенное, как в других отраслях — 14 324 и 20 331 долл. соответственно¹.

Сравнительно низкий уровень производительности труда в большинстве ключевых секторов экономики препятствовал устойчивому экономическому росту. Особенности структуры воспроизводства стали важным фактором формирования его эффективности. Структурная перестройка происходила неравномерно, в первую очередь за счет развития отраслей с низкой добавленной стоимостью. Таким образом, имеющийся человеческий капитал не переплавляется в высокие уровни производительности труда, страны непродуктивно действуют на этапе демографического перехода, не используя в полной мере демографический дивиденд.

Существенная часть занятых представлена неквалифицированными и низкоквалифицированными рабочими, что отражает как нехватку навыков, так и экономических возможностей для создания высококвалифицированных рабочих мест.

Вместе с тем можно констатировать, что почти все страны субрегиона достигли «поворотного момента Льюиса» [Lewis 1954], когда заработная плата низкоквалифицированных работников во всей экономике начинает быстро расти. В последние десятилетия произошел её существенный рост, что было обусловлено увеличением минимальной заработной платы, установленной законом. Как следствие, это оказало влияние на оплату труда, в том числе неквалифицированного. Этот процесс шел на фоне слабого улучшения качества рабочих ресурсов и медленного роста производительности.

Индекс человеческого капитала в среднем по странам субрегиона составляет 0,56, что указывает на то, что будущая производительность ребенка, рожденного сегодня, будет на 44 % ниже того, что могло бы быть достигнуто при полном образовании и полном здоровье².

В свою очередь, низкая эффективность труда, невысокое качество товаров обуславливает и порождает необходимость экономической диверсификации. Лишь у Вьетнама и Таиланда индекс экономической сложности показывает положительные значения — 0,1 и 0,9 соответственно (29-е и 58-е место в мире). Для Камбоджи, Лаоса и

¹ Services, value added per worker / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.EMPL.KD?contextual=aggregate&locations=VN-LA-TH-KH-MM>

² Human Capital Index / World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/HD.HCI.OVRL?locations=TH-VN-KH-LA-MM>

Мьянмы значения этого показателя отрицательны: они занимают 92-е, 95-е и 102-е место среди 131 страны.

Неудивительно, что, когда пандемия COVID-19 нарушила трансграничный поток товаров, услуг и капитала, Камбоджа, Лаос и Мьянма оказались не в состоянии справиться с потрясением без альтернативных продуктов, рынков и источников финансирования. По сравнению с ними, Таиланд и Вьетнам, хотя столкнулись с такими же или более серьезными внешними потрясениями, но продемонстрировали большую экономическую устойчивость благодаря своей диверсифицированной экспортной корзине, различным направлениям торговли или более глубоким внутренним финансовым рынкам.

Рост экономики носил преимущественно экстенсивный характер. Влияние количественных факторов, т. е. труда и капитала, естественно, преобладало — их вклад в ВВП достигал в сумме 82 %. Роль же интенсивных, качественных факторов — производительности труда, научного прогресса, новых технологий, зависящих от интеллектуального участия и знаний (их отражает индекс многофакторной производительности) — остается совсем незначительной. Вместе с тем прослеживается тенденция замедления роста многофакторной производительности труда¹.

Развитие трудоемких отраслей препятствовало повышению производительности труда, но вместе с тем сокращало социальные издержки, а капитальные затраты ускоряли экономический рост, увеличивали прибыль, что стимулировало внутренний спрос.

* * *

Обладая достаточно схожими экономическими моделями, по экономическим характеристикам Индокитай весьма неоднороден. Здесь сыграли роль и исторические факторы, которые затормозили развитие четырех стран и в то же время позволили Таиланду выбиться в лидеры. Анализ хозяйств по факторам экономического роста также выявляет заметные различия — существенный разрыв в территориях, объемах внутреннего рынка, качестве и количестве трудовых ресурсов, демографической нагрузке. В настоящее время страны субрегиона находятся на одной траектории развития и, несмотря на все различия, сталкиваются со схожими проблемами.

¹ Подробнее см.: [Francis et al: 2020; Nguyen Hai Quang 2021; Resilient Development 2021], *т.ж.*: URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/RTFPNALAA632NRUG>

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ АСЕАН И ИХ ПРОЕКЦИЯ НА ИНДОКИТАЙ

Традиционные и нетрадиционные проблемы безопасности

Сотрудничество в сфере безопасности между материковыми странами АСЕАН обусловлено необходимостью реагирования на традиционные и нетрадиционные угрозы региональной безопасности. Для их тщательного изучения необходимо ответить на три основных вопроса: что такое безопасность? что такое региональная безопасность? и в чем разница между традиционными и нетрадиционными угрозами региональной безопасности?

Начнем с концепции безопасности, как ее понимают последователи структурного подхода в теории международных отношений. Прежде всего, отметим, что «безопасность» относится к системным характеристикам, т. е. она связана с определенной системой и должна рассматриваться в ее фундаментальных рамках. Как выразился британский теоретик Барри Бузан, «национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве от всей структуры международной системы» [Buzan 1991: 217]. Поэтому определим международную систему как основной объект нашего анализа, чтобы изучить обстоятельства, когда эта система безопасна, а когда нет.

Что представляет собой международная система? Можно предположить, что элементами международной системы являются все виды международных акторов (такие как суверенные государства, транснациональные корпорации, религиозные сообщества, неправительственные организации и т. д.). Эта точка зрения поддерживается все большим числом ученых, исследующих мировую, или глобальную,

политику. Мы предпочитаем более традиционное определение международной системы как системы межгосударственной, где основными акторами являются суверенные государства (и их коалиции), поскольку удобнее анализировать небольшую систему с четкими схемами взаимодействия, например дипломатическими отношениями, чем довольно бесформенную совокупность, не имеющую определенного набора формальных связей. Однако, по большому счёту, постольку, поскольку международная система является предметом научного восприятия, выбор основного фокуса для анализа ее состава остается за самим исследователем.

Согласно общей теории систем, каждая система, какое бы определение мы ей ни дали, содержит три основных компонента — состав, структуру и функции. Воспользуемся этой схемой для детального анализа международной системы.

1. Состав. Международная или межгосударственная система, как уже говорилось выше, состоит из суверенных государств и квазигосударств (т. е. образований, обладающих всеми признаками государств, но не являющихся таковыми по признанию всего мирового сообщества). Международное право предписывает, что все государства равны в своем суверенитете, из этого следует (и это общепринято), что международная система однородна и анархична по своей природе. «Анархия» в данном случае означает, что над государством нет верховной власти; однако из этого не следует, что все они равны в своей мощи также, как в своем суверенитете. Политическая наука, основываясь на традиционном реалистическом подходе, определяет, что мощь в международной системе распределена неравномерно. Существуют более могущественные государства («великие державы») и менее могущественные («малые державы»), все вместе они образуют своего рода международную иерархию, которая в конечном итоге определяет структуру международной системы.

2. Структура. Согласно реалистическому подходу, понятие «структура» отражает распределение национальной мощи в системе. Структура относится к регулярным связям, которые существуют между компонентами системы. Под «связями» здесь понимаются формальные или конвенциональные взаимодействия, регулируемые международными договорами и включающие двусторонние соглашения, членство в международных организациях, военные союзы и т. п. Глобальную международную систему связывает воедино множество дипломатических, политических, военных, экономических, культурных и относящихся к безопасности взаимодействий между суверенными

государствами и квазигосударствами по всему миру. Эта сеть взаимодействий может быть более плотной в отдельных регионах и менее плотной в других местах, образуя региональные подсистемы международных отношений. Границы региональной подсистемы проходят там, где такие взаимодействия между соседними государствами становятся менее важными, регулярными и интенсивными. Региональная подсистема может легко менять свои очертания из-за постоянных изменений в характере межгосударственных взаимодействий, например: Мьянма считалась частью Южной Азии во времена британского колониального господства, но после обретения независимости в 1948 г. стала позиционировать себя как часть Юго-Восточной Азии.

3. **Функции.** Функции системы соответствуют логике взаимодействия ее компонентов на основе определенных правил, как формальных, так и неформальных. Формальные правила — это международные режимы, установленные государствами и межгосударственными организациями (например, экономические санкции или нераспространение ядерного оружия). Неформальные правила — это повторяющиеся модели взаимодействия, направленные на укрепление структуры международной системы (например, баланс сил). Функции международной системы выполняют отдельные государства (в первую очередь самые могущественные) и их коалиции. Среди политологов давно ведутся споры о том, зависит ли реализация системных функций исключительно от великих держав, или же более мелкие государства также имеют возможность влиять на ее функционирование. В частности, последователи реалистической парадигмы утверждают, что если малым государствам и удастся повлиять на баланс сил или сложившиеся международные режимы, то их влияние носит скорее деструктивный характер. Либеральные ученые, напротив, подчеркивают позитивную роль международных организаций (состоящих в основном из малых государств) в формировании международного порядка (как в случае с АСЕАН).

У каждой системы есть окружение. Обозначить границы системы — значит аналитически «извлечь» систему из ее окружения [Luhmann 1995: 17]. Если рассматривать межгосударственную систему, то следует различать как минимум два вида ее окружения — природное и социальное. Природная среда включает основные характеристики физического мира, такие как климат, почва и растительность, вода, минеральные ресурсы и т. д. Социальная среда — всех индивидов и социальные группы, помимо государства, такие как движения за национальную независимость, религиозные организации,

политические партии и т. д. Окружающая среда, как природная, так и социальная, влияет на систему, создавая условия («входы»), которые поддерживают ее в существующем виде или требуют ее преобразования; а система, в свою очередь, влияет на окружающую среду, принимая решения и совершая действия («выходы»), которые снижают давление окружающей среды путем изменения самой среды или адаптации системы (ее состава, структуры или функций) к изменениям окружающей среды.

Например, это взаимодействие отражает следующая схема:

«Входы»	«Выходы»
Глобальное изменение климата	Киотский протокол
Национальные движения за независимость	Деколонизация
Террористические атаки 9/11	Война против Аль-Каиды

Взаимоотношения между системой и ее окружением являются основополагающими для нашего анализа безопасности. Именно окружающая среда создает вызовы и угрозы для существования системы. Таким образом, «безопасность» в широком смысле можно рассматривать как состояние равновесия между системой и ее окружением, когда все негативные «входы» компенсируются или нейтрализуются соответствующими «выходами». Но вызовы системе могут исходить не только извне, иногда они исходят от внутренних компонентов — суверенных государств, которые пытаются изменить состав, структуру или функции системы. Такие попытки могут быть позитивными по своей сути, т. е. нацеленными на долгосрочный положительный эффект, но при этом иметь немедленные негативные последствия, ослабляющие систему в краткосрочной перспективе. Таким образом, при анализе международной системы мы должны учитывать как внешние, так и внутренние вызовы и угрозы ее безопасности.

В зависимости от уровня системы можно выделить три различных уровня безопасности — глобальный, региональный и национальный. Эти три уровня взаимосвязаны и взаимообусловлены, но было бы неверно полагать, что глобальная безопасность — это просто сумма региональных, а региональная — совокупность национальных уровней безопасности государств региона. Региональная безопасность — это безопасность региональной подсистемы, т. е. баланс между «входами» и «выходами» ее окружения и отдельных государств. Суверенные государства, руководствуясь соображениями национальной безопасно-

сти, могут проводить политику, несовместимую с безопасностью международной системы, а безопасность глобальной системы или ее региональных подсистем может потребовать ущемления интересов суверенного государства. Политика, направленная на стабилизацию и укрепление нового международного порядка на глобальном уровне, может также иметь дестабилизирующий эффект на региональном или местном уровнях.

Например, политический раздел Вьетнама на две части по 17-й параллели в июле 1954 г. стал национальной трагедией для вьетнамцев, но помог стабилизировать региональную подсистему Юго-Восточной Азии и отсрочил открытый конфликт с участием сверхдержав в Индокитае еще на десятилетие.

Теперь, когда мы понимаем, что такое региональная безопасность, легко описать разницу между традиционными и нетрадиционными угрозами для нее. Как уже отмечалось выше, существуют два источника вызовов безопасности региональной подсистемы — внутренний и внешний. Внутренние вызовы и угрозы (аналогичные понятия, различающиеся по интенсивности) исходят от традиционных международных акторов, т. е. суверенных государств, и поэтому определяются как «традиционные». Внешние вызовы и угрозы, напротив, исходят от нетрадиционных акторов и факторов, составляющих среду региональной подсистемы, и поэтому определяются как «нетрадиционные» [Dosch 2017].

Говоря о региональной безопасности, мы не могли не затронуть еще одну аналитическую концепцию, тесно связанную с понятием региональной подсистемы, а именно концепцию регионального комплекса безопасности. Она была введена Барри Бузаном, по мнению которого, взаимодействие между отдельными государствами в рамках региональной подсистемы можно охарактеризовать моделью отношений дружбы (от альянса до эпизодического сотрудничества) и вражды (от подозрительности до враждебности). Этот характер отношений дружбы и вражды гораздо более стабилен, чем региональное распределение сил, поскольку имеет глубокие исторические корни, заложенные в «текстуре» подсистемы (историческом контексте, в котором происходят взаимодействия между государствами). Таким образом, региональный комплекс безопасности определяется как «группа государств, чьи основные проблемы безопасности связаны между собой достаточно тесно, так, что их национальные безопасности не могут на практике рассматриваться отдельно друг от друга» [Buzan 1991: 106]. Комплексы безопасности подчеркивают взаимозависимость как со-

перничества, так и общих интересов. При определенных обстоятельствах они могут трансформироваться в «сообщества безопасности».

Идея «сообщества безопасности» восходит к идеям британского историка и политолога Хедли Булла, который разграничил понятия «международная система» и «международное общество». Международная система возникает, когда «два или более государств имеют достаточный контакт друг с другом и оказывают достаточное влияние на решения друг друга, чтобы заставить их вести себя, по крайней мере в некоторой степени, как части одного целого» [Bull 1977: 9–10]. Оно становится международным обществом, если «группа государств, осознающих определенные общие интересы и общие ценности, образует общество в том смысле, что они считают себя связанными общим набором правил в своих отношениях друг с другом и в своем вкладе в деятельность общих организаций» [Там же: 13]. Таким образом, основой для перехода международной системы в состояние международного общества является создание совместных институтов (организаций, режимов и т. д.) и добровольное следование конвенциональным соглашениям (например, международному праву).

Стадия международного сообщества подразумевает еще более глубокую степень интеграции, при которой процесс выработки общих ценностей и правил приводит к формированию общей идентичности, основанной на универсальных морально-этических принципах (взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга и т. д.). Неуклонно следуя нормам международного права, государства со временем вырабатывают общую культуру и этику поведения, которые, в свою очередь, влияют на их будущие ожидания и модели межгосударственных отношений. Сможет ли международное общество эволюционировать в нечто более интегрированное — то, что мы называем «международным сообществом», зависит от плотности существующей сети взаимосвязей между государствами. Чем интенсивнее их взаимодействие, тем больше шансов, что они смогут выработать общие морально-этические стандарты, разделяемые всеми государствами и способствующие формированию общей идентичности, лежащей в основе международного сообщества [Ellis 2009: 5–7].

Многие эксперты воспринимают АСЕАН как сообщество безопасности, основанное на общепринятых нормах и региональной идентичности. С теоретической точки зрения отсутствие крупных военных конфликтов между странами-членами рассматривается как доказательство решающего вклада Ассоциации в обеспечение мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. Эффективность управления

безопасностью отражается в способности ее членов избегать конфликтов или регулировать и разрешать их на основе созданных для этого институтов. За последние пять десятилетий в странах АСЕАН произошел значительный сдвиг в подходе к интеграции в сфере безопасности [Putra 2019: 33—35]. Это было обусловлено различными факторами, такими как глобализация, расширение регионального экономического сотрудничества и увеличение числа нетрадиционных угроз безопасности. Ниже мы рассмотрим вызовы и угрозы безопасности, с которыми АСЕАН сталкивается сегодня, уделяя особое внимание материковой части Юго-Восточной Азии.

Региональные вызовы безопасности: ответ АСЕАН

АСЕАН была создана в 1967 г. как региональное объединение стран Юго-Восточной Азии. Изначально единство АСЕАН держалось на потребности во взаимных консультациях и антикитайских настроениях, но со временем сфера интересов стран-членов расширилась до экономического сотрудничества и интеграции в сфере безопасности. Интеграция в сфере безопасности в странах АСЕАН принесла им немало положительных моментов. Во-первых, она способствовала взаимодействию и координации между государствами-членами в решении таких проблем безопасности, как терроризм, транснациональная преступность, стихийные бедствия и киберугрозы. Государства-члены создали ряд рабочих групп, которые принимают меры для решения таких проблем, как обмен информацией и совместные учения. Кроме того, интеграция в области безопасности играет важную роль в укреплении региональной стабильности, повышении взаимопонимания, а также в укреплении мер доверия между государствами-членами.

Устав АСЕАН¹, являющийся для этой организации юридическим документом высшего уровня, определяет первую цель АСЕАН как «поддержание и укрепление мира, безопасности и стабильности и дальнейшее укрепление ориентированных на мир ценностей в регионе» (гл. 1, ст. 1, п. 1). Устав также обязывает АСЕАН придерживаться концепции «всеобъемлющей безопасности» (гл. 1, ст. 1, п. 8), не уточняя, однако, более подробно, в чём она заключается. Общее определение термина «всеобъемлющая безопасность» выходит за рамки традиционного государствоцентричного и военного подхода реалистов.

¹ The ASEAN Charter. Jakarta: ASEAN Secretariat, January 2008. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf>

Это более широкое, целостное понимание безопасности включает в себя, например, такие проблемные области, как экономика, права человека и окружающая среда. Иными словами, будучи понятием комплексным, всеобъемлющая безопасность подразумевает анализ как традиционных, так и нетрадиционных элементов [Baldwin 1997: 5].

В «Программе создания Сообщества политики и безопасности АСЕАН до 2025 г.»¹ также делается акцент на всеобъемлющей безопасности (II. 5.2) и уточняется, что «в деле построения мирного, безопасного и стабильного региона АСЕАН применяет всеобъемлющий подход к безопасности, который укрепляет наш потенциал для решения существующих и возникающих проблем, разрешает разногласия и споры мирными средствами, гарантирует, что наш регион остается свободным от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также укрепляет безопасность и сотрудничество на море» (В. 8). Самое важное, пожалуй, то, что программа связывает мир и безопасность со «справедливой, демократической и гармоничной окружающей средой» (I. 1). Однако с практической точки зрения программа не содержит конкретной информации о том, как можно достичь этих целей и поддерживать мир, безопасность и порядок. Прибегая к типичной для АСЕАН риторике, документ подчеркивает необходимость создания «основанного на правилах и инклюзивного сообщества, в котором наши народы пользуются правами человека, с расширенным потенциалом для эффективного реагирования на возникающие вызовы в динамичном регионе, где АСЕАН укрепляет свою центральную роль в развивающейся региональной архитектуре и играет конструктивную роль на глобальном уровне» (I. 3).

Интеграция АСЕАН в сфере безопасности, по оценке экспертов, сталкивается с многочисленными угрозами и вызовами [Kwang Ho Chun 2021: 153]. Одной из наиболее значимых проблем является отсутствие четкого консенсуса по определению предмета безопасности. У стран-членов разные приоритеты в области безопасности, и они по-разному воспринимают некоторые вопросы, например, территориальные споры. Таким образом, материковые страны АСЕАН в своем стремлении к безопасности вынуждены преодолевать два типа угрозы: общие для Юго-Восточной Азии как региона и присущие им, как независимым государствам. Это привело к трудностям в поиске точек

¹ ASEAN Political-Security Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, March 2016. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-APSC-Blueprint-2025.pdf>

соприкосновения при обсуждении вопросов региональной безопасности и замедлило прогресс на пути к региональной интеграции в сфере безопасности. Кроме того, некоторые государства-члены имеют ограниченные ресурсы и не обладают необходимым потенциалом для эффективной реализации общей политики и конкретных мер. Это особенно актуально для материковой части Юго-Восточной Азии, где расположены три наименее развитые страны АСЕАН — Камбоджа, Лаос и Мьянма. Здесь мы сфокусируемся на анализе именно материковых стран, чтобы увидеть, с какими угрозами и вызовами безопасности им приходится сталкиваться.

Как уже было определено выше, традиционные угрозы безопасности — это те, которые исходят от других членов международной системы, а именно от государств и квазигосударственных образований, их можно разделить на три типа.

1. Территориальные споры. Юго-Восточная Азия известна своими многочисленными территориальными спорами, особенно в Южно-Китайском море. Такие страны, как Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней, а также КНР и Тайвань имеют пересекающиеся территориальные претензии в этом регионе, что приводит к напряженности и периодическим столкновениям. Кроме того, существуют исторические противоречия между самими материковыми странами. Они стали причиной пограничных споров между Лаосом и Вьетнамом (урегулированы в 1977 г.), Вьетнамом и Камбоджей (урегулированы в 2005 г.), Камбоджей и Таиландом (продолжаются), Таиландом и Мьянмой (продолжаются).

2. Повстанческие и сепаратистские движения. Сепаратизм принято определять как политическую деятельность некой социальной группы, направленную на отделение определенной территории от государства. Конечной целью сепаратистского движения обычно является создание отдельного государства или присоединение к другой политической единице (например, к соседней стране). В зависимости от характера мотивов сепаратистов можно выделить три типа сепаратизма: политический, этнический и религиозный. Иногда все три мотивации встречаются одновременно, как, например, в Южном Таиланде. Очевидно, что многонациональные страны более подвержены сепаратистским тенденциям, чем относительно однородные общества. Сепаратисты обычно недовольны демографической политикой центрального правительства, снижением уровня жизни и экономической эксплуатацией их природных ресурсов. Все эти факторы в совокупности могут привести к широкому социальным волнениям и даже

к распаду государства под лозунгами «самоопределения» и «федеральной демократии».

3. Вмешательство великих держав и «войны по доверенности», или прокси-войны. Повстанческие движения часто используются великими державами для расширения своего влияния на небольшие государства. Если существуют две или более великие державы с пересекающимися интересами, которые поддерживают различные политические силы внутри небольшой страны, ситуация может обостриться до масштабов прокси-войны. Классическим примером является вьетнамо-камбоджийский конфликт, развязанный двумя государствами в 1970-е годы при поддержке Советского Союза и Китая соответственно. В наши дни в Индокитае, похоже, вновь разворачивается своего рода прокси-война между США и Китаем, что подчеркивает стратегическую важность данного полуострова.

Что касается нетрадиционных угроз безопасности, с которыми сталкиваются материковые страны АСЕАН, то можно выделить следующие.

1. Стихийные бедствия. Юго-Восточная Азия подвержена стихийным бедствиям, включая землетрясения, тайфуны, наводнения и извержения вулканов. Эти события могут иметь серьезные последствия для безопасности, приводя к гибели людей, перемещению населения и нарушению работы важнейших объектов инфраструктуры. Угрозы безопасности человека, исходящие от природной среды, также включают эпидемии таких опасных заболеваний, как атипичная пневмония или COVID-19. Атипичная пневмония (SARS, Severe Acute Respiratory Syndrome), которая может вызвать смертельно опасную форму пневмонии, впервые появилась на юге Китая в ноябре 2002 г. В течение нескольких месяцев высококонтагиозное заболевание распространилось в ряде других стран, вызвав страх и международную озабоченность в вопросах общественного здравоохранения, призванного контролировать распространение болезни. Эта озабоченность побудила правительства разных стран мира ввести процедуры инфекционного контроля на международных вокзалах, в аэропортах и других общественных местах, чтобы предотвратить достижение ею масштабов эпидемии. Как и в случае с ВИЧ, люди, заболевшие атипичной пневмонией, чувствовали себя крайне изолированными, поскольку их родственники и соседи боялись с ними контактировать. Позднее в том же районе вновь разразилась пандемия COVID-19 с теми же последствиями. Подобные эпидемические заболевания, как вызванные природой, так и спровоцированные человеком, представ-

ляют собой серьезную угрозу безопасности человечества, и правительства соответствующих стран должны относиться к ним с максимальной предосторожностью.

2. Терроризм. Терроризм — это многогранное явление, которому трудно дать точное определение. В широком смысле его можно определить как «нелегитимное использование насилия для достижения политических целей». «Нелегитимное» применение насилия означает, что оно не исходит от государства и не санкционировано законом. В современных обществах именно государство обладает монопольным правом на применение насилия в отношении других государств или собственных граждан. А «частное» применение насилия негосударственными акторами (например, преступниками) или «нелегитимное» применение насилия государственными органами (например, спецслужбами) запрещено. Поскольку террористы преследуют политические цели, как правило, направленные на разрушение существующего социально-экономического и политического строя, основными объектами их нападения являются государство и общество. По отношению к государству террористы используют тактику шантажа, добиваясь от правительства уступок; по отношению к обществу — тактику преследования, заставляя людей подчиняться своей воле. Отдельные районы Юго-Восточной Азии (юг Филиппин, Индонезия и Малайзия) уже столкнулись с деятельностью таких экстремистских группировок, как «Абу Сайяф», «Джемаа Исламия» и «Исламский фронт освобождения Моро» (MILF). Эти группировки известны громкими терактами, что не могло не вызвать обеспокоенность по поводу терроризма и радикализации религии. С 2016 г. террористические атаки радикальной исламистской «Армии спасения рохинджа Аракана» (ARSA) сотрясают мьянманский штат Ракхайн, приведя к тяжелому гуманитарному кризису, который затронул не только саму Мьянму, но и соседнюю Бангладеш.

3. Транснациональная преступность. Материковая часть Юго-Восточной Азии является центром транснациональной преступности, включая наркоторговлю, торговлю людьми, контрабанду и браконьерство. Разница между преступником и террористом заключается не в методах, а в целях: террористы больше ориентированы на политическую деятельность, в то время как преступники сосредоточены на своих экономических интересах. Преступные организации используют географическую связанность региона, обширные береговые линии и проницаемые границы для ведения незаконного бизнеса. Кроме того, в связи с быстрым ростом внедрения новых технологий Юго-Восточ-

ная Азия сталкивается с растущими угрозами кибербезопасности [Тай Кай Лин 2023: 4—5]. К ним относятся хакерские атаки, утечка данных и кибершпионаж, а также кибермошенничество.

Угрозы, исходящие от террористов, экстремистов и преступников, порой даже опаснее традиционных угроз, исходящих от государств, поскольку имеют не только прямые, явные последствия для государства и общества (разрушенные здания и инфраструктура, многочисленные жертвы, экономический ущерб и т. д.), но и косвенные, неявные последствия [Уасоб 2023: 39—42]. Среди этих последствий наиболее серьезными являются угрозы гуманитарной и социальной безопасности. Под угрозами гуманитарной безопасности мы понимаем возможный ущерб физическому и психологическому благополучию нации, а под угрозами социальной безопасности — возможные опасности для социального и политического устройства общества.

Террористическая деятельность может влиять на гуманитарную безопасность несколькими способами. Во-первых, если террористы разрушают какие-то инфраструктурные объекты или капитальные сооружения, которые являются жизненно необходимыми, это может вызвать поток беженцев из пострадавшего района. Например, они могут повредить плотину, защищающую деревню от наводнений, и весь район уйдет под воду. Это не только приведет к многочисленным человеческим жертвам, но и оставит выживших людей без средств к существованию (фермы, дома, обработанные земли и т. д.), и они будут вынуждены покинуть родные места. Во-вторых, террористы могут устроить техногенную аварию, которая нанесет экономический ущерб и загрязнит окружающую среду, ухудшив жизнь людей (например, разрушат нефте- и газопроводы, нефтеперерабатывающие заводы и т. п.). Третьи, и самые серьезные, последствия террористических актов могут напрямую отразиться на здоровье и жизни людей. Например, если террористы взорвут атомную электростанцию (или любой другой ядерный объект, например, атомную подводную лодку в доке) или просто используют радиоактивные материалы для изготовления «грязной бомбы», это приведет к радиоактивному загрязнению и неизлечимым заболеваниям населения на близлежащей территории. А если они приобретут бактериологическое оружие, последствия могут быть катастрофическими, так как зараженные люди будут покидать пораженный район, распространяя болезнь по всему миру.

Распространению болезней часто способствуют миграции из политически нестабильных и экономически депрессивных районов. Такие миграции могут быть вынужденными, когда правительство пере-

мещает население из одного района в другой по политическим, экономическим или другим причинам. Они могут быть добровольными, когда люди сами покидают свои дома в поисках лучшей жизни. Такие добровольные миграции часто становятся нелегальными, когда люди намеренно переезжают в другие страны (обычно с более высоким уровнем жизни) без разрешений и виз. Таким нелегальным мигрантам обычно помогают преступные синдикаты, которые организуют трансграничную перевозку беженцев.

Еще один вид запрещенной деятельности, представляющий серьезную угрозу безопасности человека в материковой части Юго-Восточной Азии, — подпольная торговля людьми. Ее организуют как преступные синдикаты, так и одиночки-изгои, которые похищают людей или убеждают их ложными обещаниями переехать в другое место в поисках лучшей работы. Эти люди, привезенные в неизвестное место, лишены денег и паспортов и изолированные от гражданского общества, вынуждены тяжело трудиться на своих хозяев, чтобы не быть наказанными или убитыми. Торговцам «живым товаром» иногда помогают коррумпированные полицейские или пограничники. Для привлечения потенциальных жертв они часто используют вполне легальные методы (например, открывают частные бюро по трудоустройству или иммиграционные компании).

Современное рабство может быть двух видов: домашнее и сексуальное. Домашнее рабство — это обычно неоплачиваемая или низкооплачиваемая работа в качестве батрака или горничной (когда хозяин раба просто кормит его и дает ему кров). Оно распространено в отдаленных деревнях, где власть государства лишь номинальна и представлена местным силовиком, или в крупных городах, где нелегалы боятся полиции больше, чем своих хозяев. Сексуальные рабыни используются не только для проституции, но и для других видов работ, связанных с сексом, — в ночных клубах, массажных салонах и т. п. Секс-работники представляют собой социальную группу с особо рискованным поведением, многие из них становятся ВИЧ-инфицированными и распространяют инфекцию дальше, поскольку рабовладельцы не заботятся о том, чтобы вкладывать средства в профилактику ВИЧ и других инфекций, передающихся половым путем.

Еще один вид рабства, сочетающий в себе как бытовые, так и сексуальные черты, — торговля невестами, характерная для сельских районов Китая и Вьетнама. Согласно конфуцианской доктрине, дети мужского пола предпочтительнее, чем женского, поскольку сыновья передают фамилию рода из поколения в поколение и отвечают за вы-

полнение ритуальных обязательств поклонения предкам. Однако, пожалуй, важнее всего то, что сыновья должны заботиться о своих родителях в старости. Как правило, дочери заботятся о родителях мужа, а не о своих собственных. Эта забота особенно актуальна в сельской местности, где до сих пор проживает большинство китайцев, поскольку в этих районах государство выделяет мало пенсионных выплат, если вообще дает их. Эти представления привели к давней практике женского инфантицида, а последний (как в традиционной, так и в более цивилизованной форме — через аборт) в сочетании с политикой одного ребенка, проводимой КПК с 1979 по 2016 г., повлек за собой значительный дисбаланс полов (103 мужчины на 100 женщин, по данным 2021 г.¹). Преобладание мужского населения в современном Китае создает массу проблем для тех мужчин (особенно в сельской местности), которые хотят создать семью, но не могут найти невесту. Некоторые из них нанимают «сватов», чтобы получить невесту, часто нелегальными способами. Девушек похищают, насилюют и заставляют оставаться с новым «мужем», поскольку они стыдятся или не могут бежать обратно в семью. Иногда бедные крестьяне намеренно продают своих дочерей «сватам» в надежде, что те попадут в богатый дом. Многие из этих девушек приезжают из-за границы, как правило, из бедных приграничных районов Мьянмы, Вьетнама и Лаоса, население которых этнически близко к ханьцам.

Трансграничная торговля людьми сопровождается торговлей наркотиками и оружием, что становится заметной угрозой физической и психологической безопасности населения материковых стран Юго-Восточной Азии. Наркоторговлей в так называемом Золотом треугольнике занимаются в основном китайско-бирманские и шанские полевые командиры, которые контролируют производство наркотиков в приграничных районах Юньнани (КНР) и штата Шан (Мьянма). Деньги от продажи наркотиков идут на содержание местных армий, а армии необходимы для обеспечения безопасности производства и оборота наркотиков, которое пытаются пресечь власти Китая и Мьянмы. Торговля наркотиками привела к росту числа наркоманов в странах АСЕАН и соседних государствах, что представляет угрозу не только для гуманитарной, но и для социальной безопасности (мелкие преступления, разрушенные семьи и т. п.).

¹ China Statistical Yearbook 2022. Beijing: China Statistic Press, 2022. § 2—12 Population by Gender, Marital Status and Region (2021). URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsjs/2022/indexeh.htm>

За последние 55 лет сотрудничество в области безопасности в рамках АСЕАН значительно расширилось, принося ощутимые выгоды региону, такие как укрепление региональной стабильности, повышение взаимного доверия и взаимопонимания между государствами-членами, а также усиление мер по укреплению доверия. Однако противодействие меняющимся угрозам и преодоление внутренних ограничений по-прежнему имеют решающее значение для превращения АСЕАН в действительно безопасное и жизнестойкое сообщество. Для укрепления интеграции АСЕАН в области безопасности необходимо решить такие проблемы, как различия в приоритетах государств-членов, ограниченность ресурсов и возникающие угрозы безопасности. Реализация эффективных мер по решению этих проблем на субрегиональном уровне позволит АСЕАН добиться дальнейших успехов на пути к региональной интеграции и стабильности в сфере безопасности.

* * *

Рост числа традиционных и нетрадиционных угроз поставил новые задачи в рамках процесса интеграции АСЕАН в сфере безопасности. Появление киберугроз и более широкое использование технологий в сфере безопасности подчеркнули необходимость более тесного сотрудничества и координации между странами-членами. Кроме того, воздействие пандемии COVID-19 показало уязвимость стран перед нетрадиционными угрозами безопасности, такими как чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения. Поэтому материковым странам АСЕАН необходимо сообща решать эти проблемы, чтобы укрепить общерегиональную интеграцию в сфере безопасности. Для этого им необходимо тесно сотрудничать с островными государствами региона по следующим пунктам.

Во-первых, АСЕАН необходимо выработать четкий консенсус по определению форм и приоритетов безопасности среди всех её стран-членов. Во-вторых, следует реализовывать общерегиональные программы по наращиванию потенциала и обмениваться передовым опытом, чтобы повысить способность «новых» стран-членов решать проблемы безопасности. В-третьих, «старым» и «новым» членам АСЕАН необходимо сосредоточиться на укреплении взаимного сотрудничества и координации в борьбе с возникающими угрозами безопасности.

Самая большая проблема безопасности материковых стран АСЕАН (кроме Таиланда) заключается в том, что они намного более уязвимы, чем более богатые островные страны. У них меньше ресурсов и опыта, чтобы отражать угрозы в отношении всеобъемлющей безопасности, поэтому они нуждаются в помощи зарубежных партнёров, чтобы противостоять этим вызовам. Иногда зарубежные партнёры действуют не бескорыстно, а преследуют свои собственные интересы, которые могут совпадать, а могут и не совпадать с национальными целями стран Индокитая. Поэтому им приходится балансировать между великими державами, чтобы не попасть в зависимость ни от одной из них. Китайский фактор тоже очень важен, поскольку у Китая протяженная граница с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом и территориальные споры с Вьетнамом на шельфе Южно-Китайского моря. Поэтому противостояние Китая и США бросает густую тень на Индокитай, как и на всю Юго-Восточную Азию.

Геополитические факторы играют особо важную роль в формировании ландшафта безопасности АСЕАН. Соперничество великих держав, например, Китая и других крупных государств, бросает вызов мировому порядку, возглавляемому США, создавая новую напряженность и неопределенность. Существуют уязвимые государства и правительства, не справляющиеся с государственным управлением. Слабые и коррумпированные режимы в некоторых странах создают вакуум власти, которым могут воспользоваться экстремистские группы и преступные организации. Технологические достижения, такие как искусственный интеллект, робототехника и другие новые технологии, открывают как возможности, так и риски для безопасности, в зависимости от того, как они будут развиваться и использоваться.

В целом текущая ситуация в сфере глобальной безопасности характеризуется неопределенностью и уязвимостью. Для борьбы с этими сложными и взаимосвязанными угрозами требуется международное сотрудничество, инновационные решения и проактивный подход к управлению рисками среди стран материковой части АСЕАН.

Раздел II

СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Глава 5

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ФОРМЫ УЧАСТИЯ ВОЕННЫХ ВО ВЛАСТНЫХ СТРУКТУРАХ СТРАН ИНДОКИТАЯ

Активное участие военных в жизни стран Юго-Восточной Азии в целом и во власти в частности хорошо известно и изучено. Дана оценка частоты и результативности перехвата военными рычагов государственного управления, как вызывающего деструктивные последствия и кризисные явления ввиду насильственного свержения власти и нарушения стабильности общества. По этой причине в российском обществоведении и практической политике утвердилось однозначная оценка действий военных хунт, как антиконституционных, означающих государственный переворот¹.

Такая оценка дана в работах российских ученых, внесших весомый вклад в изучение роли армии в странах Востока². Это классиче-

¹ При государственном перевороте захват власти происходит насильственно, с нарушением действующих на данный момент конституционных и правовых норм, обычно с физической изоляцией действующих руководителей государства (см.: [Luttwak 1979: 171]. Как правило, смена власти осуществляется сверху относительно узкой группой лиц, изначально контролирующей силовые структуры (армию, полицию), т. е., по сути дела, фракцией внутри самой власти. Иначе говоря, речь идет не об армиях в целом, а о генералитете, военной элите, военных кликах. Именно группы интересов выступают акторами, а не вся армия как государственный институт.

² Библиографический обзор по этой теме дополняет глава 7 в данной монографии.

ский труд Г.И. Мирского, относительно новая монография под редакцией Д.В. Стрельцова [Мирский 1970, Стрельцов 2018]. Анализ по странам конкретно Индокитая дан в статьях А.А. Симония, Н.Г. Рогожиной и др. [Симония 2012, 2015, 2021; Рогожина 2015, 2017, 2021].

В данной главе затронуты и классифицированы известные случаи участия военных во власти и опыт ее передачи в государствах Индокитая. Анализ самих переворотов, а также их движущих сил и исполнителей опущен из-за ограничений по объему текста монографии. Тем более не рассматривается, что было в конкретных странах до и после смены власти. Эти страны существенно различаются по своему историческому опыту, политической культуре, уровню экономического развития и политическому устройству, так что говорить о единой модели таких событий не приходится. В частности, сопутствующие изменения в политических системах и институтах, хоть и являются важнейшим следствием переворотов, также выходят за рамки главы.

Феномен участия военных во власти подвергнут некоторому обобщению с целью определения его типичных форм, механизмов и проявлений, вариантов и мер сохранения власти. Подробно рассмотрен опыт передачи власти от военных гражданскому режиму, формирования переходных и смешанных структур. Их изучение позволяет выявить реальные функции и цели прихода военных к власти в странах ЮВА в текущих условиях.

Исследование, охватывая страны Индокитая (при недостатке данных по Лаосу), выделяет среди них две различающиеся группы: Вьетнам, Лаос, Камбоджу, с одной стороны, Мьянму и Таиланд — с другой. Метод «кейс-анализа» позволил обнаружить наряду с общими чертам двух этих групп их существенные различия и особенности в сравнении с другими странам ЮВА.

Роль армии в обществе

Вооружённые силы выступают в субрегионе в качестве в той или иной мере самостоятельного политического института, выполняют государствообразующую функцию, что связано с ключевой ролью армии в обретении независимости этими странами. Там, где независимости удалось добиться мирным путём (Малайзия, Сингапур, Филиппины, Бруней), армия не играет такой значимой роли в политике. В массовом сознании стран Индокитая армия остаётся одним из носителей национальной идеи, считается наиболее стабильным и авторитетным общественным институтом.

О значении армии в обществе, особенно для национальной обороны и охраны правопорядка, говорит то, что её численность сохраняется неизменно высокой и поддерживается на основе всеобщей воинской обязанности. Так, во Вьетнаме (после 1987 г. армия была сокращена в 2,4 раза) в настоящее время ВС насчитывают только в регулярных частях свыше 480 тыс. человек, а с учетом полицейских и других военизированных сил — 520 тыс. (12-е место в мире), в резерв в виде местных сил самообороны входят 5 млн человек¹. В Таиланде численность регулярной армии в 2022 г. — 360 тыс. человек (16-е место в мире), силовых структур — 45 тыс., резервов — 200 тыс. По размеру регулярных войск Вьетнам опережает все страны ЮВА; Индонезия идет второй, а вместе с силовыми структурами остается лидером (9-я в мире), хотя по численности резервов (400 тыс.) уступает Вьетнаму [Military Balance 2023: 254, 294, 298].

Другим критерием востребованности армии, актуальной роли военных служат размеры военного бюджета и расходов на оборону в мирных условиях. По их абсолютной величине в регионе после Сингапура (12 млрд долл. в 2022 г., что равно 2,3 % ВВП) идет Индонезия (9,07 млрд, 1,8 % ВВП), а Таиланд находится на 3-м месте (6,18 млрд, 1,2 % ВВП), но по доле затрат на оборону от ВВП из стран ЮВА их опережают Камбоджа (1 млрд долл., 3,5 %) и Мьянма (1,9 млрд, 3,15 %). СРВ тратит 6 млрд долл., это 1,45 % от 414 млрд номинального ВВП [Ibid: 216—218]. Если же считать от расходной части госбюджета, то доля военных затрат в СРВ достигает 5—6 %². При этом в 2012—2016 гг. Вьетнам был 10-м крупнейшим импортером вооружения в мире и основную его часть закупал в России³.

Величина военных расходов может зависеть от разных обстоятельств, например, от внешней угрозы, размеров ВС и возможностей экономики. В структуре бюджета наряду с объективно необходимой частью военных расходов выделяются расходы на содержание верхушки армии. Конечно, это лишь косвенные показатели значения и применения армии.

Хотя армия имеет специфические функции и призвана выполнять их, но нередко превышает установленные пределы ответствен-

¹ Statistical Yearbook of Vietnam 2022. Hanoi, 2023. P. 103. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2023/06/statistical-yearbook-of-2022/>

² Ibid. P. 243.

³ В СРВ были поставлены самые современные для армий ЮВА образцы вооружения, включая дизельные подводные лодки и истребители СУ-МК30. Подробнее см.: [Thayer 2023: 94].

ности. Страны континентальной части Юго-Восточной Азии за свою историю неоднократно сталкивались с военными путчами и приходом генералов к власти. Государственные перевороты часто происходят в условиях острой конфронтации ведущих держав, когда, например, СССР, Китай и США, оказывали прямую поддержку военным лидерам, готовым с ними сотрудничать.

Военные обычно берут власть при полном отсутствии или слабом развитии государственных институтов, призванных регламентировать жизнь общества. Они делают это тогда, когда отстранены от рычагов влияния или возникает потребность в крепкой руке и порядке. По справедливому определению Д.В. Мосякова, в результате ожесточенной политической борьбы «общество для своего выживания в конечном итоге призывает армию для наведения порядка и сохранения определенного баланса сил в национальном социуме» [Мосяков 2022: 15]. Поэтому военные перевороты не характерны для стран с сильной ролью государства, составляющего с армией единое целое. Оба эти варианта можно найти в ЮВА, второй из них — во Вьетнаме, Лаосе, с 2000-х годов — в Камбодже, причем в этих трех странах налицо их симбиоз с правящей партией (так, в Камбодже все военнослужащие являются членами НПК).

Захват военными власти может быть направлен как на демократизацию, так и ограничение демократии (управляемая/направляемая демократия), вести к созданию самых разных режимов — от хунты до гибридной или симулятивной (декоративной) демократии. При этом в новой системе доминируют не взаимные компромиссы, а порядок, при котором одна группа политиков навязывает другой свою программу силой [Там же: 17]. Наиболее показательными признаются примеры Бирмы 1962 г. (свержение президента У Ну) и позже, Таиланда начала 2000-х годов (свержение премьер-министра Таксина Чиннавата) и т. п.

Два типа участия военных во власти

Кейс 1

Частые военные перевороты типичны для Таиланда и Мьянмы. Но их экономическая основа различается, доказывая, что уровень благополучия по-разному воспринимается в более зажиточных и более бедных странах. Таиланд является одним из наиболее экономически развитых государств в ЮВА, Мьянма — наоборот. В Таиланде военные захватывали власть (через госпереворот или в иной форме) толь-

ко в XXI в. трижды (2006, 2014 и 2019 г.) в бытность премьером Таксина Чиннавата и его последователей. С момента установления в 1932 г. конституционной монархии до 2023 г. здесь произошло 14 государственных переворотов и были приняты 19 конституций, включая временные¹. В Таиланде армия берет власть лишь при повышенной востребованности, для наведения порядка, чтобы не допустить опасной дестабилизации ситуации. При мягком варианте таких действий гражданские режимы управляют страной с согласия военных.

В Бирме (Мьянме) вмешательство армии в политическую жизнь происходило реже, чем в Таиланде (3 против 14 раз), но последствия ощущались намного дольше. В течение 75 лет существования страны в качестве независимого государства произошло три военных переворота (02.03.1962, 18.09.1988, 01.02.2021), в результате которых армия надолго брала власть в свои руки, а гражданские режимы правили в общей сложности лишь 36 лет (1948—1958, 1974—1988, 2011—2021), и то их правление осуществлялось под контролем военных. Это позволяет выделить Тамадо (вооружённые силы Мьянмы) в качестве не просто самостоятельного, но более активного, чем в других странах Индокитая, политического института. Мьянманская армия выступает в роли особой, практически не подконтрольной гражданскому обществу военно-политической силы. Такие общества, как в Мьянме, принято называть, согласно С. Хантингтону, «преторианскими» [Хантингтон 2004].

Позволяя решать ряд неотложных национальных задач, с которыми не справляются гражданские лица, вмешательство армии в политический процесс приносит и очевидно негативные последствия. Судя по опыту Мьянмы и Таиланда, это — консервация и стагнация развития, ведущая к социально-политической поляризации общества, дестабилизирующая отношения с другими членами АСЕАН и мирового сообщества [Nguyễn Hồng Quang 2021: 25]. Данный процесс характерен введением чрезвычайного положения, арестами лидеров предыдущего демократически избранного правительства, репрессиями и гонениями против отдельных групп населения. Хотя действия военных прикрываются попытками восстановить «подлинную демократию», они не находят поддержки ни в АСЕАН, ни тем более в западном лагере. Тем не менее захват власти военными в Мьянме рассматривается Камбоджей, Таиландом, Вьетнамом, Филиппинами как

¹ Хронология государственных переворотов в Таиланде: Досье / ТАСС. 23.05.2014. URL: <https://tass.ru/info/1208804>

«внутреннее дело» этой страны, а остальными членами сообщества осуждается.

Кейс 2

Вторая группа стран Индокитая (Вьетнам, Лаос и Камбоджа) отличается особой ролью армии в обществе. Она определяется западными политологами как «модернизирующаяся олигархия» и характерна тем, что демократические институты в политической системе отсутствуют или формальны, а власть принадлежит военным или гражданским бюрократам, которые вполне успешно реализуют задачи национального развития [Shils 1975, 1982]. Заметим, что успех этих действий прямо зависит от коалиции обеих сторон.

Наиболее институализирован этот вариант в современном Вьетнаме — третьей по численности (100-миллионной) стране ЮВА и первой в субрегионе. Здесь военная элита прямо интегрирована во власть, так как целиком поддерживает правящую компартию и подчинена ей, выполняя скрытую роль. Лидеру НПК Хун Сену в Камбодже к 1997 г. также удалось добиться консолидации военных чиновников вокруг партийной верхушки. Аналогичная схема организации власти доминирует и в Лаосе, хотя позиции военных здесь не настолько заметны. Такая картина отражает общность исторических судеб трех стран Индокитая с тесным союзом компартий и армий в борьбе за независимость. Военные не просто составляют немалую часть населения, но по ряду признаков образуют кастовую прослойку (живут десятилетиями обособленно на закрытой территории, имеют собственное снабжение, экономические активы, часто довольно крупные, школы, вузы и медучреждения, правовые льготы и привилегии, особое политическое представительство и социальный статус).

Вместе с тем пример современной Камбоджи выявляет в реализации этой модели ряд существенных особенностей. До 2023 г. премьер-министр Хун Сен удерживал власть долгие 38 лет, не раз применяя силовые методы, чтобы сконцентрировать ее в своих руках. Будучи выходцем из военных рядов «красных кхмеров», он занял руководящий пост при поддержке вьетнамской армии в ходе освобождения Пномпеня в январе 1979 г., но в дальнейшем придал своей власти гражданский и независимый статус. До 1991 г. он был главой Государства Камбоджа, изолированного от мирового сообщества. В 1990-е годы, когда западные страны при поддержке Китая добились открытия страны и восстановления монархии, на короткое время удалось создать шаткий механизм коалиционных органов. Затем Хун

Сен снова правил единолично и, по сути, диктаторскими методами, как глава клана, в итоге в 2023 г. передав свой пост фактически по наследству сыну. В этом отношении участие армии и ее командования в жизни общества Вьетнама и Лаоса обставлено с виду более демократично, а проявления авторитаризма сглажены.

Причины и выгодоприобретатели захвата власти военными

Демократизация политической системы, как показывает опыт стран ЮВА, по-разному может влиять на активность военных. Например, в Индонезии демократизация стала фактором снижения роли армии за последние 25 лет, чего пока нельзя сказать о странах Индокитая. В Таиланде, наоборот, чрезмерная либерализация общества и непрерывные гражданские протесты во многом вынудили армию пойти на военные перевороты для стабилизации власти.

Приход военных к власти в ЮВА связан с глубинными факторами, вызывающими укрепление позиций армии в политике. Роль военных в политической системе обусловлена особенностями социальной структуры общества, преобладанием в ней крестьянства, политической культурой, признающей власть силы, иерархической структурой построения социальных связей и т. п. Наш анализ ограничен обзором отдельных причин.

По заключению зарубежных исследователей, основные причины переворотов разнятся: обычно сказываются борьба между фракциями политиков и ВС за власть после обретения независимости, низкое качество управления и высокий уровень коррупции, подавление оппозиции при росте недовольства населения и т. д. [Barka 2012]. Иначе говоря, преобладают внутренние мотивы военных путчей, отражающие, прежде всего, властные амбиции армейских лидеров. Предлогом для применения силы выступает неспособность гражданских политиков удержать под контролем социальную и экономическую ситуацию, часто ведущая, как в Таиланде, к антиправительственным выступлениям и массовым беспорядкам. Также это может быть необходимость оперативно реагировать на угрозу террористических актов и диверсий.

Как минимум, в итоге государственного переворота жестко проводится «санация» политического поля от сил, стремящихся проводить самостоятельную, независимую от армии или внешнего патрона политику. Обычно военные перевороты сопровождаются столкнове-

ниями и жертвами, как было в Таиланде в 1991 г.¹, Камбодже в 1997 г. Тем не менее вывести корреляцию между жестокостью подавления оппозиции во время путча и сроками удержания военными власти сложно, хотя в странах Индокитая эта зависимость, при достаточно долговечных военных режимах, похоже, обратная, в отличие от Индонезии, где жертвы в 1965 г. были реально массовыми [Gellately 2003: 290—291; Убайдуллах 2016].

Веской внутренней причиной, вызывающей вмешательство армии в управление страной, является борьба за экономические ресурсы и влияние сложившихся в стране групп интересов. Инициаторы рассчитывают при удачном исходе переворота не только провести нужные изменения во внутренней и внешней политике, но и получить контроль над финансовыми потоками и принимаемыми решениями, вознаградить союзников и сторонников выгодными должностями, закрепить право вмешательства или смещения гражданского правительства. Так, сегодня режим в Мьянме, стремясь контролировать экономику и получать сверхприбыли, не допускает во власть «продемократических» конкурентов, которые хотят перехватить источники обогащения с помощью западных опекунов.

Власть в странах Индокитая может быть авторитарна и недемократична, но важно, что она эффективна с точки зрения защиты национальных интересов, развития экономики и повышения уровня и качества жизни людей. Эту характеристику Д.В. Мосяков дает как однопартийным режимам Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, так и военно-гражданской администрации в Таиланде и чисто военной в Мьянме [Мосяков 2022: 27]. Армия, в частности, устранив непосредственную причину народного недовольства, реализует программу выхода из кризиса, иногда даже предлагает обществу новую идеологию взамен той, что привела предыдущий режим к политическому банкротству. В 1962 г. в Бирме это была идеология «бирманского социализма», а в 1988 г. — идеология рыночного капитализма и многопартийной демократии. Следовательно, идеологическая окраска (патриотическая, авторитарная или прозападная, демократическая) выступает инструментом. Насколько патриотические и антиколониальные лозунги не являются популистскими и продиктованы политической конъюнктурой, сказать точно — невозможно.

¹ Число погибших составило 52 человека, раненых — 696 и 175 пропали без вести. Подробнее см.: [Kurlantzick 2022].

Не все случаи силового перехвата власти в ЮВА подходят под понятие военный переворот. Например, в Камбодже противостояние внутренних сил сводилось в 1990-е годы к борьбе двух конкурирующих партий, поддерживаемых со-министрами обороны и обладающих своими вооруженными отрядами. Со-министр обороны со стороны НПК Теа Бань в те годы возглавлял ведомство. Сыновья Хун Сена занимали видные позиции в силовых структурах страны. В июле 1997 г. вооруженные силы НПК взяли под полный контроль столицу, а в провинциях удалось договориться о нейтралитете. От партии ФУНСИНПЕК был делегирован новый премьер-министр, который вошел в коалиционное правительство [Бектимирова 2022: 113].

Отношение к военным режимам со стороны Запада показательно. Оно заметно изменилось, когда противостояние сверхдержав в ходе холодной войны окончилось. Как признает Дж. Куланзик, США как один из ключевых выгодоприобретателей во время пребывания военных у власти стали делать упор на поддержку не военных лидеров, а гражданских, критикуя успешные военные перевороты [Kurlantzick 2022]. В дополнение к этому тезису, следует уточнить, что в Вашингтоне вполне лояльны к авторитарным режимам, если те ведут политику, не противоречащую интересам США (Таиланд, Вьетнам среди стран Индокитая). Лишь в противном случае начинается критика репрессивной политики в отношении гражданских лидеров и т. д., как в случае Мьянмы. В свою очередь, путчисты совсем не против, когда США поддерживают их, а не «продемократических» конкурентов.

Нередко США, осуждая военные перевороты, не предпринимают значимых мер, чтобы оказать давление на новые власти; в то же время Китай выражает поддержку военным, увеличивая своё влияние и стабильность новых военных правительств. Когда отношения с Западом после периода санкций нормализуются, как было в Таиланде после 2021 г., военные режимы легализуются, формируя статус-кво. В некоторых странах ЮВА внешнее влияние настолько опосредованно, что захват власти военными со стороны выглядит никак с ним не связанным.

При этом военные достаточно прагматично относятся к западным рецептам построения успешной экономики, не считая такое идейное влияние вредным. В Мьянме, когда Тамадо пришла к власти в конце 1980-х годов, она взяла на вооружение идею либеральных реформ в экономике, используя их как новый драйвер развития, что показательно на фоне прежней практики построения «бирманского социализма». Этот же поворот проходил с 1986 г. в СРВ, где компартия

сначала объявила общую политику Обновления, которая уже через 10 лет вылилась в построение ориентированного на развитые страны и зависимого от них рыночного хозяйства.

Действия военных отражают конкуренцию за контроль над принятием решений внутри страны и во внешней политике между либеральной фракцией и консерваторами. Если социально-экономическая политика либералов приносит успех, то их прозападная ориентация пользуется поддержкой. При этом степень внешней зависимости остается завуалированной ростом благосостояния основной массы населения, а доминирующая пропаганда обеспечивает нужную интерпретацию фактов. В такой ситуации армия и силовые ведомства не могут требовать смены курса развития, выступать против сближения с США и их партнерами. Типичным примером служит современный Вьетнам: с точки зрения национальных интересов никаких загадок в «молчаливой» поддержке военными прозападного курса нет.

Механизмы удержания власти при военном и смешанном режиме

Обычно руководство любой страны против прецедента добровольной передачи власти политическим соперникам, поэтому делает все, чтобы создать такие условия, которые гарантировали бы ему победу на предстоящих выборах. Например, тайская армия сохраняла за собой непосредственный контроль над королевством, лишь придав «новой» власти чуть более приемлемый образ в глазах международного сообщества.

Специфика «санационных» военных переворотов заключается в том, что они, по сути, являются продолжением политической борьбы иными средствами. Военные власти, стабилизировав ситуацию в стране, передают бразды правления лояльному им гражданскому правительству или трансформируются в него сами. То, что различные участники и неучастники переворотов могут сходиться, расходиться и снова договариваться, говорит об отсутствии между ними идеологических противоречий.

Как правило, для передачи власти применяются квазипарламентские процедуры (приставка «квази-» означает фактическую безальтернативность выборов, так как к моменту их проведения оппозиция успешно подавлена или не допущена до участия в электоральной гонке). Таким образом военные создают демократический фасад, позволяющий легитимизировать правление своих ставленников.

В странах Индокитая передача власти от военного к гражданскому режиму сопровождается как потерями для армии, так и уступками в ее пользу. Иногда она утрачивает формальное право на участие в государственной политике и бизнесе, что находит отражение в конституции страны. При этом всё больше выходцев из армейских структур начинают занимать важные места в публичных органах власти, что, в свою очередь, влияет и на изменение законодательства страны в пользу военных. В таких ситуациях большое внимание придается работе над новым имиджем армии. Иногда, при прямом запрете на участие армии в политике, основным институтом, продвигающим интересы военных элит, становятся различные организации ветеранов. Поскольку входящие в них генералы не находятся на действительной воинской службе, на них не распространяется запрет на участие в политической деятельности. Основным лейтмотивом их действий является необходимость повышения роли армии в обществе в интересах процветания страны и отражения внешних угроз.

Типичным приемом передачи власти служит формирование временного коалиционного правительства из представителей лидирующих политических сил при их равенстве или угрозе вооруженного сопротивления со стороны оппозиции. В Мьянме в 2021 г. армия сформировала полностью подконтрольное ей смешанное правительство. Тогда в состав нового кабинета вошли пять военнотружущих, шесть представителей проармейской Партии солидарности и развития Союза, два представителя от других партий, частично объединивших выходцев из ранее правившей партии НЛД, остальные — госслужащие и беспартийные, лояльные новой власти [Htet Myet 2021: 4—6].

В Камбодже то же самое произошло в 1993—1998 гг., когда на компромисс пошли НПК и ФУНСИНПЕК. Особенностью этого правительства было наличие двух премьер-министров с равными полномочиями — принца Ранарита и Хун Сена. Министерства обороны и внутренних дел возглавляли соминистры от двух партий, не доверявших друг другу и желавших создать систему сдержек и противовесов именно в области безопасности. Здесь, как и в других подобных случаях, попытки достичь «конфронтационной стабильности» показали, что коалиция — искусственная конструкция, содержащая в себе большой потенциал конфликтности, поэтому недолговечная [Бектимирова 2022: 55].

Военные Мьянмы, создав переходный кабинет министров, заявляют о готовности передать власть законно избранному гражданскому правительству, как только сложатся подходящие условия. При

этом Государственный административный совет (управляющий орган на время чрезвычайного положения) поставил целью изменение электорального законодательства таким образом, чтобы исключить очередную победу НЛД (как было в 2015 и 2020 г., когда она обеспечила себе большинство мест в союзном парламенте) и провести новые выборы под контролем Тамадо.

При равенстве сил силовики проводят «беспроегрешную политику для всех» (“win-win” policy), консолидируют своих сторонников, проводят меры по развитию контролируемых ими районов. На этой основе правительству Камбоджи, например, удалось разобщить «красных кхмеров», изолировать отдельные группы повстанцев, склонить к выходу из них видных командиров и принесению ими присяги королевскому правительству Камбоджи. Наиболее впечатляющим успехом Хун Сена стал переход Иенг Сари, ближайшего соратника Пол Пота, на сторону правительства. Данное событие имело демонстрационный эффект и привело к развалу движения «красных кхмеров» [Там же: 104]. Однако, как ни парадоксально, очевидный успех в урегулировании вопроса с «красными кхмерами» дал толчок новому витку противоборства внутри коалиции.

Таким образом, военные, чтобы избежать изоляции своей страны, под давлением международного сообщества идут на компромисс с оппозицией, нередко соглашаются на создание коалиционного правительства, примирение на своих условиях. Вариантом может быть прощение лидера оппозиции при отстранении его от власти. Хун Сен, разгромив оппозицию морально и физически, согласился на амнистию принца Ранарита и полное прекращение боевых действий между НПК и ФУНСИНПЕК в 1998 г. Так Хун Сен подготовил благодатную почву для выборов, которые ему и его партии удалось выиграть. С тех пор НПК остается правящей партией Камбоджи, обеспечивая стране политическую стабильность.

Руководству стран Индокитая для удержания власти приходится выверять свою национальную политику, тем более что в оппозиции часто оказывается отсталая часть населения, в том числе малые этносы — обычно жители национальных окраин — как в Мьянме, Вьетнаме и Лаосе. С их лидерами стараются заключить союз, особенно с теми, кто стоит во главе вооружённых организаций (бывают исключения из этого подхода, например, рохинджа в Мьянме, которых военное руководство считает иностранным этносом). Во Вьетнаме партийно-государственная элита превентивно пресекает все далекоидущие попытки подрыва власти центра на окраинах. В частности, здесь

на плато Тэйнгунен в 2000-е годы были сорваны усилия западных спецслужб и нетрадиционных религиозных сект по формированию независимого этнического государства Дегар [Мазырин 2007: 83—84, 275]. В СРВ именно армии поручена миссия поддержания порядка, национального согласия и ведения хозяйственной деятельности в таких районах.

Характерно, что меры по вытеснению хуацяо, особенно из сферы экономики, в которой они занимают доминирующие позиции в странах ЮВА, обычно проводятся не военным, а иным, но чаще принудительным образом. В СРВ в 1979 г., после пограничной войны с Китаем, их подтолкнули к эмиграции на родину и в соседние страны китайского ареала, а процветающая китайская община в Южном Вьетнаме (до 2 млн человек в 1970-е годы, по данным западных источников) за 20—30 лет резко сократилась и почти полностью была инкорпорирована в систему госкапитализма [Там же: 117].

Типология профилактики переворотов, удовлетворения армии

Правящие режимы стран Индокитая стремятся профилировать госперевороты, независимо от того, насколько армия интегрирована в систему власти, и поддерживать военных. Интересен пример так называемой сетевой монархии (термин британского учёного Д. Мак-Карго), служившей основой архитектуры власти в Таиланде до избрания премьер-министром Таксина Чиннавата в 2001 г. [McCargo 2005]. В этой системе монарх — верховный арбитр политических решений во время кризисов; монархия — коренной источник национальной легитимности; правительство реализует рекомендации двора, дающего разъяснения по вопросам текущей повестки и т. п. Если «сетевая монархия» всё-таки ощущала угрозу в свой адрес, то она согласовывала военный переворот. Так пришли к власти Чатичай Чунхаван в 1991 г. и Прают Чан-Оча в 2014 и 2019 г. Гражданские правительства в промежутке между хунтами, особенно при Чуан Липае, с 1992 по 1995 г., передавали военным и бизнес-кругам очень широкие права, например, вести с «красными кхмерами» торговлю драгоценными камнями и древесиной.

Таксин Чиннават был избран премьер-министром королевства в 2001 г. через парламентские выборы. Но ВС Таиланда были вынуждены сместить его в 2006 г. за независимый стиль правления, который не подчинялся установленному механизму «сетевой монархии» и на-

чал представлять угрозу для властной базы. На выборах 2019 г., первых после военного переворота 2014 г., генерал Прают Чан-Оча, не будучи депутатом был избран премьер-министром на совместном заседании нижней и верхней палат парламента в соответствии с конституцией, написанной военными. Но по итогам выборов 2023 г. он вынужден был уступить власть гражданским. При этом победившей партии «Движение вперед» не дали возможности сформировать и возглавить коалиционный кабинет, и премьер-министром стал один из лидеров партии Пхый Тхай, который пошел на союз с провоенными партиями.

Иную разновидность этой системы, более завуалированную, мы видим во Вьетнаме, где те же функции выполняет монопольно правящая компартия. Политический режим здесь, хотя не монархия, а автократия, по максимуму огражден от антиправительственных сил: многопартийность законом запрещена, гражданские свободы ограничены, оппозиция находится под жестким контролем. Демократия в западном ее понимании имеет в СРВ строгие пределы, развивается в основном за счет отдельных послаблений и уступок западным партнерам в общественном поле (например, разрешение работы НПО). Попытки же оппозиции в эмиграции, прежде всего в США, устроить заговор или провести теракт на бывшей родине в корне пресекаются силовиками.

Во Вьетнаме и некоторых других странах Индокитая в законодательные органы власти введена «неизбираемая» фракция представителей вооружённых сил. Выходя в отставку и даже оставаясь на военной службе, они замещают значительную часть чиновников госаппарата — от центра до сельских органов власти. Во Вьетнаме военнотружущие имеют фиксированное представительство в парламенте (квота — около 10 %) и местных представительных собраниях (советах), в партийных органах (13 % в ЦК и 16 % в Политбюро ЦК КПВ 12-го созыва 2016—2021 г.), сохраняют ряд ключевых постов в правительстве (министров обороны, общественной безопасности, внутренних дел) и местной администрации [Мазырин 2007: 53—54, Thayer 2023: 89—90]. Согласно современной практике, руководители силовых ведомств избираются на пост президента страны (Чан Дай Куанг в 2016—2018 г., То Лам в 2024 г.) или выступают главными претендентами на это место (в апреле 2023 г. Фам Ван Зянг — министр обороны) [Колотов 2023 (2)].

Вариантом обеспечения нужного представительства силовиков и военных, иных доверенных лиц служит голосование по закрытым

партийным спискам. Так удается сформировать достаточно репрезентативный альянс политических сил и создать электоральный механизм, позволяющий большинству из них рассчитывать на получение места в парламенте. Эта практика применяется в Камбодже, Мьянме, в скрытом виде в СРВ. Тамадо, учитывая готовность дружественных Мьянме стран послать своих наблюдателей на предстоящие парламентские выборы, создает условия для того, чтобы они прошли без явных нарушений, под международным контролем¹.

В конституции Мьянмы (ст. 40-с), предусмотрено право вмешательства вооружённых сил в политику при «возникновении чрезвычайного положения, которое угрожает распадом страны, утратой суверенитета, подрывом национального единства, а также попытках его подрыва силовым путём, таким как мятеж или насилие»². Похожее положение введено в конституцию Таиланда. Это и есть страховочные механизмы, которые дают военным возможность удовлетворить свои амбиции и сохранить влияние после ухода из власти.

Типичным проявлением особых привилегий и полномочий армии в ЮВА служит участие военных на легальной основе в коммерческой деятельности как на частной, так и институциональной основе. На армию возложена часть социальных функций: она участвует в строительстве дорог, других объектов инфраструктуры, заготавливает продовольствие, разрабатывает ценные природные ресурсы, занимается развитием деревни или отдаленных, окраинных районов (в том числе защитой границ страны). Во Вьетнаме военный сектор экономики представлен многочисленными армейскими предприятиями, рядом крупных корпораций [Мазырин 2013: 235; Thayer 2023: 90—91].

Вместе с тем ошибочно утверждать, что в одних странах военная верхушка сохраняет обширные привилегии, а в других их права регулируются конституцией. Власть военных может ограничить себя только в декоративных целях (например, генерал выходит в отставку и пересаживается в кресло премьер-министра), чтобы снять ответственность за крупные провалы или пресечь «ползучее» проникновение неподконтрольных военных в гражданскую власть. В странах второй группы участие армии в управлении лимитировано.

¹ Nikkei Asia. July 23, 2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-military-prepares-for-election>

² Constitution of the Republic of the Union of Myanmar (2008). URL <https://www.constitutionaltribunal.gov.mm/sites/default/files/constitution/pdf/2014/Apr/Constitution%202008Eng.pdf>

* * *

В XXI в. формальная и фактическая роль армии в странах Индокитай возросла. Особенно активны военные в Таиланде, Мьянме, где они часто осуществляют захват власти и переформатирование политического режима. Во Вьетнаме, Лаосе, отчасти в Камбодже армия на крайние меры не идет, однако играет системообразующую роль. Повсеместно вооружённые силы остаются сильным и авторитетным публичным институтом, имеющим высокий кредит доверия в обществе. Действующие и отставные военные в разной степени обладают набором рычагов для влияния на все сферы жизни и успешно ими пользуются. Такое положение не зависит от географического положения страны, а обусловлено, скорее, историческими причинами и обстановкой в регионе ЮВА, вокруг которого нарастают противоречия между крупными державами, в первую очередь, США и Китаем.

Исследование выявило заметную общность активного участия армии в общественной жизни континентальных стран ЮВА (Индокитай) и их определенные отличия от островных государств региона. В первых армия чаще напрямую, очень уверенно перехватывает власть или имеет обширные привилегии, во вторых — оказывает неясное влияние на госаппарат или вообще отстранена от власти (как на Филиппинах, в Малайзии, Сингапуре, Брунее). Это отражает сходство и различия тенденций на всей территории ЮВА и тем не менее дает основание выделить важную общую особенность политической жизни данного региона.

Военные перевороты в основном контрпродуктивны, так как приносят негативные последствия (ограничение свобод, нарушение преемственности власти и ее устойчивости, протесты и санкции западных стран, экономический спад). Однако вмешательство армии в политический процесс в ряде случаев востребовано и после урегулирования конфликта, мирного транзита власти оказывает оздоравливающее воздействие на общество.

Глава 6

РОЛЬ ТАИЛАНДА В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ИНДОКИТАЕ

Современная позиция Таиланда в субрегионе сформировалась после ухода США и окончания холодной войны. Впервые амбиции быть ведущей силой в региональном масштабе проявились в связи с камбоджийской проблемой. Таиланд сыграл центральную роль в формировании региональных подходов, направленных на прекращение конфликта, а также в проведении мирных переговоров. Решение камбоджийской проблемы стало отправной точкой в претензиях тайландских правящих кругов на субрегиональное лидерство. Воплощение этой политики зависело от внутренней обстановки и того, какие силы находились у власти.

По мере нормализации политической обстановки в стране уже в конце 1980-х годов правительство премьер-министра Чатчая Чунхавана (1988—1991)¹, в котором крупный бизнес значительно потеснил военных, выдвинуло идею превращения Индокитая «из поля битвы в рынок для торговли», рассчитывая на развитие торговых связей в регионе, прежде всего приграничных, и расширение транспортной инфраструктуры в интересах национальной экономики, находящейся на подъеме. Вместо конфронтации с соседними странами, несмотря на сохранение различий в политическом строе, Таиланд стал продвигать идею о «конструктивном взаимодействии» в качестве главного ориентира своей политики по отношению к соседям. Например, сближение с Ханоем было невозможным при предыдущих правительствах, пото-

¹ Несмотря на то, что Чатчай был кадровым военным, он содействовал приходу бизнеса в политику и создал все условия для ускоренного экономического развития Таиланда в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

му что Вьетнам считался главной угрозой безопасности для Таиланда. В начале 1990-х годов правительство во главе с Ананом Паньярачуном (1991—1992 гг.)¹ инициировало программу регионального сотрудничества по созданию зоны свободной торговли AFTA (ASEAN Free Trade Agreement). В этом проекте Таиланд выступал в качестве главного координатора, в некоторой степени в обход АСЕАН.

Во второй половине 1990-х годов правительство Таиланда стало продвигать идею интеграции в рамках субрегиона Индокитая. Активная роль в субрегиональных проектах утверждала самоощущение Таиланда как ведущей страны континентальной части Юго-Восточной Азии, то есть лидерство в субрегионе было частью нового варианта таиландской идентичности. Эти усилия стали продолжением незаконченного процесса формирования национальной идентичности, начавшийся с модернизации страны в начале прошлого века после неудавшихся планов движения «пантаизма», который разделяла элита страны до Второй мировой войны. Примером подобных настроений может служить план «культурного» объединения тайских народов, живущих в приграничных районах соседних стран путем развития туризма, экономического сотрудничества и транспортной системы.

Эта идея воплотилась в так называемой программе пяти Ч: «Чиангмай, Чианграй, Чиангтун (Мьянма), Чиангрунг (Юньнань, КНР), Чиангтхонг (Луангпрабанг, ЛНДР) [Chachavalprongpun 2010: 67]. Затем она вошла в предложенную Таиландом инициативу Четырехугольника экономического сотрудничества (QEC) для координации проектов развития, в основном транспортных связей между Китаем и Таиландом, Мьянмой, Лаосом, где Таиланду отводилось центральное место. Позже эта инициатива была включена в проект «Субрегион Большого Меконга» (СБМ), куда вошли еще Вьетнам и Камбоджа [Greater Mekong... 2018]. Программа QEC была первой попыткой Таиланда изменить положение в континентальной части Юго-Восточной Азии на основе многостороннего подхода. До этого стратегия Таиланда была основана на нормализации двусторонних отношений. Данная инициатива в принципе не предполагала очевидных материальных выгод для Таиланда с учетом потенциальных издержек, а была направлена на включение соседних стран в рыночную систему и их подготовку к участию в проектах более широкого масштаба.

¹ В начале 1990-х годов военные отошли от политики, и Анан был первым таиландским бизнесменом, ставшим премьер-министром

Вплоть до азиатского кризиса 1997 г. Таиланд позиционировал себя в качестве лидера в сфере экономического развития субрегиона: инвестировал в соседние экономики, особенно в Лаос, продвигал программы, направленные на расширение транспортной инфраструктуры как внутри Индокитая, так и между Индокитаем, для которого Таиланд был основным транспортным узлом, и другими странами АСЕАН. Более того, правительство Таиланда непосредственно перед кризисом хотело связать Южную и Юго-Восточную Азию в рамках программы «Взгляд на Запад», который нашел отражение в проекте Инициативы Бенгальского залива по многосекторальному техническому и экономическому сотрудничеству (VIMSTEC). Ведущая роль Таиланда в субрегионе проявлялась, в частности, и в том, что он способствовал принятию в АСЕАН Камбоджи, Лаоса и Мьянмы.

Финансовый кризис 1997 г. ограничил возможности Таиланда сохранять ведущие позиции в регионе, подорвал его конкурентоспособность, привел к сокращению инвестиций и экономической помощи соседним странам, но его стремление к субрегиональному лидерству полностью не исчезло. Несмотря на то, что главной задачей стало восстановление национальной экономики, Таиланд по-прежнему активно участвовал в региональных делах и действовал в значительной степени с помощью «мягкой» силы, основанной на исторической и культурной близости с народами соседних стран. Особенно ярко это проявлялось на примере Лаоса, в отношении которого Таиланд осуществлял политику патронажа на правах «старшего брата» [Липилина 2022]. Более того, позиционируя себя как приверженца демократического пути развития, Таиланд в эти годы пытался играть и некоторую политическую роль — стать примером демократии и соблюдения прав человека для соседних стран.

С 2001 г., то есть после прихода к власти Таксина Чиннавата, лидерские амбиции Таиланда приобрели более масштабные формы. Таксин, будучи успешным предпринимателем, планировал встроить Таиланд в глобальный мир в качестве лидера субрегиона Индокитая. Он рассматривал материковую часть Юго-Восточной Азии как основную сферу влияния Таиланда, а свою роль — прежде всего как связующего звена, посредника или координатора в более широком масштабе. В связи с этим он планировал создать в Индокитае единое экономическое пространство, а для достижения этой цели — выровнять уровень развития стран субрегиона. Правительство Таксина инициировало ряд проектов в русле политики «перспективного взаи-

модействия», которая проявилась в двустороннем экономическом сотрудничестве на субрегиональном уровне и различных многосторонних инициативах, которые значительно укрепили позиции Таиланда в Индокитае.

Примером таких инициатив служит проект 2003 г. под названием «Стратегия экономического сотрудничества в рамках бассейна Иравади—Тяопхрайя—Меконг» (АСМЕКС), куда помимо Лаоса вошли Камбоджа, Мьянма и позже Вьетнам. Целью этого проекта было заявлено «преодоление экономического разрыва между пятью странами, а также содействие их устойчивому развитию для превращения субрегиона в зону экономического процветания, стабильности и добрососедства»¹. Позиция Таиланда состояла в том, что он обладает большими, по сравнению с другими государствами субрегиона, возможностями с точки зрения финансовых ресурсов, технологических достижений, развитой инфраструктуры и подготовленной рабочей силы, в то время как страны Индокитая имеют богатые природные и трудовые ресурсы.

Для Таиланда этот проект был интересен, прежде всего, с точки зрения освоения приграничных районов, а также перемещения затратных производств на территорию соседних государств. В рамках АСМЕКС предусматривалось сотрудничество в таких областях, как торговля, сельское хозяйство, промышленность, транспорт, туризм, человеческие ресурсы, здравоохранение. Уже в 2003 г. было принято 270 проектов, около половины из них — в сфере торговли и производства, 80 % имели двусторонний формат [Patton 2022]. Работа АСМЕКС включала регулярные встречи, консультации рабочих групп и постоянных представителей и предусматривала неформальную субрегиональную интеграцию без подчинения национальных государств некоему наднациональному органу. При отсутствии постоянно действующего секретариата Бангкок выступал в качестве основного центра координации деятельности АСМЕКС, именно там проводились регулярные встречи ее участников; ответственным за координацию с другими странами — членами организации был МИД Таиланда.

Насколько проект отвечал интересам именно Таиланда, становится понятно, если обратиться к конкретным примерам этого сотрудничества. Отныне таиландский трейдер, который вырастил сельхозпродукцию, например, в Камбодже, мог ввезти эту продукцию в

¹ Thailand International Cooperation Agency. URL: mfa.go.th/en/index

страну беспошлинно, не должен был проходить сложную процедуру получения сертификата ее происхождения и мог получить разрешение на ввоз непосредственно в таможенном пункте на границе¹. В полной мере проект АСМЕCS не успел заработать в полную силу. После смещения Таксина в 2006 г. этот план практически был заморожен, и к нему вернулись только в 2018 г.

Еще один крупный региональный проект правительства Таксина — «Изумрудный треугольник» (Emerald Triangle Plan), предусматривающий развитие туризма и создание единой туристической инфраструктуры в нижнем течении реки Меконг на северо-востоке Таиланда, северо-западе Камбоджи и юге Лаоса. Идея возникла еще в 2000 г., но приобрела конкретные очертания по инициативе Таиланда в 2003 г. Только на организационные цели — создание единого информационного центра в лаосской провинции Тямпасак — Таиланд израсходовал 65 тыс. долл. США. Однако в течение последующих лет проект практически не развивался, и вернулись к нему только в 2009 г. уже по предложению Камбоджи [Supath 2012].

Кроме того, правительство Таксина, довольно быстро преодолев негативные последствия Азиатского кризиса, возобновило активную помощь своим соседям, хотя в некоторых случаях так и не смогло восстановить прежние объемы. По-прежнему основным объектом помощи был Лаос. Однако, будучи ранее инвестором № 1, Таиланд занял лишь скромное 7-е место. В эти годы он выделил Лаосу 2,5 млн долл. США на борьбу с птичьим гриппом, оплатил 50 % расходов на строительство моста через Меконг в районе Хуасай (ЛНДР), дал еще 350 тыс. долл. для организации сессии АСЕАН во Вьентьяне в 2004 г. и 10 млн долл. на модернизацию столичного аэропорта. Лаосу была предоставлена нулевая таможенная ставка на ввоз 225 видов аграрной продукции и снижен ввозной тариф до 5 % на 82 другие товарные группы².

Помимо собственных средств Таиланд активно привлекал внешнее финансирование для помощи менее развитым странам субрегиона. Так, в рамках схемы «партнерство для развития», к которой присоединились такие страны, как Австралия, Япония, Новая Зеландия и некоторые страны ЕС, Япония выделила средства для модерниза-

¹ В 2006 г. в номенклатуру сельхозпродукции, попадающей под новые правила, был включен большой перечень культур, таких как кукуруза, сахарная свекла, эвкалипт, кунжут, соя и др.

² URL: <https://thaibizlaos.com/lao/>

ции аэропорта в Саваннакхете (ЛНДР). Подобные проекты создавали протайские настроения в регионе, что особенно заметно на примере Лаоса, наиболее близкого Таиланду в плане культуры, языка и религии. В эти годы Таиланд стал играть ведущую роль в субрегиональном контексте, однако стать полноценным лидером не смог.

После смещения Таксина в результате военного переворота в 2006 г. внимание тайландских властей к этим проектам значительно снизилось¹. В условиях наступившей политической турбулентности (в 2006—2014 гг. сменилось 7 премьер-министров) внешняя повестка потеряла актуальность, а внутренняя нестабильность ослабила ведущие позиции Таиланда в Индокитае. Приход военных к власти в 2014 г. усилил ультранационализм во внешнем плане и обострил противоречия с соседями, что, в свою очередь, вызвало обострение антагонизма между странами Индокитая и разногласий по поводу демаркации границ, унаследованных от колониальной эпохи. Если раньше правящие круги Таиланд стремились играть активную интеграционную роль в регионе, то теперь они оказались заняты проблемами сохранения власти внутри страны.

Пока внутренний кризис не будет преодолен, Таиланд не в состоянии будет вернуть прежнюю роль в регионе, хотя некоторые попытки в этом направлении тайландскими властями все же предпринимаются. В 2018 г. к таким попыткам можно отнести активизацию деятельности проекта АСМЕКС, который практически исчез в тени политических катаклизмов в Таиланде на более чем десятилетие. Возрождение проекта было обусловлено стремлением Таиланда в связи с ухудшающимся экономическим положением в стране укрепить свои позиции как центрального логистического пункта, а также центра торговли и инвестиций в континентальной части ЮВА. Эти намерения нашли отражение в Генеральном плане АСМЕКС на 2019—2023 гг.

¹ При том что экономические достижения Таксина казались бесспорными, в политическом плане его действия вызвали неодобрение различных слоев тайландского общества. С одной стороны, от него отвернулись демократически настроенные городские жители, так как в стиле его правления довольно скоро стали преобладать авторитарные черты. С другой стороны, им была недовольна традиционная элита, так как Таксин выходил из-под ее контроля. В результате тайландское общество фактически раскололось на его сторонников и противников. Чтобы предотвратить их столкновение, военные совершили переворот и отстранили Таксина от власти. Вся последующая история Таиланда сводится к тому, что элита пытается сохранить контроль над политическим процессом, тем самым тормозит экономическое и политическое развитие страны.

Кроме того, с ростом экономической мощи КНР возникла настоятельная потребность в улучшении координации политики и интересов стран, расположенных в нижнем течении Меконга. Именно эти страны пострадали в большей степени от строительства плотин в верхнем течении Меконга и оказались практически беззащитны перед могущественным соседом. К примеру, в засушливый 2019 г. из-за перекрытия плотин на территории Китая, уровень воды в нижнем течении реки значительно снизился, и это сильно ударило по экономике Лаоса и Камбоджи. Однако после направления международного запроса о причинах и ответственности за случившееся Китай сослался на погодные условия и не предпринял никаких мер для улучшения ситуации.

При этом АСЕАН уделяет мало внимания подобным проблемам, в основном потому что они затрагивают только половину из 10 членов организации. Таким образом, восстановление АСМЕКС могло бы предложить странам Индокитая альтернативный вариант решения конкретных проблем, которым более широкий региональный форум не уделяет должного внимания. Однако на этот раз перед Таиландом стоит непростая задача убедить соседей в преимуществах АСМЕКС и поддержать их перед лицом Китая, расширяющего свое присутствие в регионе. Это особенно сложно в связи с тем, что Лаос и Камбоджа получают огромную помощь от Китая и стратегически близки к нему. К тому же страны бывшего французского Индокитая сохраняют тесные связи с Вьетнамом, экономика и конкурентоспособность которого находятся на подъеме, в отличие от современного Таиланда. При этом Вьетнам и сам претендует на лидерские позиции в континентальной части ЮВА, о чем говорит его собственный проект субрегионального развития треугольника Вьетнам—Лаос—Камбоджа (CLV—DTA). В рамках данного проекта, например, в 2019 г. Вьетнам инвестировал в 65 проектов в Лаосе 2 млн долл. и в 48 проектов в Камбодже — 1,6 млн долл. [Chanintira 2023].

Таким образом, на новом этапе реализация АСМЕКС продвигается довольно медленно. В 2019 г. на этот проект кабинет министров Таиланда пообещал выделить 200 млн долл. и убедил группу партнеров (Австралию, Японию, Южную Корею и США) направить такую же сумму, оказать техническую помощь для активизации АСМЕКС. Бангкок намерен был создать фонд и постоянно действующий секретариат к концу 2023 г. Южная Корея сделала уже первый взнос в размере 1 млн долл., Япония внесла 1,38 млн, которые распределены между странами — участницами АСМЕКС на поддержку малых и средних предприятий в четырех целевых отраслях.

В настоящее время ситуация в регионе уже кардинально изменилась. Возник ряд эффективных проектов в отношении стран Индокитая, в первую очередь, расположенных в бассейне Меконга. Например, специальный фонд сотрудничества Ланьцан—Меконг (ЛМС), который был создан КНР в 2016 г. в размере 300 млн долл., в 2022 г. в него было добавлено 4,016 млн долл. на восемь проектов под руководством Таиланда, 4,336 млн долл. — на 13 проектов в Камбодже. Существуют и другие источники финансирования развития субрегиональных структур в бассейне Меконга: Mekong—Ganga (2000 г.), Mekong—Japan Cooperation (2007 г.), Mekong River Cooperation Fund (в Южной Кореи, 2011 г.), Mekong—United States Partnership (2020 г.), Low Mekong Initiative (США и страны Индокитая, 2009 г.) [Там же].

* * *

Таким образом, АСМЕКС сталкивается с жесткой конкуренцией: страны Индокитая могут диверсифицировать отношения с более крупными державами, что уменьшает их зависимость от местных субрегиональных проектов. Самым большим препятствием для «раскручивания» АСМЕКС является недостаток финансирования, поступающего в основном от внешних партнеров, которые взяли обязательства, но еще не перевели достаточные для полноценной деятельности средства, а при этом создали свои собственные субрегиональные проекты.

В настоящее время активизация Таиланда в субрегиональном масштабе тормозится сохраняющейся турбулентностью и неопределенностью политической ситуации. Пока страна в большей степени погружена во внутреннюю повестку, она не будет способна в полной мере уделять внимание региональному развитию. При этом ситуация в Индокитае также меняется, появляются сильные игроки, растет экономическое и политическое присутствие Китая в регионе. И хотя Таиланд де-факто остается ведущей экономической силой Индокитая, у него все меньше шансов возглавить в нем интеграционные процессы.

Глава 7

ТАИЛАНДСКИЕ ОЦЕНКИ КРИЗИСА В МЬЯНМЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Исследователи часто проводят параллели между Таиландом и Мьянмой, анализируя роль военных в политических процессах в этих странах. Оба государства пережили длительные периоды прямого военного правления, роль армии в них по-прежнему отнюдь не ограничивается профессиональными функциями. Таиланд, который, казалось, стал успешным примером перехода к гражданскому правлению на рубеже 1990—2000-х годов, в начале XXI в. пережил уже два военных переворота, направленных на отстранение от власти представителей семьи Чиннават — Таксина Чиннавата в 2006 г. и его сестры Йинглак Чиннават в 2014 г. В Мьянме десятилетний период квазигражданского правления завершился отстранением от власти Аун Сан Су Чжи и ее сторонников в феврале 2021 г.

Особенности положения армейских структур в обеих странах подробно анализировалась в целом ряде научных публикаций¹. Исследователи отмечали факт достаточно тесных политико-экономических связей мьянманских и тайландских военных². Вместе с тем, как представляется, при общей схожести роль военных в политическом процессе двух стран имеет ряд существенных отличий. Эти отличия оказывают непосредственное влияние на двойственность тайландских оценок политического кризиса в Мьянме. С одной стороны, Таиланд как старейший член АСЕАН вынужден хотя бы формально выступать единым фронтом с такими участниками Ассоциации, как

¹ Подробнее см.: [Стрельцов 2018, Ефремова 2023, Khaki Capital 2017, Raymond 2018].

² См., например: [Chachavalpongpun 2010].

Индонезия, Малайзия, Сингапур и отчасти Филиппины, занимающими достаточно жесткую позицию в отношении Мьянмы. С другой стороны, политические и экономические интересы существенной части тайландской элиты, а также необходимость обеспечения безопасности тайландско-мьянманской границы и стабильности двусторонних отношений диктуют совершенно иную логику поведения в отношении проблемного соседа.

Региональные интеграционные процессы и политические трансформации в Мьянме и Таиланде

Мьянма вступила в АСЕАН в 1997 г., в период, когда страной управлял Государственный совет мира и развития. Он был сформирован военными в тот же год, когда Мьянма присоединилась к Ассоциации, и пришел на смену действовавшему с 1988 г. Государственному совету по восстановлению законности и порядка. С тех пор Ассоциация не раз оказывалась в сложном положении в связи с международной критикой военного режима и его действий в отношении генерального секретаря Национальной лиги за демократию (НЛД) Аун Сан Су Чжи, находившейся под домашним арестом в общей сложности около 15 лет и вновь арестованной в феврале 2021 г.

Тем не менее на рубеже 1990—2000-х годов преодоление региональных политических расколов времен холодной войны и институциональное объединение региона в рамках Ассоциации имело для АСЕАН гораздо более приоритетное значение, нежели осуждение политического режима в Мьянме, тем более что и более старшие члены Ассоциации были далеки от идеальных типов демократии. Принятие в Ассоциацию Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи позволило АСЕАН завершить консолидацию Юго-Восточной Азии под своей эгидой и благодаря этому занять гораздо более весомое положение в Азиатско-Тихоокеанском макрорегиональном пространстве. Дополнительные соображения, которыми руководствовались члены Ассоциации, принимая в свои ряды Мьянму, несмотря на давление западных партнеров, заключались в желании не допустить чрезмерного усиления позиций в этой стране экономически растущего Китая [Cribb 1998], что отчасти удалось сделать в период после вступления Мьянмы в АСЕАН.

Начавшийся в 2010 г. частичный транзит власти от военного правительства к гражданскому рассматривался в странах АСЕАН как существенный успех проводимой Ассоциацией политики вовлечения

Мьянмы в региональные процессы¹. Одним из архитекторов политики «гибкого вовлечения» Мьянмы выступал тогдашний министр иностранных дел Таиланда (1997—2001) и впоследствии генеральный секретарь АСЕАН в 2008—2012 гг. Сурин Питсуван². Характеризуя политические трансформации 2010-х годов в Мьянме как «современное чудо», сингапурские исследователи К. Махбубани и Дж. Сэнг в год пятидесятилетия АСЕАН (2017 г.) показательно противопоставляли подход Ассоциации к решению мьянманской проблемы военным интервенциям западных стран в Ирак и Сирию [Mahbubani, Sng 2017: 155]. Именно поэтому отстранение от власти победивших на парламентских выборах 2020 г. представителей НЛД и лидера партии Аун Сан Су Чжи 1 февраля 2021 г. оказался для Ассоциации серьезным и неожиданным вызовом.

Для многих стран АСЕАН во второй половине XX в. и даже в 2000-х годах не было ничего удивительного в том, что армия могла совмещать несколько ролей — профессиональную военную, политическую, экономическую. В Индонезии со времен правления генерала Сухарто (1968—1998) армия официально выполняла «двойную функцию» (индонез. *dwifungsi*) и до сих пор, несмотря на приход к власти гражданских лидеров, продолжает оставаться важным игроком в пространстве политики, экономики и даже формирования правильных моральных ориентаций населения этой страны [Haripin 2020]. Как уже отмечалось ранее, самые «свежие» военные перевороты в Таиланде датируются 2006 и 2014 г. (во втором случае военные также, как и в Мьянме, заявляли о том, что происходящие события не являются военным переворотом [Колдунова 2014]). При этом, как и в Мьянме после изменений политической системы в 2010 г., для Таиланда после переворота 2014 г. нормой стало вовлечение военных в законодательную деятельность. В период с 2014 по 2019 г. в стране существовал назначаемый однопалатный парламент — Национальная законодательная ассамблея, половина членов которого были действующими военными и полицейскими. Согласно Конституции 2017 г., принятой под руководством военных, верхняя палата парламента — Сенат — стала назначаемым органом, полностью подконтрольным военным.

¹ The Irrawaddy. 1998. Vol. 6. No. 4. URL: <https://www.burmalibrary.org/en/asean-needs-flexible-engagement>

² Стоит также отметить, что политика «гибкого вовлечения» стала продолжением линии на «конструктивное вовлечение», предложенной премьер-министром Чатчаем Чунхаваном еще в конце 1980-х годов.

Вместе с тем политический кризис февраля 2021 г. выявил также и ряд существенных различий с точки зрения современного этапа политических трансформаций в Мьянме и Таиланде. Основные отличия суммированы в табл. 1. Их можно проследить по следующим критериям: опыт и длительность гражданского правления, специфика внутриэлитных расколов, степень консолидации государства¹, реакция западных стран (прежде всего США и ЕС) на приход/возвращение к власти военных и реакция стран АСЕАН.

Таблица 1. Внутренние и внешние параметры политических трансформаций в Мьянме и Таиланде в первой четверти XXI в.

Параметры сравнения	Мьянма	Таиланд
Опыт гражданского правления	Очень короткий период гражданского правления (2010—2021); не полностью разрешены вопросы взаимодействия военных и гражданских элит	Более длительные периоды квазигражданского и гражданского правления, имеется опыт переходных периодов между военным правлением и возвратом к гражданскому правлению
Внутриэлитные расколы	Раскол на сторонников НЛД/Аун Сан Су Чжи и военных усиливается формированием Правительства национального единства (NUG) и его вооруженного крыла — Народных сил обороны (PDF)	Присутствует деление на условно «старые» (традиционалистские) и «новые» политические силы, однако военные не формируют группу «старых» элит целиком, в обоих сегментах присутствует гражданский элемент
Степень консолидации государства	Консолидация государства не завершена, внутриэлитные расколы усиливаются расколами по линии отношений центрального правительства и этнических меньшинств	Консолидация государства была осуществлена на рубеже XIX—XX вв., однако сохраняется проблема отношений центра и юга Таиланда
Реакция западных стран (США, ЕС)	Однозначное осуждение военных, введение масштабных политических и экономических санкций ¹⁾	Умеренное осуждение переворота 2006 г. и более артикулированное — переворота 2014 г., за которым последовала временная заморозка американской военной помощи в размере 4,7 млн долл. ²⁾ ЕС приостановил официальные контакты ³⁾ . Политические и военные связи с США и ЕС восстановлены в 2017—2018 гг. ⁴⁾

¹ Согласно одному из критиков концепции демократического транзита Т. Карозесу, подобный транзит в неконсолидированных нациях-государствах всегда затруднен или попросту невозможен, что не учитывалась в более ранних работах по демократизации [Carothers 2002].

Окончание табл. 1

Параметры сравнения	Мьянма	Таиланд
Реакция АСЕАН	Консенсус АСЕАН из пяти пунктов ⁵⁾	Констатация отдельными странами АСЕАН того, что кризис 2006 г. является внутренним делом Таиланда; заявление министров иностранных дел АСЕАН по политическому кризису 2014 г. в Таиланде содержало общие пожелания мирного разрешения конфликта ⁶⁾

1) [Burchard 2021];

2) [Kittisipla 2016];

3) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/11/fact-sheet-biden-harris-administration-actions-in-response-to-the-coup-in-burma/>, <https://www.france24.com/en/20140623-eu-suspends-cooperation-with-thailand-over-military-coup>;

4) URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Thailand-mends-US-military-ties-after-post-coup-tilt-to-China>, <https://www.reuters.com/article/us-thailand-eu-idUSKBN1E51TH>;

5) URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/Chairmans-Statement-on-ALM-Five-Point-Consensus-24-April-2021-FINAL-a-1.pdf>;

6) URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/24th-Statement-on-Thailand.pdf> (accessed 23.08.2023).

Источник: составлено автором.

Региональная ситуация в наши дни также существенно отличается от той, что имела место в конце прошлого века. По сравнению с предыдущими десятилетиями, прямое военное вмешательство в политику (даже оправданное конституцией, как в случае с Мьянмой¹⁾) уже не воспринимается как сугубо внутреннее дело, не затрагивающее страны АСЕАН в целом. Ситуация осложняется и тем, что на протяжении последнего десятилетия Мьянма рассматривалась ее соседями и многими внешними наблюдателями как страна, которая смогла сделать шаг к более современной политической системе, хотя и не полностью демократической. На фоне гибридных режимов, сложившихся во многих странах Юго-Восточной Азии, эти изменения десять лет назад вполне соответствовали общерегиональным трендам сокращения авторитарных элементов в политическом процессе. Сейчас же политические траектории Мьянмы и соседей по региону оказались разнонаправленными. Более того, политический кризис в

¹ URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Myanmar_2008

Мьянме усилил турбулентность в регионе, многие страны которого рассчитывали на то, что благоприятная региональная обстановка будет способствовать продолжению их экономического подъема.

Отмеченные региональные тренды и различия в характере политических трансформаций в Мьянме и Таиланде при общей схожести роли военных в политических процессах обусловили специфику тайландской реакции на политический кризис в Мьянме.

Миротворческие усилия АСЕАН на начальном этапе кризиса в Мьянме и специфика позиции Таиланда

За последнюю четверть века в механизмах деятельности АСЕАН произошли существенные изменения. Формально принцип невмешательства во внутренние дела друг друга сохранил свою роль в качестве одного из основополагающих, однако в Уставе АСЕАН 2007 г. (ст. 2, п. 2h) был также закреплен принцип обеспечения «главенства права, надлежащего управления, принципов демократии и конституционности»¹. Сам же принцип невмешательства во внутренние дела друг друга подвергся переосмыслению. Допустимым и возможным стало обсуждение внутренних проблем, особенно таких острых, как переворот в Мьянме, и имеющих как внутренние, так и международные последствия [Марти Наталегави 2021].

В течение первого месяца после событий в Мьянме в рамках АСЕАН обозначился целый спектр позиций — от более проактивных (Индонезия, Малайзия) до умеренных (Таиланд, Вьетнам, Лаос). При этом на экспертном уровне в странах АСЕАН уже некоторое время назад стали звучать голоса тех, кто указывал на гипотетическую возможность исключения из Ассоциации стран, следующих «девиантными» траекториями внутривнутриполитического и внешнеполитического поведения, то есть своей внутренней политикой или внешнеполитическими ориентациями ставящих под вопрос возможность достижения консенсуса в рамках АСЕАН [Kausikan 2020]. В частности, такие соображения косвенно высказывались в отношении Камбоджи, не сумевшей в ходе своего председательства в 2012 г. обеспечить принятие итогового коммюнике саммита министров иностранных дел АСЕАН.

¹ URL: <https://asean.org/storage/November-2020-The-ASEAN-Charter-28th-Report.pdf>

Тем не менее в случае с политическим кризисом в Мьянме такой вариант не представлялся достойным выходом из ситуации для АСЕАН, с начала этого века претендующей на центральную роль в региональных процессах во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поскольку именно регионально-объединяющая функция Ассоциации давала основания отстаивать принцип центральности АСЕАН, она не могла полностью закрыть каналы коммуникации с Мьянмой. Вместе с тем диалог с новым правительством оказался непростым со всех точек зрения — в плане контактов с военными, взаимодействия с протестным движением в Мьянме и гражданским обществом стран АСЕАН, а также поиска консенсуса в рядах самой АСЕАН и взаимодействия с диалоговыми партнерами Ассоциации во всем их многообразии — от Китая и России до Японии, Индии, США и ЕС, которые заняли диаметрально противоположные позиции в отношении событий, произошедших в Мьянме.

При том что в 2021 г. функции председателя Ассоциации выполнял Бруней, попытку взять на себя лидирующую роль в управлении переговорным процессом с Мьянмой на уровне АСЕАН уже на начальном этапе кризиса предприняла Индонезия. Индонезийский МИД прибегнул к методам челночной дипломатии и инициировал специальные встречи по вопросу о ситуации в Мьянме в рамках АСЕАН. Министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди выступила с заявлением о том, что диалог ведется с обеими сторонами конфликта, которым она транслировала призыв избегать кровопролития и решать возникшие разногласия мирным путем [Vejrongsra 2021].

24 февраля 2021 г. Бангкок предоставил площадку для трехсторонней встречи министров иностранных дел Индонезии, Таиланда и Мьянмы, на которой Мьянму представлял назначенный военными Вунна Маун Лвин. Одновременно в средствах массовой информации циркулировала информация о том, что с Вунна Маун Лвином в этот же день встретился премьер-министр Прают Чан-оча, отставной военный, который руководил военным переворотом 2014 г. в Таиланде. Таиландские медиа выражали недовольство действиями премьер-министра, в то время как он сам заявил о необходимости сохранения и поддержания контактов с военным правительством Мьянмы [Chongkittavorn 2021].

Особая позиция, которую заняло руководство Таиланда по ситуации в Мьянме, объяснялась целым рядом причин. Таиландско-мьянманская граница протяженностью более 2400 км в течение многих десятилетий оставалась источником нестабильности и зоной целого

ряда миграционных кризисов, очередного витка которых таиландское правительство опасалось и после событий февраля 2021 г.

В прошедшие десятилетия независимо от политического режима, находившегося у власти в Мьянме, Таиланд придерживался в отношении нее политики добрососедства и на официальном уровне избегал открытой критики политических процессов, происходящих там. Помимо гуманитарных и политических соображений для этого имелись и экономические основания. В годы, предшествовавшие политическому кризису, Таиланд устойчиво занимал позицию второго торгового партнера Мьянмы. Мьянма входила в десятку основных стран-получателей таиландских инвестиций [Parpart 2021]. В стране работало порядка 150 таиландских компаний и реализовывался целый ряд крупных промышленно-индустриальных и логистических проектов, включая строительство индустриального парка в Янгоне и создание специальной экономической зоны Давей в административной области Танинтай на юге Мьянмы. Давей стал одной из трех СЭЗ, инициированных мьянманским правительством в 2010-е годы. Остальные СЭЗ — Чаупхью и Тилава — планировалось реализовывать с участием китайских и японских предприятий соответственно¹. Таким образом, Таиланд выступал, по сути, одним из значимых и привилегированных партнеров Мьянмы, взаимодействие с ним рассматривалось в качестве одного из векторов диверсификации мьянманских внешнеэкономических связей.

Экономические интересы Таиланда в Мьянме занимали существенное место в таиландской внешней политике еще со времен премьер-министра Чатчая Чунхавана (1988—1991 гг.), инициатора известной идеи превращения Индокитая из поля битвы в зону взаимовыгодных торгово-экономических отношений. Однако особо значимыми они стали в период правления Таксина Чиннавата (2001—2005 гг.), преследовавшего также и цели продвижения бизнеса собственной телекоммуникационной компании «Шин корпорейшен» в этой стране [Chachavalprongrun 2010]. Еще одной причиной крайне осторожного подхода таиландского правительства к оценкам ситуации в Мьянме стали опасения того, что Таиланд превратится в удобную площадку для огромного количества неправительственных организаций, поддерживающих протестное движение в Мьянме, что, в свою очередь, могло бы повлечь дестабилизацию политической ситуации и в Таиланде [Chongkittavorn 2021].

¹ Подробнее о специальной экономической зоне Давей см.: [Симония 2018].

Таиланд поддержал консенсус из пяти пунктов, принятый на встрече лидеров стран АСЕАН в Джакарте 24 апреля 2021 г. Этот документ выразил официальную реакцию Ассоциации на политический кризис в Мьянме. Он содержал призыв к немедленному прекращению огня, началу конструктивного диалога противоборствующих сторон, постулировал необходимость создания поста специального представителя Ассоциации по вопросам урегулирования кризиса в Мьянме, предоставления гуманитарной помощи со стороны АСЕАН, а также необходимость поддержания контактов специального представителя со всеми сторонами конфликта¹. При этом оставалось неясным, в какой степени Таиланд выразил поддержку решению Камбоджи, председательствовавшей в АСЕАН в 2022 г., о приостановлении участия мьянманских политических представителей в саммитах АСЕАН в связи с отсутствием прогресса в реализации консенсуса из пяти пунктов [Ru 2022].

Вместе с тем, в то время как контакты Ассоциации и Мьянмы на официальном уровне оказались затруднены, Таиланд продолжал взаимодействие с военным правительством. В ноябре 2021 г. в Мьянму нанес визит вице-премьер и министр иностранных дел Таиланда Дон Прамутвинай, который доставил туда 17 тонн гуманитарной помощи и провел переговоры с генералом Мин Аун Хлайном².

«Тихая» дипломатия Таиланда

В условиях, когда премьер-министр Камбоджи Хун Сен попытался активизировать дипломатические усилия в отношении Мьянмы в год камбоджийского председательства в АСЕАН, деятельность Таиланда на данном направлении некоторое время не имела особого международного резонанса. После того как Камбоджа приняла председательство в Ассоциации, Хун Сен сразу же назначил специальным посланником АСЕАН министра иностранных дел Прак Сакхона, что контрастировало с медлительностью в этом вопросе предыдущего председателя АСЕАН — Брунея. Сам Хун Сен в начале января 2022 г. посетил Нейпидо и встретился со старшим генералом Мин Аун Хлайном, при этом визит камбоджийского премьер-министра стал первым визитом лидера иностранного государства в Мьянму после

¹ URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/Chairmans-Statement-on-ALM-Five-Point-Consensus-24-April-2021-FINAL-a-1.pdf>

² The Irrawaddy. Nov. 19, 2021. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/thailands-deputy-pm-says-he-had-constructive-talks-with-myanmar-coup-leader.html>

прихода военных к власти¹ и широко критиковался либеральными сегментами общественности стран АСЕАН.

Таиланд же продолжал последовательно предпринимать ряд дипломатических усилий по поддержанию контактов с мьянманскими военными. В декабре 2022 г. в Бангкоке на полях двусторонних тайландско-мьянманских переговоров состоялась встреча, в которой, помимо министров иностранных дел Таиланда и Мьянмы, приняли участие министры иностранных дел Камбоджи и Лаоса и заместитель министра иностранных дел Вьетнама. Представители Малайзии, Индонезии, Филиппин и Сингапура отсутствовали. Официальный комментарий тайландской стороны по поводу данной встречи заключался в том, что она не имела формального отношения к деятельности АСЕАН, однако была направлена на достижение задач консенсуса из пяти пунктов, принятого Ассоциацией². Таиланд также продолжил контакты с Мьянмой и по военной линии. В январе 2023 г. состоялась 8-я встреча Комитета высокого уровня мьянманских и тайландских вооруженных сил с участием верховного главнокомандующего Тамадо старшего генерала Мин Аун Хлайна и главнокомандующего Королевской армией Таиланда генерала Чялёмпхона Срисавата. Подобные встречи начали проводиться в 2013 г. и прерывались только в период пандемии коронавируса³.

К лету 2023 г. усилия Таиланда по поддержанию диалога с военным правительством Мьянмы увенчались определенными успехами. 14 июня 2023 г. министр иностранных дел Дон Прамутвинай направил коллегам по АСЕАН письмо с предложением вернуться к политике вовлечения Мьянмы в деятельность Ассоциации. Он также организовал неформальную встречу с представителями военных Мьянмы для обсуждения возможности восстановления формата полноценного участия страны в АСЕАН. Идея проведения данной встречи вызвала неоднозначную реакцию в рядах Ассоциации⁴. Однако Дон Прамутвинай позже заявил журналистам также о том, что 9 июля 2023 г. смог встре-

¹ Reuters. Jan. 7, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/cambodia-pm-visit-myanmar-pressing-peace-plan-2022-01-06/>

² Reuters. Dec. 23, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/myanmar-junta-minister-attend-talks-hosted-by-thailand-key-asean-players-absent-2022-12-22/>

³ The Global New Light of Myanmar. Jan. 21, 2023. URL: <https://www.gnlm.com.mm/8th-high-level-committee-meeting-between-myanmar-and-thai-armed-force-s-held/#article-title>

⁴ Reuters. June 16, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/thailand-seeking-re-engage-myanmar-junta-with-asean-meeting-letter-sources-2023-06-16/>

титься с Аун Сан Су Чжи, что стало ее первым контактом с иностранным представителем такого высокого уровня с момента задержания в 2021 г. По его словам, Аун Сан Су Чжи высказала поддержку переговорам без каких-либо предварительных условий [Chongkittavorn 2023].

Результаты дипломатических усилий Таиланда были представлены в ходе обсуждения на 56-й встрече министров иностранных дел АСЕАН, состоявшейся 11—12 июля 2023 г. в Джакарте. Из-за разногласий среди участников встречи по поводу оценок действий Таиланда принятие совместного коммюнике саммита министров иностранных дел было отложено на два дня. В итоговом тексте коммюнике в первую очередь были отмечены усилия Индонезии, страны-председателя АСЕАН, по созданию благоприятных условий для реализации консенсуса из пяти пунктов. При этом в следующем параграфе содержалось упоминание о том, что Таиланд проинформировал участников встречи о предпринятых шагах, которые «получили позитивную оценку ряда стран — членов АСЕАН»¹. Коммюнике, впрочем, также указывало на необходимость того, чтобы любые начинания подобного рода координировались с председателем Ассоциации.

Параллельно с усилиями, предпринимаемыми МИД Таиланда, мнения о том, что запрет участия политических представителей Мьянмы в саммитах АСЕАН был ошибочным шагом, стали звучать как на экспертном, так и официальном уровне даже в тех странах Ассоциации, которые изначально выступали за усиленное давление на мьянманских военных и отстранение их от деятельности АСЕАН. Так, ветеран дипломатической службы Сингапура Билахари Каусикан в своих публикациях акцентировал внимание на том, что, введя запрет на участие политических представителей Мьянмы в мероприятиях АСЕАН, Ассоциация, по сути, лишила себя рычагов воздействия на военное правительство этой страны [Kausikan 2022]. В мае 2023 г. о необходимости дополнительных усилий по вовлечению в диалог и военных, и мьянманской оппозиции заявил президент Филиппин Фердинанд Маркос-мл.² 26 июля 2023 г. по итогам встречи Маркоса и премьер-министра Малайзии Анвара Ибрагима, лидеры двух стран выступили с заявлением о том, что отдельные участники АСЕАН вполне могут взаимодействовать с Мьянмой на неформальной основе

¹ URL: <https://asean2023.id/storage/news/The-56th-AMM-Joint-Communique.pdf>

² GMA News Online. May 11, 2023. URL: <https://www.gmanetwork.com/news/topstories/nation/869779/marcos-asean-members-want-ways-to-reengage-myanmar-junta-opposition/story>

для достижения целей скорейшего урегулирования кризиса¹. При этом еще месяцем ранее Малайзия выступила с активной критикой действий Таиланда на данном направлении. Соответственно, дипломатические усилия Таиланда, несмотря на расхождения с Индонезией, получили косвенную поддержку в рядах АСЕАН. Более того, в процессе реализации дипломатических усилий Таиланда выявилась определенная схожесть его позиции и подходов двух крупнейших соседей Мьянмы — Китая и Индии, не заинтересованных в дальнейшей дестабилизации в этой стране [Bhadrakumar 2023].

Существенным нюансом дипломатической линии, проводимой Таиландом на протяжении уже трех лет с начала политического кризиса в Мьянме, оставалось то, что она осуществлялась теми политическими силами, которые находились у власти в стране с 2014 г. В мае 2023 г. в Таиланде прошли парламентские выборы, в результате которых победу одержала новая политическая сила — партия «Движение вперед» во главе с молодым, либерально настроенным, бизнесменом Пхитхой Лимтярэнратом. Сформировав 22 мая 2023 г. коалицию с еще семью партиями, получившими места в нижней палате парламента, он попытался обеспечить поддержку своей кандидатуры на пост премьер-министра, однако столкнулся с серьезным противодействием поддерживаемых военными политических сил на уровне голосования по его кандидатуре в верхней палате — Сенате (состоит из 250 человек, назначаемых военными).

После состоявшихся парламентских выборов основным в плане таиландско-мьянманских отношений остается вопрос в том, сохранится ли преемственность внешнеполитического курса Таиланда на ближайшую перспективу. Отдельные сегменты «новой» политической элиты Таиланда, представленные партией «Движение вперед», уже на этапе предвыборной кампании выступили за проведение более прозападного курса, внутренние политические реформы и изменение позиции Таиланда по вопросу о ситуации в Мьянме. Вместе с тем, как показала политическая динамика июня—августа 2023 г., эти силы пока что не смогли добиться доминирования в политической системе. Об этом свидетельствуют итоги краткосрочного существования победившей коалиции, которая распалась через два месяца после ее создания, так и не увенчавшиеся успехом попытки Пхиты занять кресло премьер-министра. Отнесем к этим итогам также подъем вто-

¹ Nikkei Asia. July 26, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Anwar-Marcos-discuss-giving-flexibility-to-Myanmar-approach>

рой массовой политической силы «Пхый Тхай», возглавляемой дочерью Таксина Чиннавата — Пхетхонгтан Чиннават, сохранение давних экономических интересов семьи Чиннават в Мьянме и их заинтересованности в стабильности отношений с этой страной.

Результатом этой двойственности в политической динамике Таиланда стали серьезные расхождения между «тихой» (в терминологии известного таиландского журналиста Кави Чонгкитавона) дипломатией таиландского МИДа на мьянманском направлении и жесткой критикой этих действий со стороны ряда таиландских экспертов, ученых и парламентариев [Pongsudhirak 2023].

* * *

Представленный анализ позволяет заключить, что официальный подход Таиланда к ситуации в Мьянме остается достаточно последовательным с 2021 г., несмотря на определенные спады и подъемы дипломатической активности. Таиланд пытается продемонстрировать, что его политика может принести гораздо более ощутимые результаты, чем прямой нажим на Мьянму со стороны наиболее проактивных членов АСЕАН, в первую очередь Индонезии, и официальное открытое осуждение военного режима в рамках деятельности Ассоциации. Чем более очевидными были задачи, выполняемые таиландской дипломатией на мьянманском направлении в 2022—2023 гг., тем более четким становился сигнал о том, что, несмотря на критику правозащитников, усилия Таиланда могут помочь «сохранить лицо» АСЕАН, столкнувшейся с проблемой, которую Ассоциация не в состоянии решить быстро, не навредив единству организации.

Легитимность и центральность самой АСЕАН зависит от того, насколько успешно организация сможет справиться с проблемой Мьянмы, особенно в контексте последовательного укрепления таких структур, как четырехсторонний диалог США, Японии, Индии и Австралии (Quad), и трехсторонний формат сотрудничества США, Великобритании и Австралии (AUKUS), продолжающих «перетягивать» на себя многие вопросы региональной повестки дня в обход Ассоциации. АСЕАН-центричные институты позиционируются как самые инклюзивные (и во многом пока что остаются таковыми), однако, если решение мьянманской проблемы не будет найдено на уровне АСЕАН, функциональность АСЕАН-центричных институтов и их способность объединить за одним переговорным столом наибольшее количество заинтересованных региональных и внерегиональных игроков столкнется с реальной угрозой не только по внешним, но и по внутрирегиональным причинам.

Глава 8

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕГРАЦИИ ЛНДР В АСЕАН И В СУБРЕГИОНЕ ИНДОКИТАЯ

Общее позиционирование Лаоса

Процессы политического и экономического развития ЛНДР за последнюю четверть века во многом определялись вступлением страны наряду с Вьетнамом, Камбоджей и Мьянмой в члены АСЕАН и последующей интеграцией республики в механизмы деятельности Ассоциации.

Несмотря на то что страны Индокитая являются членами Ассоциации уже более четверти века, они продолжают рассматриваться как особая группа, существующая внутри АСЕАН (их называют «северным крылом» АСЕАН или группой ВКЛМ). Объективных причин для этого немало — эти страны тесно связаны между собой общей историей, бурными политическими процессами XX в., географическим положением, определяющим их взаимосвязанность в экономической и политической сферах. При этом для реализации современных целей АСЕАН, направленных на углубление интеграционных процессов, важно, что эта группа стран в целом имеет более низкий уровень хозяйственного развития, чем базовая «асеановская шестерка», что влияет на особенности их экономического роста, цели, задачи и интересы членства в Ассоциации.

Появление в АСЕАН группы ВКЛМ создало новые реалии существования этой организации, потребовало больших целенаправленных усилий по встраиванию «новичков» в действующие механизмы и программы Ассоциации при одновременной корректировке и разработке новых экономических программ, направленных на их успешную адаптацию. И эта работа в целом приносит свои положительные плоды.

Предпосылки постепенного сближения и присоединения к АСЕАН стран Индокитая, в том числе Лаоса, определялись широким

спектром существовавших в тот период политических и экономических реалий регионального и внутреннего характера, связанных с распадом Советского Союза и мировой социалистической системы, что привело к изменению основ мирового порядка и региональной стабильности. Утратив политическую и экономическую поддержку со стороны социалистического лагеря и, прежде всего, СССР, группа ВКЛМ столкнулась с необходимостью поиска новых путей обеспечения своей внешнеполитической безопасности, внутренней стабильности и хозяйственного развития.

В этот период сближению с Ассоциацией стран ВКЛМ способствовала также постепенная трансформация самой АСЕАН. С 1980-х годов в ней начала формироваться новая концепция развития, предполагавшая отказ от конфронтационной политики по отношению к ВКЛМ и обеспечение безопасности в регионе ЮВА через углубление интеграции и объединение всех стран региона в рамках АСЕАН на основе принципов мира и нейтралитета, развития добрососедских отношений со странами Индокитая. Для Лаоса было также принципиально важно декларирование Ассоциацией принципа невмешательства во внутренние дела своих членов, что ослабляло имевшие место на первых порах опасения лаосцев о возможном давлении на их страну со стороны «старых» членов АСЕАН, направленном на изменение политического режима и системы построения «рыночного социализма».

В новых условиях руководство ЛНДР довольно быстро пришло к решению о присоединении к АСЕАН. И здесь во многом решающее значение имела для Лаоса взятая Вьетнамом — его главным политическим партнером и «старшим братом» — установка на вступление в Ассоциацию, а также ориентация на членство в организации Камбоджи и Мьянмы.

С начала 1990-х годов, т. е. со времени подготовки к вступлению в организацию, углубление партнерских отношений с АСЕАН в лаосских партийно-правительственных документах стало рассматриваться в качестве одной из приоритетных целей внешней политики страны. В Лаосе считают, что вступление в члены Ассоциации стало поворотным моментом для страны, проводящей под руководством Народно-революционной партии политику мира, дружбы и сотрудничества [Kham Vorapheth 2015: 114].

При вступлении в Ассоциацию партийно-правительственное руководство ЛНДР надеялось на то, что членство в организации станет определенным «политическим зонтиком», придаст стране политический вес на международной и региональной арене, повысит ее воз-

возможности для разрешения сложных вопросов в рамках двусторонних отношений со странами-соседями — членами Ассоциации, в частности, с Таиландом, укрепит безопасность республики с учетом быстро растущего веса АСЕАН в региональной и мировой политике, а также станет дополнительной опорой для сохранения внутренней политической стабильности, суверенитета и территориальной целостности.

Во Вьетняне исходили из декларируемых АСЕАН задач достижения устойчивого развития всего региона ЮВА, расширения сотрудничества в торговой и экономической сферах. ЛНДР рассчитывала, что на этой основе членство в организации создаст потенциал для экономического развития страны через интеграцию в региональную хозяйственную систему, обеспечит подготовку людских ресурсов и доступ к финансовым ресурсам Ассоциации, повысит инвестиционную привлекательность Лаоса. Тем самым планировалось увеличить приток прямых иностранных капиталовложений в национальное хозяйство республики, стимулировать развитие принципиально важных для ЛНДР отраслей, выделенных партийно-правительственным руководством страны в качестве «локомотива» развития экономики. К таким отраслям были отнесены транспортная и производственная инфраструктура, аграрный сектор, промышленность, опирающаяся на местную ресурсную базу, прежде всего экспортно ориентированные производства.

В группе ВКЛМ Лаос — экономически наиболее слабая страна, имеющая наименьшую территорию, численность населения и, как следствие, ограниченные трудовые ресурсы. Однако расположение в центре Индокитайского полуострова, общие границы с другими членами этой группы, совместное использование главной водной артерии полуострова — реки Меконг, значительная часть водных ресурсов которой формируется на территории ЛНДР, придают Лаосу некоторые связующие функции, особенно в сфере коммуникаций, транспорта, логистики, экологии, как среди этой группы стран, так и Индокитая в целом.

В первые годы своего членства в АСЕАН страны «северного крыла» продвигали свои экономические и политические интересы через более тесную координацию друг с другом. Уже будучи членом АСЕАН, Лаос стал участником инициированного Вьетнамом (который в начале 2000-х годов сохранял роль лидера по отношению к Лаосу и Камбодже) механизма ежегодных встреч на уровне премьер-министров трех стран. Данный механизм был запущен в 2004 г. и получил название «Треугольник развития». Было заявлено, что он

направлен на координацию, прежде всего, экономических интересов стран «северного крыла» АСЕАН между собой, давая им возможность выступать консолидированным блоком перед Ассоциацией. В частности, эта установка применялась для выстраивания финансовой, налоговой, торговой политики в рамках программ формирования Экономического сообщества АСЕАН, участия в разработке программы Ассоциации по сокращению разрыва в уровне экономического развития стран-членов. На начальном этапе работы в асеановском пространстве данный механизм, видимо, был достаточно важен тройке «молодых» членов Ассоциации для отстаивания своих позиций и интересов. Ныне он фактически прекратил свое существование, однако между тремя странами продолжают сохраняться различные форматы коллективного взаимодействия. Так, в сентябре 2023 г. в Ханое состоялась встреча руководителей правящих партий Лаоса, Вьетнама и Камбоджи, в ходе которой была подтверждена необходимость укрепления координации, взаимной поддержки и единства между тремя партиями — основы при выработке единого курса, направленного на развитие межпартийных и межгосударственных отношений. Была декларирована важность углубления экономического, культурного, образовательного и научно-технологического сотрудничества между странами.

Вместе с тем в настоящее время вопросы внутриасеановской повестки дня, требующие «сверки часов» и выработки общей позиции, Лаос успешно решает на основе двусторонних контактов со своими соседями. С Вьетнамом и Камбоджей у ЛНДР созданы механизмы регулярных консультаций по линии министерств иностранных дел, межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. На фоне того, что в последние годы Камбоджа все более сближается с Китаем, Лаос продолжает сохранять очень тесные «особые отношения» с политически и экономически близким ему Вьетнамом как на уровне двусторонних контактов, так и в формате АСЕАН. Координационные механизмы между двумя странами работают через очень развитые и глубокие межгосударственные связи, включая межпартийный и межправительственный уровни, охватывая все сферы, в частности, внешнюю и внутреннюю политику, оборону, внутреннюю безопасность, финансово-экономический блок, культуру, информационную и образовательную сферы и др. Вьетнамские советники работают в лаосских государственных учреждениях экономического блока. Вьетнам сохраняет лидерство в области подготовки национальных кадров для Лаоса.

Сотрудничество в сфере политики и безопасности

Ныне ЛНДР является участником всех современных механизмов, программ и проектов Ассоциации, отвечающих цели формирования Сообщества АСЕАН и его основных слагаемых — Сообщества политики и безопасности (СПБА), Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА) и Социально-культурного сообщества АСЕАН.

Лаос вносит достаточно активный вклад в продвижение внутри- и внешнеполитических инициатив АСЕАН, при этом руководство страны придает особое значение Региональному форуму АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ), как главной площадке обсуждения политических проблем региональной и международной безопасности. Лаосская дипломатия довольно активно проявляет себя по вопросам деятельности АРФ. ЛНДР принимает общий подход к разрешению конфликтов, включающий разработку и осуществление мер доверия, создание структур превентивной дипломатии и реализацию согласованных мер по урегулированию конфликтов [Райков 2010: 143].

Для позиции республики по региональной и международной проблематике характерна устойчивая ориентация на разрешение острых политических проблем, спорных вопросов с опорой на международное право, Устав ООН и основополагающие документы Ассоциации. Лаос поддерживает стремление АСЕАН укреплять внутреннее единство и солидарность, как основной способ преодоления возникающих противоречий и споров. За годы членства в АСЕАН ЛНДР сформировала свою «нишу»: ее позиция направлена на сглаживание возникающих трений и противоречий, достижение консенсуса как внутри организации, так и в отношениях АСЕАН с ее партнерами. В качестве примера деятельности ЛНДР по поддержке внутриасиановских интересов и мирному разрешению внутренних конфликтов можно привести вклад Лаоса в преодоление конфликта между Таиландом и Камбоджей из-за храма Преах Вихеа в 2011 г., согласие республики в 2014 г. с учетом политической ситуации уступить свою очередь председательства в АСЕАН Мьянме. Показательна и позиция ЛНДР по разрешению нынешней сложной ситуации, возникшей из-за разногласий внутри Ассоциации относительно правления военных в Мьянме. Тема Мьянмы и связанная с ней реализация «Консенсуса из пяти пунктов» стала одним из наиболее важных вопросов, обсуждаемых в ходе прошедшего в сентябре 2023 г. 43-го саммита АСЕАН. Лаос, как новый председатель АСЕАН, должен войти в со-

став создаваемого для его решения механизма «тройки» по ситуации в Мьянме, который будет состоять из предыдущего (Индонезия), нынешнего (Лаос) и будущего (Малайзия) председателей АСЕАН. Как считают эксперты, присутствие в нем Лаоса будет оказывать уравновешивающее влияние [Куклин 2023].

По важнейшему для АСЕАН конфликту в Южно-Китайском море Лаос придерживается консолидированной позиции Ассоциации о необходимости соблюдения международного права и Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, а также Декларации поведения сторон в ЮКМ, подписанной АСЕАН с Китаем в 2002 г. Хотя Лаос, не имеющий выхода к морю, не является стороной в споре, однако специфика отношений с Вьетнамом и Китаем вынуждает его вести себя очень сдержанно и осторожно. Лаос самым тесным образом связан со «старшим братом» Вьетнамом, активно оспаривающим претензии КНР, «особыми отношениями» политического и экономического характера, влекущими определенные обязательства. С другой стороны, Китай в последние годы значительно укрепил свои позиции в Лаосе, заняв место основного инвестора и кредитора страны, и лаосскому руководству приходится считаться с этим.

ЛНДР поддерживает консолидированную позицию АСЕАН по вопросу создания AUKUS — нового блока в составе США, Великобритании, Австралии, а также разделяет обеспокоенность Ассоциации по итогам августовского саммита США, Японии и Южной Кореи, где между этими тремя странами были достигнуты договоренности об углублении оборонного сотрудничества. ЛНДР придерживается также общей политики стран АСЕАН, направленной на неучастие в региональных блоках, сохранение безъядерной зоны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вьетнам рассматривает активность западных партнеров как новый опасный вызов для политической стабильности и безопасности в АТР с учетом напряженных китайско-американских отношений.

Лаосское руководство придает большое значение внутриасианскому сотрудничеству по проблемам безопасности, активно работая на треке Сообщества политики и безопасности АСЕАН, в том числе в формате Совещания министров обороны АСЕАН. Его механизмы считают важными для преодоления возникающих противоречий и споров, а также усиления способности государств Ассоциации противостоять традиционным и нетрадиционным вызовам и угрозам. Для Лаоса это, прежде всего, борьба с незаконной миграцией и наркотрафиком; вопросы энергетической и продовольственной безопасности,

преодоления последствий природных бедствий, эпидемий; трансграничная преступность; сотрудничество в сфере гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий; разминирование, которое представляет для Лаоса чрезвычайно большую и актуальную проблему.

В рамках ВКЛМ в сфере борьбы с наркотрафиком и трансграничной преступностью, преодолением последствий стихийных бедствий, контроля за миграцией населения, в пограничных вопросах у Лаоса налажено многолетнее двустороннее сотрудничество по линии профильных ведомств с другими членами группы. Осуществляются регулярные контакты по линии постоянных комиссий по пограничному урегулированию и разрешению пограничных вопросов, созданных в рамках министерств обороны и министерств безопасности; национальных комиссий по борьбе с наркотрафиком; Комитета по Меконгу и др. От Вьетнама Лаос получает помощь в обустройстве границы между двумя странами, в том числе путем строительства пограничных контрольно-пропускных пунктов, на регулярной основе стране оказывается содействие в повышении квалификации лаосских пограничников, таможенников, полицейских, специалистов по борьбе с наркотрафиком, что особенно важно, учитывая, что Лаос и Мьянма находятся на территории так называемого Золотого треугольника — региона выращивания опиумного мака.

Членство в организации усилило позиции республики при разрешении сложных двусторонних пограничных вопросов с асеановскими странами-соседями. В начале 2000-х годов ЛНДР смогла, наконец, в целом завершить многолетний процесс юридического оформления своих государственных границ, во многом решив тем самым проблему пограничных споров с Таиландом, Вьетнамом и Камбоджей.

Существующие ныне у Лаоса хорошие отношения со странами-соседями позволяют применять особые, мягкие правила миграции населения в приграничных районах. Так, на границе Лаоса с Камбоджей на протяжении многих лет существовала 20-километровая зона, в пределах которой население приграничных населенных пунктов обеих стран могло передвигаться без паспортов, например, в больницу, расположенную на лаосской территории или на рынок, работающий у кхмеров. Упрощенные правила приграничных обменов действуют также между Лаосом и Вьетнамом — на лаосско-вьетнамской границе действует более 10 КПП, предназначенных для прохода только местного населения. Вне рамок ВКЛМ у Лаоса существует также особый режим пересечения границы с Таиландом. В соответствии с ним лаос-

цы и тайцы, проживающие в приграничных провинциях, также могут пересекать границу в упрощенном порядке без использования международных паспортов, только на основании документов, подтверждающих их проживание в данных провинциях. Причем в последние годы Таиланд разрешил лаосским гражданам передвигаться таким образом вплоть до центральной части Таиланда (до Кората).

Хотя ЛНДР не имеет выхода к морю, в последние годы республика регулярно принимает участие в статусе наблюдателя в совместных военно-морских учениях стран АСЕАН с партнерами по диалогу. В сентябре 2023 г. она стала участником первых в истории АСЕАН совместных военных морских учений, проводимых Ассоциацией на фоне эскалации напряженности в АТР, с целью оказать влияние на баланс сил в этом регионе и продемонстрировать единство блока. В рамках ВКЛМ у Лаоса есть соответствующие соглашения с Вьетнамом о военном и военно-техническом сотрудничестве, которые позволяют им осуществлять тесное сотрудничество в этой сфере, включая проведение совместных учений и регулярных тренингов.

Влияние интеграции на экономическое развитие Лаоса

Экономические интересы членства в Ассоциации для ЛНДР являются приоритетными. Лаос также, как и другие члены «северного крыла» АСЕАН, стремится получить от интеграционных инициатив Ассоциации как можно больше для внутреннего социально-экономического развития. За четверть века республика была вовлечена во все макроэкономические проекты и программы Экономического сообщества АСЕАН (включая создание АФТА, Инвестиционной зоны АСЕАН, осуществление программы «Видение АСЕАН 2020», Ханойского плана действий, а затем Вьентьянской программы действий и др.), в том числе в реализуемую ныне десятилетнюю программу построения ЭСА до 2025 г., которая включает создание общего рынка и производственной базы, превращение ЮВА в конкурентоспособный регион, интеграцию в региональную и глобальную экономику, сокращение разрыва в уровнях социально-экономического развития стран-членов.

Для ЛНДР, которая в 2006 г. объявила о переходе к индустриализации и модернизации, важно, что Ассоциацией в качестве приоритетных отраслей выбраны производство аграрной продукции, каучука, текстиля, одежды, рыболовство, лесная промышленность, развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), воздушного

транспорта, логистики, туризма, здравоохранения. Все эти отрасли наиболее важны для собственного экономического развития Лаоса. С учетом этого он придает важное значение совещаниям министров экономики АСЕАН и отраслевых органов, видя в них основную площадку по обсуждению текущих и перспективных задач, координации действий в продвижении и углублении практического сотрудничества на приоритетных направлениях.

Поскольку ЛНДР начала свое членство в АСЕАН с очень низкого старта, основными задачами стало создание в стране соответствующих институтов для ее полноценного участия в проектах и программах АСЕАН. После вступления Лаоса в Ассоциацию начатые в стране прорыночные реформы были встроены в программы экономического реформирования Ассоциации. Особенностью реформирования в Лаосе является то, что оно проводится «сверху вниз» и определяется не только реальными, текущими интересами и потребностями различных секторов и отраслей экономики в самом Лаосе, но и лежит в русле общих асеановских экономических преобразований, формируя таким образом будущую национальную экономическую среду.

Для Лаоса, который по классификации ООН относится к наименее развитым странам мира (НРС), особо важно максимальное вовлечение в программы Ассоциации по сокращению разрыва в уровне экономического развития ее членов, осуществляемые в рамках Инициативы интеграции АСЕАН (IAI). ЛНДР участвует в реализации специального рабочего плана, выстроенного с учетом потребности ВКЛМ в поддержке со стороны Ассоциации и сфокусированного на таких направлениях, как укрепление рыночных институтов, развитие инфраструктуры и ИКТ, развитие людских ресурсов и снижение бедности.

Базовые, долгосрочные экономические проекты Ассоциации, к которым подключилась ЛНДР, стали одним из локомотивов,двигающих лаосскую экономику. Особенно заметно это было в период 2000—2015 гг., когда темпы ежегодного прироста ВВП у ЛНДР были одни из самых высоких в АСЕАН. Постепенно росли доходы на душу населения, снижался уровень бедности. Самый высокий показатель прироста ВВП был достигнут в 2007 г. — 9 %, в 2008—2014 гг. среднегодовой прирост ВВП составлял порядка 8 %. В эти годы Лаос рассматривался как один из успешных примеров выхода из бедности стран, относящихся к группе НРС. Затем, однако, темпы экономического роста начали постепенно, но неуклонно снижаться. В 2018 г.

прирост ВВП составил 6,3 %, в 2019 г. — 5,5 %, в 2021 г. — 3,3 %¹. Тем не менее в постоянных ценах ВВП страны с 2012 по 2021 г. увеличился почти в 2 раза (с 10,19 до 19,64 млрд долл. США)². В 2020 г. доход на душу населения составил 2642 долл. США (в 2021 г. 2693 долл.), показатель уровня бедности населения — 16,9 % (снизился с 24,6 % в 2013 г.), уровень национальной продовольственной безопасности достиг 69 %³.

На период до 2025 г. темпы прироста ВВП Лаоса прогнозировались на уровне 6—7 %, в этом случае ЛНДР должна была остаться в группе стран с наиболее высокими в Ассоциации показателями роста [Локшин 2019: 75]. Однако прогнозы были перечеркнуты пандемией COVID-19, которая вызвала значительное сокращение хозяйственной активности, серьезное падение уровня жизни населения. В 2022 г. среднедушевой доход составил только 1901 долл. США., сократившись за три пандемийных года на 700 долл., и страна оказалась отброшена на несколько лет назад. Лаос смог удержать положительные макроэкономические показатели: в 2020 г. темпы прироста ВВП составили 3,3 %, в 2021 г. — 3,5 %, в 2022 г. — 4,4 %⁴. Однако для такой малой экономики это совершенно недостаточно, и стране потребуются значительные усилия и, возможно, несколько лет для восстановления динамики развития.

Еще одной осложнившей экономическое положение страны проблемой стало резкое увеличение внешнего долга (ныне он превысил 100 % ВВП страны), произошедшее главным образом в связи с реализацией в Лаосе очень крупного объекта транспортной инфраструктуры — строительства Китаем, в счет предоставленного Лаосу кредита, железной дороги, которая связала китайскую провинцию Юньнань через Лаос с Таиландом.

В результате, снижение темпов роста и увеличение внешнего долга не позволили республике достичь давно намеченной цели — покинуть группу наименее развитых стран к 2024 г., а к 2030 г. войти в нижнюю подгруппу государств со средним уровнем развития. Теперь

¹ Key Indicators Database / Asian Development Bank. 2021. URL: <https://kidb.adb.org/themes/regional-tables>

² ASEAN Statistical Yearbook 2022. Jakarta, 2022. P. 41.

³ Annual Economic Report 2020 / Lao Statistics Bureau, Ministry of Planning and Investment. URL: https://www.bol.gov.la/en/fileupload/30-06-2021_1625059683.pdf

⁴ Statistical Yearbook 2022 / Lao Statistical Information Service. URL: https://laosis.lsb.gov.la/board/BoardList.do?bbs_bbsid=B404

республике предстоит серьезная корректировка целей и темпов экономического подъема.

Вместе с тем членство в АСЕАН, несомненно, оказало стимулирующее влияние на экономическое развитие Лаоса. За годы членства в Ассоциации заметные изменения произошли в структуре лаосской экономики. Получили развитие промышленность, прежде всего, гидроэнергетика и добыча полезных ископаемых, транспортная сфера, включая пассажирские, внутренние и внешние грузоперевозки, логистика, туризм. При этом приносящие ныне стране значительные доходы гидроэнергетическая и туристическая отрасли были фактически созданы с нуля. В сельском хозяйстве страны устойчиво формируется плантационное хозяйство, ориентированное на выращивание, прежде всего, технических культур, имеющих экспортное значение. Развивается внешнеторговая сфера, увеличиваются доходы страны от экспорта, растет приток иностранных инвестиций, крепнет национальный бизнес. Появились высокотехнологичные производства в сфере гидроэнергетики и добывающей промышленности, небольшие производства по сборке из компонентов электронной автомобильной, авиационной техники, расширился ассортимент изделий легкой и пищевой промышленности.

Вклад промышленности в ВВП вырос с 21,1 % в 1999 г. до 38,6 % в 2022 г.; вклад сельского хозяйства, напротив, уменьшился с 57 % до 17,4 %; сфера услуг дала 43 % ВВП¹, прежде всего, за счет торговли и туризма.

Довольно высока динамика развития внешней торговли республики при постепенном преодолении ее несбалансированности и изменении структуры. Если в 2000 г. импорт составлял 33 %, а экспорт 22 % от ВВП, то, несмотря на пандемию, ЛНДР смогла не допустить обрушения показателей, и в 2021 г. они были 30 % и 32,1 % соответственно. В 2022 г. экспорт ЛНДР достиг 8,42 млрд долл. США (без реэкспорта — 6,13 млрд долл.), увеличившись, по сравнению с 2021 г., на 9,4 %; импорт — 6,86 млрд долл. США². Изменения произошли и в номенклатуре экспортных товаров. Основной статьёй экспортных доходов стала электроэнергия. В 2020 г. ЛНДР продала за рубеж примерно 80 % произведенной электроэнергии, за счет чего получено

¹ Статистика АСЕАН приводит иную структуру ВВП Лаоса в 2021 г.: соответственно 29,4, 20,4 и 38,1%. См.: ASEAN Statistical Yearbook 2022. Jakarta, 2022. P. 44.

² Здесь и далее статистические показатели приведены по: Annual Economic Report 2020 и Statistical Yearbook 2022 (см. примеч. 4, 5).

30,6 % доходов от экспорта. После начала добычи меди и золота в ЛНДР эти металлы также заняли прочное место в экспорте страны (в 2020 г. — 14,6 %).

Как торговые, так и инвестиционные связи ЛНДР ориентированы в основном на страны АСЕАН. Показательно, что, в отличие от развитых членов АСЕАН, доля внешней торговли Лаоса со странами Ассоциации является одной из самых высоких, хотя она имеет тенденцию к постепенному снижению. Так, в 2016 г. она составляла 63,7 %, в 2019 г. — 60,2 %, в 2022 г. — 56,8 %). Однако это вызвано не расширением географии лаосской торговли, а определяется ростом товарооборота с государствами-соседями, которые традиционно являются лидерами во внешнеторговых связях Лаоса, — Таиландом и Вьетнамом, а из стран, не входящих в Ассоциацию, — с Китаем. В 2022 г. в экспорте Лаоса на Таиланд пришлось 34,1 %, Вьетнам — 18,3 %, Китай — 28,5 %; в импорте — 49,7 %, 6,3 % и 24,5 % соответственно (табл. 1, 2).

Таблица 1. Экспорт ЛНДР в страны АСЕАН в 2022 г.

Государства	Экспорт (тыс. долл. США)	К общему объему экспорта ЛНДР (%)
Экспорт ЛНДР (включая реэкспорт)	8 421 062	100,00
Экспорт ЛНДР в АСЕАН, в том числе:	4 731 873	56,85
Бруней	38	0,00
Камбоджа	197 956	2,29
Индонезия	1504	0,02
Малайзия	9487	0,11
Мьянма	4309	0,05
Филиппины	8860	0,10
Сингапур	164 062	1,90
Таиланд	2 942 990	34,05
Вьетнам	1 402 667	18,33
Экспорт ЛНДР в другие страны, в том числе:		
Китай	2 396 867	28,46

Источник: Statistical Yearbook 2022 / Lao Statistical Information Service. URL: https://laosis.lsb.gov.la/board/BoardList.do?bbs_bbsid=B404

Таблица 2. Импорт ЛНДР из стран АСЕАН в 2022 г.

Государства	Импорт (тыс. долл. США)	К общему объему импорта ЛНДР (%)
Импорт ЛНДР (всего)	6 858 544	100,00
Импорт ЛНДР из АСЕАН, в том числе:	3 964 544	57,80
Бруней	0,96	0,00
Камбоджа	5045	0,07
Индонезия	18 276	0,27
Малайзия	57 913	0,84
Мьянма	11 287	0,16
Филиппины	2200	0,03
Сингапур	84 821	1,24
Таиланд	3 356 632	48,94
Вьетнам	428 338	6,25
Импорт ЛНДР из других стран, в том числе:		
Китай	1 678 070	24,47

Источник: Statistical Yearbook 2022 / Lao Statistical Information Service. URL: https://laosis.lsb.gov.la/board/BoardList.do?bbs_bbsid=B404

За период членства в Ассоциации ЛНДР смогла добиться устойчивого роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В 2020 г. объем накопленных ПИИ превысил 32 млрд долл. Ныне в ЛНДР работают инвесторы из более чем 40 государств. Но основные капиталовложения (свыше 70 % инвестиций) осуществляют Таиланд, Вьетнам и Китай.

Основной объем внешних инвестиций идет в сферы, связанные с использованием возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов: гидроэнергетику, добычу полезных ископаемых, крупное плантационное хозяйство, сферу услуг, включая торговлю, транспорт и связь. За 1989—2018 гг. в гидроэнергетику инвестировано около 30 %, геологоразведку и добывающую отрасль — 22 %, сферу услуг — 18 %, аграрный сектор — 11 %, промышленность и ремесла — 6 %, что составило 87 % всех ПИИ.

При этом серьезной проблемой остается то, что «освоение» страны иностранным бизнесом не приносит ей тех доходов, на которые она могла бы рассчитывать. Эксплуатацией и обслуживанием транс-

портных коридоров, железнодорожной магистрали занимаются главным образом иностранные партнеры Лаоса. Так, перевозки по проходящему через территорию ЛНДР транспортно-экономическому коридору Восток—Запад осуществляются в основном компаниями Вьетнама и Таиланда, по железной дороге — Китаем. Аграрная продукция вывозится преимущественно в непереработанном виде. И для изменения ситуации Лаосу предстоит еще длительная и экономически очень сложная работа.

Ныне республика занимает достаточно заметное место в крупных инфраструктурных проектах Ассоциации, нацеленных на интеграцию и развитие взаимосвязанности как между членами АСЕАН, так и со странами-партнерами в Восточной Азии, прежде всего с Китаем. Географическое положение ЛНДР в центре Индокитая без выхода к морю всегда было серьезным сдерживающим фактором для экономического развития страны. Однако после вступления Лаоса в АСЕАН и объединения в рамках Ассоциации всей ЮВА, это превратилось для страны в значимый потенциал роста. Лаос постепенно становится одним из центров пересечения транспортно-логистических потоков. Он вовлечен в план развития взаимосвязанности АСЕАН (Master Plan on ASEAN Connectivity), в соответствии с которым в регионе через созданный при участии Азиатского банка развития (АБР) инвестиционный фонд АСЕАН ведется сооружение ключевых инфраструктурных объектов. Транспортное и логистическое «освоение» лаосской территории идет, прежде всего, через реализуемые с начала 2000-х годов проекты строительства трех транспортных и транспортно-экономических коридоров, которые связали между собой страны региона и, прежде всего, Индокитай. Основной коридор Восток—Запад проходит через центральный Лаос и связывает Вьетнам, Лаос, Таиланд и Мьянму. Другой, коридор Север—Юг, выстроенный с китайским участием, прошел через север Лаоса и связал китайскую провинцию Юньнань с Таиландом. Третий коридор Юг—Юг должен связать Вьетнам, Лаос и Камбоджу. Вдоль этих коридоров создаются специальные экономические зоны с иностранным участием.

На границе Лаоса с соседними странами — Таиландом, Вьетнамом, а также Китаем — функционирует около 20 международных контрольно-пропускных пунктов, через которые идут грузо- и пассажиропотоки. За последние 20 лет построено 5 современных мостов через Меконг, соединяющих Лаос с Таиландом, действуют 4 международных аэропорта, осуществляющих регулярные рейсы во Вьетнам, Камбоджу и Таиланд.

Отрасли экономики и партнеры — выгодоприобретатели интеграции

С включением Лаоса в проекты создания железнодорожной сети АСЕАН в республике началось формирование нового вида транспорта — железнодорожного. В 2009 г. в пригород Вьентьяна через «мост лаосско-тайской дружбы» был протянут первый 12-километровый участок железной дороги, позволивший наладить пассажирское и грузовое сообщение лаосской столицы с Таиландом. В 2014 г. здесь начал работать крупный контейнерный склад и создается логистический хаб для обслуживания грузоперевозок между Таиландом, Лаосом и Китаем.

Лаос также вовлечен в грандиозный китайский проект «Один пояс, один путь». Частью его стало строительство лаосского участка железной дороги длиной около 500 км, которое было завершено в декабре 2021 г. Дорога связала китайскую провинцию Юньнань через горные северные провинции Лаоса и лаосскую столицу Вьентьян с железнодорожной сетью Таиланда. Стоимость участка в Лаосе составила порядка 7 млрд долл. США, 70 % объема инвестиций обеспечил Китай, 30 % — Лаос.

Серьезный стимул для своего развития в последние годы получила лаосская гидроэнергетика, финансируемая в значительной степени через АБР. В 2022 г. её вклад в ВВП оценивался примерно в 12 %. Определяющее влияние на темпы роста отрасли оказывают экономические интересы и растущие потребности стран Ассоциации в энергетических ресурсах. Лаос, на территорию которого приходится 51 % гидроэнергетического потенциала нижнего бассейна реки Меконг, включен в проекты создания единой энергетической системы АСЕАН. В соответствии с ними в ЛНДР в ближайшее десятилетие должно быть возведено порядка 60 больших и малых ГЭС. Стране отводится роль «электрической батарейки» АСЕАН. Лаосская электроэнергия должна стать важным слагаемым энергетической безопасности региона. При этом главным импортером лаосской электроэнергии выступает Таиланд, который рассчитывает стать одним из центров торговли электроэнергией в АСЕАН, энергетическим хабом, перепродавая лаосскую электроэнергию в Малайзию, а через нее в другие страны АСЕАН.

Во многом благодаря интеграционным программам АСЕАН с конца 1990-х годов в ЛНДР начала динамично развиваться туристическая отрасль. Лаос включен в Стратегический план АСЕАН по разви-

тию туризма, в рамках которого в стране ведется подготовка кадров, налаживание связей с зарубежными турфирмами, создание логистических условий, в частности либерализации визового режима, инвестиционное содействие. С учетом изначально слабого развития туристических услуг для Лаоса в АСЕАН выбрана ниша «экологического туризма». ЛНДР включена в туристический «треугольник» Таиланд—Лаос—Камбоджа.

За период с 1989 по 2019 г. турпоток вырос с 2,6 тыс. до 4,3 млн человек, что для страны с 7-миллионным населением является серьезным показателем. Вместе с тем туризм в Лаосе имеет свои ярко выраженные особенности. Он существует главным образом за счет тайландских туристов и передвижения через страну граждан Вьетнама и Китая. Туристов из европейских стран, Канады, США и Австралии немного — порядка 300—350 тыс. в год. Основной поток туристов идет из Таиланда, они приезжают в Лаос посетить родственников, поклониться буддийским святыням, закупить товары. Перед началом пандемии их число составляло ежегодно более 2 млн человек. Второе место принадлежало вьетнамцам — до 1 млн человек в год, третье — китайцам (более 500 тыс. человек). Однако, как представляется, граждане Вьетнама и Китая, въезжавшие в Лаос с заявленными туристическими целями, отнюдь таковыми не являлись. Судя по всему, это потоки мигрантов,двигающихся через Лаос на работу в Таиланд, Малайзию и др. страны.

Пандемия COVID-19, в результате которой доступ в страну туристов был закрыт около трех лет, нанесла отрасли разрушительный удар, потребуется время и большие финансовые вложения для ее восстановления. В 2022 г. Лаос посетило около 730 тыс. туристов из Таиланда, 360 тыс. — из Вьетнама, 45 тыс. — из Китая¹.

Достаточно успешно в Лаосе развиваются ИКТ, но и в этой сфере основные позиции также принадлежат трем основным партнерам страны. В группу основных операторов сотовой связи, помимо национальных, входят лаосско-тайландская компания Lao Telecom Company и лаосско-вьетнамская — Star Telecom, которые в последние годы испытывают сильное давление со стороны китайской компании Huawei.

Анализ показывает, что процессы экономического и инвестиционного сотрудничества Лаоса с АСЕАН идут, прежде всего, по линии

¹ Statistical Yearbook 2022 / Lao Statistical Information Service. URL: https://laosis.lsb.gov.la/board/BoardList.do?bbs_bbsid=B404

углубления связей в тех сферах, которые представляют наибольший интерес и имеют экономическую ценность для Ассоциации в целом и ее наиболее экономически развитых членов, в частности. Это, как уже отмечалось, транспорт и связь, гидроэнергетика, добывающая и аграрная сферы, туризм. И эта тенденция будет сохраняться в будущем.

Вместе с тем интеграционные процессы пока не смогли сколь-либо заметно диверсифицировать экономические, торговые и инвестиционные связи Лаоса внутри Ассоциации. Лаосская экономика, ее инвестиционная сфера, за исключением традиционных партнеров Лаоса, остается для бизнеса развитых стран АСЕАН в целом малопривлекательной. В результате хозяйственные связи Лаоса внутри Ассоциации практически остаются неизменными, основные позиции в этой сфере по-прежнему занимают Таиланд и Вьетнам, а из стран — диалоговых партнеров АСЕАН — Китай, причем последний довольно быстро усиливает свою экономическую экспансию в Лаос.

Говоря о специфике процессов экономической интеграции внутри Индокитая и стран Индокитая в АСЕАН, необходимо выделить сферу, очень тесно связывающую, сближающую интересы членов ВКЛМ, где они либо противостоят друг другу при отстаивании своих позиций, либо консолидируются для их продвижения как внутри АСЕАН, так и перед внешними партнерами. Речь идет о развитии субрегиона Большого Меконга и управлении водными ресурсами этой главной артерии Индокитая. Лаос в силу географического положения играет в этой сфере консолидирующую роль. Охватывая различные направления экономического, технологического, экологического развития региона, данная сфера важна и для АСЕАН в целом. На ее развитие направлены как отдельные отраслевые, так и комплексные программы и проекты Ассоциации.

Что касается процессов интеграции и экономического сотрудничества Лаоса со странами группы ВКЛМ в других областях, то на двустороннем уровне они определяются, прежде всего, развитием связей Лаоса с Вьетнамом.

За годы членства в Ассоциации характер экономических связей Лаоса с Камбоджей и Мьянмой в целом не изменился — они остаются очень слабыми. Двусторонняя торговля минимальна и не имеет выраженной динамики, взаимные инвестиции практически отсутствуют. Лаос, также как Камбоджа и Мьянма, ориентирован не столько на усиление взаимных экономических контактов, сколько на развитие сотрудничества с АСЕАН в целом и с ее передовыми членами, которые могут быть для Лаоса донорами в финансовой и технологиче-

ской сферах. Причина в том, что эти страны обладают во многом сходной отраслевой структурой, внешнеторговыми и финансовыми возможностями, близки по уровню экономического развития. В определенной степени они конкурируют между собой в борьбе за ресурсы Ассоциации, в том числе и в рамках программ по подъему экономики отстающих стран ЮВА.

Связи Лаоса с Вьетнамом во многом определяются существованием «особых отношений» между двумя странами, которые проявляются в очень тесном двустороннем взаимодействии во всех сферах. Для Лаоса Вьетнам является не только партнером, но и «старшим братом», на которого страна может опереться в политическом и экономическом плане. Но и для Вьетнама Лаос очень важен в геополитическом (страны имеют самую протяженную общую границу), а также в экономическом плане, что во многом определяет его стремление к усилению своего влияния в Лаосе. Лидером в лаосско-вьетнамских отношениях выступает экономически более развитый Вьетнам. Для примера, в 2022 г. ВВП Вьетнама составил 406,45 млрд долл. США, а Лаоса — 15,53 млрд долл.¹. СРВ, как уже отмечалось, занимает 3-е место во внешнеторговой и инвестиционной сфере Лаоса, являясь таким образом одним из его главных торгово-экономических партнеров.

Обе страны нацелены на дальнейшее наращивание взаимодействия, которое, впрочем, ограничено, по сравнению с Китаем и Таиландом, экономическими возможностями Вьетнама. Вьетнамский бизнес пока не столь развит и имеет не так много свободных средств для инвестирования в крупные зарубежные проекты. Так, несмотря на ориентацию двух стран на увеличение двустороннего торгового оборота с целью ослабления товарной зависимости Лаоса от Таиланда, объемы торговли между СРВ и ЛНДР растут медленно и остаются небольшими. Вьетнам пока не так много может предложить для наполнения потребительского рынка Лаоса. При этом показательно, что экспорт экономически более слабого Лаоса во Вьетнам в три раза превышает импорт, что свидетельствует о потребности «старшего брата» в лаосских товарах. Вьетнам импортирует аграрную и животноводческую продукцию, древесину и пиломатериалы, электроэнергию для обеспечения южных районов страны.

¹ IMF: PDB Indonesia Paling Besar di ASEAN (ВВП Индонезии самый большой среди стран АСЕАН). URL: <https://money.kompas.com/read/2023/07/10/050800126/imf--pdb-indonesia-paling-besar-di-asean>

Более масштабно сотрудничество двух стран в инвестиционной сфере, которое представлено исключительно вьетнамскими инвестициями в Лаос. Развивающийся быстрыми темпами Вьетнам заинтересован шире использовать ресурсный потенциал Лаоса. Он активно инвестирует в аграрный сектор через развитие плантационного хозяйства, прежде всего гевеи, технических культур, кофе. Интересы Вьетнама распространяются также на лаосскую гидроэнергетику, горнодобывающую сферу, транспорт и связь. Во многом благодаря международным проектам две страны уже имеют хорошее транспортное сообщение, которое важно прежде всего для региональных грузоперевозок.

В целом, характеризуя лаосско-вьетнамское торгово-инвестиционное сотрудничество, можно говорить о росте взаимосвязанности, а не об углублении экономической интеграции между двумя странами. Вьетнам получает из Лаоса дополнительные возобновляемые и невозобновляемые ресурсы и товары для собственного развития, а Лаос — инвестиции и технологии.

Глава 9

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАМБОДЖИ И ТАИЛАНДА: ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВНУТРИ АСЕАН

Преломление теории конфликта в отношениях сторон

Отношения между Камбоджей и Таиландом берут начало в XIII в., можно утверждать, что и территориальные споры между ними делятся с тех пор. В зависимости от обстоятельств они то ослабевали, как во времена французской колонизации Камбоджи, то обострялись, как во время Второй мировой войны, когда Камбоджа была оккупирована Японией, однако сам факт территориальных претензий сохранялся неизменным. В данной главе противостояние между этими странами рассмотрено с точки зрения трансформации конфликта и его компонентов, которая может привести к разрешению, казалось бы, неразрешимых противоречий, конфликтов ценностей и интересов.

Согласно теории конфликта финского исследователя Раймо Вайринена, его трансформация может включать трансформацию сторон конфликта, проблем, конфликт породивших, правил его урегулирования, собственно структурную трансформацию [Vaarynen 1991]. Трансформация сторон конфликта означает изменение состава участников или появление новых игроков. Трансформация проблемы подразумевает поиск точек соприкосновения, что может потребовать значительных структурных изменений со стороны участников конфликта. Трансформация правил изменяет нормы взаимодействия сторон, в то время как структурная трансформация представляет собой наиболее значимый способ изменения конфликта.

Изменение конфликта между Камбоджей и Таиландом происходит по всем четырём упомянутым параметрам, что наиболее наглядно прослеживается после 1997 г., когда у власти в Камбодже окончатель-

но утвердился премьер-министр Хун Сен, устранивший своего конкурента принца Нородома Ранарита в ходе военного переворота. Несмотря на то что Таиланд осудил произошедшее, министр иностранных дел королевства Чавалит Йонгчаюд отказался встретиться с Ранаритом, в отличие от его коллег из Индонезии, Филиппин и Сингапура. Более того, в силу ослабления опасений перед «вьетнамским экспансионизмом» между сторонами стало развиваться сотрудничество в сфере бизнеса [Реуи 1998].

Факторы сближения двух стран

Одним из ключевых факторов сближения между странами стало изменение внешней политики Таиланда в отношении Пномпеня, наметившееся особенно чётко после того, как в Таиланде набрал влияние Таксин Чиннават, выдвинувший приоритетом своей региональной политики развитие бизнес-связей, что приветствовалось в Камбодже. Подобный подход позволил поднять торговый оборот более чем вдвое: если в 2002 г. он составлял 445 млн долл. США, то в 2006 г. — уже 1 млрд [Deth 2018]. Схожая ситуация сложилась и в камбоджийско-китайских отношениях. Пекин классифицировал переворот 1997 г. как внутреннее дело Камбоджи и сделал упор на экономическое сотрудничество, не предъявляя политических условий, что позволило сторонам достаточно быстро сблизиться. Это свидетельствует, что Таксин избрал тогда максимально эффективную политику взаимодействия с камбоджийскими властями, крайне болезненно относившимися к любой критике в свой адрес по вопросам демократии и прав человека.

Символическим жестом примирения стала встреча Хун Сена и Таксина Чиннавата перед храмом Ангкор-Ват — лидеры стран пожали руки, тем самым завершив конфликт. Помимо торжественной части была и деловая: в ходе двух встреч, в Сиемриапе и Убонратчатхани, стороны договорились открыть новые пункты пересечения границ, вернуться к вопросу их делимитации. Также Таиланд согласился профинансировать строительство дорог в кхмерских провинциях Кох Конг, Сиемреап и Оддар Меантьей [Sambath 2003]. Финансирование дорожного строительства станет одной из постоянных тем для обсуждения между странами в те моменты, когда отношения находились на подъёме.

Таким образом, с приходом новых премьер-министров и развитием экономических связей произошла смена лидеров стран-участни-

ков конфликта и его проблематики, позволив сторонам начать диалог фактически заново и в новых условиях, когда появилось больше точек соприкосновения.

В 2006 г. в Таиланде произошёл военный переворот, и премьер-министр Таксин Чиннават был отстранён от власти. Несмотря на это, отношения между странами не испортились, так как его преемники на посту — Сомчай Вонгсават и Самак Сунтхаравет — находились под значительным влиянием Таксина, а сам бывший премьер сохранял тесные связи с Хун Сенем и был заинтересован в продвижении своих бизнес-интересов в камбоджийской провинции Кох Конг.

В декабре 2007 г. Камбоджа и Таиланд принципиально договорились о введении единой формы виз, которая позволила бы туристам свободно въезжать в обе страны, однако процесс согласования завершился лишь в декабре 2012 г.¹ Изначально обсуждение этой формы велось представителями пяти стран (Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам), однако первыми заключили такое соглашение Бангкок и Пномпень. Решение было найдено за счет интеграции компьютерных сетей двух стран. Другим стимулом было содействие туризму: в 2000-х годах он развивался в Сиемриапе бурными темпами, и Таиланд стал крупным поставщиком электричества и всевозможных товаров для обслуживания туристической отрасли [Chheang 2011].

В этот период обе страны стремились найти новые направления для развития сотрудничества. Так, в 2000 г. Камбоджа предложила реализовать концепцию «Изумрудного треугольника». Подобно печально известному «Золотому треугольнику», он включал в себя территории трёх стран — Таиланда, Лаоса и Камбоджи — и был так назван потому, что данный регион богат лесными ресурсами. В 2003 г. состоялась первая официальная встреча министров иностранных дел Камбоджи, Лаоса и Таиланда в Паксе, бывшей столице Лаоса. Подписанная сторонами Декларация Паксе анонсировала организацию международного пограничного пункта пропуска с услугой «одного окна», развитие людских ресурсов, развитие туризма в «Изумрудном треугольнике», развитие инфраструктуры и туристических объектов [Supatn 2012]. Камбоджийская сторона предлагала строительство развлекательных комплексов и полей для гольфа, однако инициатива не была реализована по ряду причин, которые включали проблему неразрешившихся мин, отсутствие демаркации границ между странами,

¹ Thai Visa Online News. URL: <https://www.thaivisa-news.com/thai-cambodian-single-visa/>

неразвитость местной инфраструктуры и протесты со стороны тайских защитников окружающей среды, утверждавших, что реализация данного проекта нанесёт непоправимый ущерб водосборному бассейну в провинции Убонратчатхани [Deth 2014].

Тем не менее работа над инициативой продолжилась, и в 2009 г. состоялась новая встреча министров иностранных дел трёх стран в Сиемриапе. В ходе обсуждения были рассмотрены вопросы развития сотрудничества и принято решение расширить его на новые сферы, в том числе сельское хозяйство, создание инфраструктуры, продвижение торговли и достижение устойчивого регионального экономического роста. Однако эта встреча не привела к какому-либо значительному продвижению инициативы. В 2013 г. кабинеты министров Таиланда и Камбоджи решили возобновить реализацию проекта¹, но и это мало способствовало какому-либо заметному прогрессу. Только в 2021 г. стало известно о выделении средств на развитие «Изумрудного треугольника»².

Разобщающие факторы в двусторонних отношениях

Важнейшим фактором, помешавшим укреплению сотрудничества между Камбоджей и Таиландом в тот период, стал *территориальный конфликт вокруг храма Преах Вихеар и прилегающей к нему территории* (рис. 1).

В 1953 г., вскоре после объявления Камбоджей независимости, тайские войска оккупировали храм, мотивируя это таиландско-французским договором о границах 1904 г. Камбоджийская сторона, в свою очередь, апеллировала к французской карте 1907 г., согласно которой храм находился на территории Камбоджи. В октябре 1959 г. король Нородом Сианук направил дело на рассмотрение Международного суда ООН, который в 1962 г. постановил, что храм находится на камбоджийской территории и принадлежит Пномпеню. Несмотря на негативную реакцию общественности, Бангкок был вынужден принять сложившуюся ситуацию и вывести войска.

В 2007 г. Камбоджа, при поддержке Таиланда, приняла решение подать заявку на включение храмового комплекса в Список всемир-

¹ Development plan needs to have a singular focus // Nation (Thailand). (June 17, 2013). URL: <https://www.nationthailand.com/perspective/30208497>

² GMS Program. July 5, 2021. URL: <https://greatermekong.org/projects/projects/tourism-infrastructure-development-green-triangle-development-area-loan-4944>

Рис. 1. Храм Преах Вихеар (карта).

Источник: URL: <https://www.rfa.org/english/news/cambodia/verdict-10162013160957.html>

ного наследия ЮНЕСКО, добавив условие, выдвинутое тайской стороной: «В духе доброй воли и примирения Королевство Камбоджа соглашается с тем, чтобы храм Преах Вихеар был номинирован на включение в Список всемирного наследия без буферной зоны на северном и западном участках храма на данном этапе» [Deth 2014]. Тем не менее даже такая уступка не устроила тайскую оппозицию в лице Демократической партии и Народного альянса за демократию, и в ходе массовых протестов они вынудили свое правительство отозвать согласие.

Предыстория конфликта непосредственно за храм и причины, по которым обе страны воспринимают его так болезненно, весьма поучительны. Причины кроются не только в несовпадающих границах, картах или спорных участках территории, но и в том, что и Камбоджа, и Таиланд воспринимают Преах Вихеар как часть своей национальной идентичности. Это превращает противостояние не просто в территориальный спор, но в конфликт «кхмерскости» и «тайскости» [Gosrisirikul 2020].

В январе 2003 г. отношения между сторонами сделали резкий разворот, когда камбоджийская газета Rasmey Angkor опубликовала провокационную заметку о том, что некая тайландская телезвезда якобы

заявила о том, что Ангкор-Ват принадлежит Таиланду¹. Несмотря на то, что эта информация впоследствии не подтвердилась, она вызвала всеобщее негодование в Камбодже ввиду сохранявшейся на тот момент сложной обстановки в отношениях между странами. Напряжение выросло настолько, что тайское посольство в Пномпене было сожжено, владельцы тайских фирм подверглись нападениям, а множеству тайцев пришлось бежать из страны, спасая свои жизни. Всё это привело к разрыву отношений между странами. Таксин Чиннават выслал посла Камбоджи, закрыл границу для камбоджийцев и направил самолеты ВВС и спецназ для эвакуации сотен тайцев из Пномпеня, включая всех дипломатов [Aglionby 2003]. Вскоре после этого тайская сторона выдвинула три условия для нормализации отношений: 1) подробное объяснение со стороны Королевского правительства Камбоджи своей неспособности ответить на просьбы тайцев о защите; 2) полная компенсация всех убытков, понесенных правительством Королевства Таиланд, его дипломатическим персоналом и тайскими гражданами; 3) правосудие в отношении лиц, совершивших насилие, и подстрекателей, ответственных за него [Kwa 2020: 12].

Правительство Камбоджи ответило тем, что возложило ответственность за погромы на неких «экстремистов» и арестовало 175 человек, участвовавших в нападениях на тайские компании. Помимо этого, оно принесло извинения Бангкоку и приняло выдвинутые условия, заявив, что власти неправильно оценили ситуацию и не приняли надлежащих мер. Пномпень пошёл на такие меры, как проведение кампании по просвещению общественности и опровержению притязаний Таиланда на Ангкор-Ват, слухи о которых послужили одной из причин погромов². Принятые меры свидетельствуют, что Камбоджа была крайне заинтересована в налаживании отношений с Таиландом и продолжении получения помощи. В результате этих шагов к апрелю 2003 г. отношения вернулись на прежний уровень. Решение Пномпеня, на наш взгляд, говорит ещё и о трансформации правил конфликта, то есть Камбоджа отдала приоритет не принципу сохранения «национальной гордости», но конструктивному взаимодействию со своим соседом.

После того как в декабре 2008 г. премьер-министром Таиланда стал председатель Демократической партии Апхисит Вечачива, ситуа-

¹ Подробнее см.: [Kwa 2020].

² Report to the Congress on the Anti-Thai Riots in Cambodia on January 29, 2003. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rpt/20565.htm>

ция усложнилась. Таиланд занял более жёсткую позицию в отношении храма Преах Вихеар и окружающих территорий. Для нового тайского кабинета, выступавшего с националистических позиций, сам факт подачи Камбоджей заявки в ЮНЕСКО был доказательством того, что предыдущее протаксиновское правительство «продало» страну, поэтому новый кабинет пошел на обострение ситуации.

Положение дел усугублялось и характерным для тайской элиты однобоким пониманием истории. Множество образованных тайцев и представителей правящего класса проводят различие между кхмерами и кхомами (так в тайской академической среде называют жителей древней Ангкорской империи), считая их двумя отдельными этническими группами [Fry 2012]. По их мнению, именно кхомы, а не кхмеры, построили величественные храмовые комплексы в Ангкор-Вате и Ангкор-Тхоме и основали одну из самых величественных древних империй в мире. Они также утверждают, что кхмерская культура, например, различные формы танцевальной драмы в масках, является всего лишь «производной» от тайской культуры [Kasetsiri 2003].

Дело дошло до вооружённых столкновений на границе с применением стрелкового оружия, а в 2009 г. в ходе конфликта использовалась артиллерия. В феврале и апреле 2011 г. на границе вновь шли бои, стороны стягивали дополнительные войска. Ситуацию удалось урегулировать только после того, как Международный суд ООН подтвердил принятое в 1962 г. решение, что храмовый комплекс Преах Вихеар находится на территории Камбоджи и Таиланд обязан вывести оттуда свои вооружённые силы.

В период противостояния в обеих странах усилилась националистическая истерия. Дипломатические пресс-релизы, СМИ и комментарии пользователей на сайтах социальных сетей отражали взаимную неприязнь и недоверие между двумя странами. Статистика министерства туризма Камбоджи также показала, что за период с 2008 по 2012 г., когда общий поток иностранных туристов в Камбоджу вырос, количество гостей из Таиланда, напротив, сократилось. Тем не менее, по некоторым оценкам, военный спор с Таиландом в этот период помог ускорить процесс государственного строительства, развитие инфраструктуры и коммуникаций в провинции Преах Вихеар. В результате этих социально-экономических преобразований кхмерские жители провинции стали воспринимать пограничный конфликт не так однозначно, хотя и поддерживали свои вооружённые силы [Deth 2017].

В тайском экспертном сообществе присутствует точка зрения, согласно которой решение 1962 г. касалось только спора о принадлеж-

ности храма Преах Вихеар, но не границы, демаркировать которую Международный суд не имел права [Songsuwanwira 2014]. Также отмечалось, что решение суда подразумевало вывод тайских войск с территории храма и прилегающей территории, однако на тот момент в пределах храма тайских войск не было.

Для решения проблемы Преах Вихеар тайские эксперты предлагают ряд мер, в частности, провести тщательное изучение границы территории храма Преах Вихеар и составить новую карту независимыми специалистами; организовать переговоры между Бангкоком и Пномпеном в рамках Совместной комиссии по двустороннему сотрудничеству (СК); установить каналы связи для координации работы и взаимопонимания на всех уровнях, а также провести демаркацию границы для решения проблем спорных участков территории.

С точки зрения камбоджийских исследователей, неопределённость тайской политической системы привела к нестабильности её исполнительной власти и потере баланса сил. Утверждается, что правительство Таиланда не в состоянии контролировать военных. В качестве примера кхмеры приводят инцидент 2008 г., когда тайские войска вошли в храм, однако, после того как Камбоджа потребовала вывести войска, военные заявили, что им нужно сначала проконсультроваться с парламентом. В начале политического правления Йинглак Чиннават бывший премьер-министр Таиланда Таксин Чиннават предположил, что внутренние конфликты в стране неизбежно обострятся, если Международный суд постановит, что Таиланд проиграл Камбодже дело о храме Преах Вихеар.

Власть королевского дворца и законы об оскорблении трона также имеют значение для баланса политических сил в Таиланде. Западные аналитики полагают, что реальная власть короля превышает установленную конституцией и формирует новый политический институт, который называют «сетевой монархией» [McCargo 2005]. Таксин Чиннават, дважды избиравшийся премьером — в 2001 и 2005 г., попытался противостоять «сетевой монархии», в результате его попытка стала одной из причин военного переворота 19 сентября 2006 г.

Сегодня националистическое движение используется тайскими политиками и крайне консервативными интеллектуалами для искажения истории с целью возвеличивания тайцев, чтобы привлечь к себе симпатии сторонников. Во время внутривластных конфликтов, начиная с 2008 г. лидеры Народного союза за демократию — тайского политического союза, выступавшего в поддержку монархии —

использовали националистическую идеологию как основу территориальных претензий к Камбодже.

Совет Безопасности ООН в 2011 г. выразил поддержку АСЕАН и Индонезии, председательствовавшей в том году, по урегулированию конфликта, но Ассоциация была по-прежнему скована обязательством невмешательства в дела стран-членов и не смогла принять активного участия в решении конфликта. Индонезия предложила Камбодже и Таиланду направить в обе страны индонезийских наблюдателей, призванных следить за соблюдением режима прекращения огня. Вначале стороны согласились, однако затем Таиланд отозвал своё согласие, в связи с чем инициативу пришлось свернуть¹.

Второй конфликт между странами, влияющий на их отношения, связан с неурегулированным конфликтом по спорной территории, на которую претендуют обе страны, так называемой *зоне претензий (ПЗП) в Сиамском заливе*. Эта территория охватывает около 26 тыс. кв. км и, по некоторым подсчётам, содержит более 500 млн баррелей нефти и газа². Как и вопрос о сухопутной границе, спор о морской границе между Камбоджей и Таиландом является колониальным наследием, возникшим в результате соглашения о границе между Францией и Сиамом, заключенном в 1904—1907 гг. На западе граница делимитирована претензией Камбоджи (1972 г.), а на востоке — встречной претензией Таиланда (1973 г.). Южная граница обозначена морской границей Камбоджи и Вьетнама (1991 г.).

Учитывая потенциальные экономические выгоды разработки нефти и природного газа в ПЗП, Камбоджа предложила совместное освоение этой территории. В результате в июне 2001 г. стороны согласовали Меморандум о взаимопонимании относительно зоны их спорных притязаний на континентальный шельф. В рамках Меморандума о взаимопонимании создана зона совместного развития (JDA), которая вместо споров может принести обоюдную выгоду. Соглашение о разделе доходов от продажи нефти в ПЗП достигнуто в 2006 г. Обе страны приняли модель, аналогичную той, которую используют Южная Корея и Япония в отношении раздела доходов от продажи ресурсов.

¹ Waging Peace: ASEAN and the Thai-Cambodian Border Conflict: Report / The International Crisis Group. Dec. 6, 2011 URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/waging-peace-asean-and-thai-cambodian-border-conflict>

² Khmer Times. Sept. 18, 2022. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501152822/new-talks-to-end-overlapping-claims-area-petroleum-riches-by-thailand-and-cambodia/>

Рис. 2. Добыча полезных ископаемых. Территория перекрывающейся зоны претензий составляет 26 000 кв. км, ведутся переговоры об урегулировании ее правового статуса.

Источник: Bangkok Post. Jan. 5, 2023.

Однако после подписания Меморандума страны разошлась во мнении — как будут делиться доходы от добычи нефти в рамках совместного проекта. Камбоджа предложила делить их поровну, но это предложение отверг Таиланд, который требовал большей доли доходов, утверждая, что основная часть нефтяных месторождений примыкает к Таиланду. В итоге Камбоджа и Таиланд договорились о разделе доходов от добычи ресурсов в центральных районах ПЗП по принципу 50 на 50. В районах же, расположенных ближе либо к Таиланду, либо к Камбодже, ближняя страна будет получать 85 % доходов, а 15 % будет отчисляться соответственно другой, более отдалённой стране. Также предполагалось изменение статуса зоны на зону совместного развития, однако здесь возникли разногласия: Таиланд предложил Камбодже 10 % доходов, а Камбоджа настаивала на разделении 60 и 40 % [McGrath 2015].

Несмотря на тупиковую ситуацию, и Камбоджа, и Таиланд выдали лицензии на добычу нефти таким крупным нефтяным компаниям, как Chevron, British Gas и австралийская ВНР. Тем не менее обе страны обвиняют друг друга в размещении военно-морских сил и военных кораблей в спорных районах и нарушении двусторонних соглашений о патрулировании.

На пути к преодолению кризиса

Отношения между Камбоджей и Таиландом вновь претерпели поворот, когда в июле 2011 г. к власти в Таиланде пришла Йинглак Чиннават, председатель партии «Пхья Тхай», младшая сестра бывшего премьер-министра Таксина Чиннавата, которая объявила о своём намерении наладить отношения с соседними странами, что на фоне недавнего территориального конфликта, скорее всего, относилось к Камбодже. Тенденция сохранилась после прихода к власти Ниваттамронга Бунсонгпайсана, а за ним генерала Прают Чан-Оча в 2021 г.

Прают Чан-Оча посещал Камбоджу с визитами дважды — в 2014 и 2017 г., одной из целей этих визитов было стремление легитимации своей власти в глазах международного сообщества. В случае Камбоджи это было особенно важно, так как Хун Сен продолжал поддерживать достаточно близкие отношения с семьей Чиннават, и Прают хотел убедиться, что отношения между странами не пострадают после переворота.

В 2015 г. Хун Сен прибыл в Таиланд с рабочим визитом, который пришёлся на юбилейный год 65-летия установления камбоджийско-тайских дипломатических отношений и проходил на фоне ослабления взаимной напряжённости между странами. Стороны договорились к 2020 г. довести взаимный товарооборот до 15 млрд долл., чего не удалось сделать из-за пандемии коронавируса, однако этот объем до сих пор является целью для обеих стран. Помимо этого, стороны подписали соглашения об открытии новых пограничных пунктов и экономических зон, а также обязались расширить сотрудничество по вопросам миграции¹. Перед визитом Хун Сен отвел часть войск из окрестностей Преах Вихеар, показав таким образом, какое большое значение он придавал нормализации отношений с Таиландом.

¹ Leaders of Cambodia and Thailand pledge to deepen ties / The Economist Intelligence. Dec. 22, 2015. URL: https://country.eiu.com/article.aspx?articleid=433798627&Country=Cambodia&topic=Politics&subtopic=_6

В 2020 г. стороны отметили 70-летие своих отношений. Возобновились переговоры насчет зоны совместной разработки ресурсов в Сиамском заливе, что, как ожидается, позволит странам повысить самообеспеченность энергетическими ресурсами, стимулировать развитие смежных отраслей промышленности [Kunmakara 2023].

В феврале 2023 г. в ходе визита вице-премьера Камбоджи Прак Сокхонна в Таиланд стороны обсудили дальнейшие меры по развитию многостороннего сотрудничества. Была возобновлена договорённость довести взаимный товарооборот до 15 млрд долл. (в 2022 г. он составил 9,8 млрд, поднявшись на 23 % за год¹). После окончания пандемии и начала экономического восстановления эта цель представляется вполне достижимой. Также решено завершить строительство «моста камбоджийско-тайской дружбы», который свяжет тайскую провинцию Са Кео и кхмерскую провинцию Бантейментай. Согласовано снижение стоимости рабочей визы для кхмерских рабочих в Таиланде (по данным за февраль 2023 г., там находилось более 2 млн кхмерских рабочих, половина из которых не имела соответствующих документов). В целом, темы, поднятые в ходе данных переговоров, многократно обсуждались сторонами и ранее, что позволяет говорить о том, что сотрудничество продвигается, несмотря на ряд проблем.

* * *

Отношения между Камбоджей и Таиландом находятся в неустойчивом состоянии и во многом зависят от внутренней политики обеих стран. Безусловно, их руководители отказались от националистической внешней политику, опирающейся на сохранение исторической враждебности в отношении друг друга. Решения принимаются, в основном, исходя из стратегических интересов укрепления собственных позиций. Иногда это влечёт за собой использование националистической риторики и осуждение соседнего режима, чтобы завоевать поддержку сограждан в периоды внутренней нестабильности, а иногда — экономическое и политическое сотрудничество друг с другом, когда взаимные интересы и экономические выгоды совпадают.

В настоящее время отношения между Камбоджей (при премьер-министре Хун Манете) и Таиландом (при премьер-министре, бывшем

¹ URL: <https://www.mfa.go.th/en/content/dpmfmofcambodia2302232?cate=5d5bc64e15e39c306000683e>

успешном бизнесмене Сетта Тхависине) вызывают осторожный оптимизм. После 2014 г. камбоджийское руководство продемонстрировало способность работать как с гражданским, так и с военным правительством Таиланда. Смена правительства или политические потрясения в Таиланде в будущем не обязательно нарушат эти связи, хотя побочные эффекты в определенной степени могут проявиться. Учитывая взаимные экономические интересы и политическую легитимность, кажется вполне логичным, что обе стороны продолжают сотрудничать по большинству аспектов и будут избегать споров, способных поставить под угрозу отношения двух стран в ближайшей перспективе.

Представляется, что опыт решения территориальных споров, опробованный Таиландом и Камбоджей, может быть использован странами-членами АСЕАН, однако в силу неспособности организации преодолевать подобные проблемы на наднациональном уровне, вероятнее всего, они будут решаться в двустороннем формате, путём переговоров между непосредственными сторонами конфликта.

Спорный участок в Сиамском заливе в итоге может послужить общей платформой для взаимовыгодного развития двух стран. Благодаря этому конфликт вокруг Преах Вихеар, вероятно, останется без внимания в обозримом будущем. Совместное строительство Сообщества АСЕАН также позволяет предполагать, что поддержание позитивных отношений между Камбоджей и Таиландом вполне достижимо.

В то же время нельзя не отметить, что АСЕАН оказалась не в состоянии содействовать эффективному решению конфликта двух ее членов, что было достигнуто двусторонними усилиями Бангкока и Пномпеня. Исходя из этого, видимо, предпочтительно урегулирование межстрановых споров Ассоциации непосредственно их участниками и в рамках доброй воли сторон.

Раздел III

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Глава 10

ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ АСЕАН НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО ТИМОРА

В ноябре 2022 г. страны АСЕАН достигли принципиального согласия принять Восточный Тимор в качестве 11-го члена Ассоциации. В 2023 г. разработана дорожная карта вступления страны в АСЕАН. Премьер-министр Восточного Тимора Таур Матан Руак принял участие в 42-м саммите АСЕАН в Лабуан-Баджо 9—11 мая 2023 г. в статусе наблюдателя. Тем не менее существует несколько критериев, которым Тимору-Лешти необходимо соответствовать, чтобы стать полноправным членом Ассоциации. Эти критерии включают корректировку национальных правил, связанных с соглашениями и документами АСЕАН, а также создание дипломатической миссии страны при АСЕАН¹. Индонезия предоставила несколько программ по подготовке государственных служащих в Восточном Тиморе². Джакарта выступает за прием в АСЕАН Восточного Тимора, своей бывшей 27-й провинции, с первых дней его независимости. Мотивы Джакарты ясны — укрепление собственной ведущей роли в рамках АСЕАН.

В то же время некоторые эксперты, в том числе из стран АСЕАН, считают, что принципы асеаноцентричности, асеановские структуры

¹ URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/05-ASEAN-Leaders-State-ment-on-the-Application-of-Timor-Leste-for-ASEAN-Membership.pdf>

² Подробнее см.: URL: <https://hub.unido.org/category/trade-promotion-capacity-building-indonesia>

безопасности, а также сама жизнеспособность Ассоциации находятся под угрозой¹. В условиях обостряющегося кризиса международных отношений, усиления позиций США и Китая важно понимать, сможет ли АСЕАН найти адекватные ответы вызовам времени.

Принятие Восточного Тимора может сыграть двоякую роль. С одной стороны, такое решение ляжет дополнительным экономическим грузом на членов АСЕАН. С другой же — продемонстрирует готовность Ассоциации брать на себя ответственность за обеспечение стабильности и безопасности в регионе.

После принятия в свои ряды Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи АСЕАН, несмотря на существующие по сей день проблемы, удалось укрепить единство, сформировать архитектуру безопасности и обрести свой нынешний статус. Не будет преувеличением сказать, что благодаря этому расширению изменился политический, экономический и социальный ландшафт региона. Присоединение Восточного Тимора при всей его значимости не может в такой же степени повлиять на трансформацию региональных форматов, однако мы можем оценить степень влияния этого шага на региональную архитектуру безопасности.

Влияние расширения АСЕАН на форматы безопасности

Присоединение четырех стран с иным, по сравнению с давними участниками, уровнем экономического и политического развития потребовало серьезной модернизации самой АСЕАН и ее глобального позиционирования. Дело здесь не только в расширении — мир стал иным. АСЕАН создавалась в 1967 г. как противовес «коммунистической угрозе» в Юго-Восточной Азии, на фоне вьетнамской войны. Теперь же мир стал однополярным, и сам Вьетнам одним из первых после окончания холодной войны постучался в асеановские двери. Всё это требовало серьезного теоретического осмысления, которое не завершено в АСЕАН по сей день.

Несмотря на отсутствие общего подхода к интеграции, первые испытания «десятки» на прочность не заставили себя ждать и пришлось на годы Азиатского экономического кризиса (1997—1998). Многие аналитики спешили тогда поставить крест на «солидарности АСЕАН», предрекая, что ее члены «разойдутся по национальным квартирам». На деле АСЕАН выбралась из зоны финансовой турбу-

¹ См., например: [Мосяков 2021].

лентности, пусть и не без помощи соседей по региону — Китая, Японии и Южной Кореи.

Ещё в преддверии кризиса 1997 г. в АСЕАН осознали необходимость формирования собственной системы безопасности, так как равновесие, сложившееся в рамках биполярного мира, безвозвратно ушло в прошлое и к концу века господствовало лишь одно видение безопасности — американское.

Американская система коллективной безопасности, также известная как система «втулки и спиц» (*hub and spoke*), является старейшей системой безопасности в регионе. Её оформление произошло ещё в годы холодной войны, когда США, являясь центром капиталистической системы, предпринимали шаги по сдерживанию угрозы распространения как коммунистических идей, так и непосредственного экономического, политического и военного влияния социалистических стран в регионе.

Таким образом, превалирующей целью в американоцентричном альянсе было сдерживание вероятного противника, а основное внимание уделялось военно-политическому аспекту безопасности. С распадом Советского Союза в 1991 г. перед США встала задача поиска нового вероятного противника для того, чтобы оправдать существование системы «втулки и спиц» и сохранить влияние в регионе. Решение этой проблемы не заставило себя долго ждать. В 1990-е годы на роль регионального лидера начал активно претендовать Китай. К середине 2010-х годов его экономический и военный потенциал вызвал опасения, что Поднебесная начнет претендовать на роль ведущего системообразующего актора общемирового масштаба.

Модель, предложенная странами АСЕАН, призвана уравновесить подобные региональные противоречия, выступая площадкой для дискуссий, и состоит из трех ключевых институтов — Регионального форума АСЕАН, Совещания министров обороны АСЕАН+8, Восточноазиатского саммита. Эта модель получила название системы безопасности на основе сотрудничества (*cooperative security*).

Региональный форум АСЕАН (АРФ) был создан в 1994 г. в рамках мер по укреплению доверия. В настоящее время в объединение входят 26 государств, и активно привлекается Европейский Союз. Встречи проходят как на межправительственном уровне, высшей ступенью которого являются совещания министров иностранных дел, так и на уровне межправительственных организаций. Переговоры осуществляются на основе принципов невмешательства и уважения суверенитета [Emmers 2009: 16].

Совещание министров обороны АСЕАН+8 (СМОА+) и Восточноазиатский саммит (ВАС) включают одних и тех же участников. Помимо десятки стран — членов АСЕАН, в этих форматах участвуют восемь государств — КНР, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, США и Россия. Восточноазиатский саммит был создан в 2005 г. как площадка для обсуждения обширного спектра стратегических, политических и экономических проблем лидерами стран Азиатско-Тихоокеанского региона. СМОА+ представляет собой расширенный формат СМО АСЕАН. С подключением к формату новых акторов в рамках совещания стал подниматься более широкий круг вопросов, таких как безопасность на море, борьба с терроризмом, гуманитарная помощь и борьба со стихийными бедствиями, миротворческие операции, военная медицина, гуманитарная противоминная деятельность и кибербезопасность. Кроме того, в рамках совещания поднимается проблема Южно-Китайского моря. В то же время проводятся военные учения совместно с военно-морским флотом КНР, имеющие целью отработку тактического взаимодействия сил КНР и АСЕАН в случае чрезвычайных ситуаций, в том числе в спорных водах Южно-Китайского моря [Канаев, Шумкова 2017].

Так или иначе, все три диалоговые площадки призваны заниматься мониторингом эволюции угроз безопасности. Система безопасности на основе сотрудничества, созданная странами — членами АСЕАН, унаследовала основные принципы этой организации, такие как принцип консенсуса, добровольности выполнения принимаемых решений и реализации проектов, ориентируясь на темпы, которые может обеспечить самый медленный участник.

Функционирование такой системы могут сдерживать два фактора. Первый — это соблюдение принципа консенсуса, который в случае расхождения интересов государств-членов затрудняет принятие решений. Представители одной страны способны блокировать деятельность целых институтов. В свою очередь, это открывает большие возможности перед такими странами, как Китай и США для привлечения стран АСЕАН к участию в американоцентричных и китаецентричных структурах, в ущерб единству Ассоциации как международной организации и интеграционного объединения. Такая ситуация неприемлема для стран ЮВА, так как будет означать не только крах выстроенной ими системы безопасности, но и гибель самой АСЕАН как института, в основе которого лежит принцип нейтральности. Иными словами, страны АСЕАН будут вынуждены пожертвовать собственными экономическими и политическими целями в интере-

сах ведущих держав, лидеров современных международных отношений.

Другой потенциальной уязвимостью АСЕАН является фокусирование на экономических аспектах безопасности. Внутри асеаноцентричных институтов преобладает обсуждение экономических вопросов, зачастую в ущерб военным. Прослеживается недостаток институтов, призванных обеспечивать военно-политическую безопасность. Такие институты, как СМОА и СМОА+, основанные на принципах нейтральности и консенсуса, не формируют военный союз, а принцип консенсусного принятия решений не позволит этим институтам действовать эффективно в обстановке военных действий.

Можно также упрекать АСЕАН в излишней изворотливости, недостаточной жесткости во многих вопросах, в определенной политической непоследовательности. По этой причине, при «фасадной» успешности региональных институтов, существует большая угроза дестабилизации на фоне конфликтов в Южно-Китайском море, торговых войн между США и Китаем, ядерной напряженности вокруг Северной Кореи. Поэтому руководители АСЕАН делают всё возможное для сглаживания «острых углов» своей внешней политики.

Таким образом, перед АСЕАН стоит вопрос: не нарушит ли принятие Восточного Тимора в Ассоциацию столь хрупкое равновесие в деле сохранения региональной безопасности? Здесь уместно напомнить, что в разные периоды в излишне прокитайских настроениях упрекали новых континентальных членов АСЕАН (за исключением Вьетнама). В ситуации, когда к Ассоциации присоединится ещё один потенциально прокитайский актер, баланс сил может быть значительно смещен в пользу Китая.

Пекин предлагает свой подход к безопасности в АТР. Китайские лидеры критикуют и американские, и асеановские действия в сфере безопасности за то, что первые не приносят экономических выгод от своего присутствия в регионе, а вторые не обладают достаточным количеством ресурсов и политической воли, чтобы закрыть потребности региона в безопасности с военной точки зрения. Со своей стороны, обладающий мощными экономическими и военными средствами Китай обещает реализовать новую систему, которая привнесет в регион и безопасность, и экономическое благополучие. Взамен, однако, КНР добивается признания акватории Южно-Китайского моря (ЮКМ) своими территориальными водами.

США, осознавая, что отказ от обсуждения повестки ЮКМ будет на руку КНР, так как потенциал Китая превосходит потенциал стран,

оспаривающих его территориальные претензии, всячески поддерживают эту тему. Таким образом, Соединённые Штаты преследуют две цели. Во-первых, они хотят сохранить позиции мирового лидера за счет сдерживания Китая. Во-вторых, надеются на укрепление доверия к себе со стороны стран АСЕАН, Индии, Японии и Австралии, которые традиционно рассматриваются в качестве союзников в борьбе с нарастающим китайским влиянием. Основным методом сдерживания, который использует Вашингтон, является укрепление существующих военно-политических альянсов, созданных им в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Примечательно, что проведению американской политики по сдерживанию Китая активно содействует Вьетнам. В отсутствие договора о правилах поведения в ЮКМ Ханой продвигает двусторонние соглашения со странами АСЕАН. Так, в декабре 2022 г. было подписано соглашение между СРВ и Индонезией о границах исключительных экономических зон, в январе 2024 г. аналогичное соглашение подписано с Филиппинами.

Кроме того, США и Япония выступают за проведение отдельных совещаний в формате АСЕАН+1 [Канаев 2018], игнорируя успешные результаты работы СМОА+, что, безусловно, оказывает дестабилизирующее воздействие на деятельность этого института.

АРФ, СМОА+8 и ВАС в настоящее время оказались площадками, скорее, не способными снизить остроту проблем ввиду противоречивости интересов их основных участников. Тем не менее возникновение конфликтов тормозится системой сдержек и противовесов, а также тем, что в АРФ и СМО не предполагают встреч на высшем уровне, следовательно, на этих площадках не могут приниматься какие-либо судьбоносные решения, способные значительно изменить ситуацию в АТР. Кроме того, даже совещания на высшем уровне в рамках ВАС не оказали существенного влияния на существующие угрозы безопасности в регионе. Это связано с тем, что США опираются на военные союзы, а Китай намерен развивать сотрудничество по интересующей его повестке на двусторонней основе. Асеаноцентричным институтам также ставят в упрек то, что они не способствовали гармонизации отношений между Китаем, с одной стороны, и США и Японией — с другой.

Справедливости ради, стоит отметить, что в основе разногласий между этими акторами лежат глубинные противоречия, связанные с необходимостью контролировать глобальные цепочки поставок и как можно больше рынков сбыта, что является основой благополучия великих держав в рамках существующей капиталистической системы.

С точки зрения мир-системного подхода, АСЕАН и созданные ею институты не могут нивелировать эти противоречия. Таким образом, политика асеаноцентричных институтов может быть направлена лишь на балансирование противоречий между США и Китаем, но не на преодоление этих противоречий.

Расширение АСЕАН и кризис системы

Последнее расширение стало поистине эпохальным для АСЕАН: включение Камбоджи в 1999 г. фактически поставило знак равенства между АСЕАН и регионом Юго-Восточной Азии, поскольку Восточный Тимор к тому времени ещё не вышел из состава Индонезии.

Расширение конца 1990-х годов важно ещё и тем, что страны АСЕАН в ситуации постбиполярности смогли представить привлекательный проект для Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Мьянмы (ВКЛМ), которые долгие годы находились по другую сторону идеологических баррикад. Добиться включения стран ВКЛМ в состав АСЕАН удалось по нескольким весомым причинам: с одной стороны, членство в АСЕАН позволяло преодолеть угрозу дипломатической изоляции в условиях, когда давние партнёры более не способны поддерживать прежний уровень отношений. К примеру, Россия в 1990-е годы не шла ни в какое сравнение по объёмам сотрудничества СССР с этими странами. С другой стороны, объединение всей Юго-Восточной Азии в рамках АСЕАН повышало авторитет и старых членов Ассоциации, поскольку они успешно трансформировали АСЕАН из субрегионального блока, во многом объединённого антикоммунистической риторикой, в региональное объединение, где не делается различий между политическими укладами, культурными особенностями и вероисповеданиями. На последнем доводе стоит заострить внимание, поскольку именно в этом аспекте видится ключевое изменение АСЕАН со времен биполярности.

В контексте потенциального расширения чаще всего обсуждается перспектива присоединения Восточного Тимора, подавшего заявку ещё в 2011 г. Сразу после провозглашения независимости в 2002 г. присоединение к АСЕАН было провозглашено в Дили «стратегической задачей». В том же 2002 г. Восточный Тимор получил в АСЕАН статус наблюдателя.

2005 г. был ознаменован началом встраивания страны в асеаноцентричные форматы безопасности на основе сотрудничества: она была включена в Региональный форум АСЕАН, который является

своеобразным ядром всей асеаноцентричной системы безопасности¹. Присоединение к АРФ было показателем признания значимости Восточного Тимора со стороны АСЕАН.

В 2007 г. Восточный Тимор стал участником Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии². Это соглашение обязует участников отказаться от применения силы и не вмешиваться во внутренние дела друг друга. В случае с Восточным Тимором присоединение к договору носит более формальный, нежели прикладной характер. Потенциал страны не позволяет вмешиваться в дела других государств ввиду отсутствия политических, экономических, военных, культурных и иных рычагов влияния на АСЕАН. Тем не менее тесный контакт с АСЕАН, признание ценностей Ассоциации стали для Восточного Тимора принципиальным вопросом. Более того, обоюдный характер договора повышает безопасность страны, так как в случае слишком активного вмешательства Джакарты во внутривосточные процессы в Восточном Тиморе она подвергнется осуждению всех членов Ассоциации.

Правительство Восточного Тимора многократно провозглашало своё желание стать 11-м членом АСЕАН. В 2005 г. присоединение планировалось осуществить к 2010 г., в 2007 г. Жозе Рамуш Орта рассчитывал на вступление в Ассоциацию в 2012 г. Это заявление нашло поддержку, в частности, премьер-министра Таиланда Апхисита Ветчачива³.

В марте 2011 г. Восточный Тимор официально подал заявку на членство в АСЕАН. На одобрении заявки настаивала Индонезия, имеющая обширные экономические связи с Восточным Тимором и заинтересованная в дополнительном подтверждении своей ведущей роли в АСЕАН за счёт наличия бывшей 27-й провинции внутри организации. Горячим противником вступления Восточного Тимора в АСЕАН выступил Сингапур под предлогом слабого экономического развития Восточного Тимора. Но интерес Сингапура заключается не в равномерности экономического развития членов АСЕАН, а в том, чтобы контролировать проход из Индийского океана в Тихий через Малаккский пролив, по которому осуществляется до 25 % мировой торговли⁴.

¹ URL: <https://web.archive.org/web/20070609190633/http://www.aseansec.org/afp/154.htm>

² URL: <https://web.archive.org/web/20080623120159/http://www.asean.org/19273.htm>

³ East Timor: Thailand to fund development of Timorese energy resources // Macauhub. Jan. 14, 2009. URL: <https://macauhub.com.mo/en/2009/01/14/6395/>

⁴ Подробнее см.: [Иванова 2013].

Восточный Тимор, в свою очередь, находится на пути в Австралию и Океанию из Юго-Восточной Азии. В случае развития торговой и портовой инфраструктуры на острове Тимор может стать более удобным пунктом для прохода судов, нежели Сингапур, находящийся на значительном удалении от Южно-Тихоокеанского региона. Таким образом, Сингапур блокирует вступление Восточного Тимора в АСЕАН, так как опасается конкуренции и стремится обеспечить собственную экономическую безопасность, пользуясь принципом консенсуса в принятии решений внутри АСЕАН.

Тем не менее в 2013 г. Сингапур пообещал, что не будет блокировать заявку на вступление Восточного Тимора в Ассоциацию¹. Формальным препятствием к этому моменту оставалось требование к кандидату на членство иметь посольства во всех странах АСЕАН. Это требование Восточный Тимор выполнил к 2015 г., о чем сообщил через посла в Малайзии, заявив, что готов присоединиться к АСЕАН в любое время². Но тогда на первом месте для АСЕАН было создание Экономического сообщества, и вопрос был отложен.

В 2016 г. новым направлением критики Восточного Тимора со стороны Сингапура стал недостаток людских ресурсов³. Во время голосования в 2017 г. вступление Восточного Тимора поддержали Филиппины, Индонезия, Таиланд и Камбоджа, а остальные шесть стран во главе с Сингапуром отклонили заявку.

Начиная с 2018 г. Сингапур вновь на словах одобрял принятие Восточного Тимора. Ассоциация приступила к мониторингу готовности Дили присоединиться к АСЕАН. Но в 2021 г. Восточный Тимор отказался осуждать установление военной диктатуры в Мьянме, проголосовав против резолюции ООН. В АСЕАН сочли этот поступок проявлением «прокитайской» позиции, что подорвало шансы Дили на принятие в Ассоциацию в ближайшее время [Hunt 2021].

В последние годы обострилось противостояние США и Китая в Юго-Восточной Азии. Асеаноцентричная система безопасности на основе сотрудничества находится в поисках ответа на вызовы современности, связанные с угрозами нейтральности АСЕАН и подрывом стабильности в регионе. Прослеживается тенденция на разделение стран АСЕАН на «прокитайские» и «проамериканские». Принятие

¹ URL: <https://www.mmtimes.com/national-news/8716-timor-leste-on-the-asean-waiting-list.html> (дата обращения: 10.05.2022).

² URL: <http://www.dailyexpress.com.my/news.cfm?NewsID=98869>

³ Подробнее см.: [Hunt 2016].

Восточного Тимора с его выгодным географическим положением, углеводородными богатствами, слабым экономическим и инфраструктурным развитием в АСЕАН стимулирует интерес Китая вовлечь Дили в орбиту своего политического влияния. Кроме того, близость к Австралии может пробудить и активность США, стремящихся обеспечить свободный проход своих военно-морских кораблей между Тихим и Индийским океанами.

АСЕАН, осознавая угрозу вовлечения Восточного Тимора в орбиту китайского влияния и обострения соперничества между КНР и США, решила активизировать процесс его принятия в качестве полноправного члена в конце 2022 г. В год председательства Индонезии предполагалось выработать дорожную карту по продвижению страны в ряды Ассоциации. Но АСЕАН вынуждена заниматься проблемой Мьянмы, по которой не удаётся выработать консенсус. В августе 2023 г. премьер-министр Восточного Тимора Шанана Гужман заявил, что Дили приостанавливает процесс присоединения к Ассоциации ввиду недоверия к институтам АСЕАН, порождённого отношением организации к ситуации в Мьянме. Такое поведение страны, для которой вступление в АСЕАН может стать толчком к многосторонней интеграции и теоретически сулит множество выгод, говорит о том, что в Дили считают действующие форматы АСЕАН, как минимум, устаревшими.

В истории с принятием Восточного Тимора ещё много белых пятен, которые лишь предстоит прояснить будущим исследователям, однако очевидно, что действующие члены АСЕАН не торопятся с расширением, сосредотачиваясь на решении мьянманской проблемы, укреплении Экономического сообщества АСЕАН, текущих угрозах безопасности. В то же время от Восточного Тимора требуют всё больше и больше — от изначального предписания открыть посольства во всех странах АСЕАН до необходимости строительства гостиниц и ресторанов для приёма почётных гостей в настоящее время. Подобные требования к странам ВКЛМ не выдвигались — были очевидны обоюдные выгоды от их приёма в АСЕАН. Сейчас же Восточный Тимор предпочитают держать «на коротком поводке» — не лишая надежды на членство в АСЕАН, но и не принимая в Ассоциацию.

В этом контексте серьёзно обсуждать прием Папуа — Новой Гвинеи, которая является ассоциированным членом АСЕАН с 1976 г., а уж тем более других стран, таких как Палау, Шри-Ланка, Австралия, Новая Зеландия и т. д. — не приходится. В настоящее время в регионе установилось хрупкое равновесие, но экономически АСЕАН всё сильнее зависит от Китая, а политически и идеологически — от США.

Последний тезис подтверждается и тем, что АСЕАН подняла мьянманскую проблему, хотя до этого ее не волновали, например, военные перевороты в Таиланде. Таким образом, приём новых членов с более проамериканской или более прокитайской ориентацией может нарушить хрупкий баланс сил в сфере безопасности и стать катализатором нестабильности в Юго-Восточной Азии. В то время, когда имидж АСЕАН главным образом зиждется на стабильности региона и отсутствии конфликтов в «горячей» фазе, риски дестабилизации слишком велики. Думается, что прием новых членов, включая и Восточный Тимор, будет отложен до тех пор, пока не произойдет переосмысление механизмов асеаноцентричной системы безопасности. В то же время прорывных решений пока вряд ли стоит ожидать.

* * *

Формат диалоговых площадок, которыми, по сути, являются основные институты асеаноцентричной системы безопасности — ВАС, АРФ и СМОА+ был эффективен в условиях однополярной системы 1990-х годов, когда противоречия между участниками были устраняемы и не носили системного характера. В настоящее время происходит трансформация системы международных отношений. Слом Ялтинско-Потсдамской модели произошел в 1991 г. с крахом Советского Союза и биполярной системы в целом. Однополярная система, возглавляемая США, создавала видимость «порядка, основанного на правилах», однако не получила международного статуса.

В наши дни Ялтинско-Потсдамская модель окончательно утрачивает свою жизнеспособность. Нормы международного права без сдерживания (как при биполярной системе) перестают функционировать, а государства руководствуются единственно «правом сильного». В такой парадигме деятельность институтов, направленных на «меры по укреплению доверия», не только неэффективна, но и проблематична для акторов, продолжающих рассчитывать на их функциональность. Таким образом, принципы АСЕАН подвергаются угрозе слома не только в случае расширения Ассоциации, но и при сохранении текущего состава участников. Ситуация с Мьянмой и Восточным Тимором явно демонстрирует, что назрели серьезные институциональные изменения, требующие, однако, теоретического осмысления нынешнего сдвига системы международных отношений.

Глава 11

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН АСЕАН В СОЗДАНИИ ПАНАЗИАТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ

Новый международный сухопутный и морской торговый коридор

29 декабря 2022 г. министерство транспорта КНР приняло решение о модернизации логистических каналов транспортировки грузов в страны АСЕАН. Согласно заявлению представителя министерства Чжан Давэя, «в период 14-й пятилетки (2021—2025) инфраструктура Международного сухопутно-морского торгового коридора (МТК) будет улучшена для связи с сетью грузовых перевозок в странах АСЕАН, что еще больше укрепит региональную транспортную интеграцию в рамках инициативы “Пояс и путь”»¹. В целях создания крупных хабов грузовых перевозок в страны АСЕАН, в 2022 г. специальная финансовая поддержка была предоставлена первой группе из 15 городов западных провинций страны, включая Чунцин, Чэнду, Гуанчжоу и Чжэнчжоу, в дальнейшем планировалось расширить этот список. Ответственные организации будут участвовать в глобальном нормотворческом процессе в сфере логистики, одновременно укрепляя двустороннее и многостороннее транспортное сотрудничество со странами АСЕАН².

Весной 2022 г. в рамках МТК были открыты два новых мультимодальных транспортных маршрута, обеспечивших Китаю прямое сообщение с Мьянмой³. В апреле того же года первый грузовой железно-

¹ URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/03/WS63b3cd65a31057c47eba7723.html>

² URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1282925.shtml>

³ URL: http://www.china.org.cn/business/2022-08/19/content_78379597.htm

дорожный состав прибыл в столицу Лаоса Вьентьян, затем контейнеры были перегружены на автомобильный транспорт, проследовали через Таиланд и прибыли в конечный пункт назначения — порт Янгон в Мьянме¹. Время доставки грузов по новому маршруту протяженностью 2 тыс. км до Янгона составило 10 дней, что сократило логистические сроки более чем на 20 дней, по сравнению с традиционным маршрутом, который проходит по реке Янцзы до портов восточного побережья Китая, а затем по морю до Мьянмы. В мае 2022 г. грузовой состав с 60 контейнерами из Чунцина прибыл в г. Линьцан (пров. Юньнань), а затем автомобильным транспортом груз был доставлен в г. Мандалай (Мьянма). Транспортировка грузов по новому маршруту протяженностью 2 тыс. км заняла 15 дней, что на 20 дней меньше, чем доставка грузов по традиционному логистическому маршруту, причем стоимость доставки снизилась на 20 % [Tan Yingzi 2022].

По второму маршруту грузовые поезда отправились из «сухого порта» Гоюань в муниципалитете Чунцин, получившего в 2022 г. статус международного логистического хаба, в столицу СРВ Ханой. Раньше большая часть товаров из Чунцина и соседней провинции Сычуань перевозилась во Вьетнам по воде через Шанхай и другие порты, что занимало более 20 дней. Новый маршрут сокращает время транспортировки из Чунцина во Вьетнам до 4—5 дней, что, по мнению китайских специалистов в области логистики, «не только экономит время и труд, но и повышает безопасность и эффективность»². Решение двух соседних стран нарастить объемы железнодорожных перевозок способствует значительному увеличению объема взаимной транзитной торговли товарами. Согласно таможенным данным, в 2022 г. наблюдался быстрый рост объемов внешнеторговых грузов между Китаем и Вьетнамом, перевозимых по железной дороге. В общей сложности через границу было перевезено 728 тыс. т грузов, что на 58,6 % больше, чем в 2021 г., в стоимостном выражении — в 1,5 раза (до 17,93 млрд юаней, или 2,7 млрд долл.); количество трансграничных поездов увеличилось на 27,1 % (до 2045). Быстрый рост объемов торговли произошел после того, как Китай и Вьетнам в марте 2022 г. объявили о совместных усилиях по ускорению реализации железнодорожного проекта Лаокай—Ханой—Хайфон и соединения вьетнамской и китайской железных дорог через КПП Лаокай—Хэкоу.

¹ URL: http://en.ce.cn/main/latest/202204/08/t20220408_37471856.shtml

² URL: http://www.china.org.cn/business/2022-03/28/content_78133371.htm

Реализация китайско-лаосского железнодорожного проекта

В 2022 г. Китай оставался главным экспортным направлением для Лаоса, за ним следовали Вьетнам и Таиланд, а основными странами — поставщиками товаров в Лаос являлись Таиланд, Китай, Вьетнам, США и Япония. Китай и Лаос были одними из первых стран, достигших консенсуса по созданию Сообщества единой судьбы, и первыми, кто подписал соглашение о сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь». Открытие китайско-лаосской железной дороги в рамках этой инициативы призвано обеспечить пространственное развитие китайско-лаосского экономического коридора (КЛЭК) и ускорит построение китайско-лаосского «сообщества с единым будущим».

Компания Laos-China Railway (LCRC) является совместным лаосско-китайским предприятием со штаб-квартирой во Вьентьяне и отвечает за эксплуатацию лаосского участка железной дороги. С момента открытия железной дороги компания активно совершенствует организацию перевозок, оптимизирует грузовое обслуживание и обеспечивает эффективную и бесперебойную транспортировку внешнеторговых грузов [Zhao Ruinan 2022]. Компания также провела маркетинговые исследования рынка грузовых и пассажирских перевозок, разработала нормативный график движения пассажирских поездов, провела планирование, организацию и учет перевозок транзитных грузов, открыла движение грузового поезда Lancang — Mekong Express между Китаем и Лаосом, что повысило скорость и эффективность таможенного оформления грузов. Были созданы зарубежные пункты возврата контейнеров в Таиланде и Вьетнаме¹.

По данным администрации китайской пограничной станции Мохань², с 3 декабря 2021 г., момента введения китайско-лаосской железной дороги в эксплуатацию, до января 2023 г. через пограничный КПП проследовало более 2,6 тыс. грузовых поездов. Пассажиропоток составил более 9 млн человек, а грузопоток — 12 млн т³. К марту

¹ URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202208/11/WS62f47245a310fd2b29e71a48.html>

² КПП Мохань соединяет две железные дороги: Юйси—Мохань в Китае и Вьентьян—Ботен в Лаосе. С 2015 г. здесь действует зона экономического сотрудничества двух стран Мохань—Ботен.

³ URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/11/WS63bdf95da31057c47eba8d85.html>; <http://en.people.cn/n3/2023/0112/c90000-10194957.html>

2023 г. более 3,6 тыс. грузовых поездов проследовали по магистрали, причем ассортимент перевозимых грузов расширился с немногим более десятка наименований, когда железная дорога была впервые введена в эксплуатацию, до более чем 1,2 тыс. наименований [Li Yingqing 2023].

По сообщению China Railway Kunming Group, китайский участок китайско-лаосской железной дороги в 2022 г. обслужил 7,7 млн пассажиров, при этом максимальное количество поездок за один день достигало 50 тыс. человек¹, а на лаосской стороне за этот период было зарегистрировано 1,3 млн пассажиров, при этом ежедневный показатель достиг 8,2 тыс. человек [Zhao Ruinan 2022].

6 ноября 2022 г. грузовой поезд отправился из парка Вэнфу в зоне освоения новых высоких технологий г. Дачжоу (пров. Сычуань) во Вьентьян, что стало первым рейсом международного грузового поезда по маршруту Дачжоу—Вьентьян в рамках нового международного сухопутно-морского торгового коридора КНР—АСЕАН. Грузовой состав проследовал через муниципалитет Чунцин на юго-западе Китая, провинцию Юньнань и г. Луангпрананг на севере Лаоса, прежде чем прибыл во Вьентьян. С открытием этого нового маршрута время транспортировки из Дачжоу в страны ЮВА — Таиланд, Мьянму и Малайзию сократилось до 3—4 дней, причем новый сервис грузовых поездов облегчил сбор грузов из провинции Сычуань и Чунцина, а также обеспечил местным предприятиям расширение их бизнеса на рынках стран ЮВА. Этот рейс ознаменовал официальное открытие международного железнодорожного маршрута Дачжоу—Вьентьян, который эффективно содействует росту экспортных поставок (электронных изделий, удобрений и других товаров) из провинции Сычуань и Чунцина в страны АСЕАН². С открытием нового международного маршрута время транспортировки грузов сократилось в два раза.

26 декабря 2022 г. в КНР была запущена в эксплуатацию новая железная дорога Чэнду—Куньмин протяженностью 915 км, которая сократила время в пути между двумя городами до 7,5 часов. Эта магистраль является ключевым проектом Стратегии развития западных провинций КНР, а также важной частью железнодорожной сети, связывающей юго-западный регион Китая со странами АСЕАН. По при-

¹ URL: http://www.china.org.cn/business/2023-02/01/content_85083822.htm

² URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202212/06/WS638e998ea31057c47eba2d50.html>

знанию руководства China Railway Group, «открытие новой железной дороги Чэнду—Куньмин не только улучшит железнодорожную сеть в юго-западном регионе страны и повысит пропускную способность железнодорожного транспорта, но и обеспечит увеличение объема транзитных грузов в страны АСЕАН»¹.

1 января 2023 г. в КНР была введена в эксплуатацию новая грузовая железнодорожная ветка Маомин (Восток) — порт Бохэ (протяженностью около 50 км), стыкованная с железнодорожной магистралью Гуанчжоу — Маомин и еще теснее интегрирующая Гуанси-Чжуанский автономный район и зону Большого залива Гуандун—Сянган—Аомэнь. В сообщении оператора новой железной дороги отмечается, что «новая магистраль будет играть большую роль в инициативе “Пояс и путь”, выступая ключевым логистическим маршрутом, соединяющим внутренние районы юго-западного Китая с прибрежными районами страны, а также она еще больше повысит значение порта Маомин² в интермодальных перевозках железнодорожным и морским видами транспорта в страны АСЕАН» [Han Jingyan 2023].

Железнодорожная магистраль «Китай—Таиланд»

С целью развития железнодорожной инфраструктуры Таиланда в 2021 г. КНР и Таиланд подписали договор о совместном строительстве современной высокоскоростной железной дороги (ВСЖД) в рамках развития проекта «Пояс и путь» в странах АСЕАН как важного сегмента будущей Паназиатской железной дороги³.

Ранее, в октябре 2020 г., Таиланд и КНР подписали контракт на поставку Китаем в рамках строительства первого участка ВСЖД комплекта технических средств, используемых для регулирования и обеспечения безопасности движения поездов (устройства сигнализации, централизации и блокировки), продажу подвижного состава для

¹ URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1282521.shtml>

² Протяженность береговой линии округа Маомин (пров. Гуандун) составляет 220 км, а расположенный на побережье морской порт Маомин включает три зоны — порты-спутники Шуйдун, Цзида и Бохэ. Порт Бохэ является крупнейшей «морской гаванью» Маомина, в 2021 г. объем его грузооборота составил 91,7 млн т, а к 2030 г. должен возрасти до 127,7 млн т [Kang Bing 2019].

³ В 2022 г. Китай осуществлял 158 инвестиционных проектов в Таиланде и оставался крупнейшим инвестором в экономику страны, а объем китайских ПИИ превысил 2,2 млрд долл., что составило около 18 % от общего объема иностранных инвестиций, опередив по этому показателю Японию и США [Srisamoot 2023].

ВСЖД, обучение персонала и обеспечение эксплуатации и технического обслуживания первого участка железнодорожного пути¹. Железная дорога является первой в Таиланде, при строительстве которой будут использоваться китайские стандарты проектирования высокоскоростных железных путей, и которая финансируется самой принимающей страной [Chen Weihua 2021]. Согласно плану строительства, которое было запущено в начале 2022 г., реализация проекта была разделена на два этапа. На первом этапе запланирована прокладка участка общей протяженностью около 252,3 км между Бангкомом и г. Накхонратчасима на северо-востоке Таиланда. Объем финансирования строительства первого участка ВСЖД Китай—Таиланд определен в размере 5,85 млрд долл., а пуск в эксплуатацию намечен на 2026 г.².

Второй этап (участок общей протяженностью около 356 км) позволит продлить магистраль до Нонгкхая — важного приграничного торгового города на северо-востоке Таиланда, расположенного на р. Меконг. Здесь действует автомобильно-железнодорожный мост, соединяющий Таиланд с Лаосом, причем Вьентьян, столица Лаоса, расположен всего в 20 км от моста (автомобильное движение по мосту было запущено в 1994 г., а железнодорожные перевозки между городами Нонгкхай (Таиланд) и Тханаленг (Лаос) стали осуществляться с 2009 г. [Kardkarnklai 2022]. С окончанием работ на втором этапе строительства ВСЖД железнодорожная магистраль Китай—Таиланд общей протяженностью 873 км соединится с железной дорогой Китай—Лаос³, и сформирует важную железнодорожную артерию Куньмин—Бангкок, соединяющую Китай, Лаос и Таиланд. На встрече с премьер-министром Таиланда Праютом Чан-Оча в ноябре 2022 г. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что обеим сторонам необходимо ускорить трехстороннее железно-дорожное сотрудничество, продвигать строительство транспортного коридора Китай—Лаос—Таиланд, укреплять связанность инфраструктуры, улучшать кооперацию в области логистики и таможенного оформления и расширять экспорт высококачественной тайской промышленной и сельскохозяйственной продукции в Китай⁴.

¹ URL: http://www.china.org.cn/business/2021-03/30/content_77359335.htm

² URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219753.shtml>

³ URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1147574.shtml>

⁴ URL: http://www.bjreview.com/World/202212/t20221205_800315187.html

После завершения строительства ВСЖД Китай—Лаос—Таиланд значительно возрастут объемы торговли не только между тремя странами, но и за пределами их границ.

* * *

Международный сухопутно-морской интермодальный торговый коридор «КНР—АСЕАН» становится главным маршрутом торговых потоков между Китаем и странами Юго-Восточной Азии, стимулируя стремительное развитие экономического сотрудничества между КНР и государствами — членами Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Сегодня по МТК «КНР—АСЕАН» поставляются свыше 940 видов продукции, включая автомобили, использующие альтернативные источники энергии, электронику и комплектующие для компьютеров, автозапчасти и другие промышленные товары, продукты питания и т. д. Прокладка Паназиатской железнодорожной магистрали позволит странам АСЕАН через железнодорожные перевозки по маршруту Китай—Лаос—Таиланд доставлять грузы почти по всей Азии, при этом существенно сокращая время доставки и уменьшая стоимость транспортировки.

В настоящее время трансграничные грузовые перевозки по китайско-лаосской железной дороге охватывают Лаос, Таиланд, Мьянму, Малайзию, Камбоджу, Вьетнам, Бангладеш и Сингапур, расположенные вдоль маршрута «Пояса и пути». Новая коммуникационная инфраструктура, которая будет создана благодаря усилиям железнодорожных министерств Китая и Вьетнама, будет генерировать эффект синергии в рамках имплементации соглашения о ВРЭП, предусматривающей создание крупнейшей в мире зоны свободной торговли.

Железная дорога Лаокай—Ханой—Хайфон может стать пассажирской и грузовой железной дорогой двойного назначения с максимальной скоростью движения 200 км/ч, и позволит экспортировать вьетнамские товары в страны Евразии через соединение с железнодорожной сетью Китая, что крайне выгодно для экономики Китая и стран ЮВА.

Глава 12

УСПЕХИ И ВЫЗОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И ЛАОСА

Франция признала независимость Лаоса, Вьетнама и Камбоджи в 1954 г., подписав Женевские соглашения. В 1961 г. Китай и Лаос (тогда еще королевство) установили дипломатические отношения. Во время второй Индокитайской войны и гражданской войны в Лаосе в 1960—1973 гг. КНР была союзником национально-освободительного движения левой ориентации Патет Лао и оказывала ему материально-техническую поддержку, в частности, построив несколько дорог на севере Лаоса. В декабре 1975 г. силы Патет Лао окончательно взяли власть на всей территории Лаоса, образовав Лаосскую Народно-Демократическую Республику (ЛНДР). С конца 1970-х до середины 1980-х годов в китайско-лаосских отношениях имелись сложности, связанные, прежде всего, с особым характером отношений Лаоса с Вьетнамом. Связи с СРВ были усилены договором о дружбе и сотрудничестве 1977 г. и размещением войск армии Вьетнама в Лаосе, а также в целом просоветской ориентацией ЛНДР. Лаос занял сторону Вьетнама в китайско-вьетнамском вооруженном конфликте 1979 г. Однако с конца 1980-х годов отношения с КНР стали нормализоваться. В декабре 1990 г. премьер-министр Китая Ли Пэн посетил Лаос с официальным визитом. Важной вехой стал государственный визит в Лаос в ноябре 2000 г. председателя КНР Цзян Цзэминя. В ходе визита страны приняли «Совместное заявление о двустороннем сотрудничестве», подтвердив развитие всесторонних отношений сотрудничества, характеризующихся долгосрочной стабильностью, добрососедством, дружбой и взаимным доверием. В 2009 г. уровень отношений был поднят до всестороннего стратегического партнерства.

На современном этапе отношения Лаоса и КНР, как отмечают обе стороны, находятся в лучшем периоде своей истории и укрепля-

ются в духе «четырёх благ» — как между добрыми соседями, друзьями, партнерами и товарищами.

Руководящая роль правящих партий и следование социалистическому курсу закреплены в Конституциях обеих стран и являются важной составляющей китайско-лаосских отношений. Между Коммунистической партией Китая (КПК) и Народно-революционной партией Лаоса (НРПЛ) налажен механизм ежегодных встреч руководителей международных отделов ЦК. Партийное руководство обеих стран с 2019 г. реализует пятилетние планы действий по построению китайско-лаосского «сообщества единого будущего», что еще более способствует координации двухстороннего сотрудничества. В Плане действий КПК и НРПЛ на 2024—2028 гг. отмечена совместная решимость продолжать проводить углубленные обмены по ряду важнейших теоретических и практических вопросов социалистического строительства¹.

Президент Лаоса Тхонглун Сисулит в интервью агентству Синьхуа в 2021 г. отметил блестящие достижения Китая под руководством КПК в борьбе с бедностью и построении среднезажиточного общества. По оценке президента Лаоса, опыт КНР стал образцом для его страны, продемонстрировав превосходство социалистической системы, и является важным ориентиром для НРПЛ². В свою очередь Си Цзиньпин на встрече с Тхонглуном Сисулитом в Пекине в 2022 г. высоко оценил усилия НРПЛ в следовании социалистическому пути с учетом особенностей страны, в сохранении социальной стабильности (что особенно важно, учитывая полиэтнический состав населения Лаоса, где титульная нация лао составляет всего около 53,2 % населения³, а остальная часть — многочисленные этнические меньшинства). Председатель КНР также подтвердил готовность КПК вместе с НРПЛ уверенно следовать по социалистическому пути и продвигать совместное видение двух стран о перспективах будущего развития человечества⁴.

¹ URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202310/t20231021_11165420.shtml

² Агентство Синьхуа. 08.07.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-07/08/c_1127633916.htm

³ World Population Prospects 2022 / UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <https://population.un.org/wpp/>

⁴ Xi holds talks with Lao president URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202211/30/content_WS638766c6c6d0a757729e3dfe.html

Взаимные стратегические интересы

Одновременно с укреплением дипломатических связей и политического доверия развивалось и торгово-экономическое сотрудничество. С конца 1980-х годов в Лаосе начался процесс либерализации экономики, открытия мировому рынку и иностранным инвестициям. Перемены конца 1980-х были схожи с реформами «Дой мой» во Вьетнаме и политикой реформ и открытости Дэн Сяопина в КНР. В 1997 г. Лаос вступил в АСЕАН, что открыло стране новые возможности экономической интеграции благодаря присоединению к зоне свободной торговли АСЕАН (АФТА) и с 2010 г. к ЗСТ АСЕАН—Китай. Постепенное снижение торговых барьеров послужило хорошим стимулом для значительного увеличения объемов торговли между двумя странами. Помимо этого, Китай и Лаос ратифицировали соглашение об участии в ВРЭП, крупнейшей в мире зоне свободной торговли, запущенной в 2022 г.

Если в 1995 г. объем торговли между Китаем и Лаосом составлял всего 54 млн долл., то в 2022 г. — 3,9 млрд долл. По данным министерства промышленности и торговли ЛНДР, экспорт Лаоса в Китай составил 2,24 млрд долл., а импорт из Китая — 1,65 млрд долл. Основу импорта Лаоса в 2022 г. составила продукция машиностроения и металлообработки, а основу экспорта в Китай — золото, железная руда, продукты деревообработки, удобрения, латекс, фрукты. Китай остается вторым торговым партнером Лаоса после Таиланда, с которым объем торговли Лаоса в 2022 г. составил 6,3 млрд долл. Вьетнам занимает 3-е место с товарооборотом в 1,8 млрд долл.¹ Китай является главным инвестором для Лаоса: объем инвестиций КНР в совместные концессии и специальные экономические зоны в Лаосе оценивается более чем в 13,5 млрд долл.

Лаос, несмотря на достигнутые экономические успехи в борьбе с бедностью и заметный рост доходов на душу населения, по-прежнему относится к числу наименее развитых стран по классификации ООН² и имеет отсталую систему транспортных коммуникаций (по крайней мере, до запуска китайско-лаосской железной дороги).

Все более острая потребность Лаоса в инвестициях и улучшении своей слабой инфраструктуры побудили страну стать наиболее актив-

¹ Laotian Times. 15.05.2023. URL: <https://laotiantimes.com/2023/05/15/laos-rec-ords-trade-surplus-of-usd-1-39-billion-in-2022>

² Подробнее см.: [Виноградов 2023].

ной площадкой в Юго-Восточной Азии для реализации китайской инициативы «Пояса и пути» (ИПП), выдвинутой в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином для установления новых логистических связей в Евразии, включая расширение железнодорожных сетей, портов и другой инфраструктуры.

Лаос — единственное государство АСЕАН, не имеющее выхода к морю, в течение последних десятилетий продвигает стратегию преобразования в страну, связанную с соседями сухопутными путями. Лаос обладает удобным географическим положением, располагаясь в центре полуострова Индокитай, и играет важную роль в стратегии Китая по развитию инфраструктурных связей со странами АСЕАН. ИПП хорошо соотносится с данной стратегией развития Лаоса, изложенной в 9-м пятилетнем плане социально-экономического развития ЛНДР на 2021—2025 гг.¹, а также в целом сопрягается с Генеральным планом АСЕАН по обеспечению связанности её членов до 2025 г.² В частности, благодаря ИПП реализуется давняя идея создания паназиатской железнодорожной сети с центральной осью Куньмин — Сингапур, предложенная еще в 1995 г. премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохамадом на 5-м саммите АСЕАН.

В 14-м пятилетнем плане КНР на 2021—2025 гг. и Проекте долгосрочных целей на 2035 г. четко указано, что западный коридор «суша — море», включающий основную нитку от Чунцина до Тонкинского залива и дополнительную нитку в Лаос с перспективой соединения с Таиландом, Малайзией и Сингапуром, является одним из крупнейших проектов, ориентированных на выполнение этих целей³.

«Видение стратегического партнерства Китай — АСЕАН 2030» также предполагает особую роль ИПП в области экономического сотрудничества. Китай рассчитывает, что Инициатива будет стыковаться с построением Экономического сообщества АСЕАН и способствовать созданию более тесного «сообщества АСЕАН и Китая с общим будущим». АСЕАН является главным экономическим партнером Китая и одним из приоритетов китайской внешней политики. Существует тесная связь экономического развития юго-запада Китая и стран АСЕАН.

¹ 9th Five-Year National Socio-Economic Development Plan (2021—2025). URL: <https://laofab.org/document/view/5031>

² ASEAN-China Joint Statement on Synergising the Master Plan on ASEAN Connectivity (MPAC) 2025 and the Belt and Road Initiative (BRI) 2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2019/11/Final-ASEAN-China-Joint-Statement-Synergising-the-MPAC-2025-and-the-BRI.pdf>

³ URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2021/06/25/ARTI1624590351659354.shtml>

Для реализации ИПП в субрегионе Большого Меконга, который помимо КНР также включает Мьянму, Лаос, Таиланд, Камбоджу, Вьетнам¹, Китай продвигает под своим патронажем механизм сотрудничества Ланьцан—Меконг (СЛМ). СЛМ — один из механизмов сотрудничества в субрегионе Большого Меконга, запущенный в 2016 г. По сути, СЛМ является инструментом продвижения ИПП в Индокитае, в круг его задач, помимо взаимодействия в области гидрологии в бассейне Меконга, входят инфраструктурное, энергетическое сотрудничество, а также содействие сельскохозяйственному развитию, здравоохранению, образованию и туризму.

Инфраструктурное сотрудничество

Запуск в декабре 2021 г. высокоскоростной однопутной китайско-лаосской железной дороги, построенной за 6 лет, продемонстрировал успешный и эффективный пример инфраструктурного сотрудничества в рамках «Пояса и пути» и экспорта китайских передовых технологий. Она соединяет Куньмин на юго-востоке Китая, столицу провинции Юньнань, со столицей Лаоса Вьентьяном и обеспечивает пассажирские и грузовые перевозки по этому маршруту (рис. 1). Железная дорога стандартной колеи протяженностью 1035 км пересекает горные хребты, водные системы и проходит через 75 туннелей. Китайско-лаосская железная дорога является первой международной железной дорогой, которая в основном инвестировалась и строилась китайской стороной, по китайским техническим стандартам. Железнодорожный состав также произведен в Китае.

Стоимость проекта — 5,9 млрд долл., из которых около 3,5 млрд долл. были взяты в долг у Эксимбанка Китая. Железную дорогу построило совместное предприятие Laos-China Railway (LCRC), на 70 % принадлежащее Китаю, а на 30 % — Лаосу. СП имеет право эксплуатировать железную дорогу на срок концессии 50 лет, затем она перейдет в собственность Лаоса.

Можно сказать, что окупаемость проекта является вызовом для Лаоса, так как только в рамках этого проекта задолженность Лаоса перед Эксимбанком Китая составляет около 20 % ВВП. Тем не менее руководство Лаоса весьма оптимистично настроено и рассчитывает уже на 6-й год получать прибыль от эксплуатации дороги [Рогожина 2021]. Как отмечал президент Тхонглунг Сисулит, железная дорога

¹ Подробнее см.: [Бурова 2020].

стала гордостью Лаоса, и действительно, до ее появления в стране вообще не было таких дорог (кроме 3,5 км узкоколейного участка от Вьентьяна до границы с Таиландом).

Вполне вероятно, что в недалекой перспективе она сможет дать большой позитивный экономический эффект благодаря дальнейшему трансграничному развитию инфраструктуры Лаоса, продлению дороги в Таиланд, соединению с вьетнамским участком, наращиванию грузоперевозок, приграничной торговли, развитию туризма. В настоящее время China State Construction Engineering Corporation (CSCEC) ведет строительство первого участка китайско-тайландской железной дороги стандартной колеи параллельно с уже имеющейся узкоколейкой от Бангкока до г. Накхонратчасима (что подчеркивает важность модернизации железнодорожной сети в странах Юго-Восточной Азии и постепенный переход на стандартную колею 1435 мм). Завершение этого участка планируется к 2027 г., а в 2024 г. планируется начать строительство второго участка, который будет идти далее до Нонгхая на границе с Лаосом, где произойдет стыковка с китайско-лаосской магистралью (рис. 1). CSCEC также ведет сооружение железной дороги на восточном побережье Малайзии. Таким образом, постепенно реализуется давняя идея создания единой железнодорожной сети между Китаем и странами Юго-Восточной Азии.

Фермеры на севере Лаоса также смогут пользоваться преимуществами доступа к рынкам сельскохозяйственной продукции в Юньнани. Железная дорога призвана способствовать развитию туризма в Лаосе: теперь достопримечательности страны стали доступнее для туристов, так как сократилось время в пути. Так, до открытия железной дороги добраться из Вьентьяна в Луангпхабанг, древнюю столицу Лаоса, можно было на автобусе по извилистым горным дорогам, потратив на это до 10 часов, теперь тот же путь занимает менее двух часов, а длительность поездки между Вьентьяном и Куньмином по высокоскоростной железной дороге — 9,5 часов.

В компании LCRC отмечают, что стоимость перевозки по китайско-лаосской железной дороге почти такая же, как и морским транспортом, а время значительно короче, чем по морю. За 500 дней эксплуатации на китайском участке китайско-лаосской ж/д было перевезено 12,2 млн человек и 14,6 млн т грузов, на лаосском участке — 2,2 млн человек и 4,21 млн т, через китайско-лаосскую границу прошло 3,7 млн т различных товаров¹.

¹ URL: https://www.gov.cn/yaowen/2023-04/19/content_5752227.htm

Рис. 1. Маршрут высокоскоростной китайско-лаосской ж/д и строящейся высокоскоростной китайско-тайландской ж/д.

Источник: URL: <https://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1082051891&Country=Laos&topic=Economy&subtopic=Forecast&subsubtopic=Policy+trends>

Открытие Вьентьянского логистического парка и сухого порта Таналенг сразу после запуска железной дороги при поддержке китайской стороны будет в дальнейшем способствовать облегчению транспортировки грузов, упорядочиванию логистики. Благодаря соединению китайско-лаосской дороги с узкоколейным участком лаосско-тайландской железной дороги в Таналенге в 2022 г. появилась возможность перевалки контейнеров для дальнейшей доставки грузов в двух направлениях — в Таиланд и в Китай.

Кроме того, китайско-лаосская железная дорога должна способствовать развитию инфраструктуры районов Юньнани, расположенных вдоль нее (городских округов Пуэр, Юйси и Куньмин, Сишунбаньна-Дайского автономного округа), что отражено в плане правительства провинции Юньнань на 2022—2024 гг.¹

¹ URL: https://www.yn.gov.cn/zwgk/zcwj/zxwj/202301/t20230118_253604.html

В контексте сопряжения китайской инициативы «Пояса и пути» и национальной стратегии Лаоса по развитию особых экономических районов стороны развивают совместные экономические зоны вблизи железной дороги. В частности, формируется приграничная зона сотрудничества Мохань—Ботен, где девелоперская компания из Юньнани уже осуществляет строительство промышленных и логистических кластеров и жилищное строительство по обе стороны границы. Другой пример — зона развития Сайсет рядом с Вьентьяном, построенная юньнаньским строительно-инвестиционным холдингом. В зоне уже располагаются более 100 предприятий, в основном с китайским капиталом. Кроме того, она является примером внедрения технологий «умного города» с использованием зеленой энергетики и низкоуглеродного транспорта.

Из других крупных инфраструктурных проектов, реализованных при участии Китая, можно отметить скоростное шоссе Куньмин — Бангкок, построенное ещё в 2008 г и проходящее через северо-запад Лаоса. Юньнаньский строительно-инвестиционный холдинг в 2022 г. сдал в эксплуатацию участок скоростной автомагистрали Вьентьян — Вангвианг протяженностью 109 км, в планах продление трассы до Ботена на границе с Китаем. Китайские компании также участвуют в разработке проекта скоростного шоссе от Вьентьяна до Паксе на юге Лаоса, с перспективой выхода на Камбоджу.

В ходе совместной реализации проектов «Пояса и пути» в Лаос приходят китайские цифровые гиганты. Так, Huawei тесно сотрудничает с операторами связи Лаоса по обеспечению стабильной связи на китайско-лаосской железной дороге путем запуска высокоскоростной мобильной сети¹. Компания также оказала цифровую поддержку скоростной автодороге Вьентьян — Вангвианг. В целом Китай активно участвует в цифровой модернизации Лаоса. Например, Huawei занимается запуском промышленных сетей 4G на калийных шахтах Лаоса. В 2015 г. Китай профинансировал, построил и запустил первый космический спутник Лаоса Lao Sat 1.

Энергетическое сотрудничество

Особое значение в двухсторонних отношениях имеет сотрудничество в области энергетики. Лаос обладает внушительным гидроэнергетическим потенциалом, и руководство страны поступательно реа-

¹ Global Times. 09.12.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1241101.shtml>

лизует стратегию по наращиванию экспорта электроэнергии в соседние регионы. Лаос поставляет электроэнергию во Вьетнам, Таиланд, Камбоджу и Сингапур.

В настоящее время в стране насчитывается 90 электростанций мощностью 11 тыс. МВт, в том числе 77 гидроэлектростанций. Доля гидроэнергии в общем балансе, согласно стратегии развития Лаоса, составляет до 60 % и, как планируется, будет расти¹. В этом отношении Китай, обладая большим опытом строительства ГЭС и в целом будучи мировым лидером в развитии зеленой энергетики, является удобным и эффективным партнером. Китай уже профинансировал сооружение половины плотин Лаоса на Меконге и его притоках. Компания PowerChina реализует крупный проект по строительству каскада из семи ГЭС на р. Нам У, крупнейшем притоке Меконга в Лаосе. В 2012 г. в рамках проекта было создано СП под контролем PowerChina (по концессионному договору на 29 лет), эта совместная компания получает кредиты от китайских банков на строительство каскада ГЭС.

Очевидно, что Лаос, открываясь китайским инвестициям в энергетике, увеличивает свой долг перед Китаем, а Китай получает доступ к критической инфраструктуре Лаоса. В 2021 г. государственные энергетические компании двух стран — China Southern Power Grid и Electricité du Laos — подписали соглашение о создании совместного предприятия, контрольный пакет в котором принадлежит китайской стороне. Это СП будет управлять энергосистемой Лаоса, контролировать импорт и экспорт электроэнергии, при этом компания планирует инвестировать 2 млрд долл. в энергосистему страны [Strangio 2021].

В 2022 г. было подписано соглашение о создании единой электросети в субрегионе Ланьцан — Меконг. По нему, Китай и Лаос обязались направлять излишки электроэнергии в сезон дождей с гидроэлектростанции на р. Нам Тха в Юньнань, а ГЭС в Китае будут дополнительно снабжать электроэнергией районы на севере Лаоса, испытывающие её недостаток в сухой сезон².

Китайские компании также активно инвестируют в солнечную и ветровую энергетику Лаоса. Так, в 2022 г. Power China подписала контракт с лаосской компанией на строительство ветряной электростан-

¹ Le courrier du Vietnam. 17.12.2022. URL: <https://lecourrier.vn/les-exportations-deletricite-du-laos-augmentent-de-75-en-2022/1150959.html>

² Global Times. 20.06.2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268596.shtml>

ции мощностью 600 МВт на юге Лаоса. Это первый ветроэнергетический проект в Лаосе, и предполагается, что выработанная на нем электроэнергия будет экспортироваться во Вьетнам.

Вызовы сотрудничества

Несмотря на преимущества, которые в перспективе может принести Лаосу его участие в инициативе «Пояса и пути», экономика страны сталкивается с серьезными трудностями. Главной является рост долгового бремени, в частности на Китай приходится около половины внешнего долга Лаоса, и вследствие этого наблюдается инфляция и падение стоимости кипа — национальной денежной единицы. Государственный долг Лаоса составляет почти 100 % ВВП, а незначительные валютные резервы едва покрывают импорт и расходы по текущим финансовым обязательствам. Дефолт Лаоса отнюдь не отвечает экономическим интересам Китая. По всей вероятности, стороны будут договариваться об отсрочке выплат, или повторится ситуация с передачей государственных активов Китаю на определенный срок (как это уже было с *Electricite du Laos*, что тем не менее обеспечило дополнительные валютные вливания в экономику Лаоса).

Пока нельзя сказать, что реализация совместных инфраструктурных проектов способствовала повышению занятости среди местного населения. Например, на строительстве железной дороги было занято 7 тыс. местных рабочих, а китайских — 50 тыс. человек. Также возникают попутные проблемы, связанные с переселением крестьян из зон затопления при строительстве дамб или мест строительства транспортной инфраструктуры. Например, Лаос был вынужден взять дополнительный кредит у Китая в размере 300 млн долл. в связи с переселением местного населения с территорий, отведенных под железную дорогу.

Китайские компании активно инвестируют в горнодобывающую промышленность Лаоса, обеспечивая растущую потребность Китая в золоте, редкоземельных металлах, других полезных ископаемых. В этой связи обострились вопросы, связанные с деградацией окружающей среды, соблюдением техники безопасности при эксплуатации недр.

Кроме того, вместе с перспективными особыми зонами сотрудничества существует экономическая зона «Золотой треугольник» недалеко от границы с Мьянмой и Таиландом. Она имеет дурную славу прибежища китайского нелегального бизнеса, де-факто принадлежит

китайским компаниям и, по сути, представляет собой центр азартных игр, обслуживающий граждан КНР, куда даже полиция и граждане Лаоса имеют ограниченный доступ, что также негативно влияет на имидж Китая.

* * *

В Лаосе на сегодняшний день спокойная социально-политическая ситуация и отсутствуют выраженные антикитайские настроения как, например, на Филиппинах, во Вьетнаме или даже в Мьянме. Вместе с тем существуют определенные опасения по поводу чрезмерной экспансии Китая, ведущей к вытеснению местной рабочей силы, росту присутствия китайских фермеров-арендаторов, вреду экосистеме Меконга из-за строительства дамб, переселению крестьян из зон затопления. Это также может косвенно отразиться на внутривнутриполитическом балансе сил. Кроме того, сильная кредитная зависимость от одного партнера и одновременно его интенсивная экономическая экспансия вызывают опасения в международном сообществе, где даже высказываются мнения о превращении Лаоса в «псевдопровинцию» Китая [Zhai, Johnson 2020].

Предположительно, что при нынешнем уровне сотрудничества китайское присутствие вдоль маршрута железной дороги, в СЭЗ с китайским участием, в северных провинциях Лаоса будет только увеличиваться. Поэтому необходимо, чтобы Китай активнее вовлекал местное население в совместные проекты, прислушивался к настроениям «снизу», расширял сотрудничество в образовательной сфере, повышении рабочей квалификации местного населения, старался минимизировать экологические издержки при строительстве и эксплуатации ГЭС и освоении недр на территории Лаоса. Важная роль в этом отведена механизму сотрудничества Ланьцан—Меконг, а также наработанным деловым и гуманитарным связям ЛНДР с китайской провинцией Юньнань.

Тем не менее, несмотря на ряд вызовов, в настоящее время только КНР реально способна комплексно содействовать реализации масштабных инфраструктурных проектов в Лаосе в соответствии с национальными стратегиями развития страны, причем в относительно короткие сроки. Примером тому является реализация ключевого проекта ИПП в АСЕАН — китайско-лаосской железной дороги. Возможности соседних Таиланда и Вьетнама, важных традиционных партнеров Лаоса, довольно ограничены. Так, вьетнамско-лаосская

железная дорога, весьма необходимая Лаосу для удобного доступа к морю во Вьетнаме, почти 10 лет находится на стадии обсуждения и планирования. Таиланд, в свою очередь, сам полагается на технологии и инвестиции КНР в развитии железнодорожной сети со стандартной колеей, а в Лаосе — сосредоточен на инвестициях в отдельные наиболее важные для себя проекты. Например, для импорта дешевой электроэнергии Таиланд осуществил инвестиции в строительство ГЭС Саябури, крупнейшей в Лаосе. Кроме того, успешный опыт борьбы с бедностью и технологической модернизации КНР под руководством КПК является ценным опытом для руководства Лаоса.

Глава 13

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДОНЕЗИИ СО СТРАНАМИ ИНДОКИТАЯ

Движение стран АСЕАН по пути экономической интеграции предполагает тесное взаимодействие в решении различных региональных задач на основе совместных усилий ее членов. Речь, в частности, идет о создании единой энергетической системы АСЕАН, единой газовой системы, транспортных коридоров и других подобных проектов. Между тем, реализация таких проектов и экономического сотрудничества в целом в рамках Ассоциации осуществляется пока преимущественно на двусторонней основе. Не являются исключением и торгово-экономические отношения крупнейшей страны региона Индонезии с партнерами в Индокитае.

В данной главе проведен анализ этих отношений, выявлены тенденции их развития, что может иметь существенное значение и для определения целей, задач экономической политики России в Юго-Восточной Азии, и для развития взаимодействия со странами этого региона.

Характеристика товарооборота

Основным направлением экономического взаимодействия крупнейшей страны АСЕАН с государствами Индокитая является торговля, имеющая многовековую историю. По многим товарным позициям эти страны являются конкурентами на мировом рынке, поставляя однотипную продукцию, поэтому, несмотря на создание в рамках АСЕАН Зоны свободной торговли (АФТА), товарооборот между партнерами относительно невелик: в 2022 г. индонезийский экспорт в пять стран полуострова в ценах ФОб составил 18,2 млрд долл., или 6,2 % совокупного национального экспорта, а импорт из этих стран — 16,1 млрд долл. в ценах СИФ, или 6,8 % всего импорта Индонезии (табл.1).

Таблица 1. Внешняя торговля Индонезии со странами Индокитая (млн долл.)

Вьетнам	2018	2019	2020	2021	2022	Всего
Экспорт в ценах FOB	4.581,9	5.153,4	4.941,3	6.850,1	8.286,0	29.812,7
Импорт в ценах CIF	3.794,6	3.848,2	3.130,6	4.213,0	4.817,8	19.804,2
Баланс	787,3	1.305,2	1.810,7	2.637,1	3.468,2	10.008,5
Таиланд	2018	2019	2020	2021	2022	Всего
Экспорт в ценах FOB	6.820,9	6.218,4	5.110,3	7.088,0	8.169,4	33.407,0
Импорт в ценах CIF	10.952,8	9.469,1	6.483,8	9.146,5	10.989,0	47.041,2
Баланс	-4131,9	-3250,7	-1.373,5	-2.058,5	-2.819,6	-13.634,2
Мьянма	2018	2019	2020	2021	2022	Всего
Экспорт в ценах FOB	897,6	875,6	1.031,9	1.122,1	966,0	4.893,2
Импорт в ценах CIF	151,6	182,7	187,2	165,9	111,2	798,6
Баланс	746,0	692,9	844,7	956,2	854,8	4.094,6
Камбоджа	2018	2019	2020	2021	2022	Всего
Экспорт в ценах FOB	525,6	618,5	541,3	531,2	726,0	2.942,6
Импорт в ценах CIF	33,0	42,6	47,4	49,2	62,6	234,8
Баланс	492,6	575,9	493,9	482,0	663,4	2.707,8
Лаос	2018	2019	2020	2021	2022	Всего
Экспорт в ценах FOB	7,3	6,8	5,1	7,6	26,6	53,4
Импорт в ценах CIF	25,7	31,1	42,3	38,0	167,6	304,7
Баланс	-18,4	-24,3	-37,2	-30,4	-141,0	-251,3

Источник: Statistik Indonesia 2023. Jakarta: Badan Pusat Statistik, 2023. Н. 608, 635.

За период 2018—2022 гг. общий профицит Индонезии в торговле с Вьетнамом, Мьянмой и Камбоджей составил 16,8 млрд долл., а дефицит с Таиландом и Лаосом — 13,9 млрд долл.

Индонезийский экспорт в страны Индокитая имеет тенденцию к росту в стоимостном выражении практически по всем странам полуострова, а также высокую степень диверсификации, что, в первую очередь, относится к торговле с Вьетнамом и Таиландом. Доля Вьетнама в стоимости совокупного экспорта Индонезии в страны Индо-

китай в 2022 г. составила 45,6 %, Таиланда — 45,0 %, Мьянмы — 5,3 %, Камбоджи — 4 % и Лаоса — всего 0,1 %.

Росту индонезийского экспорта в страны Индокитая способствовало динамичное развитие экономик этих стран, их внутреннего рынка, существенное увеличение потребительского спроса местного населения и спроса на товары производственного назначения со стороны частных и государственных предприятий. Так, в СРВ темпы экономического роста в период 1991—2019 гг. были на уровне 6—7,4 %, хотя затем упали вдвое¹.

В условиях динамичного развития экономик стран Индокитая и роста благосостояния их населения, а также установки АСЕАН на более активное сотрудничество внутри региона Индонезия в целом успешно наращивает экспорт в эти страны. Особняком в данном случае стоит ЛНДР, которая исторически и в силу своего географического положения экономически ориентирована на Китай, а также своих соседей, с которыми у Лаоса общая граница. Кроме того, слабость национальной валюты, очевидно, вообще затрудняет для страны импортные операции.

Основные направления экспорта Индонезии в страны Индокитая

В индонезийском экспорте в страны Индокитая по объему и стоимости превалирует продукция обрабатывающей промышленности, среди которой выделяются товары пищевой промышленности и машиностроения: на каждую из этих отраслей в 2022 г. пришлось примерно по 3,3 млрд долл. экспортных поставок. Из продукции пищевой промышленности в первую очередь необходимо отметить экспорт пальмового масла, общая стоимость которого в 2022 г. составила 1,28 млрд долл., или 21,2 % от общего объема индонезийского экспорта по этой статье, причем крупным покупателем, помимо Вьетнама (739,9 млн долл.), была Мьянма (539,7 млн долл.). В ряд продукции этой отрасли входят и традиционные индонезийские сигареты «кретек», изготавливаемые с добавлением гвоздики. Особенно много их поставляется в Камбоджу: в 2022 г. — 33,7 тыс. т на 242,8 млн

¹ The World Bank Press Release. Aug. 10, 2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/08/10/vietnam-s-economic-growth-slows-due-to-global-headwinds-and-internal-constraints>

долл., что составило ровно треть стоимости индонезийского экспорта в королевство.

На страны Индокитая приходится примерно четверть стоимости всего автомобильного экспорта Индонезии: в 2022 г. автомобилей было продано на 1455,5 млн долл. (в том числе во Вьетнам на 992 млн долл.), что составило 23,7 % от общего объема индонезийского экспорта по этой статье, а запчастей к ним — на 640,5 млн долл., или 27,4 % стоимости экспорта этой продукции. Индонезия продает в Индокитай и военные транспортные средства: в 2022 г. во Вьетнам — на 187 млн долл., в Таиланд — 107,5 млн долл.

Взяв в 2014 г. курс на индустриализацию в горнорудной промышленности, Индонезия стала крупным экспортером продукции черной и цветной металлургии. Общая стоимость экспорта стали и железа в страны Индокитая в 2022 г. составила 1,45 млрд долл. (в том числе во Вьетнам 1,1 млрд долл.), или 5,1 % от общего объема индонезийского экспорта по этой статье. Крупной статьёй экспорта является медь: в 2022 г. — почти на 850 млн долл., в том числе в Таиланд — 448 млн долл., во Вьетнам — 395 млн долл. Всего в 2022 г. Индонезия экспортировала в страны Индокитая металлов и изделий из них на общую сумму почти в 2,7 млрд долл., что составило 14,7 % ее экспорта в эти страны¹.

Экспорт продукции химической промышленности, включая изделия из каучука и пластика и нефтепродукты, в страны Индокитая в стоимостном выражении в 2022 г. составил более 2 млрд долл., или 11,2 % поставок в эти страны. Наиболее крупными статьями в 2022 г. были: искусственная камедь — 255,9 млн долл. (в том числе Вьетнам — 183,7 млн долл.); удобрения — 223,5 млн долл. (в том числе Таиланд — 102,5 млн долл. и Вьетнам — 96 млн долл.); продукция органической химии на основе нефти — 229 млн долл. (в том числе Таиланд — 179,9 млн долл.).

Почти 1 млрд долл. составил экспорт продукции электронной и электротехнической промышленности, в первую очередь, электрооборудования — 540,8 млн долл. (в том числе в Таиланд — 292,5 млн долл., во Вьетнам — 211,7 млн долл. и Лаос — 21,7 млн долл.), а также телевизионного оборудования — 261,8 млн долл. (в том числе во Вьетнам — 155,6 млн долл.).

¹ Подсчитано по: Buletin Statistik Perdagangan Luar Negeri. Ekspor menurut kelompok komoditi dan negara. December 2022. Jakarta, 2023. Н.198—218.

Продукции горнодобывающей промышленности в 2022 г. Индонезия поставила в страны Индокитая на сумму более 4 млрд долл., в том числе, каменного угля на 2,9 млн долл. (во Вьетнам — 1,1 млрд долл., Таиланд — 1,5 млрд долл. и Камбоджу — 255,7 млн долл.), сырой нефти в Таиланд на 1,2 млрд долл. Гораздо скромнее показатели сельскохозяйственного экспорта — 458,1 млн долл. Наиболее весомыми его статьями были лекарственные и ароматические растения — 69,1 млн долл. (в том числе в Таиланд — 37,9 млн долл.), ласточкины гнезда — 66 млн долл. (в том числе во Вьетнам — 65,6 млн долл.) и фрукты — 62,6 млн долл. (в том числе во Вьетнам — 37,9 млн долл.)¹.

Механизмы и факторы активизации взаимной торговли

Указанным тенденциям в торговле Индонезии со странами Индокитая, несомненно, способствовала общая либерализация условий торговли внутри АСЕАН и возникновение в регионе Зоны свободной торговли, о создании которой старшие члены Ассоциации договорились еще в 1992 г. АФТА запустила использование схемы Common Effective Preferential Tariffs (СЕРТ—АФТА) для снижения тарифов до 0—5 %, а также устранение количественных и нетарифных ограничений. В итоге во внутренней торговле АСЕАН импортные пошлины были обнулены или минимизированы в Индонезии и Таиланде уже в 2010 г., а в других странах Индокитая — в 2015 г. К этой дате члены АСЕАН договорились о создании единого рынка в ЮВА и провозгласили образование Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА).

В рамках АСЕАН для облегчения условий *внутренней* торговли создана так называемая Служба одного окна АСЕАН (The ASEAN Single Window, ASW), которая призвана интегрировать аналогичные службы стран-участниц на национальном уровне для обеспечения электронного обмена данными между членами Ассоциации. По действующему Соглашению о торговле товарами в АСЕАН (АТІГА), при осуществлении экспорта компания страны-партнера обращается в свою «службу одного окна» для оформления электронной версии сертификата происхождения формы «Д», который обеспечивает преференциальный тариф при импорте (выпускается с 1 мая 2022 г.)².

¹ Ibid. Н. 23—44, 143—184, 205—234, 270—276.

² Electronic Exchange of Form D via the ASEAN Single Window (ASW). URL: <https://www.customs.gov.sg\\businesses\\certificates-of-origin\\asw>

Росту индонезийского экспорта в АСЕАН, очевидно, способствовало и участие Индонезии в региональных производственных цепочках. Хотя в этих цепочках она в основном представлена продукцией низкотехнологичных отраслей, но во многих случаях имеет явные сравнительные преимущества перед своими партнерами по Ассоциации в силу своего географического положения, богатства природными и людскими ресурсами. К такой продукции относятся природное сырье с низким уровнем переработки или непосредственно добытое на месте, и продукция трудоемких отраслей промышленности. При этом значительная часть этого экспорта, в том числе в Индокитай, — товары с высоким индексом сравнительного преимущества (Revealed Comparative Advantage (RCA))¹.

Образование Зоны свободной торговли и обнуление или минимизация большинства импортных пошлин отнюдь не означали, что данный порядок будет работать автоматически, и всеми участниками Ассоциации будет соблюдаться добровольно и добросовестно. Для защиты собственных производителей отдельные страны-члены периодически устанавливают различные нетарифные барьеры и ограничения, что на определенных этапах сводит на нет тарифные льготы АФТА. В значительной мере это коснулось и торговых отношений Индонезии со странами Индокитая и, в первую очередь, с Вьетнамом, причем в наиболее технологичном сегменте двусторонней торговли — торговле автомобилями.

К моменту начала реализации концепции ЭСА с 1 января 2018 г. Индонезия продавала на рынке Вьетнама до 40 тыс. ед. собираемых японских автомобилей, и в 2017 г. Вьетнам был третьим по значению для индонезийских автопроизводителей рынком (297 млн долл.) после Филиппин (1,24 млрд долл.) и Саудовской Аравии (494,1 млн долл.)². Критикуя Вьетнам за нарушение правил торговли АСЕАН, Индонезия сама отнюдь не безгрешна в отношении вьетнамских партнеров, которые в 2015 г. подали иск в ВТО ввиду введения Индо-

¹ В 2022 г. мировой экспорт равнялся 24,9 трлн долл., а экспорт Индонезии — 292 млрд долл., т. е. доля страны в мировом экспорте составила 1,17 %. В 2022 г. Индонезия стала одним из мировых лидеров по экспорту каменного угля, продав его на 46,7 млрд долл. при общем мировом угольном экспорте в 238 млрд долл., т. е. доля Индонезии составила 19,6 %, а RCA страны по углю — 16,8. Расчет по: Export value of coal worldwide in 2022, by country. 30.10.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1384831/leading-coal-exporting-countries-worldwide-based-on-value>

² Katadata Media Network. 23.07.2018. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2018/07/23/berapa-nilai-ekspor-mobil-indonesia>

незией пошлин на вьетнамскую сталелитейную продукцию. В сентябре 2017 г. Индонезия заявила апелляцию в отношении данного иска, однако в августе 2018 г. ВТО признала ее виноватой и призвала снять эти защитные барьеры. В результате она была вынуждена принять данное решение ВТО, однако вызывает удивление, что Индонезия и Вьетнам решали этот спор через ВТО, а не посредством Протокола АСЕАН о расширенном механизме разрешения споров (ASEAN Protocol on Enhanced Dispute Settlement Mechanism), который был принят еще в 2004 г.¹

В торговле с Вьетнамом, помимо нетарифных ограничений на экспорт автомобилей, Индонезия столкнулась с ограничением допуска на вьетнамский рынок своей продукции фармацевтической и сахарной промышленности, что, впрочем, коснулось и тайского сахара. В 2020 г. СРВ, в соответствии с АТIGA, обнулила импортные пошлины на ввоз сахара из стран АСЕАН, однако вскоре вьетнамские производители массово выступили с протестами относительно наплыва дешевого сахара из Таиланда, и в июне 2021 г. правительство СРВ ввело антидемпинговые и компенсационные пошлины на импорт тайского сахара. Таиланд неоднократно высказывал озабоченность и сложной процедурой регистрации фармацевтики в СРВ, препятствующей экспорту тайской продукции².

Представители СРВ также периодически выражают озабоченность в связи с наличием препятствий для доступа вьетнамских товаров на рынок Индонезии. По мнению вьетнамского торгпредства в Джакарте, на экспорт сельхозпродукции в Индонезию большое влияние оказывает ее политика по достижению самообеспеченности продуктами питания, а рынок страны характеризуется высоким уровнем протекционизма и использованием нетарифных барьеров. Индонезия иногда вводит специальные защитные меры в отношении отдельных вьетнамских товаров³.

Между тем, Вьетнам не оставляет попыток защитить национальное автопроизводство от наплыва автомобилей из Таиланда и Индонезии. Не имея возможности вводить пошлины на импортируемые товары, в Ханое постепенно повышают акциз (Special Consumption

¹ URL: <https://asean.org/asean-protocol-on-enhanced-dispute-settlement-mechanism/>

² URL: <https://rmol.id/dunia/read/2021/06/08/491191/thailand-minta-vietnam-ku-rangi-hambatan-perda-gangan-impor-gula>

³ Vietnam Plus. 20.12.2022. URL: <https://en.vietnamplus.vn/opportunities-and-challenges-for-vietnam-indonesia-to-boost-bilateral-trade/245835.vnp>

Тах, SCT), который взимается при производстве или импорте 11 категорий товаров, относимых к предметам роскоши и не являющихся жизненно необходимыми. К их числу относятся и автомобили, SCT на которые (исключая электромобили) в 2023 г. составлял 45—60 %¹. Одновременно планируется снижение этого налога при производстве компонентов и запчастей, которые в дальнейшем используются при местной сборке автомобилей, чтобы повысить их конкурентоспособность.

Для преодоления противоречий страны АСЕАН могут договориться о создании совместного электромобиля в рамках индонезийской инициативы по возрождению совместного промышленного проекта Ассоциации. Во время визита Джоко Видодо в Ханой 11 января 2024 г. стороны обсудили участие вьетнамских частных компаний в ASEAN Industrial Project Based Initiative (AIPBI)².

Конкуренция на рынках третьих стран и зависимость Индонезии от поставок аграрной продукции из стран Индокитая

Реализация инициативы AIPBI возможна лишь в перспективе, а торговая конкуренция стран АСЕАН, в том числе Индонезии и Вьетнама, на рынках третьих стран реальна уже сейчас, причем вьетнамцы могут начать теснить своих индонезийских партнеров в тех сферах бизнеса, где у последних до последнего времени было неоспоримое преимущество.

Речь, в частности, идет об индонезийском экспорте используемых в китайской кулинарии съедобных птичьих (в том числе ласточкиных) гнезд, в 2022 г. составившем 590,5 млн долл., из которых 66,0 млн долл., или 11,2 % пришлось на страны Индокитая. Являясь крупным импортером индонезийских птичьих гнезд, Вьетнам уже в ближайшее время может стать серьезным конкурентом Индонезии на рынке Китая — главного их потребителя. В ноябре 2022 г. министерство сельского хозяйства и развития села СРВ и Генеральная администрация таможенных служб Китая подписали протокол о порядке по-

¹ Vietnam Briefing. 01.11.2022. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/special-consumption-tax-vietnam.html/>

² Antara. 12.01.2024. URL: <https://www.antaranews.com/berita/3912948/indonesia-undang-vietnam-perkuat-kerja-sama-bidang-industri>

ставок вьетнамских птичьих гнезд в КНР, и в ноябре 2023 г. состоялась первая поставка этой продукции¹.

Хотя ситуация с гнездами может рассматриваться как частный случай, свидетельствующий о предприимчивости вьетнамских бизнесменов, в целом, на наш взгляд, наметилась тенденция отставания индонезийского сельского хозяйства даже в рамках АСЕАН. Так, в последние годы в Индонезии вновь остро встала проблема обеспечения населения рисом, поэтому правительство вынуждено прибегать к большим закупкам риса по импорту, значительная часть которых пришлась на поставки из стран Индокитая (табл. 2).

Таблица 2. Поставки риса в Индонезию из стран Индокитая в 2018—2022 гг.

Страна	2018		2019		2020		2021		2022	
	тыс. т	%								
Вьетнам	767,2	34,0	33,1	7,4	88,7	24,9	65,7	16,1	81,8	19,0
Таиланд	795,6	35,3	53,3	12,0	88,6	24,9	69,4	17,0	80,2	18,7
Мьянма	41,8	1,9	166,7	37,5	57,8	16,2	3,8	0,9	3,8	0,9
Всего:	1604,6	71,2	253,1	56,9	235,1	66,0	138,9	34,0	165,8	38,6
Весь импорт	2253,8	100	444,5	100	356,3	100	407,7	100	429,2	100

Источник: Statistik Indonesia 2023. Jakarta: BPS, 2023. Н. 643.

В стоимостном выражении импорт риса составляет незначительную долю в общей стоимости индонезийского импорта из стран Индокитая. В 2022 г. для Вьетнама она составила 0,9 %, Таиланда — 0,4 % и Мьянмы — 1,3 % (хотя в 2019 г. этот показатель Мьянмы был 30,8 %)². Важность для Индонезии этих поставок проявилась, в частности, в 2023 г., когда в условиях неурожая риса основные его экспортеры, в том числе Индия, резко сократили или приостановили поставки на мировой рынок. В этих условиях Индонезия была вынуждена начать закупки риса в Камбодже: в 2022 г. было завезено 637 тыс. т, в 2024 г. страна планирует закупить в королевстве 278 тыс. т риса. Индонезия готова оказывать содействие Камбодже в развитии ее сельскохозяйственной инфраструктуры, чтобы гарантировать необходи-

¹ Saigon News. 21.11.2023. URL: <https://en.sggp.org.vn/enterprises-increase-invest-ment-to-seize-birds-nest-export-opportunities-post106443.html>

² Подсчитано по: Statistik Indonesia 2023. Jakarta: BPS, 2023. Н. 636, 643.

мые поставки риса и обеспечить собственную продовольственную безопасность. С перспективой на 2024 г. с Таиландом достигнута договоренность об импорте 2 млн т риса¹.

В 2023 г. в Индонезии ощущался значительный дефицит риса, и его импорт по результатам года составил 3,06 млн т. Главными поставщиками выступили Таиланд — 1,38 млн т (45,1 %) и Вьетнам — 1,14 млн т (37,3 %), а также Пакистан — 309 тыс. т (10,1 %) и Мьянма — 141 тыс. т (4,6 %)². Таким образом, в 2023 г. на страны Индокитая пришлось более 87 % индонезийских закупок риса, и, возможно, эта зависимость в ближайшее время сохранится, поскольку, помимо сокращения посевных площадей и воздействия Эль-Ниньо, в Индонезии наметилась тенденция отказа деревенской молодежи от работы в сельском хозяйстве.

Индонезия серьезно зависит от импорта и по другим видам продукции сельского хозяйства, что, с одной стороны, говорит о его слабости, а с другой — о просчетах государственной политики в регулировании внутреннего спроса и внешней торговли. Так, в последние годы Индонезия, которая является «раем» для выращивания тропических фруктов, «подсела» на «фруктовый» импорт. Основным поставщиком фруктов является, конечно, Китай — в 2022 г. на 906,3 млн долл. из 1,5 млрд долл. «фруктового» импорта (в ценах СИФ). Однако и Таиланд входит в число основных поставщиков фруктов на рынок Индонезии: в 2022 г. — 134,8 млн долл. (9 % всего импорта). Еще на 10,8 млн долл. закуплено продукции во Вьетнаме.

Аналогичная ситуация наблюдается и в импорте Индонезией овощей, который в стоимостном выражении в 2022 г. составил 952,1 млн долл. (в ценах СИФ). Главным поставщиком является Китай: в 2022 г. их было завезено на 677,6 млн долл. (71,2 %), а вот 2-е место занимает Мьянма — в 2022 г. 61,7 млн долл. (6,5 %), и годом ранее ее доля в индонезийском импорте овощей составляла 10,3 % (101,1 млн долл.).

Еще более парадоксальна ситуация в производстве сахара, который провозглашен в Индонезии одним из 9 основных продуктов питания. Страна ежегодно тратит колоссальные деньги на импорт сахара — преимущественно сахара-сырца — в 2022 г. почти 3 млрд долл.

¹ JawaPos. 22.12.2023. URL: <https://www.jawapos.com/ekonomi/013645669/amankan-cadangan-beras-tahun-depan-pemerintah-impor-1-juta-ton-dari-india-dan-2-juta-ton-dari-thailand>

² CNBC Indonesia. 15.01.2024. URL: <https://www.cnbcindonesia.com/news/20240115151718-4-505835/parah-impor-beras-ri-cetak-rekor-di-2023-tembus-3-juta-ton>

Большую выгоду от этого получает Таиланд, на который в 2022 г. пришлось 40 % объема поставок сахара (2,4 млн т из 6 млн т) и 40 % по стоимости (1,2 млрд долл. из 3 млрд долл.).

Торговля услугами. Взаимодействие в сфере туризма

С развитием внутрирегионального экономического сотрудничества в ЮВА, вступлением в Ассоциацию новых членов растет торговля не только товарами, но и услугами. В 1995 г. было заключено рамочное соглашение по услугам в зоне АСЕАН (ASEAN Framework Agreement on Services, AFAS). Страны — основатели Ассоциации договорились о сотрудничестве в сфере торговли услугами и о ликвидации всех возможных барьеров и дискриминационных мер, препятствующих этой торговле в рамках АСЕАН. Впоследствии к AFAS присоединились и новые члены Ассоциации. Участники соглашения определили 5 основных направлений его действия: туризм, здравоохранение, авиационное сообщение, логистика и электронная торговля, хотя предполагается всеобъемлющее сотрудничество и по другим направлениям в сфере международных услуг.

За 10-летний период, с 2013 по 2022 г., в целом экспорт услуг странами АСЕАН вырос с 303,5 млрд до 466,6 млрд долл., в том числе экспорт транспортных услуг — с 65,5 млрд до 127,9 млрд долл., однако внутри АСЕАН — только с 57,3 млрд до 65,1 млрд долл., что, с учетом инфляции, представляет небольшой рост. При этом, доля внутриасеановского экспорта того или иного вида услуг в общей стоимости экспорта каждого вида услуг странами АСЕАН в 2013—2022 гг. оставалась небольшой: переработка давальческого сырья приносила 4,9—14,7 %; техобслуживание и ремонт — 9,9—10,2 %; транспортные услуги — 14,5—9,5 %; туризм — 28,8—23,8 %; строительство — 28,3—43,8 %, страхование — 26,3—23,3 %; финансовые услуги — 7,3—8,7 %, покупка интеллектуальной собственности — 16,7—10,4 %, телекоммуникационные услуги — 15,5—16,8 %. В целом же, эта доля сократилась с 18,9 до 14 %. Во внутриасеановском экспорте в 2022 г. в стоимостном выражении на транспорт пришлось 18,7 %, туризм — 18,0 %, телекоммуникационные услуги — 9,8 %, переработку давальческого сырья — 7,5 % и финансовые услуги — 5,7 %¹.

Одним из наиболее важных направлений торговли услугами в АСЕАН является внутрирегиональный туризм, который наиболее

¹ Посчитано по: ASEAN Statistical Yearbook 2023. Jakarta, 2024. P. 153—175.

серьезно пострадал в период пандемии и пока не восстановился до предковидного уровня. В полной мере это касается и туробмена Индонезии со странами Индокитая. Так, если Индонезию в 2019 г. посетило 136,7 тыс. туристов из Таиланда, то в 2022 г. — только 61,1 тыс. человек, из Вьетнама, соответственно, 96 тыс. и 68,1 тыс. человек, из Мьянмы — 46,4 тыс. и 22,6 тыс., из Камбоджи — 13,6 тыс. и 4,9 тыс. и из Лаоса — 4,1 тыс. и 1,1 тыс. В 2022 г. общее число иностранных визитов в Индонезию составило 5,47 млн, из которых на страны Индокитая пришлось 157,8 тыс., т. е. всего 2,9 %.

Можно предположить, что из Индокитая значительная часть туристов приезжает в Индонезию с деловой целью, однако в странах, где господствующей религией является буддизм, памятники буддистской архитектуры, в первую очередь храм Боробудур на Центральной Яве, являются, безусловно, магнитом для туристов, в том числе из Индокитая, которые тратят в Индонезии значительные средства. Так, по нашим расчетам, только тайские туристы принесли Индонезии в 2018 г. 185 млн долл., а в 2019 г. — 120 млн долл.

Имея профицит с Вьетнамом в торговле товарами, Индонезия владеет преимуществом и в туристической сфере, принимая существенно больше туристов, чем отправляет сама: в 2022 г. численность индонезийских туристов, посетивших Вьетнам, составила 36,1 тыс. человек. Росту туризма между Индонезией и Вьетнамом способствует наличие прямого авиасообщения между странами, которое осуществляют компании «Вьетнам Эйрланз» и «Эйр Эйша Индонезия», а с 2022 г. и вьетнамский лоукостер «Вьетджет», который летает на Бали, а с 5 августа 2023 г. и по маршруту Хошимин—Джакарта¹.

При дефиците в торговле товарами с Таиландом, Индонезия проигрывает партнеру по АСЕАН и в туристической сфере, как по общему числу прибывающих иностранных туристов (в 2023 г. Таиланд принял 28 млн человек; годом ранее 11,15 млн человек), так и в туробмене на двусторонней основе. В 2022 г. с открытием стран после окончания пандемии Таиланд только за первые восемь месяцев посетило 80,4 тыс. индонезийских туристов², т. е. на 30 % больше, чем тайских Индонезию за весь этот год.

¹ URL: <https://www.kemlu.go.id/hochiminhcity/id/news/25782/penerbangan-perdana-vietjet-ho-chi-minh-city-jakarta>

² URL: <https://travel.detik.com/international-destination/d-6295105/thailand-buka-buat-wisata-turis-indonesia-langsung-ngegas>

Постепенно развивается туристический обмен и с Камбоджей. 19 апреля 2023 г. открыт прямой рейс авиакомпании «Эйр Эйша Индонезия» по маршруту Джакарта — Пномпень. Даже в условиях отсутствия такого сообщения число индонезийских туристов, посещающих Камбоджу, росло (в 2018 г. 55,8 тыс.) ввиду интереса состоятельных индонезийских китайцев к буддистским памятникам Камбоджи, а также сравнительной дешевизной этой страны¹.

Очевидно, отсутствие прямого сообщения между странами сдерживает поток индонезийских туристов в Лаос, который в 2019 г. посетило 5,2 тыс. граждан Индонезии. Последних в ЛНДР, видимо, привлекают не только памятники буддистской архитектуры, но и «зеленый», т. е. экологический туризм. В 2024 г., который в Лаосе провозглашен годом туризма под лозунгом «Visit Laos Year 2024»², следует ожидать увеличения притока иностранных, в первую очередь, китайских туристов, с вводом в строй скоростной железной дороги из Китая, а также туристов из стран АСЕАН, в том числе из Индонезии, учитывая председательство ЛНДР в Ассоциации.

Инвестиционное сотрудничество Индонезии со странами Индокитая

Сотрудничество в сфере инвестиций — важное направление экономического взаимодействия Индонезии и стран Индокитая. Являясь стратегическими партнерами, Индонезия и Вьетнам придают большое значение взаимным инвестициям, что подтверждено подготовкой соответствующего договора. Общий объем индонезийских инвестиций во Вьетнаме в начале 2023 г. достиг 639 млн долл. в 106 проектах. В СРВ действуют 40 компаний с участием индонезийского капитала³.

Вьетнамские инвестиции в экономику Индонезии гораздо скромнее: 59 млн долл. вложены в 17 проектов. Среди вьетнамских компаний, действующих в Индонезии, выделяются «ПТ. Вьетфарма», которая с 1992 г. производит дженерики и препараты на основе лекарст-

¹ Antara. 05.03.2019. URL: <https://www.antaranews.com/berita/805709/menakar-p-erkembangan-dan-peluang-hubungan-ekonomi-indonesia-kamboja>

² Antara. 13.12.2023. URL: <https://www.antaranews.com/berita/3869370/laos-beru-paya-tingkatkan-kunjungan-wisatawan-internasional>

³ Kadin Indonesia. 15.03.2023. URL: <https://kadin.id/kabar/perkuat-kerjasama-pe-rekonomian-indonesia-dan-vietnam-berkolaborasi-untuk-kedepankan-sentralitas-asean-sebagai-episentrum-pertumbuhan/>

венных трав; «ПТ. Вико Индонезия», работающая с 2012 г. в производстве косметики; «ПТ. Вина Гаруда Фуд», с 2013 г. производящая напитки и легкие закуски¹.

На этом фоне грандиозным проектом могут стать вьетнамские инвестиции в производство электромобилей на индонезийской территории, которые планирует осуществить частная автомобилестроительная компания «VinFast» в размере 1,2 млрд долл. Уже в 2024 г. в Индонезии планируется начать строительство сборочного завода стоимостью 200 млн долл. на площади в 240 га. Завод мощностью 50 тыс. шт./год с числом занятых до 3 тыс. человек должен быть введен в строй в 2026 г. Предполагается также, что вьетнамская компания осуществит инвестиции и в производство электробусов в Индонезии².

Основным направлением тайских инвестиций в экономику Индонезии в последние годы является химическая промышленность и фармацевтика: в 2018 г. в нее направлено 295,1 млн долл., или почти 75 % капиталовложений из Таиланда, и 128,9 млн долл. в 2019 г. (40 %). Однако в последние 30 лет доминировал аграрный сектор, на который пришлось 43,5 % всех тайских инвестиций, или 2,3 млрд долл. За период 2018—2022 гг. общий объем тайских капиталовложений в экономику Индонезии составил 1,5 млрд долл., или 0,9 % всех иностранных инвестиций. За 9 месяцев 2023 г. тайские инвестиции достигли 80,3 млн долл., которые были вложены в 328 различных проектов, т. е. в среднем около 245 тыс. долл. в один проект.

Крупнейшим тайским инвестором в Индонезии является созданная в 1913 г. компания «Сиам Семент Груп» (ССГ). Основными направлениями ее бизнеса в Индонезии является производство цемента, стройматериалов, химической продукции, а также упаковочных материалов. В настоящее время у ССГ, которая в самом Таиланде по стоимости активов является второй крупнейшей компанией, 28 индонезийских дочерних предприятий с числом занятых 7 тыс. человек. Общий объем инвестиций в индонезийскую экономику составил 2,3 млрд долл., на Индонезию приходится примерно половина всех активов ССГ в странах АСЕАН.

Среди последних крупных инвестиций тайского капитала в Индонезии выделяется приобретение в 2022 г. за 220 млн долл. банком «Касикорн» 67,5 % акций банка «ПТ. Банк Маспъён», обслуживаю-

¹ URL: <https://jangkargroups.co.id/investasi-vietnam-di-indonesia/>

² Antara. 12.01.2024. URL: <https://www.antaranews.com/berita/3913014/kemenper-in-vinfast-bakal-investasi-12-miliar-dolar-untuk-produksi-ev>

шего преимущественно малый и средний бизнес. Крупным тайским приобретением стала и покупка производителем сахара «Mitr Phol» 75 % акций предприятия «ПТ. Кебун Тебу Мас», расположенного на Восточной Яве. Завод компании может производить до 400 тыс. т сахара-рафинада в год, что составляет около 12 % годового потребления сахара в Индонезии¹.

В Таиланде работает около 100 индонезийских компаний, включая дочернюю структуру авиаперевозчика «Лайэн» — «Thai Lion Air», которая является лоукостером. В составе компании 16 самолетов Боинг-737 различной модификации. Большее значение для экономики Таиланда сыграли вложения в нее индонезийского предприятия «Годжек», который одновременно в июне 2018 г. создал предприятия во Вьетнаме — «Го-Вьет» и в Таиланде — «Гет». Посредством онлайн-приложений оказывались следующие услуги: Go Ride — транспортные, Go Food — услуги по заказу еды, Go Send — курьерские, Go Pay — услуги по онлайн-платежам. В Таиланде компания привлекла к сотрудничеству 50 тыс. водителей и 33 тыс. коммерческих предприятий².

Несмотря на незначительный объем экономического сотрудничества с Камбоджей, индонезийская сторона подтверждает готовность участвовать в различных проектах развития экономики этой страны и, в первую очередь, в проектах инфраструктуры. Среди этих проектов — участие крупной девелоперской группы «Чипутра» в развитии столичного района Pnom Pehn International City, в который привлекается 70 млн долл.³ Перспективы для индонезийских капиталовложений, в первую очередь в сельском хозяйстве, есть в провинции Кратъэх: решено начать переработку сельскохозяйственной продукции для насыщения внутреннего рынка провинции.

Возможным направлением индонезийских инвестиций в ЛНДР может стать участие в решении логистических проблем, связанных с географической изолированностью Лаоса, отсутствием у него прямого выхода к морю. Индонезия проявила заинтересованность в строительстве железной дороги от Вьентьяна до вьетнамского порта Вун-

¹ TrenAsia. 22.08.2023. URL: <https://www.trenasia.com/perusahaan-thailand-akuisi-pabrik-gula-di-indonesia>

² CNBC Indonesia. 09.07.2021. URL: <https://www.cnbcindonesia.com/market/20210708145531-17-259323/gojek-thailand-dicaplok-airasia-ini-rekam-jejak-bisnisnya>

³ Antara. 04.12.2018. URL: <https://www.antaranews.com/berita/774388/indonesia-kamboja-sepakat-perkuat-kerja-sama-ekonomi>

ган, создав в июне 2019 г. консорциум Indonesia Railway Development Consortium (IRDC) для сотрудничества с лаосской «Петротрейд». Возможный объем инвестиций оценивается в 1,4 млрд долл. Помимо задержки из-за пандемии, встал вопрос о необходимости зачистки района строительства от мин, оставшихся еще со времен войны во Индокитае.

Индонезия заинтересована в импорте лаосских калийных удобрений, основную часть которых она закупает в России и Канаде. Добычу хлорида калия реально наладить в Лаосе, где также можно производить азотно-фосфорно-калийные удобрения, поставляя на предприятие из Индонезии мочевину и фосфор. Еще одним направлением экономического сотрудничества двух стран может стать участие индонезийских госкомпаний в сельскохозяйственных проектах на территории Лаоса, правительство которого выделяет под эти цели 270 тыс. га. Проекты сотрудничества должны охватывать производство риса, сахарного тростника и других культур, а также строительство завода по производству сахара стоимостью 353,8 млн долл.¹

Инвестиции Индонезии в Мьянме имеют, скорее, не коммерческий, а религиозно-политический характер. Поскольку Индонезия регулярно выступает в защиту прав народности рохинджа, правительство Мьянмы еще в августе 2018 г. предложило индонезийской стороне рассмотреть возможность поддержать реализацию социальных программ штата Ракхайн (Аракан), где компактно проживает данный этнос.

* * *

Торгово-экономические отношения Индонезии и стран Индокитая развиваются в рамках общей экосистемы сообщества стран АСЕАН и зависят от политического курса членов Ассоциации по созданию в регионе Юго-Восточной Азии Зоны свободной торговли (АФТА) и Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА). Принимаемые в АСЕАН политические решения по развитию экономического сотрудничества в ЮВА в целом способствуют росту торговли товарами и услугами между Индонезией и странами Индокитая, их взаимодействию в инвестиционной сфере. Вместе с тем по целому ряду направлений торгово-экономического взаимодействия этих стран реальные

¹ DATA Economic Intelligence Republik Demokratik Rakyat Laos Tahun 2020. URL: https://backpanel.kemlu.go.id/Shared%20Documents/Economic_Intelligence_Laos_2020.pdf

достижения довольно скромные, а наиболее значимые результаты наблюдаются в экономическом треугольнике Индонезия—Вьетнам—Таиланд. Однако и эти страны, несмотря на правила АФТА и декларации по ЭСА, регулярно используют нетарифные барьеры для защиты своих рынков и внутренних товаропроизводителей. По многим товарным позициям они конкурируют на рынках третьих стран, что осложняет их внутрорегиональное взаимодействие.

В то же время, учитывая общее стремление стран-членов АСЕАН к укреплению экономической интеграции в регионе, можно ожидать более результативного взаимодействия Индонезии со странами Индокитая в инвестиционно-производственной сфере. Это в полной мере касается и наименее развитых стран полуострова — Лаоса, Камбоджи и Мьянмы, власти которых приветствуют индонезийские инвестиции в их экономики, получая весомый импульс для развития. Именно Индонезия, в силу своего веса в Ассоциации и некоторой географической удаленности от Индокитая, может сыграть значительную позитивную роль в нормализации отношений членов АСЕАН с властями Мьянмы, в том числе и за счет привлечения предприятий этой страны к совместным экономическим проектам.

Раздел IV

ВЕКТОР РОССИЯ—ЕАЭС ДЛЯ СТРАН ИНДОКИТАЯ

Глава 14

ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК И МЕСТО В НЕМ АСЕАН

Отличительной особенностью современного этапа внешней и внутренней политики России является противостояние недружественным странам и преодоление враждебной санкционной политики. В условиях все большего ужесточения беспрецедентных санкций со стороны стран Запада и их союзников на Востоке, а также угроз применения вторичных санкций в отношении третьих стран, которые осмелятся нарушить антироссийский санкционный режим, проблема «поворота на Восток» с каждым днем становится все более актуальной.

Не секрет, что стремление «сложить все яйца в одну корзину» стратегически себя не оправдывает, порождая чрезмерную зависимость от одного из центров силы. Этот подход верен в отношении как западных, так и восточных партнеров. Смена зависимости с одного направления на другое принципиально ничего не меняет. Важно развивать полноценные отношения со многими партнерами одновременно, что позволит существенно снизить негативное воздействие в случае резкого разрыва связей на каком-то из направлений. С одной стороны, очевидно, что разговоры про поворот на Восток идут уже много лет. С другой — не менее очевидно, что поворот на Восток все эти годы буксует. В настоящее время ситуация вынуждает хоть что-то

делать, и что-то делается, но качественных изменений, по сути, пока не просматривается.

Среди региональных интеграционных объединений, пытающихся проводить самостоятельную политику и потому представляющих практический интерес, особое место занимает как АСЕАН в целом, так и наиболее влиятельные его члены по отдельности.

Группировка АСЕАН в целом имеет население около 670 млн человек и совокупный ВВП, который вдвое превышает ВВП стран ЕАЭС. При этом как население, так и ВВП, в отличие от стран ЕАЭС, имеют стойкую тенденцию к росту. Разные уровни потребления и доходов на душу населения в странах АСЕАН создают приемлемые условия для экспорта российской продукции разного уровня в этот регион.

Актуальные вопросы взаимодействия России и АСЕАН в настоящее время подразумевают оперативное решение следующих вопросов:

- 1) изменение кадровой политики с привлечением востоковедов;
- 2) переход на расчеты в национальных валютах;
- 3) изменение информационной политики.

Реализации понятного и комфортного для участников ВЭД перехода на расчеты в национальных валютах в нынешних условиях существенно мешает нестабильность курса рубля. АСЕАН крайне интересна как перспективный партнер не только для России, но и для ШОС и ОДКБ.

В ЮВА хорошо помнят так называемый азиатский кризис 1997—1998 гг., жесткий прессинг со стороны западных стран и поддержку со стороны КНР. Оказав помощь странам АСЕАН в трудный период, Пекин грамотно использовал это в своих интересах, что позднее привело к созданию ЗСТ Китай — АСЕАН. В настоящее время товарооборот КНР с АСЕАН превышает аналогичный показатель с США. Так, по результатам 2022 г. товарооборот КНР — АСЕАН составил 970 млрд долл. США также активно развивают свои связи в южном подбрюшье Китая, добившись впечатляющего роста товарооборота с АСЕАН: в 2020 г. он достиг 362,2 млрд долл., в 2021 г. — 441,7 млрд и в 2022 г. — 505,8 млрд.

Товарооборот РФ с АСЕАН в целом в 2019 г. составил 18,2 млрд долл., в 2021 г. — 20 млрд¹, в 2022 г. снизился до 15,5 млрд². К концу

¹ Газета.ру. 06.09.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/09/06/18495343.shtml>

² URL: <https://asean.org/joint-media-statement-of-the-twelfth-aem-russia-consultation>

2023 г. показатели 2022 г. должны быть перекрыты¹. Как видно из этих данных, РФ существенно уступает ведущим конкурентам не только по размерам, но и по качеству сотрудничества с АСЕАН.

Наиболее тесные отношения у России исторически сложились с Вьетнамом. В настоящее время Вьетнам успешно идет по пути развития экспортно ориентированной экономики. Причем его основным экспортным рынком являются США. Экспорт из Вьетнама в США, по итогам 2022 г., впервые превысил 100 млрд долл.². В этих условиях понятно, почему визиту Дж. Байдена во Вьетнам 10 сентября 2023 г. было уделено больше внимания, чем участию в Восточном экономическом форуме (ВЭФ) с ведущими российскими политиками и министрами в то же самое время.

В Ханое развитие вьетнамско-американского сотрудничества рассматривают в контексте «реализации внешнеполитической стратегии, подразумевающей “хеджирование рисков” в отношениях с “великими державами” в Азиатско-Тихоокеанском регионе: речь опять-таки о Китае и США» [Петровский 2023].

Очевидно, что в данном случае имеется несоответствие между формой и содержанием. С формальной точки зрения Москва имеет с Ханоем отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с очень высоким уровнем политического доверия, однако реальности экономического сотрудничества свидетельствует о проблемах с его конкретным наполнением. В данном контексте важна не только форма, но и конкретное содержание.

В 2022 г. Москва и Ханой отметили 10-летие всеобъемлющего стратегического партнерства. Несмотря на ставшие традиционными радужные оценки, очевидно, что сделано далеко не все запланированное. В данном контексте востребована работа над ошибками, с тем чтобы найти более эффективные пути движения вперед. Сравнительный анализ товарооборота СРВ за 2021 г. с КНР, США и РФ показывает, что есть проблемы *в области содержания*: товарооборот СРВ с КНР был равен 165,9 млрд долл., с США — 111 млрд, а с РФ — 7,1 млрд. В 2022 г. товарооборот СРВ с РФ упал до 4,6 млрд долл.³

¹ Уровень 2022 г. был достигнут уже в сентябре 2023 г. См.: ТАСС. 11.09.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18704801>

² VietNews. 14.01.2023. URL: <https://vietnews.ru/economy/eksport-vetnama-v-ss-ha-prevysil-100-mlrd>

³ URL: <https://www.csr.ru/ru/blogs/rossiya-i-vetnam-novyuy-vitok-sotrudnichestva/>

(по данным вьетнамской статистики до 3,55 млрд¹), с США вырос до 124 млрд², а с КНР — до 175,6 млрд³. С 2023 г. со всеми этими странами у СРВ *по форме* установлены отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, а *по содержанию* конкретное наполнение сотрудничества очень сильно различается. Заметное негативное влияние на экономическое сотрудничество РФ с восточными партнерами оказывают высокая волатильность курса рубля, а также угрозы введения вторичных санкций со стороны США.

При этом у Вьетнама имеются территориальные споры с КНР и политические противоречия с США, тогда как никаких заметных препятствий политического характера с РФ у Ханоя нет. Товарооборот формирует длительные отношения взаимосвязанности и взаимозависимости, которые становятся еще более важными в условиях развития производственной кооперации. В настоящее время Вьетнам существенно продвинулся в направлении развития экономического сотрудничества с США, товарооборот с которыми у Вьетнама почти в 27 раз больше, чем с РФ, и продолжает быстро расти.

Геополитически РФ, ШОС и АСЕАН в более широком смысле — в контексте современной «большой игры» — взаимно востребованы. Мы друг друга взаимодополняем по многим параметрам, находясь в разной степени под западным давлением, однако координации усилий для снижения рисков внешнего давления пока не видно. Максимум, на что может рассчитывать Москва, — воздержание ближайших партнеров из АСЕАН во время голосования в ООН против России.

Геополитически ЮВА находится между «молотом и наковальней», испытывая влияние Пекина и Вашингтона. Москва также под возрастающим комплексным западным давлением. Широкий интеграционный проект мог бы представить выход из геополитического тупика. Многое в данном направлении уже сделано, однако количество потенциальных фронтов вокруг РФ таково⁴, что до ЮВА, вполне вероятно, пока не дошли руки, хотя грамотно и своевременно сделан-

¹ VietnamPlus. 6.04.2023. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/vietnam-rossiya-novyevozmozhnosti-sotrudnichestva-i-potentsialnye-oblasti-50328.vnp>

² VietnamPlus. 9.09.2023. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/torgovye-otnosheniya-mezhdu-vietnamom-i-ssha-pozitivnye-momenty-60123.vnp>

³ VietnamPlus. 15.09.2023. URL: <https://special.vietnamplus.vn/2023/09/15/ru-vietnam-trung-quoc/>

⁴ Подробнее см.: [Колотов 2023 (1): 70].

ный «ход конем» мог бы разрядить остроту ситуации и вывести на оперативный простор.

Интеграция наиболее активных стран континентальной ЮВА в ШОС представляется крайне перспективным направлением работы, в результате которого Москва могла бы усилить свои геополитические позиции, однако тут будут мешать территориальные споры СРВ с КНР.

В российских СМИ, как и раньше, не уделяется значимого внимания событиям в АСЕАН в целом, тем более в странах Индокитая. Интерес к данному направлению экономической активности слабо заметен как со стороны власти, так и со стороны крупного бизнеса. Население в целом в силу описанных выше причин также слабо представляет текущие процессы в ЮВА.

Товарооборот со странами региона развивается разнонаправленно, но как раньше, так и сейчас очень существенно уступает товарообороту с крупными экономическими центрами — США, КНР, ЕС и пр. Это говорит о том, что немногие станут рисковать отношениями с партнером, товарооборот с которым составляет условно 150 млрд долл. США, ради отношений с другим партнером, товарооборот с которым составляет 5 млрд долл. Подобный шаг означает вызов сложившейся системе, в которую страны региона изо всех сил, конкурируя друг с другом, встраивались много лет. Не случайно основная стратегия их развития получила название экспортно ориентированной. В нынешних условиях они, ориентируясь на получение экономических выгод, предпочитают идти на премиальные рынки, пытаются там больше заработать.

Масштабной информационной и идеологической работы (например, в формате антиколониальной политики, которая в ЮВА могла бы стать вполне востребованной) в регионе Россия почти не ведет, соответственно власть, эксперты и бизнес в своих оценках текущей ситуации ориентируются на западные англоязычные СМИ. На данном направлении среди положительных примеров можно отметить работу новостного агентства «Спутник», которое в том числе вещает на вьетнамском — одном из важнейших языков ЮВА.

Со стороны СМИ считается нормальным демонстрировать полное пренебрежение, например, к российско-вьетнамским отношениям. Так, на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Хошимине в 2019 г. и пресс-конференции С.В. Лаврова с вьетнамским коллегой представители российских СМИ не задали вопросов по российско-вьетнамским отношениям, демонстрируя та-

ким образом отсутствие реальной повестки в отношениях между нашими странами. И в таком формате проходит абсолютное большинство пресс-конференций с другими странами региона.

Минувшим летом в Москве с официальными визитом находился министр общественной безопасности Вьетнама генерал То Лам. Что общественность узнала из сообщений прессы о программе его визита и российско-вьетнамских отношениях? А что про 48-ю годовщину победы в войне против США? А что про 78-ю годовщину провозглашения независимости ДРВ? Ответ на все эти риторические вопросы, увы, одинаков.

Это говорит о том, что конкретное наполнение российско-вьетнамского сотрудничества, очевидно, не соответствует уровню всеобъемлющего стратегического партнерства. Ситуация с другими странами континентальной ЮВА еще хуже.

Сфера распространения русского языка сокращается по причине пассивности российской стороны и отсутствия стабильной работы с ним. Аналогично обстоит ситуация с языками ЮВА: отсутствие постоянного платежеспособного спроса подрывает рынок переводов и закончившие обучение выпускники порой уходят в другие сферы. Бизнес идет по пути сокращения издержек и привлечения неквалифицированных переводчиков, в том числе из этнических ОПГ, что ведет к потере репутации в глазах партнеров по диалогу. Пропускная способность системы в целом равняется пропускной способности самого слабого звена, то же самое и с эффективностью. Пока не решен вопрос с кадровой засоренностью, эффективность взаимодействия будет на низком уровне.

Роста инвестиций в изучение региона и подготовки специалистов не наблюдается. Наоборот, набирает силу обратный процесс — подготовка «востоковедов» в непрофильных вузах. Это позволит бюрократии «поставить галочку» и отчитаться о «выдающихся достижениях», но подготовка никчемных юристов и экономистов в каждом частном «университете» известна с 1990-х годов, и повторение этого опыта в области востоковедения, очевидно, ни к чему хорошему не приведет, а гарантированно подорвет подготовку специалистов даже в традиционных центрах востоковедения, что еще больше усугубит ситуацию.

Определенная активность сохраняется в области ВТС и энергетики, но и здесь с каждым годом нарастает конкуренция, с которой российский бизнес не справится, если не изменит формат работы.

В современных условиях следовало бы ожидать повышения интереса в направлении АСЕАН со стороны Москвы, однако этого пока

не происходит, за исключением официальных встреч разного уровня, на которых звучат все те же успокаивающие речи. Конкретного наполнения повестки пока не видно.

За годы либеральных реформ (с 1990-х) РФ существенно сократила свое присутствие в регионе ЮВА. За это время произошло множество изменений. Российское влияние упало, тогда как другие страны в разы, а то и на порядки нарастили свое присутствие в сфере экономики и «мягкой силы».

Ситуация в области идеологии и религии

Как известно, в силу идеологических ограничений в современной РФ возникает вопрос о том, что транслировать во внешний мир. В таких условиях активность начинают проявлять самые разные группы по интересам. При этом бурная деятельность в некоторых областях имеет ярко выраженный контрпродуктивный характер. Внутри страны провозглашен приоритет традиционных ценностей, однако при этом со стороны параправославных сект наблюдаются попытки проникновения в зарубежные страны¹, что сопровождается неуклюжими попытками изменения межконфессионального баланса, к примеру, путем строительства крупного религиозного сооружения с целью массового крещения там китайцев до тысячи в день². Это, разумеется, сразу же было замечено восточными партнерами и в действительности возымело отталкивающий эффект, способствуя повышению настороженности и дистанцированию от Москвы даже в дружественных странах. Наиболее одиозные подобные попытки изменения межконфессионального баланса в Китае накануне СВО встретили отпор Пекина и соответствующую, но запоздалую реакцию со стороны российских правоохранительных органов, что привело к прекращению деятельности и приговорам в отношении наиболее одиозных представителей параправославных структур³.

Деятельность параправославных религиозных группировок была пресечена по «по ч. 1 ст. 330 (“Самоуправство”), ч. 3 ст. 148 (“Нарушение права на свободу вероисповедания”), ч. 3 ст. 110.1 (“Склоне-

¹ URL: https://ural.aif.ru/society/faith/pod_ekaterinburgom_mogut_postroit_samy_bolshoy_pravoslavnyy_hram_v_mire

² URL: <https://360tv.ru/news/obschestvo/shiigumen-sergij-hotel-krestit-kitajtsevkogda-oni-dojdut-do-urala/>

³ Подробнее см.: [Силантьев, Рагозин 2021].

ние к совершению самоубийства”) УК России»¹, тогда как активная деятельность по подрыву отношений с ключевыми восточными партнерами (чем они на самом деле и занимались) накануне СВО выглядит как классическая операция под чужим флагом и имеет квалификационные признаки совсем другой статьи.

В континентальной ЮВА политическая культура предполагает менее резкую реакцию на подобные вызовы национальной безопасности, чем в КНР, но печальный опыт колониального проникновения, когда католические миссионеры расчищали дорогу колонизаторам, там хорошо запомнили и стараются избегать его повторения, в том числе и со стороны Москвы. В настоящее время продолжают неуклюжие попытки экспорта «православия» на смену вьетнамской версии марксизма-ленинизма. Очевидно, что ожидать обещанного скорого обращения руководства КПВ в православие нет никаких оснований, тем не менее у данного направления «идеологической работы» в РФ имеются влиятельные сторонники на разных уровнях. Как и следовало ожидать, попытки изменить межконфессиональный баланс в верхах КПВ не удались, но осадок остался, что можно видеть по снижению активности контактов на высшем уровне и конкретного наполнения двусторонней повестки, в частности, отсутствия высокопоставленных официальных делегаций из СРВ на ПМЭФ, ВЭФ и Антиколониальном форуме.

В реальности наблюдается обратный процесс — экспорт в РФ вьетнамского каодаизма под видом реформированного на базе спиритизма православия. Полагаем, что Вьетнам не имеет отношения к данному проекту, тем более что вьетнамский каодаизм в экспертных кругах считается продуктом деятельности французской военной разведки второй половины 1920-х годов. После поражения в ходе франко-американского конфликта в Южном Вьетнаме в 1955 г. контроль над агентурной сетью религиозных сект Као Дай и Хоахао перешел к ЦРУ. Информации о том, кто стоит за российским клоном каодаизма пока не публиковалось, однако правоохранительным и судебным структурам РФ пришлось заняться данным вопросом уже в период СВО.

Российский клон каодаизма попал в поле зрения правоохранительных структур довольно поздно, вскоре после начала СВО по причине проукраинской активности членов секты. Однако за более чем

¹ РИА Новости. 30.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211130/skhiigumen-1761506267.html>

десятилетний период насаждения данной идеологии, которая подавалась в виде реформированного православия, ей удалось пустить глубокие корни, и пограничная с Украиной область, где в течение длительного времени наблюдалась повышенная активность данной секты, остается одной из самых сложных в период СВО.

При анализе работы правоохранительных структур в отношении «производителей» новых смыслов и экспортеров «православия» на Восток обращает на себя внимание вполне понятное отсутствие доверия к коллегам в регионах распространения сект, которые действовали в тесной кооперации с местными властями. Когда встал вопрос о прекращении их деятельности и аресте «духовных» лидеров в Екатеринбурге и Красноярске были направлены отряды из других регионов, а уголовные дела также переданы для расследования и суда в другие регионы. В Белгороде правоохранительные структуры справились сами¹, хотя первый отрезвляющий удар был нанесен из Москвы по линии партии «Единая Россия», когда из ее рядов за мракобесие были исключены некоторые наиболее одиозные представители секты².

* * *

Несмотря на то, что к антироссийским санкциям из стран АСЕАН после начала СВО официально присоединился только Сингапур (что, кстати, по мнению авторитетных экспертов, не мешает развивать с ним экономическое сотрудничество), активность РФ среди стран континентальной ЮВА имеет несистемный эпизодический характер. Рассчитывать на их поддержку на международном уровне в лучшем случае приходится только в виде воздержания во время голосования в ООН по чувствительным для Москвы вопросам.

Отдельное направление, где происходит ослабление влияния Москвы, представлено деятельностью маскирующихся под православие сект и группировок, орудующих с декларируемой целью изменения межконфессионального баланса в КНР и ЮВА, которая в действительности, направлена на подрыв двусторонних отношений и стратегического доверия к Москве, что на самом деле выгодно геополитическим противникам РФ.

¹ URL: <https://bel.ru/news/2023-02-17/knigu-evangelie-ot-elizavety-kotoruyu-tsitiroval-savchenko-priznali-ekstremistskoy-2665647>

² URL: <http://www.moscow-post.ru/politics/sekta-klassa-lyuks-belgorodskuyu-oblast-pretvratili-v-rassadnik-mrakobesiya-167648/>

В условиях конкуренции интеграционных проектов со стороны влиятельных стран и РФ необходимо строить вокруг Москвы эффективные альянсы ШОС, ОДКБ, БРИКС с конкретным наполнением двустороннего и многостороннего сотрудничества. Необходимо также создавать независимую от США систему расчетов в национальных валютах, которая могла бы со временем эффективно соперничать с финансовой системой, построенной на долларе.

Еще одно перспективное направление — антиколониальный дискурс в ЮВА, где почти все страны, за исключением Таиланда, имеют колониальное прошлое. Эта работа уже идет, однако не так масштабно, как требуется. В частности, в рамках ВЭФ 2023 г. под эгидой Российского исторического общества была проведена конференция «Колониализм на Востоке и его влияние на современный мир»¹, в работе которой вместе с российскими участниками приняли активное участие представители ряда стран континентальной и островной ЮВА.

Реализуемый в настоящее время поворот на Восток без востоковедов не принес и не принесет качественного результата в деле укрепления позиций РФ в Юго-Восточной Азии и Индокитае, в частности. Для этого необходимо модернизировать работу и привлечь специалистов со знанием языков, истории и культурных особенностей региона.

Востоковедение в данном контексте представляет собой «глаза», «уши», «язык» и «мозги», крайне необходимые для проведения последовательной и продуманной политики на Востоке, что критически важно с учетом активного противодействия со стороны геополитических конкурентов.

В этих условиях необходимо предпринять шаги по развитию востоковедения на базе традиционных научных школ и использовать профильные кадры, а не случайных людей, для разработки реалистичной стратегии и практики укрепления позиций РФ в самом динамично развивающемся регионе мира.

¹ Восточный экономический форум. 10.09.2023. URL: <https://forumvostok.ru/programme/start-day-events/?theme=99961>

Глава 15

ВЬЕТНАМ И ЕАЭС В ПОИСКАХ НОВЫХ ФОРМ СОТРУДНИЧЕСТВА

Современные геополитические вызовы поставили вопрос о необходимости дальнейшей консолидации государств, в том числе стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), перед возрастающими внешними вызовами и угрозами на пути развития процессов интеграции.

В XX в. главным фактором и основанием укрепления гуманитарного сотрудничества между СССР и Вьетнамом были геополитические интересы двух стран и их идеология. Отсюда особые отношения двух братских коммунистических партий на почве совместной борьбы с американским империализмом. В XXI в. ситуация изменилась, и на первое место среди этих факторов вышли экономические интересы и прагматические соображения [Ле Хонг Ань 2023]. Нельзя исключать и фактора военно-политического сотрудничества¹, а также вопросов региональной безопасности в Южно-Китайском море [Бредихин 2022].

Образованный в 2014 г. ЕАЭС превратился в одну из основных форм сотрудничества с третьими странами. Действительно, важной формой взаимодействия является заключение региональных торговых соглашений, когда каждое государство самостоятельно определяет свою торговую политику в отношении сферы услуг, осуществления инвестиций с другими странами и заключения международных соглашений по данным вопросам. Политика в области внешней торговли является важным инструментом по дальнейшему развитию ЕАЭС.

Значительную роль в продвижении проекта евразийской интеграции сыграло Соглашение о свободной торговле, подписанное в мае 2015 г., когда Вьетнам стал первым государством, с которым ЕАЭС заключил подобное соглашение. Его подписание привело к повышению

¹ URL: <https://ura.news/articles/1036287083?ysclid=llv6ux57if27207414>

объемов торговли в рамках двусторонних экономических отношений. Согласно нормам ЕАЭС, соглашение со стороны Союза было подписано на основании решения, принятого президентами стран-членов на заседании Высшего евразийского экономического совета 8 мая 2015 г.

Данному решению предшествовала достаточно продолжительная история сближения векторов развития. Вопрос о возможности заключить соглашение о свободной торговле между странами Таможенного союза и Вьетнамом обсуждался в 2009 г. в ходе официального визита министра промышленности и торговли Вьетнама в Российскую Федерацию. В октябре 2010 г. комиссией Таможенного союза было принято решение создать совместную исследовательскую группу (СИГ) из экспертов Беларуси, Казахстана, России и Вьетнама, которая должна была изучить возможности и оценить целесообразность такого соглашения.

В сентябре 2012 г. на встрече лидеров АТЭС во Владивостоке было официально объявлено об успешном завершении работы СИГ. Решение о начале переговоров с Вьетнамом главы государств Таможенного союза приняли на заседании Высшего евразийского экономического совета в декабре 2012 г. [Полозков 2002].

Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом охватывает все направления торгово-экономического сотрудничества. Помимо классического для подобных соглашений снижения ставок ввозных таможенных пошлин соглашение закрепляет обязательства сторон по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, определяет направления сотрудничества в области устойчивого развития, электронной коммерции, а также в сфере государственных закупок, устанавливает единые принципы защиты конкуренции. Также соглашение значительно повышает предсказуемость торгового регулирования, например: обязывает страны заранее уведомлять друг друга об изменениях в торговом регулировании, а также требует большего сотрудничества между таможенными службами и регулирующими органами в сфере технического, санитарного и фитосанитарного регулирования. Кроме того, соглашением предусматриваются обязательства в части взаимной либерализации торговли услугами, осуществления инвестиций и перемещения физических лиц, однако данный раздел соглашения изначально распространялся только на взаимоотношения между Россией и Вьетнамом; впоследствии другие страны ЕАЭС также смогли развивать сотрудничество Вьетнамом в этих сферах [Мазырин 2015].

Выгоды и открывающиеся возможности

Либерализация условий доступа товаров стран ЕАЭС на вьетнамский рынок повышает конкурентоспособность уже поставляемых в СРВ отечественных товаров, а также создает условия для поставок новой продукции, которая до снижения или отмены ввозных таможенных пошлин была недостаточно конкурентоспособной по цене.

С другой стороны, благодаря либерализации доступа вьетнамских товаров на рынок ЕАЭС снижаются потребительские цены на эти товары, и они становятся более доступными для конечного потребителя. К таким товарам можно отнести — тропические фрукты, орехи, овощи, соусы и приправы (в сельскохозяйственном секторе); спортивные костюмы, куртки, спортивную обувь (в промышленном секторе).

В качестве примеров выгоды от реализации соглашения по конкретным поставляемым из стран ЕАЭС во Вьетнам сельскохозяйственным товарам можно выделить молочную продукцию (ставка таможенной пошлины снижена с 20 % до 0, без переходного периода); мелассу и семена льна (ставка снижена с 10 % до 0, без переходного периода).

Из поставляемых странами ЕАЭС во Вьетнам промышленных товаров, по которым снижены ставки таможенных пошлин можно выделить калийные удобрения (с 6 % до 0, без переходного периода); бензин (с 19 % до 0 к 2027 г.); изолированные провода (с 20 % до 0 в течение 10 лет); грузовые автомобили (со среднего текущего значения в 17 % до 0 в течение 10 лет).

Экспортеры и производители стран ЕАЭС получают уникальную возможность эксклюзивных условий доступа на вьетнамский рынок в отношении таких товаров, как мясо птицы (ставка будет снижена с 20 % до 0 в течение 5 лет); алкогольная продукция (с 10 % до 0 в течение 10 лет); шины (с 5—30 % до 0 в течение 5 лет); автобусы (с 30—40 % до 0 в течение 10 лет); легковые автомобили (с 50—70 % до 0 в течение 10 лет).

Создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом увеличило товарооборот между партнерами с 4 млрд долл. США в 2016 г. до почти 8 млрд долл. в последующие годы¹. В 2022—2023 гг. он пошел на спад и уменьшился до почти исходного показателя.

¹ Обзор ключевых положений Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. URL: <https://eec.eacunion.org/upload/medialibrary/e97/Obzor-Soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle-mezhdu-stranami-EAES-i-Vetnamom.pdf>

Для расширения двустороннего экономического сотрудничества в рамках зоны свободной торговли Вьетнам — ЕАЭС стороны согласовали и подписали дополнительные протоколы:

— Протокол между правительством Вьетнама и правительством Российской Федерации о поддержке производства транспортных средств на территории Вьетнама от 21 марта 2016 г.;

— Протокол между правительством Вьетнама и правительством Республики Беларусь о поддержке производства автотранспортных средств на территории Вьетнама от 23 марта 2016 г.;

— Протокол об обмене таможенной информацией от 28 июня 2018 г.¹

В сентябре 2019 г. в провинции Хынгиен состоялась торжественная церемония открытия завода по сборке грузовых автомобилей МАЗ производительностью 100 и более машин в год. Тогда же МАЗ и СП «МАЗ Азия» подписали рамочный контракт на поставку 500 единиц техники во Вьетнам [Ле Хонг Ань 2023].

Реализация Протоколов по производству транспортных средств с Россией и Беларусью в целом и создание совместных предприятий в частности будут способствовать диверсификации рынка транспортных средств во Вьетнаме, создавая условия для увеличения присутствия промышленных товаров из России и Беларуси.

Протокол электронного обмена таможенной информацией посредством установления механизмов обмена и передачи информации и оперативного таможенного оформления товаров внесет положительный вклад в борьбу с правовыми нарушениями в таможенной сфере, ускорение таможенного оформления, облегчая торговлю и продвигая импорт и экспорт товаров каждой из стран.

Помимо вышеупомянутых протоколов, обе стороны также ведут переговоры по протоколу о создании электронной системы проверки и сертификации происхождения товаров, которая, как ожидается, скоро будет завершена. По сертификатам происхождения будет предоставляться льготный режим в соответствии с Соглашением о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом.

В феврале 2019 г. между ОАО «Минский молочный завод № 1» и вьетнамской компанией Viet Food Production & Import-Export были подписаны учредительные документы о создании совместного предприятия по производству белорусской молочной продукции во Вьетнаме. В апреле 2020 г. завершилась процедура сертификации белорус-

¹ Подробнее см.: [Лузгина 2020].

ского молока и молочной продукции во Вьетнаме. В июне 2018 г. в Минске прошло 14-е заседание белорусско-вьетнамской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Регулярно проводятся выставочные мероприятия и ярмарки, бизнес-форумы.

Проблемы и сдерживающие моменты

Вьетнамская сторона добивается максимального улучшения отношений с ЕАЭС и рассматривает все возможности для наращивания сотрудничества. Среди них устранение барьеров на пути свободного движения капитала и финансовых услуг, формирование общего рынка между Вьетнамом и ЕАЭС. Для этого необходимо снять ограничения по движению капитала на рынке ЕАЭС, допуску брокеров и дилеров на биржи друг друга, упростить процедуры допуска к торговле ценными бумагами.

Общий финансовый рынок позволил бы улучшить качество, повысить доступность финансовых услуг и удешевить их для потребителей. Стороны готовы использовать не доллар, а местную валюту с целью дедолларизации экономики. Назрели исследования по оценке влияния повышения статуса российского рубля на экономику России, ЕАЭС и Вьетнама.

Есть и другие проблемы, беспокоящие Ханой. Некоторые текстильные и швейные товары Вьетнама превышают порог экспорта в ЕАЭС, введенный триггерным механизмом. В частности, это указано в ноте ЕЭК № 14-575 от 28 сентября 2021 г., направленной министерству промышленности и торговли СРВ по итогам первых семи месяцев 2021 г. и уведомляющей о том, что при дальнейшем ввозе этих изделий сверх квот не будет применяться льготный тариф¹. Так, группа нижнего белья достигла 175 % установленного порога, женские платья, юбки и одежда — 105 %, а группа костюмов, курток, спортивных курток, брюк — 100 % [Клочкова 2022].

В соответствии с Решением Совета ЕЭК № 85 от 6 июля 2021 г. о применении пороговых защитных мер, для двух групп вьетнамского экспорта льготная налоговая ставка (0 %) была отменена на 6 месяцев

¹ В соответствии со ст. 2.10 Соглашения о свободной торговле, которая предусматривает пороговые защитные меры для 12 групп вьетнамских экспортных товаров, при превышении порогового объема экспорта текстильная и швейная продукция Вьетнама облагается налогом по стандартным ставкам в течение 6 или 9 месяцев.

в 2020 г. в связи с превышением установленного порога: это женские юбки, платья и одежда, а также группа текстильных изделий и одежды с кодом HS 6110.

Перспективные сферы сотрудничества

Россия предлагает Вьетнаму сотрудничать в сфере атомной энергетики. Вьетнамские лидеры занимают на этот счет противоречивые позиции. Первая: надо построить АЭС и выбрать Россию в качестве партнера. Необходимо модернизировать ядерный реактор в г. Далат на Центральном плато и перенести его в провинцию Биньзыонг на юго-востоке, а для модернизации Далатского института ядерных исследований тоже выбрать Россию в качестве партнера. Вторая позиция — это развитие возобновляемых источников энергии. Возобновляемые источники (энергия ветра, солнца, биомассы) дали в 2020 г. 11,8 % от общего производства электроэнергии всей системой, а выработка достигла 22,68 млрд кВт-ч. [Тураева 2022].

Россия и другие страны ЕАЭС призывают Вьетнам к сотрудничеству также в инвестиционной сфере. В частности, в соответствии с Проектом национального плана развития электроэнергетики на 2021—2030 гг. с перспективой до 2045 г. (Генеральный план электроэнергетики VIII), доля возобновляемых источников энергии (за исключением гидроэлектроэнергии) увеличится примерно до 24,3 % от общей установленной мощности всей системы в 2030 г. Для реализации проекта потребуется ежегодное финансирование примерно в 11,58 млрд долл., из которых около 10,16 млрд придется на инвестиции в источники энергии и около 1,42 млрд долл. — на инвестиции в развитие сетей. Обеспечить такой объем инвестиционного капитала для энергетической отрасли предполагается за счет создания открытых механизмов мобилизации частных инвестиций [Nguyen Thanh Lan 2022: 19].

Возобновляемые источники энергии во Вьетнаме очень быстро развиваются, поэтому доля других постепенно сокращается. Вьетнам полностью поддержал заявления саммита по климату, состоявшегося в рамках 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26). Реагирование на изменение климата и естественное восстановление приняты как высший приоритет во всех решениях в области развития. Премьер-министр СРВ заявил, что Вьетнам твердо привержен цели достичь нулевых выбросов к 2050 г. [Мазырин 2021].

Для более эффективного взаимодействия Вьетнама с ЕАЭС необходимо найти новые стимулы роста конкурентоспособности на современном этапе интеграции ЕАЭС. Актуален единый подход к формированию общих рынков, использованию технических регламентов ЕАЭС, имеющих значительное воздействие на увеличение торговли, по сравнению с дальнейшим снижением таможенных тарифов. Немаловажным препятствием для развития торговли является то, что около 90 % вьетнамских предприятий не используют русский язык для общения, что замедляет взаимодействие сторон.

Серьезные издержки создает проблема долларизации вьетнамской экономики. Вьетнам принял решение по ограничению долларového сегмента своей экономики и предложил в торговле с ЕАЭС применять оплату в валюте по обменному курсу, согласованному обеими сторонам.

По мнению Ханоя, при реализации договора о ЗСТ с Вьетнамом возник ряд проблем: некоторые направления экономического сотрудничества не были охвачены либерализацией. В списки исключений попали довольно обширные группы товаров. ЕАЭС в рамках защиты своего рынка сохранил прежние значения пошлин на такие товары, как мясо, молоко, сахар, трубы, машины, а Вьетнам — на отдельные виды мяса птицы, соль, изделия из драгоценных металлов [Шпаковская 2018].

Как показывает проведенный анализ, Соглашение ЕАЭС—Вьетнам выдержано в традициях уважения к суверенитету партнеров, что для стран АСЕАН является важным фактором реализации любых договоренностей. В условиях роста глобальных вызовов, угроз и связанных с ними рисков продвижение интеграционных инициатив ЕАЭС может способствовать повышению конкурентоспособности национальных экономик во всех сферах и областях, что даст возможность активизировать сотрудничество [Лузгина 2020].

* * *

После застоя в экономическом сотрудничестве рынки Вьетнама и ЕАЭС обрели новую значимость друг для друга. В процессе интеграции России и других стран ЕАЭС в АТР Вьетнам превратился в важного политического и экономического партнера в этом регионе. Для стран ЕАЭС сотрудничество с Вьетнамом дает выход на рынок АСЕАН, а для Вьетнама сотрудничество с ЕАЭС предоставляет возможность восстановить и развить экономические отношения с постсовет-

скими государствами. ЕАЭС — важное звено в диверсификации экспортных рынков ее членов, активизации торговли, привлечении инвестиций, повышении конкурентных возможностей.

Расширение сотрудничества ЕАЭС с зарубежными странами является следующим этапом укрепления Союза и расширения его перспектив. Одним из методов такого сотрудничества могут быть зоны свободной торговли с внешнеэкономическими партнерами. Заключение Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и СРВ создало предпосылки, чтобы не только удерживать и расширять имеющиеся экономические позиции сторон на внутреннем рынке партнеров, но и формировать конкурентные преимущества участников Соглашения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

На современном этапе развития торговли ЕАЭС с Вьетнамом необходимо выявлять новые факторы роста конкурентоспособности сторон. Для этого целесообразно внедрять существующие технические регламенты ЕАЭС. Как показала практика, их применение является более эффективным, чем снижение или обнуление таможенных тарифов для увеличения взаимной торговли. Совместное признание национальных сертификатов происхождения и создание электронной системы таможенного оформления помогут упрощению движения товаров между странами. Особого внимания требует обеспечение экономической безопасности при выполнении международных контрактов.

Соглашение о свободной торговле является одной из вех расширения и углубления взаимного сотрудничества РФ и ЕАЭС с СРВ. У России сложились традиционно хорошие отношения с ведущими акторами в Южно-Китайском море — Китаем и Вьетнамом. В условиях противостояния западной гегемонии и санкционной политике США и ЕС очень востребовано трехстороннее сотрудничество в регионе, по таким направлениям как добыча морепродуктов, научные исследования, геологоразведка, добыча нефти и газа.

Существует значительный потенциал для развития взаимодействия не только в области торговли, но и создании совместных промышленных предприятий, технологических объединений, сотрудничества в банковском секторе, туризме и т. п. Торговля Вьетнама и ЕАЭС развивается, но по объемам сильно отстает от товарооборота Вьетнама с Китаем, США, ЕС и АСЕАН. При этом члены ЕАЭС и Вьетнам находятся только в начале пути эффективного сотрудничества и использования всех преимуществ режима свободной торговли.

Глава 16

ОСОБЕННОСТИ ЗАКУПОК ВООРУЖЕНИЙ И ВТС ВЬЕТНАМА, КАМБОДЖИ, ЛАОСА И МЬЯНМЫ: РОЛЬ РОССИИ И КИТАЯ

Юго-Восточная Азия является не самым крупным, но весьма значимым рынком поставки вооружений. Его характеризуют относительно небольшая емкость ежегодных закупок оружия и военной техники (по оценкам, 3—4 млрд долл.) и сравнительно невысокий уровень совокупных военных расходов стран региона (в совокупности они примерно равны военным расходам Южной Кореи, составляя около 40 млрд долл. в год¹). Тем не менее рынок вооружений стран ЮВА быстрорастущий и один из самых конкурентных в мире. В последние годы он отличается, помимо продолжающегося роста закупок вооружений и военной техники (ВВТ), также резким нарастанием конкуренции между основными странами-экспортерами вооружений. Речь идет в первую очередь о США, европейских странах (Франции, ФРГ, Италии), России, Китае и Южной Корее.

Еще недавно рынок вооружений в ЮВА был значительно диверсифицирован (т. е. был «рынком покупателей», на котором выбор делается на основе в большей степени спроса и стоимости продукции, а не предложения²). В силу одновременного присутствия многих экспортеров ВВТ страны региона имели возможность «разнообразить» закупки вооружений, реализуя различные проекты с разными поставщиками и партнерами. Однако в последние годы свобода выбора партнеров в сфере закупок и производства ВВТ у стран региона в значительной степени снизилась. Повышенное значение многие страны ЮВА также придают развитию национальной оборонной промыш-

¹ URL: <https://laweba.net/3-asean-defence-expenditure-asean-military-spending-from-1960-to-budget-2020-and-of-gdp>

² Подробнее см.: [Bitzinger 2015].

ленности, включая в том числе контракты по закупкам ВВТ на условиях лицензионного производства боевых систем и их компонентов.

Основные тенденции в сфере военно-технического сотрудничества стран ЮВА показывают, что рынок вооружений этого региона не является однородным и что, скорее, более правомерно говорить о рынках вооружений входящих в него стран. Наиболее крупные из них, осуществляющие довольно широко диверсифицированные закупки военной техники и программы лицензионного производства вооружений, — Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины, эти страны в основном и задают ключевые тренды развития продаж оружия в регионе. Но на нем присутствуют и игроки другого плана — это Сингапур, Бруней, Вьетнам, Мьянма, Лаос и Камбоджа, у которых

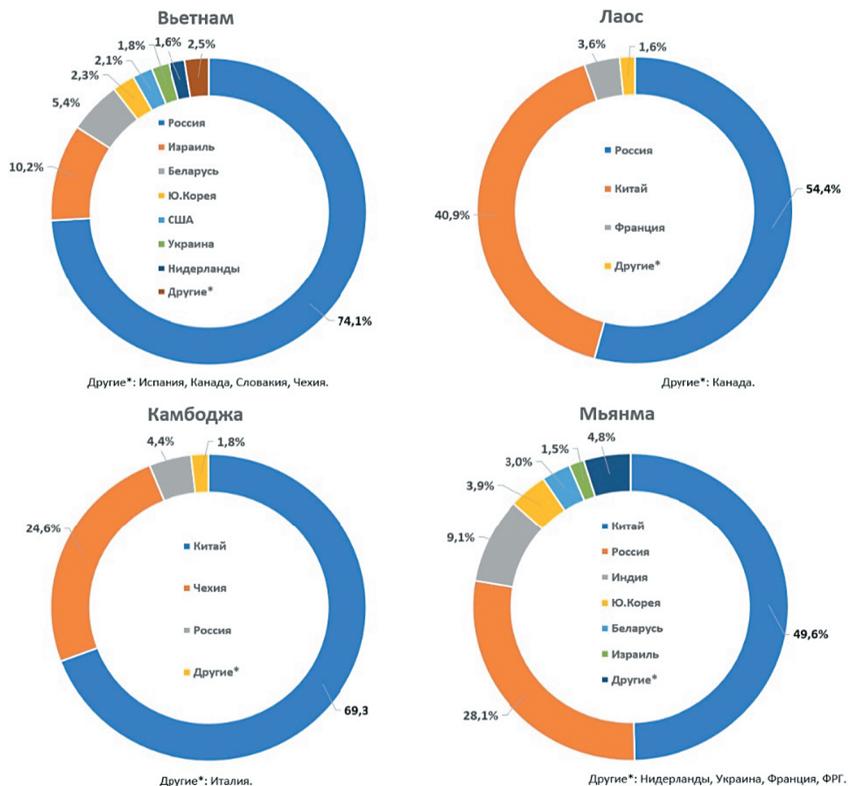

Рис. 1. Структура закупок ВВТ в 2013—2022 гг. по поставщикам.

Источник: SIPRI Arms Transfers Database. Sept. 10, 2023.

диверсификация военных закупок выражена гораздо слабее. Так, Вьетнам и Сингапур ориентировались в последние полтора-два десятилетия фактически только на одного ключевого поставщика вооружений (Сингапур — на США, Вьетнам — на Россию), Мьянма и Лаос — на двух — Россию и Китай, Камбоджа — на Китай и ряд европейских стран, прежде всего Украину и Чехию (рис. 1).

В этом плане Вьетнам, Камбоджу, Лаос и Мьянму (ВКЛМ) правомерно, на наш взгляд, выделить в качестве отдельного сегмента рынка вооружений стран Юго-Восточной Азии. Помимо ориентации на закупки оружия преимущественно у одного-двух стран-экспортеров, характерной общей особенностью этих стран является также то, что их ключевыми партнерами в сфере ВТС являются Россия и/или Китай, другими словами, они фактически опираются на поставки ВВТ постсоветского, а не западного типа. За некоторыми исключениями, из этого «общего правила» незначительно выбивается только Камбоджа — при том что и она не осуществляет крупных закупок вооружений западного образца.

Указанные тренды, что примечательно, не коррелируют напрямую ни с уровнем военных расходов и военных закупок стран ВКЛМ (т. е. «ограничениями» их военных бюджетов) (табл.1), ни с отсутствием у них возможностей для расширения ряда поставщиков ВВТ. Такие возможности в последние годы отсутствуют только у Мьянмы, почти непрерывно больше двух десятилетий находящейся под санкциями западных стран¹. Низкие военные расходы, наряду с закупками в значительной степени подержанных систем вооружений, наблюдаются только по Лаосу и Камбодже, тогда как Вьетнам и Мьянма имеют довольно высокие для региона военные расходы и уровни закупок ВВТ (Вьетнам находится на 4-м, а Мьянма — на 7-м месте по уровню оборонных расходов в ЮВА). Таким образом, помимо экономических факторов², ограничивающих, в частности, для Лаоса и Кам-

¹ В отношении Мьянмы действует оружейное эмбарго ЕС, а также санкции США — так называемый *Вигма Акт*, предусматривающий санкции в отношении высших чинов мьянманских вооруженных сил и сил безопасности, организаций, действующих в оборонном секторе, а также запреты на транзакции с государственными компаниями и банками Мьянмы. Санкции приостанавливались в 2010-х годах, при правительстве поддерживаемой западными странами Аун Сан Су Чжи, но были полностью восстановлены после военного переворота 2021 г.

² К ним относятся не только небольшой военный бюджет, но и довольно слабый уровень развития военной промышленности в Лаосе и Камбодже — в отличие от Вьетнама и Мьянмы.

боджи возможности закупок вооружений и наращивания военно-технического сотрудничества с западными странами, выбор в пользу фиксированной группы экспортеров военной продукции почти у всех стран ВКЛМ обусловлен также военными и политическими факторами. Другими словами, выбор поставщиков ВВТ у них совпадает с их кругом ведущих внешнеполитических и внешнеэкономических стран-партнеров и ограничен странами-экспортерами ВВТ, с которыми страны ВКЛМ увязывают реализацию своих долгосрочных программ военного строительства.

Таблица 1. Военные расходы стран Юго-Восточной Азии, млн долл.

Страна и место в рейтинге	2013 г.	2017 г.	2022 г.
Сингапур (1)	9029,9	10819,8	11367,3
Индонезия (2)	8208,8	9048,5	8915,4
Таиланд (3)	5908,2	6887,0	5907,9
Вьетнам (4)	4273,3	5585,8	...
Филиппины (5)	3628,4	4506,5	4166,5
Малайзия (6)	4297,6	3751,6	3776,8
Мьянма (7)	3265,0	3464,5	2783,3
Камбоджа (8)	297,1	504,9	583,4
Бруней (9)	391,6	372,7	436,2
Восточный Тимор (10)	34,3	27,4	41,4
Лаос (11)	23,7
Итого	39 357,9	44 968,7	37 978,2
Южная Корея	36 191,1	40 791,9	49 618,3

Примечание: Военные расходы приведены в постоянных ценах 2021 г. По Лаосу и Вьетнаму отсутствуют точные данные военных расходов за ряд лет. Выделенные жирным шрифтом данные являются оценками СИПРИ.

Источник: SIPRI Military Expenditure Database. Aug. 30, 2023.

В данной главе проведен сравнительный анализ общих тенденций ВТС и закупок вооружений группы ВКЛМ за последнее десятилетие, а также рассмотрены ключевые причины их ориентации в военном и военно-техническом сотрудничестве преимущественно на Россию и Китай. На этой основе сделаны некоторые выводы о перспективах развития ВТС стран региона.

Тенденции закупок вооружений и военно-технического сотрудничества стран ВКЛМ

Прежде чем приступить к рассмотрению страновых особенностей закупок оружия и ВТС стран ВКЛМ, необходимо сказать несколько слов об угрозах и вызовах безопасности, которые являются для этих стран ключевыми «драйверами» наращивания военных расходов и закупок. К таким угрозам и вызовам, по мнению экспертов [Heiduk 2017, Wezeman 2019], относятся в первую очередь обострившееся за последнее десятилетие *восприятие странами региона угроз безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе* (территориальные споры, включая споры по морским границам, оспаривание прав на ряд островов и архипелагов в Южно-Китайском море со стороны Китая, общее усиление военно-политического противостояния Китая и США), а также сохраняющиеся *угрозы внутренней нестабильности* в ряде стран ВКЛМ.

Так, не до конца урегулированные территориальные споры продолжают играть определенную роль в отношениях между Лаосом и Камбоджей, а также Камбоджей и Таиландом, способствуя росту закупок вооружений, прежде всего сухопутных систем. В значительной степени именно споры по морским границам и сохраняющаяся напряженность в отношениях с КНР обусловили существенное наращивание (более чем в два раза за последнее десятилетие) военных расходов Вьетнама¹, а также осуществление им, начиная с 2007 г., значительных закупок боевых систем для укрепления ВМС, береговой охраны и системы ПВО.

Значение *угроз внутренней нестабильности*, таких как сепаратизм и этнорелигиозные конфликты, оставалось очень высоким, в первую очередь для Мьянмы ввиду вооруженных столкновений правительственных войск с сепаратистскими группировками в штатах Ракхайн, Качин и Шан и в особенности — обострения противостояния с группировкой «Армия спасения рохинджа Аракана», заявляющей об отстаивании прав мусульман-рохинджа [Дэвис 2019: 55—59]. Эскалация с 2017 г. конфликта с «Армией спасения рохинджа Аракана» привела к острому кризису с переселением более полумиллиона рохинджа в соседнюю Бангладеш и, в конечном счете, к новому витку обострения отношений Мьянмы с западными странами из-за нарушения прав че-

¹ Показатели военных расходов взяты из: SIPRI Military Expenditures Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>

ловека в ходе этого конфликта и последовавшего затем военного переворота в 2021 г., когда было свергнуто прозападное правительство Аун Сан Су Чжи.

Еще одним немаловажным фактором, влияющим на военные расходы и закупки стран ВКЛМ, являлась модернизация вооруженных сил и оборонной промышленности. Наиболее сильный эффект ее воздействия можно наблюдать во Вьетнаме и Мьянме, которые еще с конца 2000-х годов инициировали процесс замены устаревшей боевой техники, находившейся на вооружении, на новую, особенно по боевой авиации и боевым кораблям, а также сделали одним из приоритетов своей военно-технологической политики повышение эффективности развития оборонно-промышленного комплекса¹.

Ниже приведен перечень ключевых закупок основных систем вооружений странами ВКЛМ за последнее десятилетие. Он в целом подтверждает довольно «узкую» ориентированность этих закупок на приобретение систем оружия преимущественно постсоветского образца, притом, как правило, у одного-двух (в случае Камбоджи — трех) ключевых поставщиков.

Так, **Мьянма** из ключевых типов боевых систем в 2013—2022 гг. импортировала из Китая 24 истребителя JF-17, более 40 китайских легких самолетов-штурмовиков JL-8 (их сборка осуществлялась на предприятиях оборонного комплекса Мьянмы), пять военно-транспортных самолетов Y-8, 50 танков МВТ-2000 и 176 бронемашин разных типов. У России для нужд ВВС были приобретены 14 истребителей МиГ-29 и 6 МиГ-29УБ, шесть Су-30, 20 учебно-боевых самолетов Як-130 и 10 ударных вертолетов Ми-35П, для сухопутных сил — 10 БРДМ-2. У КНР и России также закупились зенитно-ракетные комплексы ПВО, ракеты различных типов, включая китайские противокорабельные ракеты С-802 и другие ракетные вооружения для МиГ-29, Су-30, Як-130 и JF-17В. Для военно-морского флота Мьянма приобрела два китайских фрегата 053Н1 и фрегат Aung Zea (они были спроектированы в Китае, но строились и оснащались управляемым оружием в Мьянме). Кроме того, у КНР и Индии Мьянмой было заказано по одной ДЭПЛ (которые были переданы ВМС Мьянмы, соответственно, в 2020 и 2021 г.), у Израиля — шесть патрульных катеров. В целом поставки ВВТ из Китая в последнее десятилетие соста-

¹ См., например: 2019 Viet Nam National Defence White Paper. Ministry of National Defence, 2019. P. 102—104. URL: <http://mod.gov.vn/en/intro/vnd/sa-en-dod-dp/sa-en-dv-mf-stqp/17493317-e8da-4830-ba9d-75d7b39df332>

вили около 49 % и поставки из России — около 28 % от совокупного оборонного импорта Мьянмы (см. рис. 6).

Ряд систем вооружений передавались Мьянме также Южной Кореей, Индией, Украиной и Белоруссией, но в весьма незначительных объемах. Южная Корея построила для Мьянмы десантный вертолетный корабль-док проекта Makassar (Moattama), Индией поставлялись танки Т-55 и бронемашины Aditya, Израилем — корабельные пушки для фрегатов и корветов, Украиной — бронированные тягачи БТС-4ЛБТЗ, Белоруссией — два вертолета Ми-35 и зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) «Квадрат».

Лаос, как и Мьянма, продолжает эксплуатировать военную технику советских времен и ряд новых российских систем вооружений, в связи с чем продолжает активно закупать в основном российские и частично китайские боевые системы. С Россией у Лаоса действует соглашение о военно-техническом сотрудничестве, и кроме того, Российская Федерация участвует в строительстве и модернизации ряда военных объектов в стране, включая аэропорт Тхонгхайнин.

В России в 2013—2022 гг. Лаос закупил четыре (по другим данным — 10) учебно-боевых самолета Як-130, военно-транспортный Ан-26, 30 танков Т-72Б1, три ЗРК 9К35 «Стрела-10», более 75 зенитных управляемых ракет 9М37, а также 20 БДРМ-2М. Из Китая в Лаос поступили четыре военно-транспортных самолета МА-600, девять легких самолетов LE-500, 16 бронемашин Tiger, артиллерийские системы CS/SH-1, несколько ЗРК Yitian CH-SA-13 и ряд беспилотников CH-4. Из других поставщиков можно отметить только Францию, поставившую два вертолета AS365, и Канаду, экспортировавшую двигатели для МА-600.

Для **Камбоджи** в последнее десятилетие в крупнейшего поставщика вооружений превратился Китай: доля КНР в 2013—2022 гг. составляла 69 % от всех камбоджийских закупок ВВТ. В 2011—2013 гг. Китай поставил Вьентьяну по кредитной линии 12 легких многоцелевых вертолетов Airbus AS365 и AS565 Panther, произведенных в КНР по французской лицензии, и два военно-транспортных самолета Xian MA-60. В 2018—2019 гг. была осуществлена передача 20 бронемашин Tiger в качестве помощи. Россией в тот же период в страну было поставлено несколько военно-транспортных вертолетов Ми-8/Ми-17.

Камбоджей также активно осуществлялись закупки подержанной сухопутной техники советского и постсоветского образца из стран Центральной и Восточной Европы. Из Украины и Сербии в 2010—2012 гг. были поставлены 160 танков Т-55, из Болгарии и Украины —

около 80 БТР-60, из Чехии и Словакии — около 68 БМП-1, а также ряд 122-мм артиллерийских установок (значительная часть этой техники была получена Камбоджей непосредственно перед возобновлением в 2011 г. боевых действий на границе с Таиландом). У Италии в 2018 г. было закуплено два легких вертолета А-109. В целом Камбодже за счет этих закупок не удалось качественно улучшить уровень оснащения своих вооруженных сил — ввиду невысокого объема средств, выделяемых на приобретение ВВТ, и параллельной замены новой техникой старых систем вооружений.

Противоположным примером осуществления весьма успешной модернизации вооруженных сил стал **Вьетнам**, который на сегодняшний день обладает одной из самых крупных и боеспособных в регионе ЮВА армий. Модернизация Вьетнамской народной армии (ВНА) началась более полутора десятилетий назад с разработки в 2007 г. новой морской стратегии, предусматривающей необходимость «улучшения защиты» морского суверенитета страны, вслед за чем произошел пересмотр и военной доктрины. Военная реформа во Вьетнаме, последний этап которой завершился в 2020 г., привела к масштабному переоснащению всех родов и видов войск, и в частности, к улучшению боевых возможностей военно-морских и военно-воздушных сил, противовоздушной и береговой обороны, замене парков истребительной и учебно-боевой авиации, совершенствованию системы управления и обеспечения вооруженных сил [Русаков 2017, Heiduk 2017: 19—20].

Закупки вооружений для модернизации своей армии Вьетнаму удалось почти полностью обеспечить за счет углубленного сотрудничества с Россией. Начиная с 2010 г. он приобретал у России комплексы береговой обороны «Бастион», в дополнение к уже имевшимся дивизионам зенитных ракетных комплексов С-300ПМУ-1 и системам С-125-2ТМ «Печора», различные радары для авиационной и морской техники; в 2010—2013 гг. заказал 24 новых истребителя Су-30МК2 с соответствующими ракетными вооружениями (сумма контрактов по истребителям составляла около 1,5 млрд долл.). У РФ также были приобретены 6 дизель-электрических подводных лодок (ДЭПЛ) проекта 636 «Варшавянка», 4 фрегата «Гепард», несколько сторожевых кораблей проекта 10412 «Светляк» и 1241 «Молния»; все эти контракты были осуществлены с 2008 по 2018 г. Импортировал Вьетнам и значительные объемы российской ракетной техники, включая противокорабельные ракеты «Искандер» и крылатые ракеты ЗМ-54Е Club, предназначавшиеся прежде всего для подводных лодок. В 2018—2019 гг.

Вьетнам закупил у России 60 боевых танков Т-90С, с 2019 г. реализуется также контракт на поставку 12 учебно-боевых самолетов Як-130. В целом за последнее десятилетие Вьетнам закупил у России вооружений на сумму более 6—7 млрд долл., включая контракт по подлодкам проекта 636 на сумму почти в 2 млрд долл.¹

Сборка катеров проекта «Молния», производство противокорабельных ракет и ряда других вооружений для поставленных российских фрегатов и корветов осуществлялись на запущенных во Вьетнаме при содействии России производственных площадках. Кроме того, на вьетнамских авиапредприятиях при содействии российских специалистов налажены ремонт и техническое обслуживание Су-27УБК, Су-30МК2 и ряда других образцов российской авиатехники, притом ряд систем ремонтируются с использованием деталей вьетнамского производства [Евтодьева 2021: 72—74].

В дополнение к российским поставкам Вьетнам приобретал ряд систем вооружений у Белоруссии и Украины, произведенных на основе советских образцов. У Украины закуплены двигатели DR-76 для кораблей «Молния». Из Белоруссии в 2014—2016 гг. поставлены пять зенитно-ракетных комплексов С-125 «Печора» и в 2017—2022 гг. — 20 РЛС кругового обзора «Восток-Е», применяющиеся в системах ПВО и для управления полетами авиации, при этом во Вьетнаме налаживается лицензионное производство последних. В июне 2022 г. прошла не подтвержденная информация о намерении Ханоя приобрести как минимум 12 российских легких истребителей пятого поколения Су-75 Checkmate.

К перспективам расширения военно-технического взаимодействия и импорта ВВТ у западных стран Вьетнам в отмеченный период продолжал относиться с высокой степенью осторожности и даже настороженности, что демонстрировала его политика в сфере закупок. В свою очередь, возможности для приобретения вооружений из Китая у Вьетнама и вовсе отсутствуют — в силу как исторически напряженных отношений с «северным соседом»², так и неурегулированных морских территориальных споров, в первую очередь по Парасельским островам и островам Спратли, выливающимися в регулярные инциденты на море. Есть версия, что Ханой «сдержанно» сотрудничает с США

¹ РИА Новости. 02.06.2010. URL: <https://ria.ru/20100602/241743862.html>

² Подробнее об истории конфликта Вьетнама и Китая вокруг островов в Южно-Китайском море см.: [Максимов 2021].

из-за провокативной политики США в отношении спорных островных территорий Южно-Китайского моря¹.

Из наиболее значимых закупок Вьетнамом вооружений и техники у западных поставщиков в последнее десятилетие можно отметить покупку Ханоем ракетных систем Spyder-MR и EXTRA у Израиля для укрепления береговой защиты и защиты портов, двух фрегатов SIGMA у Нидерландов, двух подержанных корветов Po Hang у Южной Кореи, трех военно-транспортных самолетов C-295 у Испании и двух военно-транспортных вертолетов EC725 у Франции, а также 12 учебно-тренировочных самолетов L-39NG у Чехии. С США, несмотря на отмену в 2016 г. американского эмбарго на передачу летального оружия Вьетнаму², Ханой за последние несколько лет не заключал каких-либо значимых контрактов по ВВТ. Военно-техническое сотрудничество сторон свелось к передаче Ханоем двух подержанных патрульных кораблей класса Hamilton и нескольких патрульных катеров в качестве помощи, закупке ряда БПЛА ScanEagle, поставке авиадвигателей для чешских L-39NG и заключению в 2021 г. соглашения на передачу Вьетнаму трех учебно-тренировочных самолетов PC-9. Эти пока ограниченные акции (при отсутствии действительно крупных контрактов, в первую очередь по авиационной и морской технике, кроме чешского), безусловно, не раскрывают того потенциала, который хотели бы освоить США и их союзники³. Притом надо учитывать развитие политического диалога по вопросу сотрудничества Ханоя с QUAD, в чем проявляет заинтересованность американская сторона — но который в силу весьма осторожного подхода руководства СРВ тоже носит весьма сдержанный характер [Терских 2021].

¹ США в последние годы в несколько раз увеличили количество проходов своих боевых кораблей внутри 12-мильной зоны вокруг Парасельских островов и островов Спратли. Ряд аналитиков в Вашингтоне придерживается мнения, что дальнейшее содействие «интернационализации» территориальных противоречий между Китаем, Вьетнамом и Филиппинами закрепит переориентацию Вьетнама и Филиппин на тесное взаимодействие с США в военной сфере. См.: Красная звезда. 25.06.2021. URL: <http://redstar.ru/otkrytyj-i-zainteresovannyj-dialog-v-interesah-mira/>

² Военное обозрение. 29.03.2019. URL: <https://topwar.ru/156176-vashington-i-vietnam-ukrepljajut-voenno-torgovye-svjazi-na-fone-konfrontacii-s-kitaem.html>

³ Судя по сообщениям в американской прессе, используя военные и дипломатические каналы США обсуждали в последние несколько лет возможности продаж Вьетнаму своих морских патрульных самолетов P-3C-Orion и патрульных вертолетов, равно как и закупок Ханоем истребителей на замену снятым с вооружения МиГ-31 (в качестве вариантов Вьетнаму предлагались американские F-16 или южнокорейские T-50, производимые в кооперации с американскими компаниями). Подробнее см.: [Thayer 2017].

Перспективы России и Китая на рынках вооружений стран ВКЛМ

Анализ закупок вооружений странами ВКЛМ в 2013—2022 гг. позволяет более непредвзято рассмотреть роль России и Китая в системе военно-технического сотрудничества этих стран, равно как и объяснить, почему именно Россия и Китай остаются в последние годы их ключевыми партнерами в сфере импорта ВВТ.

В данном контексте можно обозначить несколько ключевых факторов, способствующих выбору странами ВКЛМ ориентации на партнерство с Москвой и Пекином в сфере ВТС.

Первым таким фактором является, безусловно, наличие у стран ВКЛМ *крепких долгосрочных связей в военно-технической сфере с Россией и Китаем*, а также ориентированность их вооруженных сил и военно-промышленных комплексов на *оснащение системами вооружений и компонентами к ним советского и постсоветского образца*. Учитывая, что циклы закупок, эксплуатации и модернизации крупных боевых систем являются долгосрочными, а финансовые ресурсы на приобретение более дорогих западных ВВТ странам региона зачастую недоступны, они предпочитают переоснащать свои армии российскими либо совместимыми с ними (по конструкции и особенностям эксплуатации и технического обслуживания) вооружениями китайского производства.

Можно отметить в этой связи, что ВВС Вьетнама, например, состоят почти исключительно из бывших советских и российских истребителей (Су-22М, Су-27СК/УБК, Су-30МК2), военно-транспортных и учебно-тренировочных самолетов (Ан-2, Ан-26, Як-52), многоцелевых и военно-транспортных вертолетов (Ми-17, Ми-8, Ми-171). Только незначительную часть находящихся на вооружении самолетов и вертолетов составляют чешские L-39 и чуть более десятка вертолетов Bell 205 и ЕС725 западного производства. У остальных стран ВКЛМ военно-воздушные силы также оснащены самолетами и вертолетами российского либо китайского производства: МиГ-29 и Су-30 (Мьянма), Як-130 (Лаос, Мьянма), Ил-103 (Лаос), Ми-17 (Лаос, Мьянма, Камбоджа), Ми-35 (Мьянма), JF-17 (Мьянма), МА-60 (Лаос, Камбоджа), МА-600 (Лаос), JL-8 (Мьянма), CJ-6 и CJ-9 (Мьянма), Y-12 (Камбоджа) [Military Balance 2022: 253—254, 287—317; Евтодьева 2021: 68—72, 99—111].

То же самое относится и к основным кораблям военно-морских сил стран региона, а также базовым системам сухопутной боевой тех-

ники. Так, на вооружении их сухопутных сил находятся в основном советские/российские либо китайские танки (Т-72 в Лаосе и Мьянме, МВТ-2000 и «тип 59» в Мьянме), бронемшины (БДРМ-2 и Tiger у Лаоса и Камбоджи, «тип 90» и ZFB-05 у Мьянмы) и артиллерийские системы. В формировании систем ПВО и оснащении боевых самолетов и кораблей ракетной техникой страны ВКЛМ также опираются прежде всего на закупки российской и китайской техники — такие системы, как ЗРК С-125 «Печора» и «Тунгуска» (Мьянма), «Стрела-10» и FN-6 (Лаос, Камбоджа), ЗРПК «Панцирь-С1» (Мьянма), авиационные ракеты Р-27, Р-73, С-802 и др.

Вторым важным моментом, способствующим сохранению высокого уровня закупок и укреплению военно-технологических связей стран ВКЛМ с Россией и Китаем, является *сравнительно невысокая* (по сравнению с западными ключевыми поставщиками, не считая Южную Корею) *стоимость экспортируемых российских и китайских вооружений*.

Для примера можно сравнить сделки последнего десятилетия по приобретению новейших истребителей странами Юго-Восточной Азии. Так, стоимость заказанных Вьетнамом в 2010 и 2014 г. 24 истребителей 4-го поколения Су-30МК2 составила 1,5 млрд долл., т. е. приблизительно по 62 млн долл. за самолет, а обозначенная в соглашении США с Сингапуром 2020 г. стоимость 12 истребителей 5-го поколения F-35В составляла 2,75 млрд долл., т. е. по 230 млн долл. за самолет. Контракты Таиланда 2008—2011 гг. по закупке 12 шведских истребителей JAS-39 Gripen обошлись ему примерно в 920 млн долл., т. е. по 77 млн долл. за один истребитель (к тому же с 2021 г. Таиланд по отдельному контракту осуществляет модернизацию своих «Грипенов»), а заказанные в 2009 г. Мьянмой у России 20 МиГ-29 стоили 570 млн долл., или по 28 млн долл. за один истребитель. Закупаемые странами региона у западных стран боевые корабли и подводные лодки, как и боевые самолеты, стоят как минимум в два-три раза дороже, чем техника аналогичных классов китайского или российского производства. Для сравнения, Вьетнам в 2009 г. приобрел у России восемь ДЭПЛ «Варшавянка» за 1,8—2 млрд долл. (по 225—250 млн долл. за одну ДЭПЛ), тогда как Сингапур в 2013—2017 гг. закупил четыре ДЭПЛ класса Invisible у немецкой ТКМС по 450 млн долл. за каждую подлодку¹. Закупка четырех сторожевых кораблей/фрегатов проекта

¹ См.: [Евтодьева 2021: 132—138]; Naval Technology. 10.01.2023. URL: <https://www.naval-technology.com/news/singapore-mindef-type218sg-submarines>

«Гепард-3» в 2006—2012 гг. обошлась Вьетнаму в сумму 300—350 млн долл. (приблизительно в 80 млн долл. за корабль), а Малайзии приобретение шести французских фрегатов класса Gowind-2500 — в 2,4—2,8 млрд долл. (т. е. по 420 млн долл. за один корабль)¹.

Третий немаловажный фактор состоит в том, что в последние годы в странах ВКЛМ наблюдается рост *контрактов по лицензионному производству* российских и китайских (а не только европейских, как это было в предыдущие десятилетия) систем вооружений, что помогает наращиванию компетенций стран региона в оборонно-промышленной сфере. Так, Вьетнам по лицензионным контрактам с Россией построил четыре из восьми ракетных катеров проекта 1241 «Молния», и ему была передана вся техническая документация по их постройке. Строительство последней серии из трех китайских фрегатов, а также нескольких ракетных катеров осуществлялось в Мьянме по китайским лицензиям. Соответствующие примеры можно продолжать — в Мьянме лицензионно производятся китайские зенитно-ракетные комплексы KS-1A, во Вьетнаме — российские противокорабельные ракеты КСТ-15, ряд систем легкого и стрелкового оружия, на авиационных предприятиях осуществляется сертифицированный ремонт ряда российских боевых самолетов и вертолетов, притом с использованием ряда компонентов вьетнамского производства. Такой рост производственной локализации является для Вьетнама и Мьянмы еще одним аргументом, обуславливающим выбор этих стран в пользу российской и/или китайской боевой техники.

Четвертый фактор тесно связан с *внешнеполитическими и военно-политическими ориентациями стран ВКЛМ*, и в первую очередь, со спецификой их взаимоотношений с США и другими западными странами. В этом отношении, в частности, тесный уровень военно-технического сотрудничества с Россией и укрепление контактов в сфере ВТС с рядом европейских стран используются Ханоем, чтобы балансировать отношения с США и Китаем (в то же время этот баланс имеет довольно выраженный «крен» в сторону США). У Мьянмы е

¹ Вышесказанное объясняет достаточно широко распространенные практики передачи странам ВКЛМ и в целом стран ЮВА подержанной боевой техники западных стран, списываемой с вооружения. В этих случаях с компаниями из США и других западных стран заключаются соглашения только на модернизацию этих систем. Именно по такой модели в последнее десятилетие реализовывались соглашения по передаче американских патрульных кораблей Hamilton и самолетов РС-9 Вьетнаму, бронетранспортеров М-113 Филиппинам, поставкам из Украины танков Т-55 и БТР-60 для Камбоджи и др.

фокус на сотрудничество с западными поставщиками ВВТ в значительной степени обуславливается наложенными на страну санкциями. Мьянма несколько десятилетий находилась под западными санкциями, частично снятыми в 2012 г., но после военного переворота 2021 г. США их возобновили. Продлили режим санкций в отношении Мьянмы и страны ЕС. Эти обстоятельства фактически полностью перекрывают на обозримую перспективу возможности Мьянмы вести закупки вооружений и какие-либо формы военно-технического сотрудничества с США и странами ЕС. В меньшей степени такие ограничения касаются Индии и Южной Кореи, которые не во всех случаях склонны придерживаться тех же санкций, что их западные партнеры.

Пятый фактор — это *влияние растущего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Китая на военно-технические закупки стран региона*. Он, в первую очередь, затрагивает такие страны, как Лаос, Камбоджа и Мьянма, у которых за последнее десятилетие значительно вырос товарооборот с Китаем и которые с недавнего времени являются участниками инициированного КНР Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Кроме того, со всеми странами ВКЛМ за последние несколько лет вступили в силу соглашения о свободной торговле с КНР. Можно упомянуть и о ряде проектов, осуществляющихся в регионе в рамках китайской инициативы «Пояс и путь».

Влияние данного фактора, как представляется, заключается в том, что вслед за ростом торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Лаос, Камбоджа и Мьянма постепенно начинают переориентироваться на КНР и как на политического партнера, и как на поставщика вооружений. К тому же во многих случаях Китай предлагает и более выгодные, чем Россия, условия по закупкам ВВТ — передает подержанную технику в качестве помощи, предлагает кредитные линии на закупки боевой техники либо заключение офсетных соглашений (соглашений о вложениях в определенные отрасли экономики в обмен за закупки военной техники).

* * *

Подводя некоторые итоги, нельзя не отметить, что фактически те же самые факторы, что были обозначены выше, т. е. невысокая стоимость китайских вооружений и их «комплементарность» с российскими боевыми системами, содействуют и будут в дальнейшем содействовать значительному укреплению позиций китайских компаний-экспортеров на рынке вооружений стран ВКЛМ (исключая Вьетнам).

За последнее десятилетие КНР удалось довольно сильно нарастить поставки вооружений в Лаос, Камбоджу и Мьянму, тогда как во многих других странах Юго-Восточной Азии (в частности, Индонезии, Малайзии и Таиланде) Китай сталкивался с более острой конкуренцией с западными поставщиками ВВТ и активным использованием последними нерыночных (политических) инструментов влияния на страны-импортеры. Несмотря на эту обостряющуюся конкуренцию, за последнее десятилетие Китай нарастил долю продаж ВВТ на рынке ЮВА с 2,7 % в 2003—2012 гг. до более чем 9 % в 2013—2022 гг.¹ Доля России в поставках вооружений в регион практически не изменилась за последнее десятилетие фактически только благодаря очень высокому уровню закупок ВВТ Вьетнамом, осуществлявшим масштабное переоснащение своей армии.

Исходя из указанных трендов, можно сделать предположение, что наращивание закупок вооружений у Китая Лаосом, Камбоджей и Мьянмой продолжится в ближайшей перспективе, в том числе учитывая наличие довольно широкого ассортимента недорогих боевых систем, которые китайские производители могут предложить этим странам. Тогда как в других странах ЮВА возможности Китая будут более ограничены — не только из-за политических причин (роста геополитического противостояния с США и другими западными странами), но и в силу большей диверсифицированности состава боевой техники на вооружении у Индонезии, Малайзии, Филиппин и ряда других стран ЮВА.

В свою очередь, позиции России на рынке вооружений в регионе будут обусловлены в значительной степени возможностями сохранения тесного военно-технического сотрудничества с Вьетнамом (при учете вероятного сценария постепенного увеличения Ханоем доли закупок ВВТ у западных стран), ограничениями на прямые поставки ВВТ в связи с санкциями (особенно в Индонезию, Малайзию, Филиппины и Таиланд), а также тем, в какой степени российским экспортерам вооружений удастся обеспечить тот ассортимент военной техники, который будет необходим странам региона для их закупок и дальнейшего переоснащения вооруженных сил.

¹ Рассчитано по: SIPRI Arms Transfers Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>

Глава 17

«РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭКОНОМИКА»

В КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ СТРАНАХ АСЕАН¹

Феномен «русскоязычной экономики» начал зарождаться в странах АСЕАН еще во времена Советского Союза. В некоторых странах с социалистической ориентацией русскоязычные сообщества формировались за счет специалистов, работающих на совместных предприятиях. Также это было связано с брачной миграцией: специалисты, получившие образование в Советском Союзе, возвращались в страны региона, в большинстве случаев мужчины с русскими женами. После распада Советского Союза факторы миграции русских изменились. «Новое открытие» региона россиянами началось с туризма². Миграционная привлекательность стран АСЕАН обусловлена хорошими природно-климатическими условиями, относительно низкой стоимостью жизни, лояльным миграционным законодательством и хорошим отношением местного населения к россиянам.

Точные статистические оценки численности и социально-демографической структуры русскоязычного населения, проживающего в странах АСЕАН, на основе российских данных затруднены в связи с особенностями регистрации мигрантов. Россияне, выезжающие в страны АСЕАН на длительный срок, не снимаются с учета по постоянному месту жительства в России, поэтому отечественная статистика фиксирует лишь незначительные потоки в страны этого региона. Крайне малое число наших граждан находит работу в странах АСЕАН по официальным каналам трудоустройства. Реальные масштабы миграции можно в большей степени понять на основе данных миграционных служб принимающих стран. Однако и в этом случае

¹ Данная глава основана на результатах исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Особенности адаптации и экономического поведения русскоязычных мигрантов в странах Юго-Восточной Азии» (№ 21—511-92001).

² Подробнее см.: [Рязанцев и др. 2016, Рязанцев 2017].

численность, социально-демографическая структура и характеристики занятости русскоязычного населения не могут быть детально реконструированы, поскольку доля россиян в статистике иностранного населения составляет менее 0,5 %.

Большое количество российских туристов ежегодно отдыхает в АСЕАН, растет спрос на русскоговорящих гидов, менеджеров отелей со знанием русского языка, также востребованы рестораны и кафе с русской кухней, магазины с русскими товарами, русскоязычные услуги в сфере туризма (экскурсии, дайвинг, аренда жилья). Это привело к возникновению и развитию «русскоязычной экономики» в местах концентрации российских туристов, которая стала заметным явлением и оказывает определенное влияние на социально-экономическую ситуацию на местном уровне¹.

Феномен «русскоязычной экономики» можно определить как «совокупность экономических институтов и экономических отношений с использованием русского языка, который является основным интеграционным фактором, и их движущей силой является удовлетворение потребностей русскоязычного населения и туристов, а также экономические связи с Россией» [Рязанцев 2017]. Масштабы «русскоязычной экономики» в странах АСЕАН различны и зависят как от численности русскоязычного населения в них, так и от развития туризма из России и других постсоветских стран.

Наиболее широко «русскоязычная экономика» представлена во Вьетнаме и Таиланде, что вполне естественно в связи с популярностью этих стран среди российских туристов. Часто туризм перерастает в более длительное пребывание в принимающих странах, сопровождающееся покупкой недвижимости и открытием собственного бизнеса. Наиболее распространенной миграционной траекторией россиян в отношении стран АСЕАН является путь от туриста до постоянного жителя.

В последние годы, особенно после начала пандемии COVID-19, все больше россиян, проживающих в АСЕАН, стали работать удаленно на российском рынке труда или получают пассивный доход от сдачи в аренду недвижимости в российских городах. Российские высококвалифицированные специалисты в области информационных технологий, консалтинга, маркетинга и финансов живут в АСЕАН вместе со своими семьями, снимая жилье на длительный срок. Также в АСЕАН растет спрос на специалистов со знанием русского языка и местного законодательства в области покупки и оформления недвижимости.

¹ Подробнее см.: [Рязанцев 2017, Рязанцев и др. 2021].

«Русскоязычная экономика» в Таиланде

Таиланд является самым популярным направлением для российских туристов. Въезд граждан РФ в Таиланд в настоящее время регулируется двумя межправительственными соглашениями: о взаимном отказе от визовых формальностей для владельцев дипломатических и служебных паспортов (вступило в силу 6 марта 2003 г.) и об условиях отказа от визовых формальностей при взаимных поездках граждан РФ и граждан Королевства Таиланд (вступило в силу 24 марта 2007 г.). Согласно второму соглашению, граждане РФ могут находиться в Таиланде без визы до 30 дней. С 1 ноября 2023 г. правительство Таиланда в одностороннем порядке увеличило срок безвизового пребывания до 90 дней для граждан России, прибывающих в период с 1 ноября 2023 г. по 30 апреля 2024 г.

Безвизовый режим в сочетании с теплым климатом круглый год, обилием фруктов, прекрасными пляжами, низкой стоимостью жизни, отношением тайского населения к туристам, массажными услугами делают Таиланд очень привлекательной страной для туристов из разных российских регионов.

Многие россияне пользуются системой «виза-ран» (от англ. *visa running*), чтобы надолго продлить свое пребывание в стране. До истечения 30-дневного безвизового периода россияне выезжают из Таиланда в другую безвизовую страну (например, в Камбоджу) и возвращаются в Таиланд для получения еще одного 30-дневного безвизового периода. Тайские власти в большинстве случаев смотрят на это сквозь пальцы. Однако российские консульские службы предупреждают россиян, что лучше не использовать подобные схемы для продления безвизового пребывания в Таиланде.

По данным Ростуризма, туристические потоки россиян в Таиланд росли и к 2019 г. достигли уровня 1,2 млн поездок в год. Пандемия COVID-19 привела к падению турпотока в Таиланд. По итогам 2020 г. было зафиксировано 483,5 тыс. туристических поездок россиян в Таиланд, значительная часть которых пришлась на первый квартал, так как традиционно многие россияне проводят зимние каникулы в теплых странах. Среди стран дальнего зарубежья Таиланд занимает 3-е место по количеству выездных туристических поездок россиян после Турции и, до последнего времени, Финляндии¹. Данные о ко-

¹ URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vyezdnykh-turistikh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-za-rubezh-rosstat/>

личестве иностранных граждан, въезжающих в Таиланд, отличаются от российской статистики. Так, в доковидный период Бюро иммиграции и Королевская полиция Таиланда предоставляют такие данные о количестве въезжающих и выезжающих россиян: в 2016 г. въехало 1142 тыс. и выехало 1127 тыс. человек, в 2017 г. — соответственно 1408 тыс. и 1385 тыс., в 2018 г. — 1544 тыс. и 1537 тыс. человек¹.

Различия в российской и тайской статистике въезда россиян могут быть обусловлены следующими причинами: 1) данные Ростуризма (табл. 1) учитывают только туристические поездки россиян; 2) российской пограничной статистикой не учитываются стыковочные рейсы. С 2024 г. Таиланд больше не требует от иностранных граждан при въезде в страну заполнения миграционных карт. Помимо туристических целей миграционная статистика страны въезда также учитывает и другие — бизнес, учеба, спорт, участие в мероприятиях, лечение и др. Сведения о количестве поездок иностранных граждан основаны на данных миграционных карт, заполненных при въезде. В этом смысле данные о количестве поездок россиян в Таиланд в тайской статистике следует признать более достоверными и полными. В последние годы Россия стабильно занимает 7-е место по количеству поездок в Таиланд после Китая, Малайзии, Лаоса, Южной Кореи, Японии и Индии. Министерство туризма и спорта Таиланда сообщило, что в 2022 г. страну посетили 435 тыс. российских граждан, что в 14 раз больше, чем в 2021 г. (около 31 тыс. человек). Россия заняла 9-е место в списке ключевых туристических стран для Таиланда. В первой половине 2023 г. в Таиланд прибыло 792 тыс. граждан РФ, в том числе более половины из них на Пхукет. В 2023 г. россияне посетили Таиланд 1,48 млн раз².

Таблица 1. Количество выездных туристических поездок российских граждан в страны Юго-Восточной Азии в 2014—2020 гг. (тыс. поездок)

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Таиланд	1250,3	675,0	866,6	1094,1	1173,0	1179,7	483,4
Вьетнам	351,9	321,0	392,2	511,9	531,0	572,1	182,9
Сингапур	23,5	19,8	28,9	25,9	25,9	23,9	4,7

Источник: URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vyezdnykh-turistskikh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-za-rubezh-rosstat/>

¹ URL: <http://service.nso.go.th/nso/nsopublish/pubs/e-book/SYB-2562/files/asset/s/basic-html/index.html#5>

² URL: <https://www.atorus.ru/node/55687>

Точно оценить количество россиян, постоянно проживающих в Таиланде, невозможно. Эта статистика не ведется самими тайскими властями, а подсчеты на основе данных Росстата затруднены. Это связано с тем, что в российскую статистику попадают граждане, которые снимаются с регистрации по месту жительства в регионе РФ при выезде на постоянное место жительства в другие страны. В то же время большинство россиян, проживающих в Таиланде, не снимаются с регистрационного учета, как следствие — они не попадают в статистику выехавших, а в Таиланде они не становятся на консульский учет, так как это не является обязательным требованием. Тайская статистика дает лишь сводные данные об общем количестве иностранных граждан, проживающих в стране, по годам.

Однако, по приблизительным оценкам тайских властей, на январь 2022 г. в Таиланде могло находиться около 50 тыс. российских граждан, большинство из которых проживает в Паттайе и на Пхукете¹.

Некоторые оценки спроса на Таиланд как страну проживания среди россиян можно дать и на основе анализа покупок недвижимости. Государственный жилищный банк Таиланда и земельный департамент предоставляют следующую информацию о покупках недвижимости иностранцами в 2019—2020 гг.: всего в 2019 г. иностранными гражданами было куплено 13 232 квартиры на сумму 52 070 млн батов, из них 795 квартир на сумму 2360 млн батов — гражданами России; в 2020 г., когда рынок недвижимости Таиланда сильно просел из-за пандемии COVID-19, всего иностранцами было зарегистрировано 8285 квартир в Таиланде на сумму 37 716 млн батов, из них россиянами — 386 квартир на сумму 1141 млн батов². После граждан Китая, на долю которых приходится более половины всей недвижимости, приобретенной иностранцами, россияне прочно удерживают 2-е место. При этом более 55 % квартир приобретается в столице страны — Бангкоке. Существует множество русскоязычных сайтов, которые предоставляют описание возможных объектов для покупки, предлагают помощь в оформлении недвижимости в Таиланде.

Туристический бум 2022—2023 гг. сопровождался бумом покупок недвижимости. По данным Knight Frank Thailand, в 2022 г. было продано 338 вилл, половину из которых приобрели россияне. По данным

¹ Недвижимость в Таиланде. 31.01.2022. URL: <https://thailand-real.estate/ru/faq/reviews-of-foreigners-who-have-moved-how-do-foreign-nationals-live-in-thailand>

² Pattaya Now. 16.06.2021. URL: <https://pattayapeople.ru/news/kvartira-v-tailande-2-pattaya-thailand>

агентств недвижимости, типичный российский покупатель недвижимости в Таиланде — это предприниматель примерно 35—40 лет из Москвы, Санкт-Петербурга или восточных регионов России. Приток российских граждан увеличился в связи с военным конфликтом на Украине и санкциями западных стран против России. В последнее время Таиланд ввел несколько визовых программ, которые позволяют россиянам с профессиональными навыками и деньгами жить в стране долгое время.

В Таиланде «русскоязычная экономика» представлена в основном туристическим сектором и ресторанным бизнесом в Паттайе и на Пхукете. Особенность тайского законодательства в отношении открытия бизнеса иностранцами заключается в том, что необходимо предоставить до 90 % рабочих мест местному населению. Это делается в интересах защиты национального рынка труда и обеспечения занятости местного населения. Например, уже более 15 лет на Пхукете работает ресторан русской и грузинской кухни «Грузия», владельцем которого является гражданин России. Высокая популярность ресторана не только среди русских туристов, но и среди туристов из других стран обусловлена качеством кухни, приемлемыми ценами, гостеприимством хозяина, который часто сам принимает гостей. Даже в период пандемии ресторан не закрывался, а перешел на работу по доставке. Это говорит о достаточно высокой устойчивости и адаптивности «русскоязычной экономики» в кризисные периоды.

«Русскоязычная экономика» во Вьетнаме

В настоящее время Вьетнам является второй по популярности страной для россиян в Юго-Восточной Азии. Между странами действует асимметричный визовый режим, который позволяет россиянам находиться во Вьетнаме до 15 дней при соблюдении ряда условий, а на острове Фукуок — до 30 дней, в то время как для въезда в Россию гражданам Вьетнама необходимо оформлять визу. С 15 августа 2023 г. Вьетнам увеличил срок безвизового пребывания для граждан России до 45 дней. Также вводится оформление электронной визы на более длительный срок. Наиболее популярными направлениями для туризма во Вьетнаме являются Ханой, Нячанг, Халонг, а в последние годы возрос интерес к Данангу, который долгое время считался самым «китайским» среди вьетнамских курортов, и острову Фукуок, всего за несколько лет нарастившему свою туристическую инфраструктуру. До пандемии регулярные и чартерные рейсы выполнялись россий-

скими, вьетнамскими и другими иностранными авиакомпаниями из российских городов — Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Владивостока и др. Возможностью провести зимние месяцы в теплом климате активно пользовались жители Дальнего Востока и Сибири, для которых авиаперелеты и пакетные туры в страны Юго-Восточной Азии зачастую были гораздо дешевле, чем на курорты России.

К 2019 г. было зафиксировано максимальное количество туристических поездок россиян во Вьетнам: данные Ростуризма говорят о 572 тыс. поездок (табл. 1), а данные вьетнамской стороны — о 646,5 тыс. въездов россиян. Для сравнения, в 2016 г. вьетнамское статистическое управление давало значение в 338,8 тыс. въездов россиян, в 2017 г. — 574,2 тыс. и в 2018 г. — 606,6 тыс. въездов¹. Россия находится на 3-м месте по количеству въезжающих во Вьетнам иностранных граждан после Китая и Южной Кореи. По средним расходам на одного туриста россияне замыкают первую десятку со средне-суточными расходами в 125,3 долл. (2019 г.). До начала пандемии COVID-19 во Вьетнам из России было совершено 246,3 тыс. поездок. С началом пандемии Вьетнам полностью закрыл государственные границы для подавляющего числа иностранных граждан².

С февраля 2022 г. власти Вьетнама открыли для туристов ряд наиболее популярных курортов, в частности, Нячанг. После снятия ограничений поток россиян на основные вьетнамские курорты восстановился довольно быстро. В 2022 г. Вьетнам принял 3,6 млн иностранных туристов, в том числе 40 тыс. из России (в 16 раз меньше, чем до пандемии COVID-19). За 2023 г. Вьетнам посетили около 125,6 тыс. российских туристов³. Росту турпотока из России во Вьетнам способствовало открытие прямых рейсов российской авиакомпании «ИрАэро» из Иркутска в Ханой, а с осени запущены рейсы из Красноярска, Хабаровска и Владивостока в Нячанг. В начале 2024 г. «Аэрофлот» восстановил рейсы между Москвой и Хошимин.

Феномен «русскоязычной экономики» в связи с туризмом ярко проявился во Вьетнаме. Миграционные траектории русских, живущих во Вьетнаме, схожи с миграционными траекториями русскоязычных мигрантов в Таиланде. Многие приезжали во Вьетнам как ту-

¹ Niên giám Thống kê Việt Nam năm 2020 (Statistical yearbook of Vietnam 2020). Hanoi: Thống kê, 2021. Tr. 655.

² Подробнее см.: [Храмова и др. 2020].

³ URL: <https://vietnamtourism.gov.vn/en/statistic/international?year=2023&period=t12>

ристы, а затем задумывались о переезде и открытии своего дела. Некоторые находили работу через агентства во вьетнамских компаниях, где требовалось знание английского языка. Во Вьетнаме русскоязычное население сосредоточено в основном в городах (Ханой, Хошимин, Нячанг, Дананг). В Вунгтау есть русский поселок, где живут сотрудники совместного предприятия «Вьетсовпетро». На территории поселка есть жилые дома, магазины, школа для детей сотрудников. Некоторые русские живут в Хайфоне, где расположено одно из отделений совместного вьетнамско-российского банка.

Бурное развитие туризма в провинции Кханьхоа, где Нячанг является главным курортом, привело к формированию русскоязычной туристической экономики и русского анклава [Ohashi 2021]. Представители различных социальных групп из России и стран СНГ стали приезжать в Нячанг в поисках работы. Предприниматели стали открывать кафе и рестораны, ориентированные в основном на русскоязычную аудиторию. Определенный сегмент «русскоязычной экономики» также лежит в плоскости организации бизнеса, связанного с открытием магазинов с продуктами питания из России.

Бурное развитие туризма в Нячанге, Дананге и других популярных курортах Вьетнама стало одним из факторов роста числа русскоговорящих гидов и русскоговорящего персонала в отелях. Не всегда это граждане РФ, часто это и выходцы из стран постсоветского пространства. Например, менеджер курортного отеля в Камрани, гражданин РФ, оставшаяся там после начала пандемии, нанимает 15 русскоговорящих сотрудников из Грузии, Украины и Белоруссии, которые также не уехали на родину.

Во многих вьетнамских продуктовых магазинах можно найти линейку продуктов из России. Например, довольно часто встречаются подсолнечное масло российского производства, рыбные консервы (шпроты), шоколад известных российских кондитерских фабрик. Отдельных магазинов с широким ассортиментом российских товаров немного. Потребителями российских товаров являются как русскоязычное население, проживающее в стране, так и сами вьетнамцы, которые отмечают высокое качество и конкурентоспособную цену российских товаров.

Во Вьетнаме сегодня проживает значительное количество специалистов, получивших образование в СССР или после его распада в Российской Федерации. Для них продукты из России — это своеобразная ностальгия по студенческим годам, ведь многие сохранили теплые чувства к нашей стране, ее кухне и культуре. Во Вьетнаме даже

существует общество «Ностальгия по СССР», в которое входят вьетнамцы, учившиеся в России.

Во Вьетнаме издается ряд электронных русскоязычных СМИ, например: Vietnam Today, Nha Trang, Vietnam News, Русский информационный центр. Контент-анализ этих изданий позволяет сделать вывод, что в период пандемии новостная лента обновлялась нерегулярно, и следовательно, большая часть информации была рассчитана на туристов, а не на тех, кто постоянно проживает во Вьетнаме.

Русские, живущие во Вьетнаме, общаются на многочисленных форумах и в группах в социальных сетях. Например, по данным самих сетевых платформ, группа ВКонтакте «Русские во Вьетнаме. Жители Ханоя» насчитывает 259 подписчиков, форум «Вьетнам. Нячанг» — около 9 тыс. участников, форум «Работа во Вьетнаме — Нячанг, Муйне, Фукуок» — около 13 тыс. участников, группа в Facebook (запрещена в РФ) «Русскоязычный клуб Вьетнама» — 13 тыс. участников, группа ВКонтакте «Вьетнам, Нячанг!» — более 37 тыс., являясь одной из самых многочисленных. Хотя подобные платформы для общения не дают достоверной информации о количестве русских во Вьетнаме, но позволяют сравнить привлекательность разных регионов страны для граждан РФ.

При Посольстве РФ в Ханое работает средняя школа, также есть русская школа в г. Хошимине. Кроме того, русские, живущие во Вьетнаме, отправляют своих детей в школы, где преподавание ведется на английском языке. Существует большое количество сайтов, на которых обсуждаются плюсы и минусы различных средних учебных заведений. В 2019 г. Русская православная церковь открыла два прихода — в Ханое и г. Хошимине. Службы проводятся, когда священники приезжают из России или из миссии в Вунгтау.

«Русскоязычная экономика» в Камбодже

До 2013 г. число россиян, путешествующих в Камбоджу, росло достаточно высокими темпами. В 2014 г. изменилась геополитическая и экономическая ситуация как в России, так и в мире в целом, что привело к снижению числа российских туристов. Некоторый рост был отмечен в 2017 г., но распространение коронавирусной инфекции и введение «блокировок» привели к тому, что туристическая активность россиян упала до минимального уровня (357 человек прибыли в Камбоджу в 2021 г.). Подавляющее большинство (95 %) среди приезжающих из России в Камбоджу — это туристы. Некоторые рос-

сияне остаются на длительный срок, пытаясь найти работу или открыть свой бизнес, через месяц они получают бизнес-визу, не выезжая из страны.

Если иммигрант проживает в стране в течение длительного времени, он может стать резидентом или получить камбоджийское гражданство. Иностранец может получить временную или постоянную карту резидента. Временную карту резидента получают специалисты востребованных профессий. Постоянную карту (которая фактически является видом на жительство) получают иммигранты, инвестирующие в экономику страны и имеющие собственный бизнес¹.

Для фирм, созданных иностранцами, не существует обязательных требований по привлечению граждан Камбоджи в бизнес. Поэтому россияне довольно охотно открывают небольшие компании. Объекты русскоязычной экономики в Камбодже чаще всего располагаются в курортных и популярных туристических местах. Большинство из них находится в столице Пномпене, Сиануквиле (курорт на побережье, единственный морской порт) или Сиемреапе (муниципалитет рядом с самой известной достопримечательностью Камбоджи — храмом Анкор Ват). Чаще всего они представлены туристическими агентствами, отелями, ресторанами и небольшими магазинами. Русскоязычные предприятия в основном ориентированы на русскоязычных потребителей — как живущих в Камбодже, так и приезжающих туристов. Туристические агентства, организованные русскоязычными мигрантами в Камбодже, иногда работают как туроператоры и взаимодействуют с туристическими агентствами в России и в Камбодже, продавая разработанные туры, предлагая русскоговорящих гидов и т. д.

«Русскоязычная экономика» в Лаосе

Лаос предлагает прекрасный климат, низкие цены, экзотическую кухню, множество достопримечательностей и уникальную атмосферу. С января 2022 г. началась программа по постепенному открытию страны для туристов. По данным департамента развития туризма при министерстве информации, культуры и туризма Лаоса, количество иностранных гостей и туристов увеличилось после того, как Лаос полностью открыл страну в начале мая 2022 г. В первой половине 2022 г. число иностранцев, прибывших в Лаос по туристическим визам, превысило 42 тыс. человек. В 2022 г. Лаос посетили 1,3 млн ино-

¹ URL: <https://visasam.ru/emigration/asia/zhizn-v-kambodzhe.html>

странных туристов, а доходы от туризма составили 264 млн долл. За первые девять месяцев 2023 г. Лаос посетили 2,4 млн туристов, в том числе 1,6 млн туристов из стран АСЕАН, 637 тыс. — из стран АТР, 143 тыс. — из Европы, 55 тыс. — из США¹.

Россиянам разрешено находиться в Лаосе без визы до 30 дней. По оценкам Ассоциации туроператоров России, основанным на данных национальных туристических офисов, около 10 тыс. туристических поездок россиян в Лаос состоялось в 2017 г.² Среди российских туристов преобладает неорганизованный туризм. Относительно низкая популярность Лаоса среди россиян объясняется отсутствием прямого авиасообщения, что делает перелет очень дорогим и длительным, а также неразвитостью туристической инфраструктуры. Непродолжительное время летом 2023 г. раз в неделю, по субботам, существовал прямой рейс «Уральских авиалиний» из Владивостока в столицу Лаоса Вьентьян.

Русскоязычное население в Лаосе немногочисленно. Активно работает Российский центр науки и культуры. Здесь живут около 7 тыс. выпускников советских и российских вузов, владеющих русским языком. Квота для граждан Лаоса на обучение в российских вузах была увеличена правительством РФ с 15 до 93 мест. Наибольшую активность в Лаосе проявляют региональные университеты из Владивостока, Томска и Калуги. Определенный потенциал для расширения сотрудничества между Россией и Лаосом существует и может быть реализован, если обе стороны сохранят заинтересованность.

Лаос является интересным, но практически не задействованным партнером для российских инвесторов и бизнесменов, учитывая существующий потенциал: в настоящее время в стране успешно работают несколько российских компаний в сфере добычи полезных ископаемых и финансов. По данным Федеральной таможенной службы России, в 2021 г. взаимный товарооборот составил 15,1 млн долл.³ В Лаосе работает несколько российских предприятий, а российские специалисты реализуют программы повышения квалификации для лаосских коллег в сфере медицины, полиции и дипломатии⁴. Хорошие отношения между странами и знание русского языка лаосскими выпускниками российских вузов упрощают многие бизнес-процессы в Лаосе.

¹ URL: <https://www.worlddata.info/asia/laos/tourism.php>

² URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/43996.html>

³ URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/rus/partner/lao>

⁴ РИА Новости. 09.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220209/laos-1771771836.html>

«Русскоязычный туризм» в Мьянме

Мьянма занимает весьма скромное место в рейтинге привлекательности среди российских граждан. Численность россиян, проживающих в Мьянме, оценить довольно сложно из-за отсутствия достоверной статистики как в России, так и в самой Мьянме. Однако до пандемии Управление отелей и туризма Мьянмы фиксировало рост интереса российских туристов к стране (табл. 2). В статистику попадали те граждане России, которые прибывали в международные аэропорты Янгон, Мандалай и Нейпидо. Во время пандемии COVID-19 туризм из России сошел на нет, но после открытия границ поток постепенно восстановился. Мьянма открыла воздушное сообщение с Россией из Новосибирска в Мандалай и Янгон и планирует запустить прямой рейс из Москвы в Янгон.

Таблица 2. Число туристов из России в Мьянме в 2005—2018 гг.

Численность российских туристов	2005—2006	2010—2011	2014—2015	2015—2016	2016—2017	2017—2018
Мужчины	н/д	1137	1256	1234	1746	1766
Женщины	н/д	1221	1323	1253	1714	1813
Всего	656	2358	2579	2487	3460	3579

Составлено по: Myanmar Statistic Yearbook 2019. P. 413. URL: <https://www.costatat.gov.mm/PublicationAndRelease/StatisticalYearbook>

Кроме туристов в Мьянме живет и работает несколько десятков граждан РФ в качестве сотрудников международных и неправительственных организаций, международных компаний, а также фрилансеры, миссионеры и преподаватели. Точные данные об их численности отсутствуют.

* * *

Дать точные оценки количества российских граждан, находящихся в континентальных странах АСЕАН, не представляется возможным. Косвенные оценки, основанные на анализе данных российской статистики, стран проживания россиян, официальных сайтов дипломатических служб РФ, представительств Россотрудничества, СМИ, групп российских соотечественников в социальных сетях, свидетельствуют о том, что страны АСЕАН остаются популярными направле-

ниями современной миграции россиян как для постоянного проживания, так и для туристических поездок.

Наиболее точным термином для обозначения русскоязычного населения в странах АСЕАН является не русскоязычная диаспора, а русскоязычные общины. К представителям русскоязычных общин относятся граждане различных стран бывшего Советского Союза, говорящие или понимающие русский язык без учета их этнической принадлежности и гражданства. Размер русскоязычных общин в странах Индокитая невелик по сравнению с численностью принимающего населения.

Пять континентальных стран АСЕАН являются привлекательными для русскоязычных мигрантов и граждан РФ. Максимальная численность российских граждан проживает в Таиланде — около 50 тыс. человек, главным образом, в Паттайе и на Пхукете¹. Во Вьетнаме живут до 25—30 тыс. русскоязычных и граждан РФ, в основном в Ханое, Вунгтау, Нячанге и Хошимине. В Камбодже проживают до 5 тыс. граждан РФ и русскоязычных мигрантов — в Пномпене и Сиануквиле. Несколько сотен и десятков человек из России — фрилансеры, преподаватели, жены бывших студентов — осели в Лаосе и Мьянме. В островных государствах АСЕАН русскоговорящие мигранты в основном сосредоточены в Индонезии (главным образом, на острове Бали) и Филиппинах.

В континентальной части ЮВА сформировался феномен «русскоязычной экономики», который представлен как государственными, так и частными хозяйствующими субъектами и экономическими отношениями в различных сферах. Объединяющим фактором является русский язык и ориентация на русскоязычных туристов. Существует определенная потребность в русских продуктах питания, русскоговорящих гидах, менеджерах отелей, риэлторах.

«Русскоязычная экономика» в континентальных странах АСЕАН лежит не только в плоскости туризма и торговли, но и представляет собой более глубокое включение в национальную экономику этих стран. Растет спрос на специалистов по недвижимости со знанием русского языка и местного законодательства в области покупки и оформления недвижимости. Российские преподаватели и ученые приглашаются на работу в университеты стран АСЕАН. Существуют платные русские школы (в Нячанге во Вьетнаме, Паттайе, Пхукете и

¹ URL: <https://thailand-real.estate/ru/faq/reviews-of-foreigners-who-have-moved-how-do-foreign-nationals-live-in-thailand>

Самуи в Таиланде), где могут обучаться дети тех, кто приехал в страну на длительный срок, или, например, дети из смешанных семей.

Во многих континентальных странах АСЕАН есть печатные или электронные русскоязычные СМИ, развиваются социальные сети, ориентированные на взаимодействие с русскоязычным населением. Среди вьетнамских можно назвать «Вьетнам сегодня», «Новости Нячанга и Вьетнама», «Русский информационный центр». Среди тайских — Phuket News и Pattaya Now (международное интернет-издание с русскоязычной направленностью). Русскоязычные издания и группы в социальных сетях есть и в других странах АСЕАН, например, группа в социальной сети ВКонтакте «Русская Камбоджа» и ряд других. Через такие печатные и электронные СМИ и социальные сети общается не только русскоязычное население, проживающее в той или иной стране АСЕАН, но здесь можно также найти информацию рекламного характера, найти работу или разместить объявление о вакансии. В период ограничений, связанных с пандемией COVID-19, социальные сети стали особенно важным каналом взаимодействия между российскими соотечественниками, проживающими в странах АСЕАН.

Раздел V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН АСЕАН

Глава 18

РАЗВИТИЕ ЦЕНТРОВ ХРАНЕНИЯ И ОБРАБОТКИ ДАННЫХ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО РЕГИОНАЛИЗМА НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ ИНДОКИТАЯ

По мере того как цифровая трансформация социума набирает обороты, растет значение и её инфраструктурной составляющей. Инфраструктура обладает мультиплицирующим эффектом, поскольку последствия ее строительства и эксплуатации имеют не только экономическое, но также политическое и социальное измерение. На примере инфраструктуры, особенно критически важных объектов с трансграничным компонентом, очевидна и взаимосвязь экономики, политики и безопасности с вопросами цифрового суверенитета и шире — международной субъектности различных стран.

Центры хранения и обработки данных (ЦХОД, или дата-центры) являются важной составляющей цифровой, в том числе трансграничной, инфраструктуры. Анализ связанных с ЦХОД вопросов имеет очевидное научное и прикладное значение, поскольку их использование ставит множество концептуально значимых и практико-ориентированных вопросов, а подготовленные к настоящему времени исследования охватывают лишь отдельные аспекты развития ЦХОД, не проводя серьезных обобщений даже на уровне отдельных субрегио-

нов, не говоря о более широких пространствах. Соответственно, обращение к опыту государств Индокитайского полуострова по развитию дата-центров (а политика этих стран формируется под влиянием целого комплекса внутрисубрегиональных, субрегиональных, транс-субрегиональных, региональных и глобальных факторов) является актуальной исследовательской задачей.

Инфраструктурная составляющая цифровой трансформации: глобальное и региональное измерение

ЦХОД являются частью глобальной цифровой инфраструктуры, определяющей технологическую парадигму мирового развития. Характерный пример — Интернет 5G (благодаря своим техническим характеристикам: высокой скорости передачи данных, низкой задержке сигнала, возможности подключения большого количества устройств и др.), открывающий практически неограниченные (естественно, по меркам сегодняшнего дня) возможности коммерческой отдачи и решения задач национального развития. Подтверждением этому является так называемый медтех — решения на основе искусственного интеллекта (ИИ), а это мобильные фитнес-трекеры, электронные медицинские карты, системы удалённого мониторинга пациентов, программное обеспечение для анализа и обмена медицинскими данными и в целом медицинский Интернет вещей, которые невозможны без поддержки Интернета 5G.

Интернет 5G имеет большой потенциал с точки зрения стимулирования потребления. Поскольку потребители (это глобальная тенденция, охватывающая и Азиатско-Тихоокеанский регион) все чаще ищут в покупках дополнительную стоимость за рамками собственно приобретенного товара или услуги (от упаковки до послепродажного обслуживания), появляются новые формы цифровой рекламы и инструменты удержания клиентов. В своих рекламных компаниях бренды стремятся разработать потенциал нейромаркетинга (в выборе логотипа, ценообразовании, выстраивании коммуникаций и т. д.), в том числе «заходя» в метавселенную. Хотя в КНР и запрещены так называемые невзаимозаменяемые токены (non-fungible tokens), китайские ИКТ-гиганты Alibaba и Tencent, а также власти крупных китайских городов, в частности, Шанхая и Гуанчжоу, развивают проекты, ориентированные на использование инструментов метавселенной. В качестве примера можно привести ежегодную Всемирную конференцию по искусственному интеллекту, проходящую в Шанхае, где ки-

тайские компании продвигают решения, связанные с пространством метавселенной [Fan Feifei 2023].

Развитие цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) в значительной степени зависит от доступности Интернета 5G. Как розничные, так и оптовые ЦВЦБ должны обеспечить гарантии круглосуточных транзакций, скорости трансграничных переводов и, самое главное, окончательного характера расчётов. Внедрение ЦВЦБ выходит далеко за рамки собственно экономической составляющей и охватывает стратегически важные вопросы, связанные с политикой и безопасностью, в их числе интернационализация цифровых технологий, установление стандартов цифровых трансграничных операций и их финансовая доступность, а также множество иных. Соответственно, значение Интернета 5G именно как инфраструктуры реализации такого рода инициатив резко возрастает.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона проявляют заметный интерес к Интернету 5G. Примечательно, что АТР превосходит Европу по охвату и средней скорости загрузки 5G. В страновом ракурсе примечательны следующие моменты. В 2022 г. на Китай пришлось 60 % пользователей Интернетом 5G. Власти КНР планируют увеличить долю использования 5G в стране до 88 % к 2030 г. [Mobile Economy China 2023: 5]. Одновременно Поднебесная стремится усилить своё влияние на выработку глобальных промышленных и цифровых стандартов [He 2022], а также исследует потенциал Интернета 6G [Chen Zhi 2023]. Столь пристальный интерес к возможностям 5G характерен и для других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В частности, в 2015 г. и в 2021 г. Индия запустила программу «Цифровая Индия» и утвердила схему производственной инициативы для телекоммуникационных и сетевых продуктов, направленную на повышение конкурентоспособности технологически передового сектора и телекоммуникационных продуктов страны. Как и Китай, Индия изучает возможности развития Интернета 6G. В совокупности эти процессы ведут к повышению коммерческой привлекательности Индии (хотя пока оснащённость Индии инструментами 5G заметно отстает от того, что есть в распоряжении Китая¹).

Как свидетельствует пример Интернета 5G, инфраструктурная составляющая исключительно важна для успешной цифровой транс-

¹ The Economic Times. Nov. 30, 2022. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/telecom/telecom-news/more-than-half-of-mobile-connections-in-india-to-be-5g-by-2028-says-ericsson-report/articleshow/95891462.cms>

формации экономических, политических, социальных и иных процессов, а также развития общества в целом. Центры хранения и обработки данных являются одним из ее фундаментальных компонентов. По мере нарастания цифровизации, будет расти и интерес к ЦХОД. По имеющимся оценкам, капитализация мирового рынка дата-центров в 2022 г. составила 263,34 млрд долл. США, в 2030 г. достигнет 602,76 млрд долл.¹

Отчасти эта тенденция связана с ростом интереса к так называемым микроцентрам обработки и хранения данных. Ожидается, что этот сегмент вырастет с 4,2 млрд долл. до 27,36 млрд с 2019 по 2027 г. соответственно². Причин тому множество. Количество устройств и приложений, подключенных к Интернету, постоянно растет, а угрозы кибербезопасности становятся все более серьезными. В связи с этим объекты хранения и обработки данных, а также дополнительные услуги по профилактическому обслуживанию, ремонту электрооборудования и систем охлаждения, модернизации ИТ-оборудования и т. д., должны располагаться в непосредственной близости от клиентов, будь то предприятия или частные лица.

Как и в случае с Интернетом 5G, страны АТР вынашивают амбициозные планы по строительству и развитию ЦХОД. Характерен пример Китая: в 2019 г. власти КНР присвоили данным статус одного из факторов производства (наравне с трудом, капиталом, землей, знаниями, технологиями, управлением [Xinyue 2023: 82]). В русле нацеленности на создание системы «национальных интегрированных центров обработки больших данных» в феврале 2022 г. КНР объявила о создании восьми национальных вычислительных хабов для развития кластеров ЦХОД³.

В этом контексте важно подчеркнуть ряд моментов. Законы КНР, связанные с цифровой трансформацией, запрещают трансграничную передачу данных. В таких сферах, как ИКТ, финансы и прочие, данные обязаны храниться и обрабатываться в пределах границ КНР. Этот фактор, хотя и опосредованно, стимулирует строительство дата-центров в Китае, а не в других странах. КНР придает большое значение экологической составляющей своей политики по развитию да-

¹ Prescient&Strategic Intelligence. March 2023. URL: <https://www.psmarketresearch.com/market-analysis/data-center-market>

² АТТОМ. Apr. 14, 2021. URL: <https://attom.tech/micro-data-center-market-will-grow-from-usd-4-2-billion-in-2019-to-usd-27-36-billion-by-2027/>

³ URL: https://en.ndrc.gov.cn/news/mediarources/202202/t20220218_1315947.html

та-центров¹. Это свидетельствует, что Поднебесная нацелена на выстраивание полностью независимой, самоподдерживающейся и самовоспроизводящейся цифровой экосистемы, что снизит уязвимость страны перед внешними угрозами. Эти усилия увязаны с инициативой «Пояс и путь», а именно с «Цифровым шёлковым путем» как ее составляющей, а также является частью или же сопряжена с программами «Сделано в Китае 2025», «Китайские стандарты 2035» и «Интернет плюс».

Ещё одним примером того, какое огромное значение страны АТР придают развитию ЦХОД, является Индия. Ожидается, что в 2022—2026 гг. доходы индийского рынка электронной коммерции вырастут с 83 млрд до 150 млрд долл. соответственно². Индийское правительство проводит эффективную регуляторную политику, поскольку дата-центрам предоставляется статус инфраструктуры с сопутствующими субсидиями, налоговыми льготами и т. д. Индия видит себя в качестве будущего регионального центра обработки данных, в основном благодаря присутствию на индийском рынке таких мировых лидеров ИКТ, как Google, IBM, Microsoft и иных компаний (у Китая такого преимущества нет). Развитие ЦХОД является частью долгосрочного перспективного планирования Индии. В 2020 г. был опубликован документ, задающий параметры индийской политики в отношении ЦХОД, дополненный инициативами «Цифровая Индия» и «Умный город».

По сумме этих обстоятельств можно с уверенностью утверждать: интерес к ЦХОД в АТР будет нарастать даже быстрее, чем в мире в целом. В АТР это будет особенно заметно на примере АСЕАН, состоявшегося регионального игрока, стремящегося повысить свое влияние на глобальном уровне.

Интеграция АСЕАН: цифровые и нецифровые аспекты

Основная причина, по которой АСЕАН придает исключительно важное, а в чем-то даже гипертрофированное значение своим интеграционным форматам и инициативам, очевидна. Ассоциация понимает важность эффекта масштаба как инструмента превращения

¹ URL: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202112/09/content_WS61b13edac6d09c94e48a1f81.html

² URL: <https://www.thehindubusinessline.com/companies/indias-e-commerce-market-projected-to-touch-150-b-in-2026-report/article66653508.ece>

Юго-Восточной Азии в унифицированное пространство ведения производственной и коммерческой деятельности. В настоящее время АСЕАН сталкивается с нарастающими трудностями: узкие места её интеграционных инициатив, существовавшие в «доцифровую» эпоху, накладываются на проблемы, порождаемые цифровой трансформацией, с негативным мультипликативным эффектом.

Применительно к нецифровому измерению можно выделить ряд моментов. Во-первых, инфраструктурные разрывы остаются значительными, что характерно, прежде всего, для транспорта и логистики [Канаев, Федоренко 2023]. Этот фактор подрывает физическую взаимосвязанность на пространстве азиатского юго-востока, снижая заинтересованность корпоративного сектора стран ЮВА и партнеров Ассоциации осуществлять трансграничную коммерческую деятельность.

Страны АСЕАН не сформировали собственные глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦС), чтобы создать продукт, конкурентоспособный на мировом рынке. Асеаноцентричные экономические проекты, а это Зона свободной торговли АСЕАН (АФТА) и Схема промышленного сотрудничества АСЕАН (АІСО), были основаны на программе «Дополнение от бренда к бренду» (Brand-to-Brand Complementation), реализуемой японскими компаниями в сфере автомобилестроения. В настоящее время ГЦС, ориентированные на производителя, а это в основном японские и южнокорейские предприятия машиностроительной отрасли, дополняются развитием ГЦС, ориентированным на потребителя (китайские ретейл-сети, в том числе трансграничные). Хотя Ассоциация предпринимала попытки создать ГЦС с участием предприятий исключительно ее стран-членов, эти шаги не увенчались успехом вследствие обнаружившихся разногласий по стратегическим и техническим вопросам.

Не принесла желаемых результатов и деятельность многосторонних институтов, призванных активизировать коммерческие обмены в Юго-Восточной Азии. Показательным примером служит Деловой консультативный совет АСЕАН (ДКС АСЕАН). Учрежденный незадолго до того, как Ассоциация объявила о решении создать Сообщество АСЕАН, ДКС АСЕАН был нацелен на поддержку этих планов со стороны корпоративного сектора. Это включало налаживание контактов между компаниями и государственными структурами, развитие связей между асеановскими и неасеановскими предприятиями, включая микро-, малый и средний бизнес, повышение эффективности практик государственно-частного партнерства (ГЧП). Результа-

ты, впрочем, не оправдали ожиданий. С одной стороны, ДКС АСЕАН стал зачинателем таких амбициозных проектов, как ASEAN Business Awards, ASEAN Business and Investment Summit и ASEAN Global Leadership Programme, которые активизировали деловое сотрудничество на пространстве Юго-Восточной Азии, а также укрепили связи между предприятиями стран — членов АСЕАН и внерегиональных партнеров Ассоциации. С другой стороны, ДКС не смог побудить корпоративный сектор стран — членов АСЕАН выйти за рамки проведения разовых мероприятий на основе ситуативных приоритетов.

В последнее время рассмотренные выше недостатки усугубляются усиливающейся цифровизацией. Выделим несколько моментов.

Во-первых, развитие цифровой инфраструктуры государств Юго-Восточной Азии происходит неравномерно. Значительны дисбалансы с точки зрения доступа к интернет-услугам. По состоянию на 2022 г., этот показатель составил в Мьянме и на Филиппинах 44 % и 52,7 %, по сравнению с 97,4 % и 96 % в Малайзии и Сингапуре соответственно¹. Устранение этого дисбаланса вряд ли возможно за короткое время. В странах ЮВА, за исключением Сингапура, средний доход на пользователя ниже, чем в других странах, охваченных Интернетом 5G [Rival 2021]. Наибольшую долю рынка в Юго-Восточной Азии занимают американские и китайские провайдеры 5G, а также компании Samsung (Южная Корея), Ericsson (Швеция) и Nokia (Финляндия) [Martinus 2020: 4]. Последнее обстоятельство делает государства ЮВА уязвимыми с точки зрения угрозы национальной безопасности: оснащение инструментами 5G объектов критической инфраструктуры происходит усилиями иностранных компаний, имеющих доступ к передаваемым данным.

Во-вторых, правовые нормы локализации данных в странах ЮВА существенно различаются. Для Индонезии и Вьетнама характерен запретительный подход: сбор, обработка и хранение данных должны осуществляться исключительно в пределах национальных границ. Обязательным является ограничение на передачу персональных данных. В свою очередь, Сингапур и Малайзия придерживаются более либерального подхода. Например, сингапурский закон о защите персональных данных (вступил в силу в феврале 2021 г.) предусматривает, что их передача допустима, если они соответствуют национальным стандартам, хотя Республика Сингапур соблюдает конфиденциаль-

¹ ASEAN Statistical Yearbook 2023. Jakarta, 2023. P. 319. Table 13.11. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/ASEAN-Statistical-Yearbook-2023.pdf>

ность при трансграничных обменах данными. Для других государств ЮВА характерно большое разнообразие нормативных актов, связанных с локализацией данных. Все это затрудняет формирование цифровых инструментов для превращения ЮВА в единое производственное и коммерческое пространство.

В-третьих, буксует цифровая трансформация микро-, малых и средних предприятий (ММСП) в странах ЮВА. ММСП являются значимым фактором экономического развития этих государств. По данным Секретариата АСЕАН, на долю ММСП приходится от 97,2 до 99,9 % всех предприятий в странах-членах, они обеспечивают «85 % занятости, 44,8 % ВВП и 18 % национального экспорта»¹. ММСП Юго-Восточной Азии сталкиваются с нехваткой кадров, многочисленными угрозами кибербезопасности, сами же они недостаточно эффективно используют потенциал цифровых платформ. В последнем случае речь идет о высоких логистических издержках на доставку купленных товаров, безопасности онлайн-платежей, урегулировании споров и прочих моментах. В настоящее время лишь немногие ММСП Юго-Восточной Азии могут эффективно задействовать цифровые инструменты в интересах собственного развития.

В-четвёртых, между странами — членами АСЕАН остается существенный разрыв в уровне цифровых компетенций. Речь идет о уровне базовых, стандартных и продвинутых ИКТ-навыков (по классификации Международного союза электросвязи). В большинстве случаев ожидания работодателей расходятся с реальностью: девять из десяти выпускников вузов не обладают необходимой подготовкой, в то время как временной цейтнот при выполнении профессиональных обязанностей — обычное дело. Между тем, согласно Рейтингу мировой цифровой конкурентоспособности 2022 г., подготовленному бизнес-школой Международного института развития менеджмента, из 63 стран, участвовавших в исследовании, позиции пяти стран АСЕАН — Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура, Таиланда (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Бруней в исследование не вошли) — варьировались от 12-й (Сингапур) до 54-й (Филиппины) [Martinus 2023: 6]. Такой дисбаланс, вкпе с отсутствием упоминания о цифровых компетенциях сотрудников в соглашениях о взаимном признании ву-

¹ URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/resilient-and-inclusive-asean/development-of-micro-small-and-medium-enterprises-in-asean-msme/overview/>

зовских дипломов стран АСЕАН, подрывает интеграционные инициативы Ассоциации.

Приведённые выше факторы осложняют политику АСЕАН в отношении не только Экономического сообщества, но и других ее многосторонних инициатив, прежде всего Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП). Как координатор ВРЭП Ассоциация сталкивается с рядом серьезных вопросов: каким образом и с какой периодичностью обновлять правовую базу регулирования торговли товарами и услугами, учитывая, что в цифровом формате грань между ними становится всё более размытой? как выстраивать регулирование вопросов налогообложения и социальной защиты сотрудников, работающих в удалённом формате? целесообразно ли дополнить существующие ССТ положениями, касающимися ЦВЦБ (поскольку Китай нацелен на сопряжение «Пояса и пути» с институциональными механизмами ВРЭП? Последний вопрос становится всё более актуальным. В идеале АСЕАН должна опережать своих партнеров на этих направлениях. В реальности, однако, нарастающие трудности и ограниченные ресурсы для их преодоления являются характерной особенностью политики Ассоциации.

В целом условия цифрового сотрудничества на пространстве азиатского юго-востока пока находятся в состоянии рассогласования. Инициативы под руководством АСЕАН и их цифровая поддержка в большинстве случаев не скоординированы и не приносят мультипликативного эффекта. В этих обстоятельствах особую значимость приобретает так называемый вектор снизу, т. е. инициативы отдельных государств, которые могут быть распространены с внутристранового на общеасеановский уровень, а также интегрированы в Экономическое сообщество АСЕАН, в том числе в его глобальную повестку.

ЦХОД в политике государств Индокитая

Рассматривая ситуацию в государствах Индокитая сквозь призму вышеописанных процессов, нельзя не отметить: на Индокитайском полуострове происходит взаимное наложение многоуровневых факторов. Их внутристрановое измерение таково, что расположенные там страны обладают очень разными финансовыми, организационными и другими ресурсами для развития цифровой инфраструктуры. Что касается субрегионального аспекта, то полуостров является территорией, на которой идет реализация масштабного проекта — Субрегиона Большого Меконга (СБМ). Присутствует и транс-субрегиональный

компонент: на полуострове идет реализация инициатив с участием государств Юго-Восточной и Южной Азии: сотрудничество стран бассейнов рек Меконг и Ганг и проект БИМСТЕК. Субрегиональная составляющая выражена многочисленными инициативами Ассоциации, основной из которых можно считать проект «Сотрудничество по развитию бассейна реки Меконг». Рассматриваемые вопросы имеют и глобальное измерение: на пространстве Индокитая происходит реализация инициативы «Пояс и путь», а также других программ, осуществляемых США, Японией, Южной Кореей, ЕС и другими глобальными игроками [Poonkham 2022].

Страны Индокитая проявляют растущий интерес к развитию ЦХОД. Руководство **Таиланда**, на территории которого расположены 24 дата-центра¹, связывает с их развитием далеко идущие планы. Страна занимает стратегически выгодное положение, поскольку является естественным цифровым коридором (а это важно хотя бы по причине развития цифровой инфраструктуры) между Китаем и Индией. Центры обработки и хранения данных занимают особое место в инициативе «Таиланд 4.0». На сегодняшний день основным бенефициаром строительства ЦХОД остается государственный сектор. В 2016 г. Национальный совет по инвестициям объявил о налоговых льготах для деятельности, имеющей отношение к ЦХОД. Поскольку страна уделяет повышенное внимание вопросам, связанным с экологией, операторы дата-центров обязаны соблюдать высокие экологические стандарты. Иностранные компании, в том числе такие лидеры рынка, как Equinix, Digital Realty, NTT Communications и Global Switch², активно работают в Таиланде.

Политика **Вьетнама** в отношении ЦХОД нацелена на сохранение баланса между повышением цифровой и, как следствие, общей конкурентоспособности и укреплением цифровой безопасности. В настоящее время в СРВ насчитывается 19 центров обработки данных. С одной стороны, Ханой реализует ряд масштабных инициатив, среди которых Национальная программа цифровой трансформации, Национальная дорожная карта цифровой трансформации до 2025 г.,

¹ Данные о количестве дата-центров здесь и далее взяты из: The Leading Global Data Center Database. URL: <https://www.datacentermap.com/datacenters/>

² Global News Wire. Aug. 10, 2023. URL: <https://www.globenewswire.com/news-release/2023/08/10/2722286/0/en/Thailand-Data-Center-Market-is-expected-to-touch-a-market-size-of-US-1-3-billion-by-2028-Investment-Analysis-Report-by-RationalStat.html>

Национальный обмен электронными документами. Для того чтобы достичь мультипликативного эффекта, власти СРВ размещают крупные высокотехнологичные парки вблизи промышленных объектов. Примечательно, что в отчете, подготовленном компанией Cushman& Wakefield, г. Хошимин вошел в группу лучших рынков Азиатско-Тихоокеанского региона в категории цены на землю¹. Уделяет внимание СРВ и использованию «зелёных» технологий, примером чего является построенный в Хошимине объект со 100-процентным использованием солнечной энергии. По сумме этих обстоятельств можно обоснованно говорить о благоприятных перспективах развития ЦХОД в СРВ.

Хотя вьетнамские дата-центры управляются в основном местными компаниями, такими как, например, Vietnam Post and Telecommunications Group, Viettel Group и FPT (Financing and Promotion Technology) Group, мировые ИКТ-гиганты — Hitachi Asia (Vietnam), IBM Vietnam Company Ltd., Microsoft Vietnam и Amazon Web Services Vietnam — тоже являются заметными игроками рынка².

С другой стороны, законодательство СРВ предписывает строгий подход к локализации данных. Закон о кибербезопасности, Декрет о защите персональных данных и прочие документы указывают, что операторы дата-центров должны хранить и обрабатывать данные в пределах границ СРВ. Хотя такой подход имеет свои преимущества, он может не в полной мере соответствовать приоритетам АСЕАН как единого целого.

Лаос, Мьянма и Камбоджа не достигли впечатляющих результатов в развитии ЦХОД. В настоящее время в этих странах действуют один, один и пять дата-центров соответственно. Особого внимания заслуживает взаимодействие этих государств с внерегиональными партнерами. В 2015 г. министерство науки и технологий Лаоса в сотрудничестве с компаниями Toyota Tsusho Group и AMZ Group запустило проект «Национальный центр обработки данных», призванный придать импульс технологическому развитию страны³. Мьянма интегрирует создание национальных ЦХОД с многосторонними инициативами, примером чего может служить учреждение дата-центра проекта Лань-

¹ Vietnam Plus. Feb. 12, 2023. URL: <https://en.vietnamplus.vn/hcm-city-ranks-among-top-markets-for-data-centre-development/248222.vnp>

² TechSci Research. Jan. 2021. URL: <https://techsciblog.com/vietnam-data-center-market-to-grow-at-cagr-of-14-64-over-the-forecast-period/>

³ Lao News Agency. July 31, 2015. URL: <https://kpl.gov.la/EN/detail.aspx?id=5239>

цан — Меконг в Нейпидо в сентябре 2022 г. Этот центр нацелен, в частности, на снижение остроты продовольственной безопасности Мьянмы¹.

О том, каким образом может развиваться эта сфера, говорит пример **Малайзии**, где расположены 33 дата-центра. Малайзия смогла извлечь выгоду из 4-летнего моратория Сингапура на строительство новых дата-центров, что естественным образом направило внимание лидеров индустрии ИКТ на Малайзию. В стране развита институциональная и регуляторная база. За развитие центров обработки данных отвечают Корпорация цифровой экономики Малайзии (MDEC), Управление инвестиционного развития Малайзии и Отдел управления и обеспечения производительности. В совокупности они образуют институциональное ядро, занимающееся вопросами ЦХОД. Отсюда интерес к Малайзии со стороны таких глобальных игроков, как Amazon Web Services (AWS), Microsoft, а также GDS, Equinix, Yondr и некоторых других [Singh 2023].

Высока вероятность того, что в обозримой перспективе страны Индокитая будут играть возрастающую роль в имеющих отношение к ЦХОД проектах, реализуемых как Ассоциацией, так и ее партнерами по диалогу. ЦХОД очень энергоемки и требуют стабильного энергообеспечения. Для сохранения конкурентоспособности центров обработки данных актуальной задачей является переход от испарительного охлаждения к более энергоемкому погружному. В результате планирование размещения центров обработки данных будет тяготеть к локациям, будь то страны или отдельные территории, способным обеспечить стабильные поставки электроэнергии. Этот момент тем более важен, что лидеры индустрии ИКТ считают устойчивое развитие определяющим фактором при принятии инвестиционных решений [Joonqshik Wang 2023].

В целом правомерно заключить, что государства Индокитая осознают важность развития дата-центров как составляющей своей общей конкурентоспособности, а также подкрепляют свои перспективные планы практикой конкретных дел. Однако пример СРВ, с одной стороны, и Мьянмы, Лаоса — с другой, демонстрирует, что пространство сотрудничества остается фрагментированным и подвержено возрастающей политизации.

¹ Xinhua. Sept. 1, 2022. URL: http://www.lmcchina.org/eng/2022-09/01/content_42098568.html

* * *

Анализ развития ЦХОД на Индокитайском полуострове подталкивает к неоднозначным выводам. С одной стороны, есть основания ожидать нарастания интереса расположенных там стран к дата-центрам. Залогом тому служит совокупность технических, политических и социально-экономических факторов, влияние которых выходит далеко за рамки Индокитайского полуострова. С другой стороны, эти страны, по крайней мере пока, делают ставку на национальные инструменты развития ЦХОД, не сопрягая свои усилия с интеграционными приоритетами АСЕАН.

Сотрудничество между странами Индокитая и внерегиональными игроками происходит преимущественно на двустороннем уровне, вне рамок перспективных планов АСЕАН как единого целого. Как показывает пример ЦХОД проекта Ланьцан — Меконг, диалог по этим вопросам, включая его как тактические, так и стратегические аспекты, формирует не Ассоциация, а ее внерегиональные партнеры.

В значительной степени это связано с недостатками целеполагания Ассоциации, включая ее флагманский проект — Сообщество АСЕАН до 2015 г. и впоследствии до 2025 г. На концептуальном уровне Ассоциация в обоих случаях не уточнила ряд основополагающих вопросов. В какой степени единый рынок и единая производственная база в ЮВА будут подкреплены аналогичным цифровым рынком и производственной зоной? Если будут, то в каком порядке (или, возможно, одновременно) должны развиваться эти направления? Как будет (и будет ли) происходить цифровая трансформация АФТА, учитывая, что, например, в Малайзии пример цифровой ЗСТ уже есть? Поскольку ЦХОД являются частью как цифровых, так и нецифровых интеграционных процессов, отсутствие ясности в этих вопросах снижает эффективность политики Ассоциации.

По мере того как цифровая трансформация всех сторон общественной жизни набирает обороты, АСЕАН уделяет ей повышенное внимание. Однако действовать ей приходится в условиях сужения ресурсной базы. Констатируя, что Ассоциации предстоит принять непростые решения как до, так и после 2025 г., когда будет издана «вторая редакция» Экономического сообщества АСЕАН, подчеркнем: ей предстоит действовать в условиях нарастающей, а главное, многоуровневой конкуренции, которая все ощутимее смещается в цифровую сферу, и в которой китайско-американские противоречия занимают важное, но далеко не центральное место.

Глава 19

ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СУБРЕГИОНА БОЛЬШОГО МЕКОНГА И ГЕОПОЛИТИКА

В ходе изучения международных отношений в Юго-Восточной Азии в экспертном сообществе сложилась практика разделения региона на континентальную и островную составляющие, в основе чего лежат не только географические, но и исторические факторы. С повышением роли ЮВА в международном разделении труда исследователи с некоторыми оговорками начали обращать большее внимание на экономические различия двух частей, а с превращением региона в арену американо-китайского противоборства — на их ориентированность на сотрудничество с конкурирующими центрами силы.

Таким образом, все более актуальными становятся вопросы определения роли электроэнергетического сотрудничества в формировании интеграционных связей в субрегионе Большого Меконга (СБМ) и влияния взаимодействия в этой сфере на международные отношения в ЮВА в условиях американо-китайского противостояния. Анализ политики континентальных стран ЮВА в отношении электроэнергетического сотрудничества в СБМ помогает выявить тенденции развития этого процесса, влияющие на развитие всего региона.

Гидроэнергетические ресурсы и планы стран Индокитая

Обладая значительными гидроэнергетическими и газовыми ресурсами, *Мьянма* испытывает дефицит электроэнергии. Например, к концу 2019 г. уровень электрификации страны достиг только 50 %, причем подавляющая часть потребления пришлась на города¹. В це-

¹ Myanmar Digital News. 14.12.2019. URL: <https://www.mdn.gov.mm/en/president-u-win-myint-celebrates-50-nationwide-electrification-nay-pyi-taw>

лях решения проблемы Мьянма в 2017 г. начала переговоры с КНР по объединению энергосистем двух стран с последующей закупкой электроэнергии из китайской провинции Юньнань¹. В начале 2023 г. представитель местного Комитета по сооружению китайско-мьянманского экономического коридора заявил о том, что данный проект будет осуществлен².

По состоянию на 2021 г., общая установленная мощность энергосистемы Мьянмы превысила 6 ГВт. Подавляющая часть электрогенерации пришлась на газо- и гидроэнергетику, вклад которых составляет соответственно 41 и 55 %³. С учетом растущего спроса в условиях продолжающегося внутреннего конфликта представляется вероятным, что развитие энергосистемы будет во многом опираться на китайские инвестиции и технологии. В пользу этого говорит не только поддержка Пекином военного руководства страны, но и его связи с другими действующими в Мьянме военно-политическими субъектами, позволяющие в определенной степени гарантировать безопасность китайских проектов.

Лаос, обладая значительными гидроэнергетическими ресурсами, подавляющая часть которых сосредоточена на главном течении и притоках Меконга, а также выгодным с точки зрения экспорта электроэнергии географическим положением, рассматривает развитие гидроэнергетики в качестве одного из ключевых факторов национального социально-экономического развития. По состоянию на конец 2022 г., 9,6 из 11 ГВт мощности национальной энергосистемы приходится на гидроэнергетику, 77 из 90 функционирующих электростанций — это гидроэлектростанции⁴. Большая часть вырабатываемой электроэнергии идет на экспорт в Таиланд, Камбоджу и Вьетнам. В 2021 г. Вьентьян поставил в эти страны около 75 % объема своей электрогенерации⁵. Кроме того, в 2022 г. Лаос заключил соглашение с

¹ The Wire. 04.08.2017. URL: <https://thewire.in/external-affairs/myanmar-electricity-china>

² Global New Light of Myanmar. 21.02.2023. URL: <https://www.gnlm.com.mm/interconnection-of-power-system-between-myanmar-china/>

³ Stimson Center. 19.01.2021. URL: <https://www.stimson.org/2021/myanmar-country-profile/>

⁴ Vietnam plus. 16.12.2022. URL: <https://en.vietnamplus.vn/laos-electricity-exports-grow-75-in-2022/245662.vnp>

⁵ Hydro review. 30.01.2023. URL: <https://www.hydroreview.com/hydro-industry-news/laos-can-use-supply-security-from-hydropower-to-enable-new-renewables-development/#gref>

КНР, предусматривающее поставку в китайскую провинцию Юньнань электроэнергии в период дождей, когда лаосские ГЭС вырабатывают наибольший ее объем. Для стабильного энергоснабжения северной части Лаоса этим документом также предусмотрена поставка электроэнергии в обратном направлении в сухой сезон¹.

Примечательно, что, являясь ведущим поставщиком электроэнергии, страна одновременно осуществляет ее импорт. Причина этого кроется в неразвитости внутренней сети линий электропередач, а именно в недостаточной взаимосвязанности четырех региональных энергосетей — северной, южной и двумя центральными. Превышение предложения электроэнергии над местным спросом в северной и центральной частях страны позволяет продавать ее излишки за рубеж, в то время как обратная ситуация на юге Лаоса приводит к необходимости импорта электроэнергии из Таиланда и Вьетнама, причем по более высоким ценам. Некоторая часть внешних поставок также осуществляется из Китая².

Будучи относительно бедной страной, Лаос не способен к самостоятельному освоению имеющегося гидроэнергетического потенциала, что вынуждает его опираться на внешние инвестиции в развитие гидроэнергетики. Крупнейшими инвесторами лаосских гидроэнергетических проектов (как уже реализованных, так и продолжающихся и планируемых) являются Таиланд, Китай и Вьетнам. По оценкам американского Центра Стимсона, сделанным в начале 2021 г., совокупная мощность гидроэлектростанций (находящихся на этапе планирования, строительства или уже введенных в эксплуатацию), полностью или частично профинансированных Таиландом, составляет 10,5 ГВт, Китаем — 6,8 ГВт, Вьетнамом — 2,3 ГВт³.

Ярким примером взаимодействия с зарубежными партнерами является построенная в 2018 г. и введенная на следующий год в эксплуатацию ГЭС «Саябури» мощностью 1285 МВт, около 95 % вырабатываемой электроэнергии которой экспортируется в Таиланд. Это первая из двух ГЭС, возведенных в нижнем бассейне Меконга. Тайские коммерческие банки профинансировали большую часть проек-

¹ China Daily. 22.03.2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202203/22/WS62392a6ea310fd2b29e526dc.html>

² National Green Growth Strategy of the Lao PDR till 2030. Vientiane, 2018. P. 47. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/4472>

³ Stimson Center. 29.01.2021. URL: <https://www.stimson.org/2021/lao-peoples-democratic-republic/>

та. Поставка электроэнергии предусмотрена, в соответствии с соглашением, сроком на 31 год. В целом же реализация гидроэнергетических проектов часто осуществляется Лаосом без заблаговременного заключения соглашений о покупке электроэнергии соседними странами, что является причиной переизбытка мощностей¹.

Особенностью развития лаосской энергосистемы является постепенно увеличивающаяся зависимость от КНР. В сентябре 2020 г. компании Лаоса и Китая — Electricite du Laos и China Southern Power Grid Company — учредили новое юридическое лицо — Electricite du Laos Transmission Company (ELTC), контролирующее лаосские высоковольтные (напряжением свыше 230 кВ) линии электропередач, а следовательно, в значительной мере экспорт и импорт электроэнергии. Контрольный пакет акций компании принадлежит китайской стороне. В 2021 г. стало известно о заключении двумя странами концессионного соглашения, в соответствии с которым ELTC инвестирует в развитие, управление и контроль лаосской энергосети 2 млрд долл. в течение 25 лет, после чего передаст ее местному правительству².

Таиланд позиционирует себя в качестве неформального лидера стран нижнего течения реки Меконг. Для продвижения своих интересов Бангкок использует запущенную им инициативу «Стратегия экономического сотрудничества трех рек Иравади — Чаупхрая — Меконг» (The Ayeyawady — Chao Phraya — Mekong Economic Cooperation Strategy, ACMECS), участниками которой помимо него являются Мьянма, Лаос, Камбоджа и Вьетнам.

Бангкок выступает крупным инвестором лаосских гидроэнергетических проектов, от которых получает часть вырабатываемых мощностей, однако в силу своего положения испытывает негативные последствия, связанные с деградацией речной экосистемы. Это определяет осторожный подход страны к вопросу развития гидроэнергетики в основном течении и на притоках Меконга. В частности, в ходе проводящихся с 2019 г. консультаций по вопросу строительства на лаосском участке речного русла, в нескольких километрах от границы с Таиландом, ГЭС «Санакхам» мощностью 684 МВт Бангкок неоднократно отклонял разработанную китайским подрядчиком документа-

¹ Bangkok Post. 20.03.2021. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/2091291/sharing-the-mekong>

² The Diplomat. 17.03.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/laos-grants-25-year-power-grid-concession-to-chinese-majority-firm/>

цию, запрашивая дополнительные исследования трансграничного воздействия ГЭС на окружающую среду и население¹.

В 2020 г. глава Управления национальных водных ресурсов Таиланда заявил об опасениях по поводу целостности речной границы между Таиландом и Лаосом, а также о возможных экологических и социальных последствиях реализации этого гидротехнического проекта. В том же выступлении, ссылаясь на наличие достаточного количества электроэнергии, он отметил возможность отказа Таиланда от ее импорта с этой ГЭС². В августе 2021 г. Управление по производству электроэнергии Таиланда объявило о приостановке действия соглашений о покупке электроэнергии с четырех планируемых лаосских ГЭС, включая «Санакхам», до осуществления дополнительных мер по защите окружающей среды³. Таким образом, Таиланд может оказывать давление на Лаос не только на основе принятого Комиссией по реке Меконг порядка консультаций перед реализацией гидроэнергетических и иных связанных с водопользованием проектов, но и в силу того, что страна является основным покупателем лаосской электроэнергии.

Таиланд как основной импортер лаосской электроэнергии имеет переизбыток установленных мощностей. По состоянию на середину 2022 г., установленная мощность национальной энергосистемы составляла свыше 48,5 ГВт, в то время как при пиковом энергопотреблении на тот момент было задействовано лишь около 32,2 ГВт⁴. При этом в том же году страны подписали меморандум о взаимопонимании, предусматривающий увеличение мощности поставляемой из Лаоса электроэнергии с 9 до 10,5 ГВт. Это объясняется низкой стоимостью лаосской гидроэлектроэнергии, которая значительно дешевле электроэнергии на основе природного газа, а также ее относительной стабильностью по сравнению с другими видами возобновляемой энергетики (газовая и возобновляемая энергетика, наряду с угольной,

¹ Bangkok Tribune. 22.04.2022. URL: <https://bkktribune.com/thailand-insists-on-sufficient-data-on-transboundary-impacts-of-lao-pdrs-sanakham-dam-before-consultation-wrap-up/>

² Bangkok Post. 25.11.2020. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2025023/govt-warns-over-lao-dam-plan>

³ Earth Journalism Network. 19.11.2021. URL: <https://earthjournalism.net/stories/locked-in-why-thailand-buys-electricity-from-laos>

⁴ Thailand's Energy Transition: 2023 Outlook / Chandler MHM. Bangkok, 2022. P. 1. URL: <https://www.chandlermhm.com/content/files/pdf/publications/Thailand-Energy-Transition-Report-Outlook-for-2023.pdf>

являются основными источниками электрогенерации в Таиланде). Часть избыточных мощностей Таиланд экспортирует в южные районы Лаоса, Камбоджу и Малайзию.

Камбоджа, располагая значительным гидроэнергетическим потенциалом, в своем развитии во многом полагается на ГЭС. Однако из-за высокой зависимости от Меконга и связанного с ним озера Тонлесап, особенно в вопросе продовольственной безопасности, Пномпень проявляет достаточно осторожный подход к развитию гидроэнергетики.

По состоянию на 2021 г., установленная мощность национальной энергосистемы страны достигла 3 ГВт, из которых 1,3 ГВт пришлось на гидроэнергетику. Развитие этого вида энергетики в Камбодже также, как и в Лаосе, определяется внешними инвестициями. При этом, в отличие от Лаоса, доминирующую роль здесь играет Китай. Все семь плотинных ГЭС построены и практически полностью профинансированы китайскими компаниями¹.

Крупнейшим реализованным проектом ГЭС стала станция «Нижний Сесан-2» мощностью 400 МВт, построенная с участием Китая и Вьетнама на притоке Меконга и введенная в эксплуатацию в 2018 г. Пномпень также планировал реализовать два крупных проекта в основном течении реки — ГЭС «Самбор» (2,6 ГВт) и ГЭС «Стунг Тренг» (1,4 ГВт). По мнению правительства, их реализация позволила бы начать поставку электроэнергии в соседние Таиланд и Вьетнам, с которыми уже имеются трансграничные линии электропередач. Пока же Камбоджа сама является ее импортером. Так, в 2021 г. мощность покупаемой у Таиланда, Лаоса и Вьетнама электроэнергии достигла почти 1 тыс. МВт².

Несмотря на указанные преимущества, Камбоджа в 2020 г. заморозила осуществление этих проектов, отказавшись от строительства ГЭС в основном течении Меконга до 2030 г.³ Причиной этого стало давление со стороны местного населения из-за резкого снижения улова рыбы, а также корректировка планов развития энергетики в условиях засухи 2019 г., приведшей к существенному уменьшению реч-

¹ Xinhua. 17.12.2018. URL: http://xinhuanet.com/english/2018-12/17/c_137680214.htm

² AQUARI BD. 11.08.2022. URL: <https://aquiibd.com/energy-and-electricity-cambodia-2022/>

³ Asian Power. 25.03.2020. URL: <https://asian-power.com/regulation/news/cambodia-ditches-plans-mekong-hydropower-plants>

ного стока, следовательно — к сокращению объемов вырабатываемой гидроэлектроэнергии [Tyler 2020]. Однако уже в начале 2022 г. правительство одобрило проведение в течение шести месяцев работ по технико-экономическому обоснованию строительства ГЭС «Стунг Тренг», в ходе которого были проведены исследования на ряде участков Меконга¹. Это может свидетельствовать об очередном пересмотре политики в отношении гидроэнергетики в ближайшем будущем.

На фоне перебоев в работе ГЭС и отказа от строительства двух крупных станций в русле главной индокитайской реки Пномпень в 2019 г. подписал с Вьетняном меморандум о взаимопонимании по вопросу импорта электроэнергии мощностью до 2,4 ГВт, вырабатываемой двумя угольными электростанциями на юге Лаоса². После этого, в 2020 г., правительство Камбоджи одобрило строительство двух аналогичных станций на территории страны³.

Вьетнам, расположенный в нижнем течении Меконга, как и Камбоджа, испытывает на себе разрушительные последствия изменения климата и растущей эксплуатации речных ресурсов. СРВ выступает против дальнейшего развития гидроэнергетики на Меконге, однако в то же время активно участвует в лаосских гидротехнических проектах. Например, Вьетнам является одним из инвесторов строящейся ГЭС «Луанг Прабанг» мощностью свыше 1,4 ГВт⁴.

Одной из причин этого является прогнозируемая нехватка электроэнергии в стране. Так, в конце 2021 г. мощность национальной энергосистемы достигла 76,6 ГВт. При этом большую часть генерации обеспечивают угольные (24,7 ГВт) и гидроэлектростанции (21,8 ГВт). В связи со взятыми Ханоем обязательствами по ограничению угольной электрогенерации, а также исчерпанием потенциала гидроэнергетики Вьетнам будет увеличивать импорт электричества, в первую очередь, из Лаоса [Бутко 2022: 28]. В соответствии с заключенным в 2016 г. сторонами меморандумом о взаимопонимании мощность поставляемой электроэнергии достигнет 3 ГВт к 2025 г. и 5 ГВт к 2030 г.

¹ Mongabay. 12.09.2022. URL: <https://news.mongabay.com/2022/09/cambodian-mega-dams-resurrection-on-the-mekong-the-beginning-of-the-end/>

² The Phnom Penh Post. 11.09.2019. URL: <https://www.phnompenhpost.com/business/kingdom-okays-2400mw-power-purchase-laos>

³ China Dialogue. 29.10.2020. URL: <https://chinadialogue.net/en/energy/cambodia-chooses-coal-in-rush-for-power/>

⁴ Bnews: economic information page of VNA. 23.02.2023. URL: <https://bnews.vn/lao-dap-thuy-dien-luang-prabang-du-kien-hoan-thanh-nam-2030/281683.html>

На начало 2023 г. утвержденное правительством страны значение этого показателя составило почти 2,7 ГВт¹.

В то же время, учитывая практически неизбежность развития гидроэнергетики выше по течению, участие в лаосских проектах ГЭС может свидетельствовать о попытке повлиять на их строительство и безопасную эксплуатацию в целях минимизации ущерба окружающей среде в дельте Меконга, а также риска возникновения чрезвычайной ситуации. Ярким примером такой ситуации является случившееся в июле 2018 г. разрушение плотины ГЭС в южной лаосской провинции Тямпасак, приведшее к разрушению шести деревень и вынужденному переселению оставшихся без крова 7 тыс. человек. Последствия катастрофы, выразившиеся в резком повышении уровня воды, распространились на соседнюю Камбоджу и привели к затоплению пахотных земель и эвакуации еще нескольких тысяч человек².

Будучи авторитетным игроком в субрегионе, Вьетнам конкурирует с Таиландом и Китаем за влияние на Камбоджу, Лаос и Мьянму (КЛМ). Занимая позицию старшего брата для Пномпеня и Вьентьяна, Ханой неформально лидирует на проводимых саммитах и других встречах «треугольника развития Камбоджа—Лаос—Вьетнам», а также аналогичных мероприятиях с участием Камбоджи, Лаоса, Вьетнама и Мьянмы. Такие трех- и четырехсторонние форматы взаимодействия были созданы соответственно в 1999 и 2003 г. в целях содействия экономическому развитию и интеграции стран — участниц этих механизмов взаимодействия. По некоторым оценкам, Вьетнам не всегда поддерживает инициативы, продвигаемые Таиландом в рамках АСМЕКС, что вынуждает Бангкок во многом согласовывать свою политику с Ханоем [Patton 2022].

Тенденции развития электроэнергетического сотрудничества в СБМ и их последствия

Несмотря на несогласованные решения о развитии гидроэнергетики в верховьях Меконга и сопутствующие противоречия между странами верхнего и нижнего течения реки, государства СБМ укреп-

¹ VietNamNet. 09.02.2023. URL: <https://vietnamnet.vn/nhap-3-000mw-dien-tu-lao-lo-thieu-duong-day-2108006.html>

² Xe Pian-Xe Namnoy Hydropower Project. Mekong Watch. URL: <http://www.mekongwatch.org/english/country/laos/xpxnn.html>

ляют взаимное электроэнергетическое сотрудничество. При этом обладающие большими гидроэнергетическими ресурсами Лаос, Камбоджа и Мьянма, являясь наименее развитыми странами, в плане использования этих ресурсов зависят от своих соседей — Китая, Таиланда и Вьетнама. Последние три страны являются основными инвесторами гидроэнергетических проектов в Лаосе. Доминирующее положение в развитии гидроэнергетического потенциала Камбоджи занимает КНР. Влияние последней на энергетическую систему Лаоса и Мьянмы также увеличивается.

Обладание большим опытом и возможностями в сфере строительства и эксплуатации масштабных гидротехнических сооружений делает Пекин привлекательным партнером в развитии гидроэнергетики субрегиона. Однако реализация проектов с участием Китая сталкивается с сопротивлением Таиланда и Вьетнама, сомневающихся в китайских оценках экологических и социальных последствий функционирования ГЭС. Разногласия по вопросу гидроэнергетической инфраструктуры, строительство которой тесно связано с видением странами будущего субрегиона, свидетельствует об отсутствии полного доминирования КНР в материковой части ЮВА [Vu, Mayer 2018].

Тем не менее электроэнергетическая интеграция способствует росту влияния Пекина в субрегионе. Помимо контроля над стоком Меконга, предполагающим возможность дестабилизирующего воздействия на состояние продовольственной и экономической безопасности стран нижнего течения, Китай значительно усилил свое влияние в энергетической сфере. Это будет способствовать укреплению позиций КНР не только в континентальной части ЮВА, но и во всем регионе. Рост зависимости стран бассейна р. Меконг от Китая будет ограничивать их возможности в проведении независимой внешней политики, что в условиях американо-китайского противостояния в ЮВА усложнит принятие решений внутри АСЕАН по многим чувствительным вопросам.

Ярким примером результативности китайской политики, направленной на продвижение своих интересов в ЮВА через страны Индокитая, стала политика Камбоджи в отношении территориальных споров в Южно-Китайском море. Несмотря на то что Пномпень не является участником этих споров, его оценка ситуации приносит Пекину значительную выгоду. В частности, в 2012 г. Камбоджа, будучи страной — председателем АСЕАН, заблокировала итоговое заявление министров иностранных дел государств-членов по вопросу ЮКМ. Представители Вьетнама и Филиппин выступали за то, чтобы итогово-

вый документ включал опровержение китайского тезиса о приоритете разрешения противоречий в ЮКМ на двусторонней основе, а также содержал упоминание об их территориальных спорах с КНР. Однако в результате использования Камбоджей права вето впервые за 45-летнюю историю АСЕАН итоговое заявление не было принято¹.

В 2016 г. на очередном саммите организации, состоявшемся через некоторое время после принятия Международным арбитражным судом в Гааге решения, отвергающего основанные на исторических аргументах притязания КНР в ЮКМ, премьер-министр Камбоджи Хун Сен отказался подписывать какие-либо совместные заявления в поддержку этого решения. При этом Вьетнам и Филиппины настаивали на его включении в итоговое коммюнике саммита. В результате, хотя оно и было принято, решение международного суда в него не вошло. Это привело к разногласиям внутри АСЕАН, в первую очередь между Вьетнамом и Филиппинами, с одной стороны, и Камбоджей — с другой. Ханой и Манила обвиняли Пномпень в прокитайской политике. Королевство выступало со встречным обвинением — в попытке втянуть страну в территориальный спор [Mogato 2016].

С ростом китайского влияния на материковой части ЮВА возможности КНР по воздействию на АСЕАН будут возрастать. В условиях ориентированности ряда стран ЮВА на сотрудничество с США это приведет к росту противоречий внутри Ассоциации, которые будут выражаться в усложнении процесса достижения ими приемлемых для всех решений по чувствительным вопросам. Единство организации во многом будет зависеть от способности руководства стран ЮВА найти баланс в отношениях с мировыми и региональными центрами силы, от степени его готовности действовать во благо АСЕАН вопреки национальным интересам, а также от напряженности международных отношений в регионе, во многом определяемой американо-китайским противостоянием.

* * *

В целом все страны СБМ в той или иной мере и с разной степенью озабоченности заинтересованы в электроэнергетическом сотрудничестве. Китай и континентальные страны ЮВА наращивают взаимодействие в сфере строительства энергетических мощностей, возве-

¹ Al Jazeera. 13.07.2012. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2012/7/13/asean-talks-fail-over-south-china-sea-dispute>

дения линий электропередачи и налаживания трансграничной торговли электроэнергией, которая является одним из важнейших факторов экономического развития СБМ. Следствием этого является усиление в субрегионе позиций Пекина, который получает дополнительные рычаги воздействия на страны нижнего течения Меконга.

С учетом практикуемого в АСЕАН порядка принятия решений, предполагающего длительные обсуждения до достижения консенсуса, вовлечение стран в орбиту влияния того или иного центра силы, ограничивающее их возможности в проведении независимой политики, будет уменьшать солидарность внутри организации. Это неминуемо усложнит процесс выработки приемлемой для всех политики в отношении чувствительных вопросов.

Глава 20

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В МАТЕРИКОВЫХ СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Религия является не только формой сознания, но и социальной сущностью, которая играет все более важную роль в современном глобализированном и непредсказуемом мире. Исследование роли религиозных трансформаций в международных отношениях становится еще более актуальным, поскольку эти процессы оказывают значительное влияние на национальную, региональную и мировую безопасность. В данной главе основное внимание уделяется выяснению характера религиозных трансформаций в материковых странах Юго-Восточной Азии.

Наш анализ международных отношений через призму религиозной ситуации основывается на концепции Э. Хэнсона о роли религии в современном мире [Hanson 2006]. В данной главе в контексте глобализации рассмотрено влияние религий на экономическую, политическую, информационную и военную сферы. Показано, что наряду с традиционными акторами религиозные организации во многих странах способны мобилизовать человеческие ресурсы, чтобы влиять на продвижение и защиту прав человека, ограничивать рамки государственной власти, обеспечивать суверенитет и политику невмешательства. Религиозные организации обеспокоены социально-экономическим неравенством, в том числе, различиями в доходах: экстремистские и новые религиозные группы пользуются этим, чтобы привлечь бедные слои населения в свои ряды. В военных вопросах отдельные религиозные группировки часто становятся на сторону транснациональных террористических движений. При этом глобальная коммуникационная система повышает возможности для интернационализации и расширения деятельности религиозных объединений, привлекая новых верующих и формируя новые сообщества.

Исходя из теории Хэнсона, направленной на признание проблем, сопровождающих религиозные изменения в том или ином регионе, сконцентрируем внимание на общей религиозной проблематике. Религиозные организации и общины все чаще вовлекаются в политическую деятельность, бросая вызов транснациональным институтам в их стремлении доминировать в региональном масштабе. Религиозная свобода влияет на стабильность социального развития, конфликты между религиозными общинами зачастую ведут к столкновениям и внутри страны, и в регионе в целом. Таким образом, эти проблемы имеют не только национальный, но и международный характер. Их наличие порождает много трудностей в процессе обеспечения национального единства любого государства и глобальной политической стабильности.

Тенденции религиозных изменений и региональные особенности

Тенденция к восстановлению и развитию мировых религий, наблюдаемая с конца XX в. развивается на фоне происходящих в последние два десятилетия сложных изменений. Причины этих изменений — наличие серьезных экономических и политических конфликтов; мировой порядок находится в непредсказуемом хаосе; имеют место кризис доверия к будущим социальным моделям, а также негативные последствия научно-технических и новых технологических разработок. В этих условиях набирают силу такие тенденции, как религиозная диверсификация, возникновение новых религиозных движений и религиозных объединений, секуляризация, разделение по этническому признаку. Религиозная жизнь в Юго-Восточной Азии также оказалась на непредсказуемой траектории изменений. Религиозная диверсификация и одновременно глобализация меняют характеристики сегодняшних религий, привнося как положительные, так и отрицательные аспекты в процесс их развития. Религиозная диверсификация способствует удовлетворению духовных потребностей, а глобализация разрушает границы религий и меняет религиозную карту мира. Поэтому страны стали легче адаптироваться к новым религиям. Возникшая тенденция индивидуализации религиозных убеждений способствует формированию религиозного поля, на которое приходят все новые участники. Постколониальный секуляризм, нелиберальные теории и гражданское развитие оказали влияние на регион, что привело к началу религиозного возрождения,

тесно связанного с ранее ограниченным спиритуализмом, но создало волны идеологической, духовной и религиозной свободы, угрожающие региональному миру и безопасности [Тернер 2012].

Более того, отношения между религией, расой, культурой и языком явились причиной многих новых проблем, таких как привязка религии к национальной идентичности, что может привести к росту числа конфликтов внутри отдельных стран и между ними. Таким образом, религиозная свобода, религиозная идентичность, вера, раса и культура остаются вопросами, которые необходимо оценивать в многомерном измерении, в разнообразии и гармонии, чтобы иметь возможность полностью увидеть современное состояние и тенденции каждой страны и региона. Отсюда следует, что религия имеет большое значение для социальных отношений региона ЮВА в целом и Индокитай в частности [Vu Duong Huan 2001].

Характеристики религиозного разнообразия

Юго-Восточная Азия — «религиозный перекресток»: буддизм и ислам являются двумя основными религиями в 9 из 10 стран ЮВА. Ислам — государственная религия Малайзии и Брунея (63 % верующих), основная религия Индонезии (90 %). Тогда как в странах Индокитая его последователи составляют небольшую часть: в Мьянме и Таиланде по 4 %, Вьетнаме, Камбодже и Лаосе мусульман еще меньше¹. Странами с наибольшей долей последователей буддизма (преимущественно буддизм тхеравады) являются Таиланд (93 %), Камбоджа (90 %) и Мьянма (88 %). Буддизм Махаяны преобладает во Вьетнаме, а также в Сингапуре и Малайзии². Помимо преимущественно христианских стран — Филиппин (85 %) и Восточного Тимора (90 %), христианство широко представлено во Вьетнаме. Различные индуистские, буддийские, исламские и христианские ритуалы сосуществуют в ЮВА с медитативными практиками и анимизмом.

Континентальные страны Юго-Восточной Азии являются преимущественно буддистскими, тогда как в островных странах развита исламская культура. Независимо от существовавшей религиозной принадлежности жители ЮВА получали завезенные из-за границы новые религии, адаптировали их к местным религиозным традициям

¹ URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/religion-by-country>

² Nalanda Buddhist Society. 2023. URL: <https://www.nalanda.org.my/religion-in-asean>

во множестве религиозных и культурных вариаций. Очевидно, что религиозное разнообразие является характерной чертой Юго-Восточной Азии.

Политическая система и религиозная форма

Характер власти — важный фактор, определяющий особенности религиозного развития. В различных политических системах применяются разные способы управления религиями и взаимодействия с ними [Kingsbury 2014]. Более того, в конституции каждой страны четко оговаривается роль религии. Камбоджа, Таиланд и Мьянма отдают приоритет одной религии — религии большинства. Камбоджа признает буддизм государственной религией в ст. 43 конституции¹. Ст. 79 конституции Таиланда 2007 г. гласит: «Государство должно спонсировать и защищать буддизм — религию, которой придерживается большинство тайцев в течение поколений, и другие религии, способствуя взаимопониманию и доброй гармонии между приверженцами всех религий». Хотя Мьянма не декларирует никакой государственной религии, ст. 361 конституции 2008 г. подтверждает: «Союз признает особое положение буддизма как веры, исповедуемой подавляющим большинством граждан Союза». Между тем в конституциях ЛНДР и Вьетнама прямо не упоминаются отношения государства и религии, оставляя возможность того, что государство может приоритетно выделять ту или иную религию. Таким образом, религиозное многообразие и отношение к нему государства являются основными факторами, которые приводят к возникновению новых проблем в религиозной и общественно-политической сфере.

Некоторые тенденции религиозных процессов

Политизация религии

Сегодня можно видеть, как во многих странах все более усиливается национализм, а также религиозный консерватизм и экстремизм. Экстремисты вызвали межобщинное насилие в Мьянме, которое потрясло весь регион. В Камбодже почитание буддизма сопровождается праздничными торжествами и религиозным обучением, причем преподавание его основ ведется в государственных школах и при финан-

¹ URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/country-information-report-thailand.pdf>

совой поддержке буддийских организаций. Эти меры используются одновременно для воспитания единой национальной идентичности и содействия экономическому росту, решения политических задач. Например, наблюдается усиление роли буддизма в политической жизни Камбоджи¹. В Таиланде нет официальной государственной религии, но конституция требует, чтобы король исповедовал буддизм и был защитником религий. Конституция наделяет власти полномочиями спонсировать и защищать буддизм и другие религии, но она также особо поощряет пропаганду буддизма тхеравады через систему образования и распространения буддийских канонов, а также устанавливает нормы «для предотвращения оскорблений буддизма в любой форме»². Однако конституция запрещает буддийским священникам, послушникам, монахам и другим священнослужителям голосовать на выборах, работать в законодательных органах или занимать публичные позиции по вопросам государственной политики.

Большое давление на религии в материковых странах ЮВА оказывает влияние ислама в островной части региона, например, в Индонезии. Международные экстремистские группировки, особенно ИГ (запрещена в РФ как террористическая), стремятся расширить свои сети, проникнув в Индокитай. Явную угрозу представляют сотни боевиков ИГ из Индонезии, Малайзии и Камбоджи в случае возвращения их на родину. Недавнее заявление Аль-Каиды (запрещена в РФ как террористическая) о том, что она намерена начать операцию в Южной Азии, включая Мьянму, также угрожает региональной безопасности. Глобальные и региональные террористические группы, такие как «Джемаа Исламия» (запрещена в РФ как террористическая), присутствуют не только в Малайзии, Индонезии и на Филиппинах, но и в Таиланде.

¹ Как отмечала Н.Н. Бектимирова, исследуя влияние буддизма на политическую жизнь в современной Камбодже, мощная пропаганда и финансовая поддержка буддийской сангхи со стороны правящей элиты, в особенности Хун Сена и его семьи, приводит к значительному вовлечению в политику буддийских иерархов, которые тесно связаны с существующими институтами власти. В последние годы религиозный фактор играет все более заметную роль в политической жизни Камбоджи, налицо явное стремление правящих кругов страны превратить буддийскую сангху в свою опору, поставить себе на службу «ресурсы религиозной харизмы», которые в Камбодже не менее важны, чем людские или материальные. Подробнее см.: [Бектимирова 2011].

² Thailand 2022 International Religious Freedom Report. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/05/441219-thailand-2022-international-religious-freedom-report.pdf>

Таким образом, с ростом религиозного экстремизма и эскалацией насилия роль религии быстро меняется. Молодое поколение вовлекается в движения, проповедующие нетерпимые взгляды; другими причинами конфликтов, насилия и экстремизма в регионе служат постковидная трудовая миграция, изменение гендерных ролей и традиционных социальных структур. Тенденция роста религиозности в политической, культурной и социальной жизни, по сути, отражает стремление защитить культурную самобытность и религиозную идеологию от влияния западной пропаганды и массовой культуры. Эта задача обусловлена в ЮВА тем, что «...современное цивилизованное общество используется экстремистами и фанатиками для утверждения своей размытой идентичности и реализации темных политических амбиций» [Nguyen Thi Huong 2015].

Эскалация конфликтов

Если в прошлом религиозные объединения внесли большой вклад в формирование системы международных отношений, распространение цивилизаций, развитие мировой торговли, то в современном обществе их деятельность иногда приводит к международным конфликтам. Реальность такова, что религиозные конфликты возникают не только внутри одних стран, но и распространяются на этно-религиозные группы в других, быстро интернационализируясь в региональном масштабе.

Нестабильность и религиозный экстремизм являются причинами эскалации конфликтов в условиях многоконфессиональности не только в масштабе Юго-Восточной Азии, но и в отдельных странах, таких как Вьетнам и Таиланд [Brennan 2014]. Эти конфликты происходят не обязательно под влиянием религий. Примером служат последние межобщинные столкновения в Мьянме, а также продолжающиеся восстания на юге Таиланда, когда религиозные движения придерживаются жесткой линии, пропагандируют определенную форму национализма и создают большие риски потенциальных конфликтов внутри сообществ. Из-за этого возросла межрелигиозная напряженность в регионе, которая затрагивает многие сферы жизни, особенно политические, и вызывает социальную нестабильность.

Этническое и религиозное насилие в Мьянме носит чрезвычайно сложный характер и открывает путь терроризму. В частности, роль буддизма здесь также проявляется двояко: многие монахи в Мьянме поддерживают насилие, в то время как другие постоянно стремятся

положить конец насилию. Такой этнорелигиозный шовинизм представляет собой самую большую угрозу региональному экономическому росту. Растущее экономическое неравенство и политические разногласия вызывают усиление конфликтов в обществе. Религиозные группы своей пропагандой провоцируют протестные настроения, и если довести такую ситуацию до крайности, возникнут беспорядки. Буддийское националистическое движение в Мьянме, по оценке Госдепартамента США, насчитывало в 2021 г. сотни тысяч человек по всей стране, поддерживающих правительство Союза, выступающих в защиту буддийских принципов мира и гармонии. Так, организация Ма Ба Та появилась на политической сцене Мьянмы с целью защитить местную сангху от обвинений в антиисламской деятельности, которые были вызваны поддержкой ею соответствующих законов [Nyi Nyi Kyaw 2019].

Если в прошлом государство часто осуществляло репрессии с целью контроля над религией, то сейчас происходят конфликты между внутренними и внешними школами каждой религии в связи с ростом национализма и религиозного консерватизма. Шовинизм и милитаризм ряда этнических религиозных группировок угрожают стабильности всего региона. В частности, должно быть поставлено под контроль исламское влияние в пяти странах Индокитая — Таиланде, Мьянме, Лаосе, Камбодже и Вьетнаме. Аль-Каида, Исламское государство (запрещены в РФ как экстремистские) и другие джихадистские группировки способны спровоцировать новую волну межобщинного насилия. Реальная опасность, исходящая от жесткой позиции и неонационалистических программ, существует в некоторых фундаменталистских религиозных группах. Например, Таиланд переживает длительные сепаратистские конфликты между буддистами и мусульманами на юге страны, в результате которых погибло много людей.

Конфликты происходят в основном между различными религиозными группами, которые нападают на религиозные символы и объекты и подвергают их вандализму или участвуют в провокациях, готовящихся зарубежными организациями сепаратистского толка (например, инциденты в Таиланде и Мьянме, которые распространились на Камбоджу, Вьетнам и Лаос). Столкнувшись с такими рисками, власти используют разные способы урегулирования и сдерживания конфликтов. При этом правительства поддерживают группы большинства или группы, имеющие собственные политические интересы. Но их выбор не прост и сталкивается с разными трудностями, так как во

многих отношениях религиозная идентичность возникла под воздействием давних политических и экономических проблем, а неразвитость общественных институтов не является следствием каких-либо религиозных преследований.

Право на свободу религии

В настоящее время действует множество международно-правовых документов, регулирующих права человека, в том числе свободу вероисповедания. Однако, когда эта свобода используется для вмешательства во внутренние дела отдельной страны, возникают разногласия и конфликты. Это деликатный вопрос международных отношений как на межгосударственном, так и глобальном уровне. Свобода вероисповедания конституционно установлена во всех странах АСЕАН, хотя ее формулировка и практика применения различаются. В ряде стран отмечена резкая реакция на посягательства на религиозные обряды и дискриминацию. В целом жители стран, которые не придерживаются принципов светского общества, требуют от своих правительств обеспечить, чтобы право человека на свободу вероисповедания было сбалансировано со свободой совести. Фактически эти страны практикуют условный секуляризм.

В Таиланде конституция «запрещает дискриминацию по религиозным убеждениям» и защищает свободу вероисповедания до тех пор, пока осуществление свободы вероисповедания не «наносит вреда безопасности государства». Министерство юстиции разрешает практику шариата как особого процесса, выходящего за рамки национального гражданского кодекса, для мусульман, проживающих в провинциях Наратхиват, Яла и Паттани вблизи границы с Малайзией¹. В ст. 67 новой конституции Таиланда четко прописана обязанность государства пресекать любые формы возбуждения вражды на религиозной почве и оскорбления верующих. Против этой статьи конституции выступило мусульманское население Таиланда, но она все же была принята. На юге страны действует режим военного и чрезвычайного положения, который позволяет военным, полиции и гражданским властям ограничивать некоторые основные права и передавать отдельные полномочия по обеспечению внутренней безопасности вооруженным силам. Это заставляет мусульман протестовать и заяв-

¹ Thailand 2022 International Religious Freedom Report. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/05/441219-thailand-2022-international-religious-freedom-report.pdf>

лать, что силы безопасности обращаются с ними несправедливо и дискриминируют их. С другой стороны, действия мусульманских лидеров против буддистов Вичарн-Чайсетасампа представляют собой дискриминацию буддийского меньшинства.

Вместе с тем такие страны, как Камбоджа, которые реализуют право исповедовать религию, имея при этом лишь одну официальную конфессию, способны поддерживать религиозную гармонию и плюрализм в сферах культуры и религии. Закон предусматривает право на свободу вероисповедания и отправления религиозных культов при условии, что такая свобода не нарушает убеждений и веры других лиц, а также не нарушает общественный порядок и безопасность. Однако закон не позволяет небуддийским сектам проповедовать открыто. Поэтому группы гражданского общества и некоторые религиозные лидеры считают, что это является религиозной дискриминацией, имеющей политические мотивы.

Существует серьезная обеспокоенность по поводу ограничительных действий властей во время пандемии COVID-19. Свобода вероисповедания не является абсолютной, она должна быть ограничена, когда несет риск жизни или здоровью человека, причиняет большой вред обществу. В ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах прописано, что право на свободу вероисповедания, которое никогда не должно осуществляться произвольно, может подвергаться ограничениям там, где это оправдано. Вопросы прав человека всегда находятся на первом плане, даже во время пандемии. Важно то, как государство применяет закон для управления религиозной деятельностью в целях общественного здравоохранения во время эпидемии [Phuong 2020].

В частности, недопустимы послабления в исполнении решений правительства о социальном дистанцировании и самоизоляции. Так, с 26 по 29 мая 2021 г. в г. Хошимине было зарегистрировано 98 случаев заражения вирусом, из них более 60 случаев были связаны с печочкой заражения в евангелической ассоциации «Возрождение»¹. Это привело к тому, что уровень смертности в городе составил до 74 % от общего числа смертей от COVID-19 по всей стране². Данная ситуация показала, что групповая деятельность в небольших или закрытых по-

¹ URL: <https://baochinhphu.vn/khoi-to-vu-an-lay-lan-covid-19-lien-quan-den-hoi-thanh-phuc-hung-102293219.htm>

² URL: <https://tienphong.vn/so-ca-tu-vong-vi-covid-19-tai-tphcm-chiem-74-ca-nuoc-post1393851.tpo>

мещениях создает условия для заражения. Поэтому город активно отслеживает, зонировывает, расширяет тестирование и полностью прекращает религиозные церемонии и мероприятия с участием 10 и более человек в религиозных и культовых сооружениях¹.

Более того, нарастающие изменения в экономической и политической ситуации в мире в постпандемийный период создали новые риски для политической деятельности и сохранения социальной стабильности. Из Китая эпидемия постепенно распространилась на Камбоджу, Лаос, Таиланд, Вьетнам и Мьянму. В таких условиях реакция многих лидеров стран Юго-Восточной Азии на пандемию вызвала общественное возмущение. Камбоджа — страна с наименьшим количеством случаев заражения коронавирусом в Юго-Восточной Азии. В условиях пандемии она по-прежнему принимала зарубежные авиарейсы и проводила совместные учения с военными из Китая. Это вызвало резкие протесты со стороны общественных организаций, но полиция задержала десятки людей, в том числе некоторых активистов оппозиции. Предположительно подверглись дискриминации мусульмане, поскольку категория «кхмерский мусульманин» была включена в статистику заболеваемости 2020 г. после того, как появились сообщения о инфицированных камбоджийских мусульманах, вернувшихся из Малайзии. Кроме того, правительство требовало, чтобы тела жертв COVID-19 были кремированы, но по-прежнему разрешало проводить мусульманские религиозные церемонии захоронения на частной территории в провинции Кампонгспы, что повлияло на деятельность и духовные практики некоторых общин местных коренных жителей².

* * *

Религия помогает людям понять мир природы, общество и самих себя, тем самым играя уникальную роль в содействии социальному развитию. Религиозные трансформации в современном обществе являются отражением изменений в социальной жизни. В настоящее время ситуация в Юго-Восточной Азии в целом значительно изменилась, особенно под воздействием пандемии COVID-19. Религиозные

¹ URL: <https://suckhoedoisong.vn/nguyen-nhan-khien-chuoi-lay-nhiem-giao-phai-phuc-hung-tai-tphcm-co-so-luong-ca-nhiem-lon-n193713.html>

² How COVID-19 Restrictions Affected Religious Groups Around the World in 2020 : Report. Nov. 29, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2022/11/29/how-covid-19-restrictions-affected-religious-groups-around-the-world-in-2020>

общины столкнулись со многими проблемами, вытекающими из собственного внутреннего многообразия, национального политического и трансграничного управления. В континентальных странах ЮВА это очень заметно, особенно в Мьянме. Проблемы возникли в сфере национальной и личной безопасности, взаимосвязи религиозных и политических убеждений, общественной психологии и вере. Волна политической, религиозной и культурной радикализации разожгла ненависть и террор по всей Азии. Крупные державы и геополитическая конкуренция негативно влияют на региональный мир и стабильность. Необходимо объединить усилия правительств по сдерживанию противоречий, конфликтов и насилия в религиозных и социальных сообществах, по обеспечению мира в общественной жизни и предотвращению внешних угроз для народов Индокитая.

Глава 21

РАЗРАБОТКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ЗАКОНАМ О БИОБЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ АСЕАН

Закон о биобезопасности на международном уровне регулирует трансграничное перемещение генетически модифицированных организмов (ГМО) для предотвращения вредного воздействия продуктов современной биотехнологии на здоровье человека и окружающую среду. Большинство национальных законов АСЕАН и других стран по биобезопасности копируют Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (далее — Протокол), тем более когда они его ратифицировали. Из членов АСЕАН только Бруней и Сингапур не сделали этого. В Протоколе изложена стандартная процедура, регулирующая различные виды деятельности, связанные с ГМО. В целом он рекомендует соблюдать две основные части процедурного и нормативного процесса: научную оценку риска (ст. 15) и управление последствиями (ст. 16), а также учитывать социально-экономические аспекты, предусмотренные в ст. 26. Ст. 26 Протокола рекомендует учитывать социально-экономические требования к воздействию ГМО на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия и особенно сознавать ценность биологического разнообразия для коренных и местных общин, при принятии важных решений в рамках Протокола. В этой связи участникам предложено вести и координировать исследования и обмен информацией о любых социально-экономических последствиях использования живых изменённых организмов, особенно для коренных и местных общин (ст. 26.2).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что оценки научного риска и социально-экономических требований к перемещению ГМО будут лежать в основе процесса принятия решений. Проблема заключается в том, что в то время, как для оценки и управления научными рисками существует контрольный список, который должен соблюдаться странами, нет четкого руководства по оценке и управлению социально-экономическими последствиями этого процесса. Очевидна необходимость принятия и применения во всех странах АСЕАН универсальных и согласованных социально-экономических требований для обеспечения единой трактовки, а также юридического руководства и критериев защиты здоровья человека и окружающей среды. Они должны быть признаны в качестве социально-экономических ценностей АСЕАН, понятных, учтенных и принятых, обеспечивая тем самым правовые механизмы для обоснования перемещения ГМО по территории АСЕАН, предоставляя правовые средства для принятия решений, в том числе применительно к странам за пределами Ассоциации. Однако следует проявлять осторожность, чтобы эти социально-экономические требования не маскировались под торговые барьеры, которые будут препятствовать перемещению ГМО в страны АСЕАН и за их пределы.

Учет социально-экономических требований при принятии решений по биобезопасности

Учет социально-экономических факторов при анализе биобезопасности ГМО и принятии решений охватывает спорные моменты, имеет множество методологий и последствий с точки зрения затрат, выгод, рисков, компромиссов, использования технологий, безопасности, накопления знаний и регуляторного воздействия [Falck-Zepeda, Zambrano 2011]. Он может потенциально задержать или предотвратить выпуск полезных продуктов, что особенно чувствительно для государственного сектора в развивающихся странах из-за нехватки ресурсов [Falck-Zepeda 2009]. Тем не менее признание социально-экономических проблем в процессе принятия решений по биобезопасности широко распространено. Например, Global Impact Coalition (GIC) поощряет исследование социально-экономических последствий использования ГМО и обмен информацией через Информационный центр по биобезопасности. С другой стороны, GIC выступает против создания специальной технической экспертной группы (АНТЕГ) по социально-экономическим вопросам, считая, что, поскольку стороны

испытывают трудности с соблюдением требований, необходимо сосредоточиться на введении строгих обязательств по Протоколу¹.

В целом в социально-экономической сфере очевидна важность тщательного изучения масштабов, методологии, критериев принятия решений, затрат и временных издержек, поскольку эти переменные могут влиять на принятие решений и создавать препятствия и неравномерное воздействие на расходы государственного сектора.

Те, кто выступают против включения социально-экономических вопросов в процесс принятия решений по биобезопасности, утверждают, что это может стать общим поводом для отказа от ГМ-технологий без указания конкретных причин. Критики считают, что социально-экономические требования могут использоваться в качестве меры предосторожности или превентивной меры против ГМ-технологий [Osman 2018]. Согласно этой точке зрения, включение широких и расплывчатых социально-экономических критериев может препятствовать росту и распространению новых технологий [Paarlberg 2008].

Существует множество опасений и проблем, связанных с неоправданной социально-экономической политикой, поскольку она может привести к созданию торговых барьеров, что обычно противоречит международным соглашениям. В целом социально-экономические решения опираются на этические, культурные, моральные и религиозные ценности, а также учитывают другие связанные с ними проблемы.

Социально-экономические требования в странах АСЕАН

Важно определить, как в странах АСЕАН институционализированы социально-экономические факторы. Так, в Малайзии при министерстве науки, технологий и инноваций действует Национальный совет по биоэтике (НСБ)². Задача НСБ — консультировать и решать биоэтические проблемы в стране. Считается важным поощрять этические практики в науке и технике, чтобы гарантировать соответствие достижений в области окружающей среды, социальных проблем, здравоохранения, культуры, законодательства, религии человеческим

¹ URL: https://croplife.org/wp-content/uploads/pdf_files/Socio-economic-Considerations-in-Decision-making-on-LMOs-MOP-6.pdf

² URL: <https://www.isaaa.org/kc/cropbiotechupdate/article/default.asp?ID=9620>

и моральным ценностям. Хотя НСБ представляется полезной платформой для социально-экономической оценки, нет никакой связи между НСБ и малазийским процессом принятия решений по биобезопасности [Osman 2018]. Более того, НСБ выступает автономной группой, которая занимается широкими проблемами биоэтики по всей стране, например, в значительной степени связанными с медицинской тематикой, а не конкретно с процессом принятия решений по биобезопасности. Тем не менее он публикует статьи по этике и религии, касающиеся биобезопасности.

В последнее время Малайзия ускорила процесс институционализации социально-экономических проблем. Например, здесь создается социально-экономический комитет при Департаменте биобезопасности. Его члены смогут расширить свой опыт, осведомленность о социально-экономических вопросах в контексте принятия решений по биобезопасности. Этому решению Малайзии могли бы последовать другие страны АСЕАН, такие как Сингапур и Бруней.

Сформулируем набор общих социально-экономических вызовов для стран — членов АСЕАН. Принято считать, что если социально-экономические системы создают трудности для нации, то для региона они являются еще более тяжелым бременем. При этом известно, что у АСЕАН есть социально-экономические проблемы, в том числе по обеспечению долгосрочного экономического роста. Члены Ассоциации создали для решения социально-экономических проблем два форума: Экономическое сообщество АСЕАН и Проект социокультурного сообщества АСЕАН. Важность их определяется тем, что растущие диспропорции между экономическим и социальным ростом повышают риск конфликтов и социальных катастроф, препятствуют развитию [Vo Hai Minh 2011].

Экономическое сообщество АСЕАН (ЭСА) формируется как единый рынок и производственная база¹. Это позволит обеспечить свободное движение товаров, услуг, инвестиций, капитала и рабочей силы, что даст возможность создать производственные сети. Существует пять ключевых элементов ЭСА: (1) свободное перемещение товаров; (2) свободное перемещение услуг; (3) свободное перемещение капитала; (4) более свободное перемещение денег; (5) свободное перемещение квалифицированной рабочей силы. Степень реализации этой цели и задач ЭСА, как и в случае с Европейским союзом, до сих пор вызывает споры.

¹ URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/>

Социокультурное сообщество АСЕАН призвано помочь населению стран-членов полностью реализовать свой потенциал¹. 22 ноября 2015 г. на 27-м саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре (Малайзия) лидеры стран АСЕАН приняли план ASCC Blueprint 2025. Он предусматривает создание целеустремленного, коллегиального и социально ответственного сообщества на благо граждан АСЕАН.

АСЕАН видит в рамках плана ASCC следующие социокультурные цели.

- инклюзивное сообщество, которое поощряет и защищает права человека, обеспечивает высокое качество жизни и равный доступ к возможностям для всех;
- устойчивое сообщество, способствующее социальному развитию и одновременно защищающее окружающую среду;
- устойчивое сообщество, повысившее свой потенциал и компетентность, чтобы адаптироваться и реагировать на социальную и экономическую уязвимость, бедствия, изменение климата и другие проблемы;
- живое и сплочённое сообщество, которое признает и ценит свою самобытность, культуру и наследие.

Члены социокультурного сообщества АСЕАН сотрудничают в различных областях, включая культуру и искусство, информационно-коммуникационные технологии и СМИ, образование, молодежные проблемы, спорт, социальное обеспечение и развитие, гендерные вопросы, права женщин и детей, развитие сельских районов и искоренение бедности, труд, государственную службу, окружающую среду, борьбу с загрязнением, стихийными бедствиями и гуманитарную помощь, а также здравоохранение. Некоторые из этих сфер определены в качестве повестки форумов для обмена идеями с целью разработки общей социально-экономической политики в отношении воздействия ГМО на местное коренное население, в частности, в отношении развития сельских районов, окружающей среды, здравоохранения, социального обеспечения, ликвидации последствий стихийных бедствий и гуманитарной помощи.

Насущные задачи и меры в области биобезопасности

В связи с этим предлагается провести предварительное исследование влияния ГМО на местное коренное население, особенно учи-

¹ URL: <https://asean.org/our-communities/asean-socio-cultural-community/>

тывая тот факт, что большинство стран АСЕАН в основном являются сельскохозяйственными. Важность биологического разнообразия для населения должна быть в центре внимания исследования. Исследования влияния ГМО на окружающую среду и здоровье должны быть тщательными, особенно если те или иные продукты оказывают большое влияние на торговлю и экономику, как, например, пальмовое масло в Малайзии и Индонезии или рис в Таиланде и Вьетнаме. Хотя ГМО в сельском хозяйстве и технологиях определенным образом повысят продовольственную безопасность, существуют риски, связанные с продуктами, содержащими ГМО.

В настоящее время в АСЕАН действуют единые правила по оценке рисков связанных с сельским хозяйством ГМО, в частности, по оценке и управлению рисками для сельскохозяйственной продукции. Тем не менее необходимо, чтобы Ассоциация разработала свои инструкции для социально-экономической оценки влияния ГМО. После этого можно будет расширить сферу применения, включив в нее не только оценку и управление рисками для сельского хозяйства и социально-экономические проблемы, но и другие вопросы окружающей среды и здоровья человека, связанные с ГМО.

Показателен следующий пример в области биотехнологических исследований: в начале 2010 г. в Малайзии дерево бинтангор, произрастающее в тропических лесах Саравака, впервые стало использоваться для лечения ВИЧ, поскольку содержит каланOLID — препарат против ВИЧ¹.

Кроме того, сельское хозяйство дает важные коммерческие продукты для экономики АСЕАН. Известные сельскохозяйственные товары региона, такие как рис, пальмовое масло, фрукты и овощи, могут быть усовершенствованы с помощью современных биотехнологий. Высказано предположение, что ГМО-продукты, такие как золотой рис², пальмовое масло, соя, кукуруза и многие другие, могут обладать превосходными пищевыми свойствами, их можно собирать раньше и экспортировать по всему миру для повышения экспортных доходов стран АСЕАН. Однако делать это следует осмотрительно, с учетом достижений науки, всесторонне оценивая риски ГМО, соблюдая меры безопасности их использования не только в рамках АСЕАН, но других странах. Так, на сегодняшний день в Малайзии не зарегист-

¹ The Borneo Post. Dec. 14, 2010. URL: <https://www.theborneopost.com/2010/12/14/cm-research-on-hiv-cure-at-final-stage/>

² URL: <https://www.irri.org/golden-rice-faqs>

рировано случаев использования пальмового масла с ГМО в коммерческих целях¹.

В рамках АСЕАН была создана сеть по биобезопасности и биозащите для проведения крупных сетевых мероприятий, направленных на повышение биобезопасности и биоинженерии в каждой стране, — ASEAN Biosafety and Biosecurity Network². Эта сеть рассматривается как одна из инициатив АСЕАН по упорядочению руководящих принципов биобезопасности и биозащиты наряду с многочисленными планами, инициативами и проектами. Таким образом, предполагается, что помимо стандартов для руководства по оценке рисков, АСЕАН выработает свои собственные рекомендации по решению социально-экономических проблем в рамках Ассоциации.

Сотрудничество АСЕАН со странами-партнерами в социально-экономических вопросах

На протяжении многих лет осуществляется сотрудничество в области обучения и повышения квалификации специалистов по биобезопасности из стран АСЕАН с КНР, Республикой Корея, Японией, странами ЕС и США, особенно после подписания Картахенского протокола. Вместе с тем, за исключением периода пандемии COVID-19, сотрудничество с Россией в этом вопросе было минимальным. Во время пандемии РФ предложила АСЕАН помощь в области биобезопасности, биозащиты, а также в смежных областях.

Взаимодействие АСЕАН со странами-партнерами имеет важное значение — Ассоциации нужна дополнительная региональная платформа и шансы для развития современных биотехнологий, которые способны поднять экономику ее членов. После COVID-19 возникла большая потребность в исследовании вакцин и получении новых технологий, особенно в области здравоохранения, здесь многое зависит от помощи сверхдержав. Более масштабное сотрудничество с ними можно наладить, поощряя инвестиции в биобезопасность и биозащиту. Помимо экономического и научного сотрудничества, необходимо также добиваться взаимопонимания в вопросах сохранения культурного и биологического разнообразия, особенно в отношении воздействия использования ГМО на местное коренное население.

¹ Palm Oil Risk Assessment Malaysia — Sabah. Version 1.1 August 2017. URL: https://www.preferredbynature.org/sites/default/files/library/2017-08/NEPCon-PALM OIL-Malaysia-Sabah-Risk-Assessment-EN-VI_0.pdf

² URL: <https://aseanphe.com/phe-mechanism/asean-biosafety-biosecurity-network/>

Важно, чтобы социально-экономические ценности АСЕАН, включая этические, культурные, моральные и религиозные, обсуждались, осмысливались и согласовывались, в первую очередь, на национальном уровне. В этой связи АСЕАН должна сначала определить, какие социально-экономические ценности представляют для нее интерес, а затем включить их в критерии принятия решений по биобезопасности. Ассоциация должна познакомить развитые страны с этими социально-экономическими критериями. Такие шаги создадут основу для совместных усилий по решению социально-экономических проблем региона. Соблюдение же ведущими государствами ограничений и требований АСЕАН в области биобезопасности будет способствовать их дальнейшему сотрудничеству с Ассоциацией.

Рекомендации

Диалог между учеными естественных и общественных наук является одним из недостающих звеньев в определении социально-экономических требований и целей политики в области биотехнологий и развития в регионе [Chaturvedi 2004].

Чтобы выработать социально-экономические ориентиры, АСЕАН необходимо сначала признать свои исторические, культурные и социально-экономические различия. Затем выявить совместимость культурных и религиозных традиций местных и коренных народов. Тот факт, что АСЕАН — это полиэтничное, поликультурное и мультиконфессиональное объединение, может оказаться препятствием на начальном этапе. Несмотря на существующие различия, продвижение ценностей, не противоречащих ни одному из вышеперечисленных различий, должно помочь поиску лучших рекомендаций. В противном случае, возможно, следует принять компромиссный набор ценностей. Это один из методов выработки общих социально-экономических идеалов. Кроме того, необходимо провести перекрестную проверку жизненно важных понятий, касающихся сельского хозяйства, продовольственной безопасности, здравоохранения и развития современных биотехнологий.

* * *

АСЕАН нуждается в том, чтобы диверсифицировать свою социально-экономическую политику. Это создаст правовую основу для согласованных подходов во многих областях регулирования, особен-

но если социально-экономические соображения будут учитываться при принятии решений.

Хотя для некоторых оценка социально-экономического воздействия на принятие решений по биобезопасности может оказаться слишком сложной задачей, после ее одобрения она станет одним из инструментов, наряду с оценкой рисков и управлением рисками, для принятия решений по биобезопасности, определит правила торговли продукцией с ГМО как внутри АСЕАН, так и с внешними партнерами. Таким образом, при проведении исследований и разработок очень важно найти баланс между социально-экономическим прогрессом, с одной стороны, и сохранением богатых запасов различных биоресурсов в странах АСЕАН — с другой.

В итоге, если АСЕАН, отказавшись от импорта ГМО, столкнется с возражениями со стороны других стран, социально-экономическая оценка послужит правовой основой отказа, поскольку такой импорт будет противоречить обоснованным и утвержденным социально-экономическим критериям. Тогда уже будет сложно сформулировать жалобу в ВТО за отказ АСЕАН принять ГМО, который отвечает ее социально-экономическим интересам. Одним из препятствий для установления общих социально-экономических критериев АСЕАН является тот факт, что Бруней и Сингапур не являются участниками Протокола. В результате выполнение соглашения может быть затруднено. Тем не менее есть надежда, что АСЕАН будет и впредь налаживать и улучшать сотрудничество между своими членами.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что страны Индокитая характеризуются многими схожими природно-географическими, историческими и экономическими чертами, что дает основание рассматривать субрегион в целом в качестве самостоятельного и заслуживающего пристального внимания игрока. В более обширном регионе Юго-Восточной Азии он обладает собственными интересами, особенностями, структурой, включающей центр (Таиланд и отчасти Вьетнам) и периферию (все прочие страны субрегиона).

Несмотря на подчас весьма заметные различия в уровне экономического развития, страны Индокитая находятся на одной траектории развития. Их экономики, как и прежде, продолжают сильно зависеть от внешних факторов, во многом определяющих вектор и особенности их общественной эволюции. По различным показателям субрегион весьма неоднороден: существенный разрыв имеется в размерах территорий, объемах производства и внутреннего рынка, внешних связях, качестве и количестве трудовых ресурсов, демографической нагрузке.

Индокитай представляет собой зону динамичного развития. Страны, входящие в его состав, демонстрировали быстрые темпы роста на протяжении десятилетий. Авангардом экономического прогресса выступает Таиланд, который встал на путь «растущих рынков» раньше своих соседей. Он же стал инициатором идеи превращения Индокитая «из поля битвы в рынок для торговли», рассчитывая на развитие торговых связей в регионе. Вместо конфронтации с соседними странами, несмотря на сохранение различий в политическом строе, Таиланд выступил лидером различных интеграционных инициатив, успешно продвигая идею о «конструктивном взаимодействии» в качестве главного ориентира своей политики по отношению к соседям.

В настоящее время активизация Таиланда в субрегиональном масштабе тормозится сохраняющейся в стране турбулентностью и неопределенностью политической ситуации. Пока здесь превалирует внутренняя повестка, страна не сможет в полной мере уделять внимание региональному развитию. При этом ситуация в Индокитае также меняется, появляются сильные игроки, растет экономическое и политическое присутствие Китая. И хотя Таиланд де-факто остается ведущей экономической силой субрегиона, у него все меньше шансов возглавить здесь интеграционные процессы.

В арьергарде развития субрегиона находится Мьянма. Политический фактор был и остается главным и решающим для экономической трансформации страны, поскольку политическая нестабильность мешает последней. К тому же ситуация в Мьянме становится серьезным вызовом для АСЕАН и ставит под угрозу легитимность и центральность последней. В урегулировании этой проблемы заметную роль играет Таиланд. Его официальный подход к конфликту в Мьянме остается достаточно последовательным с 2021 г., несмотря на определенные спады и подъемы дипломатической активности. И эти усилия могут помочь «сохранить лицо» АСЕАН.

Возрастающая роль армии является отличительной чертой стран Индокитая. Особенно военные активны в Мьянме и Таиланде, где часто осуществляют захват власти и реформирование политического режима. Во Вьетнаме, Лаосе, отчасти в Камбодже армия на крайние меры не идет, однако играет системообразующую роль. Повсеместно вооруженные силы остаются сильным и авторитетным публичным институтом, имеющим высокий кредит доверия в обществе.

В развитии стран Индокитайского полуострова особо важное значение приобретают геополитические факторы. Соперничество великих держав, например, Китая и других крупных государств, бросает вызов мировому порядку, в котором лидирующую роль играют США, создавая новую напряженность и неопределенность в ЮВА в целом и в Индокитае в частности.

Наличие угроз и вызовов безопасности — ключевой драйвер наращивания военных расходов в субрегионе. Характерной общей чертой стран Индокитайского полуострова, исключая Таиланд, является то, что их ключевыми партнерами в сфере ВТС выступают Россия и/или Китай, т. е. они фактически опираются на поставки ВВТ постсоветского, а не западного типа. Именно это стимулирует усилия стран За-

пада, США и Израиля захватить хотя бы часть выгодных рынков субрегиона, уверенней освоиться в Таиланде и Вьетнаме.

Пока на этих рынках наблюдается тенденция к укреплению позиций китайских компаний-экспортеров. За последнее десятилетие КНР удалось сильно нарастить долю своей техники на балансе армий субрегиона. Доля же России в поставках новых вооружений в регион практически не изменилась благодаря высокому уровню закупок ВВТ, которые в 2010-е годы делал Вьетнам для масштабного перевооружения своей армии. В дальнейшем позиции России будут зависеть от сохранения тесного военно-технического сотрудничества с Вьетнамом и расширения его с Мьянмой.

Активность РФ в других сферах развития стран континентальной ЮВА имеет несистемный и эпизодический характер. В условиях конкуренции интеграционных проектов, реализуемых влиятельными державами, России необходимо вовлекать государства Индокитая в собственные альянсы типа ШОС, БРИКС, наполняя конкретным содержанием двустороннее и многостороннее сотрудничество. Крайне важно создавать независимую от США систему взаиморасчетов в национальных валютах и на золотой основе, которая могла бы со временем эффективно соперничать с финансовой системой, построенной на долларе.

Страны континентальной части ЮВА с почти 250 млн потребителей представляют собой практически неосвоенный потенциальный рынок для российского бизнеса, которому может быть тесно в рамках ЕАЭС с совокупным населением в 185,5 млн человек и ограничениями в торговле с некоторыми странами Запада и Востока.

Пять континентальных стран АСЕАН являются привлекательными для русскоязычных мигрантов и граждан России, там сформировался феномен «русскоязычной экономики», который представлен как государственными, так и частными хозяйствующими субъектами и экономическими отношениями в различных сферах. Объединяющим фактором служит русский язык и ориентация на русскоязычных туристов в бизнесе. Существует определенная потребность в российских продуктах питания, русскоговорящих гидах, менеджерах отелей, риелторах. На этой основе нужно развивать культурный обмен, поддерживать традиционные ценности, усиливать культурное влияние России в регионе в противовес западному наступлению на национальную идентичность и суверенитет стран, которые заботятся об их защите.

Всего этого в процессе подготовки и реализации восточной политики невозможно добиться без деятельного участия востоковедов — специалистов по Индокитаю, которые есть в России.

Странам региона выгодно усиление позиций РФ, поскольку появление нового предсказуемого партнера, которого знают и не боятся, позволит получить больше пространства для маневра в деле защиты своих интересов в отношениях с более жесткими и менее прогнозируемыми игроками.

Список аббревиатур

- АБР — Азиатский банк развития
- АРФ — Региональный форум АСЕАН по безопасности
- АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
- АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
- АФТА (АФТА) — Зона свободной торговли АСЕАН
- БИМСТЕК (BIMSTEC) — Инициатива Бенгальского залива по многосекторальному техническому и экономическому сотрудничеству
- БМП — Боевая машина пехоты
- БПЛА — Беспилотный летательный аппарат
- БРДМ — Бронированная разведывательно-дозорная машина
- БРИКС — Межгосударственное объединение, состоящее на начало 2024 г. из 10 стран
- БТС — Бронированный тягач средний
- ВАС — Восточноазиатский саммит
- ВВП — Валовой внутренний продукт
- ВВС — Военно-воздушные силы
- ВВТ — Вооружения и военная техника
- ВКЛМ — Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма
- ВМС — Военно-морские силы
- ВНП — Валовой национальный продукт
- ВРЭП — Всестороннее региональное экономическое партнерство
- ВСЖД — Высокоскоростная железная дорога
- ВТО — Всемирная торговая организация
- ВТС — Военно-техническое сотрудничество
- ВЭФ — Восточный экономический форум
- ГМО — Генетически модифицированные организмы
- ГЦС — Глобальные цепочки добавленной стоимости

- ДКС — Деловой консультативный совет
ДРВ — Демократическая Республика Вьетнам
ДЭПЛ — Дизель-электрическая подводная лодка
ЕАЭС — Евразийский экономический союз
ЕЭК — Евразийская экономическая комиссия
ЗРК — Зенитный ракетный комплекс
ЗРПК — Зенитный ракетно-пушечный комплекс
ИГ — Исламское государство. Террористическая организация, запрещенная на территории РФ
ИКТ — Информационно-коммуникационные технологии
ИПП (BRI) — Инициатива «Пояса и Пути»
ИТ — Информационные технологии
КПВ — Коммунистическая партия Вьетнама
КПК — Коммунистическая партия Китая
КПП — Контрольно-пропускной пункт
ЛНДР — Лаосская Народно-Демократическая Республика
МИД — Министерство иностранных дел
ММСП — микро, малые и средние предприятия
МТК — Международный транспортный коридор
НЛД — Национальная лига за демократию (политическая партия Мьянмы)
НПК — Народная партия Камбоджи
НПО — Неправительственная организация
НРПЛ — Народно-революционная партия Лаоса
НРС — Наименее развитые страны
НСБ — Национальный совет по биоэтике
ОАО — Открытое акционерное общество
ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности
ООН — Организация Объединенных Наций
ОПГ — Организованная преступная группировка
ПВО — Противовоздушная оборона
ПЗП — Перекрывающаяся зона претензий (Сиамский залив)
ПИИ — Прямые иностранные инвестиции
ПМЭФ — Петербургский международный экономический форум

- ППС — Паритет покупательной способности
- СБМ — Субрегион Большого Меконга
- СИГ — Совместная исследовательская группа
- СЛМ — Сотрудничество Ланьцан-Меконг
- СМИ — Средства массовой информации
- СМО — Совещание министров обороны
- СМОА — Совещание министров обороны АСЕАН
- СНГ — Содружество Независимых Государств
- СП — Совместное предприятие
- СРВ — Социалистическая Республика Вьетнам
- СЭЗ — Свободная экономическая зона
- ТНК — Транснациональная корпорация
- ФУНСИНПЕК — Национальный объединённый фронт за независимую, нейтральную, мирную Камбоджу (политическая партия Камбоджи)
- ЦВЦБ — Цифровая валюта центрального банка
- ЦХОД — Центр хранения и обработки данных
- ШОС — Шанхайская организация сотрудничества
- ЮВА — Юго-Восточная Азия
- ЮКМ — Южно-Китайское море
- ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
- АСМЕКС (АКМЕКС) — Стратегия экономического сотрудничества бассейна Иравади—Чаупхрая—Меконг — объединение 5 континентальных стран бассейна реки Меконг
- AFAS — Рамочное соглашение АСЕАН об услугах (ASEAN Frame Agreement on services)
- АЕС (ЭСА) — Экономическое сообщество АСЕАН
- АІРВІ — Инициатива АСЕАН по промышленным проектам
- ASCC — Социокультурное сообщество АСЕАН
- ATIGA — Соглашение АСЕАН о торговле товарами (ASEAN Trade in Goods Agreement)
- AUKUS — Трёхсторонний пакт безопасности (Австралия, Великобритания, США)

CIF (СИФ) — стоимость, страхование, фрахт. Договорная цена, включающая в себя затраты на доставку продукции в порт назначения и страховые расходы

FOB (ФОб) — свободно на борту судна. Цена, включающая расходы продавца по доставке товара на борт судна и его таможенному оформлению на экспорт, без страхования

FOIP — стратегия Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона

FTA (Free Trade Agreement) — соглашение о свободной торговле (ССТ/ЗСТ)

GIC — Global Impact Coalition, платформа сотрудничества между представителями химической промышленности

QEC — инициатива экономического сотрудничества между Китаем, Таиландом, Мьянмой и Лаосом

QUAD — Четырехсторонний диалог по безопасности (Австралия, Индия, США, Япония)

SCT — Специальный потребительский налог

Библиография

АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы / ред. В.М. Мазырин, Е.В. Колдунова. М.: Аспект Пресс, 2023. 608 с.

Бектимирова Н.Н. Религиозный фактор в политической жизни Камбоджи // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 16. С. 113—126.

Бектимирова Н.Н. Королевство Камбоджа: динамика политического развития в XXI веке. М.: ИСАА МГУ, 2022. 548 с.

Бредихин А.В. Южно-Китайское море — реальность и подход России // Архонт. 2022. № 2 (29). С. 4—11.

Бурова Е.С. Интеграционные процессы и развитие аграрного сектора стран субрегиона Большого Меконга // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22. № 2. С. 39—51.

Бутко А.А. Возможности российско-вьетнамского сотрудничества в топливно-энергетической сфере // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 25—33.

Виноградов И.С. Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 26—35.

Дэвис И., Гази Р., Су Фэй. Вооруженный конфликт в Азии и Океании // Ежегодник СИПРИ 2018: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 752 с. С. 50—66.

Евтодьева М.Г., Крамник И.А., Стефанович Д.В. Военно-техническое сотрудничество стран Юго-Восточной Азии / отв. ред. Евтодьева М.Г. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 147 с.

Ефремова К.А. Мьянма в АСЕАН: испытание партнерством // АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы / ред. В.М. Мазырин, Е.В. Колдунова. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 328—351.

Иванова И.С. Малаккский пролив: формирование международного экономического региона // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2013. № 20. С. 76—91.

Канаев Е.А. Взаимодействие США с АСЕАН по проблеме Южно-Китайского моря // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 101—117. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00022.

Канаев Е.А., Федоренко Д.О. Сотрудничество стран мира в рамках региональной интеграции: опыт для ЕАЭС. Механизмы сотрудничества стран АСЕАН в транспортно-логистическом секторе // Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 232—256.

Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 458—468.

Клочкова О.В. Развитие сотрудничества Вьетнама со странами ЕАЭС на основе зоны свободной торговли // Устойчивое развитие национальных экономик, регионов, территориально-производственных комплексов, предприятий в условиях глобализации / под ред. Е.С. Шилец. Донецк, 2022. С. 32—38.

Колдунова Е.В. Военный «не переворот» в Таиланде и его последствия. РСМД, 26 мая 2014 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennyy-ne-perevorot-v-taillande-i-ego-posledstviya/>

Колотов В.Н. (1) История формирования и анализ современных процессов дестабилизации Евразии // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4 (79). С. 62—81.

Колотов В.Н. (2) Отставка президента Нгуен Суан Фука и основные особенности борьбы с коррупцией во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 1. С. 17—26.

Куклин Н.С. Итоги саммита АСЕАН в Индонезии. РСМД, 08.09.2023 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-sammita-asean-v-indonezii/>

Ле Хонг Ань. Влияние соглашения о свободной торговле ЕАЭС — Вьетнам на развитие торговли между Россией и Вьетнамом // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 4. С. 55—59.

Липилина И.Н. «Мягкая сила» Таиланда в ЛНДР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4. № 4(57). С. 145—152.

Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: Форум, 2019. 296 с.

Лузгина Ю.В. Стратегическое партнерство между Россией и Вьетнамом // Россия и мир: Мировая экономика и международные отношения в эпоху многополярного мира. СПб: Фора-принт, 2020. С. 52—59.

Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.): направления, динамика, результаты. М.: Ключ-С, 2007. 336 с.

Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986—2010 гг.). М.: Форум, 2013. 384 с.

Мазырин В.М. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом (Круглый стол в ИДВ РАН) // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 71—82.

Мазырин В.М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148—161.

Максимов А. Острова раздора // Версия. 10.01.2021. URL: <https://versia.ru/vo-vtoroj-polovine-xx-veka-kitaj-dvazhdy-voeval-s-vetnamom-za-ostrova-v-yuzhno-kitajskom-more>

Марти Наталегави. АСЕАН и меняющаяся региональная динамика: лекция в рамках Академических дней АСЕАН в МГИМО МИД РФ. 21.03.2021. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2021/natalegawa-03-21>

Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М.: Наука, 1970.

Мосяков Д.В. Новый военный блок — новые угрозы миру и безопасности в Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 3. № 3 (52). С. 5—17. DOI:10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017

Мосяков Д.В. Политические модели, механизмы власти и политические системы в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1. № 1 (54). С. 11—29.

Петровский В.Е. Американско-вьетнамское «всеобъемлющее стратегическое партнерство»: символика и содержание // Международная жизнь. 15.09.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42233>

Ползков М.Г. Торгово-инвестиционное сотрудничество Вьетнама со странами ЕАЭС // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего: Сб. статей международной конференц-сессии. М., 2022. С. 847—855.

Райков Ю.А. Лаос в системе международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона в начале XXI века. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2010.

Рогожина Н.Г. Возможна ли демократия в Таиланде? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 101—110.

Рогожина Н.Г. Таиланд: испытание властью военных // Азия и Африка сегодня. 2017. № 2. С. 14—20.

Рогожина Н.Г. Лаос и китайская Инициатива пояса и пути — приобретения и потери // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. № 2 (51). С. 166—173.

Рогожина Н.Г. Политическая ситуация в Таиланде: авторитаризм versus демократия // Азия и Африка сегодня. 2021. № 9. С. 56—64.

Русаков А. Направления военного строительства во Вьетнаме (2017) // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 10. С. 20—23.

Рязанцев С.В. Русскоязычные мигранты в Юго-Восточной Азии // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 66—72.

Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г., Храмова М. Н., Лукьянец А.С. Факторы, формы и тенденции эмиграции российских граждан в страны Юго-Восточной Азии // Сегодня и завтра российской экономики. 2016. № 79/80. С. 3—8.

Рязанцев С.В., Дань Неуен Ань, Рубан Л.С., Ананьин М.А. Российский туризм в ЮВА как форма миграции до и во время пандемии COVID-19 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4. № 4 (53). С. 37—54.

Силантьев Р.А., Рагозин Ю. Парарасправославные секты в современной России. М.: Снежный Ком М, 2021. 332 с.

Симония А.А. Мьянма на пути к демократии // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 5. С. 71—79.

Симония А.А. Возможна ли смена элит в Мьянме? // Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии: История и современность. М., 2015. С. 263—291.

Симония А.А. Особые экономические зоны в Мьянме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 2 (39). С. 112—120.

Симония А.А. Военный переворот в Мьянме 2021: причины и сценарии дальнейшего развития» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 1. № 1. С. 166—180.

Стрелков И. Россия и Вьетнам: новый виток сотрудничества. ЦСР. 05.06.2023. URL: <https://www.csr.ru/ru/blogs/rossiya-i-vietnam-novyy-vitok-sotrudnichestva/>

Стрельцов Д.В., отв. ред. Армии на современном Востоке. М.: Аспект Пресс, 2018.

Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе / пер. с англ. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 21—51.

Терских М.А. Вьетнам — QUAD: неизбежное сближение? // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 2. С. 6—24.

Тураева М.О. Динамика развития торгово-инвестиционных взаимосвязей между ЕАЭС и Вьетнамом // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего: Сб. статей международной конференц-сессии. М., 2022. С. 858—867.

Убайдуллах. От парламентской к «направляемой демократии»: опыт Индонезии // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 1. С. 89—97.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 579 с.

Храмова М.Н., Зорин Д.П., Буй Куанг Туан, Морозов В.М. Влияние пандемии COVID-19 на мобильность населения во Вьетнаме и Таиланде и перспективы международной миграции // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 34—44. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-03.

Шпаковская Н.А., Куклин Н.С., Ву Тхуи Чанг. Вьетнам в реализации концепции большого евразийского партнерства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 2 (39). С. 136—145.

Aglionby J. Thais cut links with Cambodia after riots // The Guardian. Jan. 31, 2003. URL: <https://www.theguardian.com/world/2003/jan/31/cambodia>

Baldwin D.A. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 5—26.

Barka H.B., Ncube M. Political Fragility in Africa: Are Military Coups d'Etat a Never-Ending Phenomenon? // Economic Brief. African Development Bank, 2012. URL <https://www.afdb.org/en/documents/document/economic-brief-political-fragility-in-africa-are-military-coups-detat-a-never-ending-phenomenon-29430>

Berkofsky A., Miracola S. (eds.), Geopolitics by Other Means: The Indo-Pacific Reality. Milan: ISPI, 2019. 139 p.

Bhadrakumar M.K. Wheel has Come Full Circle in Myanmar // Newsclick. Aug. 3, 2023. URL: <https://www.newsclick.in/wheel-has-come-full-circle-myanmar>

Bitzinger R.A. The Global Arms Market and Commoditization // The Diplomat. June 10, 2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/06/the-global-arms-market-and-commoditization>

Brennan E. Religion in Southeast Asia: Diversity and the threat of extremes // The Interpreter. Sep. 19, 2014. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/religion-southeast-asia-diversity-threat-extremes>

- Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977.
- Burchard H.* EU extends Myanmar sanctions over military coup // Politico. Apr. 19, 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-myanmar-sanctions-military-coup/>
- Buzan B.* People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. N.Y.-L.: Harvester Wheatsheaf, 1991.
- Calabrese J.* Assuring a Free and Open Indo-Pacific — Rebalancing the US Approach // Asian Affairs. 2020. Vol. 51. No. 2.
- Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No.1. P. 5—21.
- Chachavalpongpun P.* Reinventing Thailand. Thaksin and His Foreign Policy. Singapore: ISEAS, 2010.
- Chanintira na Thalang, Attakrit Patchimnan.* Rethinking ACMECS amidst Changing Regionalism in Southeast Asia / Heinrich Boll Stiftung. 27.05.2023. URL: <https://th.boell.org/en/2023/05/27/rethinking-acmecs-regionalism-south-east-asia>
- Charoensri N.* Indo-Pacific in the Transforming Time: Japan's FOIP Strategy towards the US and China, and Its Impacts to Thailand / Japan Watch Project: Thailand Science Research and Innovation. Bangkok, 2021.
- Charoensri N.* “Name” and “Connotation”: International Geopolitics of the Mekong Subregion in the Indo-Pacific Strategy // Security Perspective. 2023. No. 13. P. 4—13.
- Chaturvedi S., Rao S.R.* Biotechnology and development: Challenges and opportunities for Asia. Singapore: ISEAS / RIS, 2004.
- Chen Weihua.* Embrace of rail brings transport sea change // China Daily. July 12, 2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202112/07/WS61aec5f6a310cdd39bc79cd7.html>
- Chen Zhi, Gao Yuan, Qiao Xinsheng.* Experts' Take on 6G Technology // China Daily. Aug. 7, 2023. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202308/07/WS64d01ddca31035260b81a8d3.html>
- Cheang Vannarith.* Angkor Heritage Tourism and Tourist Perceptions // Tourismos. 2011. Vol. 6. No. 2. P. 213—240.
- Chongkittavorn K.* Thailand's three Myanmar strategies // The Bangkok Post. March 9, 2021. URL: <https://www.bangkokpost.com/opinion/opinion/2080463>
- Chongkittavorn K.* Quiet Thai diplomacy on Myanmar pays off // Thai PBS. July 14, 2023. URL: <https://www.thaipbsworld.com/quiet-thai-diplomacy-on-myanmar-pays-off>
- Cribb R.* Burma's Entry into ASEAN: Background and Implications // Asian Perspective. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 49—62.
- Deth Sok Udom.* Factional Politics and Foreign Policy Choices in Cambodia-Thailand Diplomatic Relations, 1950—2014. Berlin: Humboldt-Universität, 2014. DOI:10.13140/2.1.3364.1604
- Deth Sok Udom.* An Overview of Cambodia-Thailand Relations from Hostility to Harmony? In: Cambodia's Foreign Relations in Regional and Global Contexts / Deth S.U., Sun S., Serkan B. (ed.) Konrad-Adenauer-Stiftung, 2017. P. 27—44.

Deth Sok Udom. Cambodia-Thailand Relations in the Post-Cold War Era // *Kyoto Review of Southeast Asia*. 2018. No. 23. URL: <https://kyotoreview.org/yav/cambodia-thailand-relations-in-the-post-cold-war-era>

Dosch J. Security Cooperation in Southeast Asia: Can ASEAN Deliver on Its Rhetoric? // *Malaysian Journal of International Relations*. 2017. Vol. 5. P. 1—17.

Doyle T., Rumley D. The Rise and Return of the Indo-Pacific. Oxford University Press, 2019.

Ellis D.C. On the Possibility of “International Community” // *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. No. 1.

Emmers R. Tan See Sang. The ASEAN Regional Forum and Preventive Diplomacy: A Failure in Practice // *RSIS Working Paper*. 2009. No. 189.

Eyler B. The United States and China in the Mekong: A Zero-Sum Game or a New Race to the Top? // *Asia Policy*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 7—13.

Falck-Zepeda J.B. Socio-economic Considerations, Article 26.1 of the Cartagena Protocol on Biosafety: What are the Issues and What is at Stake? // *The Journal of Agrobiotechnology and Management and Economics*. 2009. Vol. 12. No. 1. P. 90—107.

Falck-Zepeda J.B., Zambrano P. Socio-economic Considerations in Biosafety and Biotechnology Decision Making: The Cartagena Protocol and National Biosafety Frameworks // *Review of Policy Research*. 2011. Vol. 28. No. 2. P. 171—195.

Fan Feifei. Nation Sets Impressive Pace on AI Applications // *China Daily*. Sept. 4, 2023. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202309/04/WS64f510d9a310d2dce4bb3a58_4.html

Francis C.D., Karalashvili N., Maemir H., Meza J.R. Measuring Total Factor Productivity Using the Enerprise Surveys / The World Bank. // *Policy Research Working Paper*. 2020. No. 9491 URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/306091607457083831/pdf/Measuring-Total-Factor-Productivity-Using-the-Enterprise-Surveys-A-Methodological-Note.pdf>

Fry G.W. Complex relations between Thais, Khmers // *Nation (Thailand)*. Sept. 23, 2012. URL: <https://www.nationthailand.com/perspective/30190969>

Gellately R., Kiernan B. (ed.) *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*. Cambridge University Press, 2003. P. 290—291. DOI: 10.1017/CBO9780511819674.

Gosriririkul K., Srisorn W., Chayanon S. Conflict management model toward dispute between Thailand and Cambodia: A case of Preah Vihear Temple // *Journal of Social Science and Buddhist Anthropology*. 2020. Vol. 5. No. 3. P. 226—235. URL: <https://so04.tci-thaijo.org/index.php/JSBA/article/view/236597>

Greater Mekong Subregion: Twenty-Five Years of Partnership. Manila: Asian Development Bank, 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.22617/ARM189253-2>.

Gunaratna R. Islamic State’s Global Expansion: A Renewed Threat to Asia? // *Global Asia*. 2019. Vol. 14. No. 3.

Han Jingyan, Zhuang Qiange. Maoming East-Bohe Port freight line starts operating // *China Daily*. Jan. 3, 2023. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202301/03/WS63b38142a31057c47eba7583.html>

Hanson E.O. Religion and Politics in the International System Today. Cambridge University Press, 2006. 360 p.

Haripin M., Priamarizki A., Marzuki K.I. The Army and Ideology in Indonesia: From Dwifungsi to Bela Negara. London: Routledge, 2020.

Hashim J.H., et al. COVID-19 epidemic in Malaysia: epidemic progression, challenges, and response // *Frontiers in Public Health*. 2021. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.560592.

He A. The Digital Silk Road and China's Influence on Standard Setting // *GIGI Papers*. 2022. № 264. P. 4–7. URL: <https://www.cigionline.org/static/documents/no.264.pdf>

Heiduk F. An Arms Race in Southeast Asia? Changing Arms Dynamics, Regional Security and the Role of the European Arms Exports // *SWP Research Paper*. August 2017. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2017R/P10_hdk.pdf

Hosoya Yu. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy // *Asia-Pacific Review*. 2019. Vol. 26. No. 1. P. 18–28.

Htet Myet Min Tun, Thuzar Moe, Montesano M. An Attempt to Lead Myanmar Back to the Future? Data on the State Administration Council Regime's Union Ministers // *ISEAS Perspective*. 2021. No. 137. P. 1–43.

Hunt L. East Timor Hopes for ASEAN Membership by 2017 // *The Diplomat*. 2016. No. 5.

Hunt L. Timor-Leste's Bid for ASEAN Membership Tarnished by Myanmar Vote // *The Diplomat*. 2021. No. 6.

Ito A. China's Belt and Road Initiative and Japan's Response: From Non-Participation to Conditional Engagement // *East Asia*. 2019. Vol. 36. No. 2. P. 115–128.

Jones T. Indonesian cultural policy in the reform era // *Indonesia*. 2012. No. 93. P. 147–176.

Joonqshik Wang, Seng Leong Teh. Five Trends for Data Center Transformation in Southeast Asia // *EY Parthenon*. Oct. 3, 2023. URL: https://www.ey.com/en_id/strategy/five-trends-for-data-center-transformation-in-southeast-asia

Kang Bing, Li Wenfang. Maoming on verge of transforming and upgrading its economy // *China Daily*. Aug. 13, 2019. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/201908/13/WS5d521997a310cf3e355656af.html>

Kardkarnklai Yuwadee, Waji Usman. China-Thailand high-speed railway to boost trade links // *China Daily*. Dec. 30, 2022. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202211/17/WS63758bf2a31049175432a3ad.html>

Kasetsiri Charnvit. Thailand-Cambodia: A love-hate relationship // *Kyoto Review of Southeast Asia*. 2003. No. 3. URL: <https://kyotoreview.org/issue-3-nations-and-stories/a-love-hate-relationship/>

Kausikan B. ASEAN may have to cut members if they continue to be led by an external power // *MotherShip*. Oct. 23, 2020. URL: <https://mothership.sg/2020/10/bila-hari-asean-china/>

Kausikan B. Has ASEAN Lost it? // *ASEAN Focus*. 2022. No. 2. P. 10–11.

- Khaki Capital. The Political Economy of the Military in Southeast Asia / P. Chamber, N. Waitoolkiat (eds). Copenhagen: NIAS Press, 2017.
- Kham Vorapheth*. Contemporary Laos: Development Path and Outlook of a Nation. Bangkok: White Lotus, 2015. 632 p.
- Kingsbury D.* Political Transition in Myanmar: Prospects and Problems // Asian Politics and Policy. 2014. Vol. 6. No 3. DOI:10.1111/aspp.12115
- Kittisipla J., Lefevre A.S.* Thai-U.S. security ties still feel chill of 2014 coup // Reuters. Feb. 9, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-thailand-us-security-idUKKCN0VI099>
- Koga K.* The Emerging Power Play in the Mekong Subregion: A Japanese Perspective // Asia Policy. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 28–34.
- Kunmakara May.* ODA oil, gas field talks progress: report // Phnom Penh Post. Jan. 5, 2023. URL: <https://www.phnompenhpost.com/business/oda-oil-gas-field-talks-progress-report>
- Kurlantzick J.* The Revival of Military Rule in South and Southeast Asia / Council on Foreign Relations. New York, 2022. URL: <https://www.cfr.org/report/revival-military-rule-south-and-southeast-asia>
- Kwa B.* The 2003 Phnom Penh Riots: How Thailand Employed A ‘Diplomacy of Anger’ Toward Cambodia // The Yale Review of International Studies. 2020. Vol. 11. No. 1. (Global Issue 2020). URL: <https://yris.yira.org/wp-content/uploads/2020/09/2003-Phnom-Pehn-Riots.pdf>
- Kwang Ho Chun.* ASEAN as a Security Cooperation Organization // The Journal of East Asian Affairs. 2021. Vol. 34. No. 2.
- Lewis W.A.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // The Manchester School. 1954. Vol. 22. No. 2. P. 139–191.
- Li Kouqing, Keobounphanh C., Inayoshi Naoaki.* Railways help landlocked Laos embark a journey beyond borders // China Daily. Jan. 11, 2023. URL: <https://www.china-daily.com.cn/a/202301/11/WS63bdf95da31057c47eba8d85.html>
- Li Yingqing, Chen Meiling.* First freight train across Laos to Thailand departs. China Daily. Feb. 8, 2023. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202302/08/WS63e36c9da31057c47ebadae6.html>
- Luhmann N.* Social Systems. Stanford, Cal.: Stanford U.P., 1995. 628 p.
- Luttwak E.* Coup d'état: a practical handbook. Harvard University Press, 1979. 270 p.
- Macan-Markar M.* Thailand mends US military ties after post-coup tilt to China // Nikkei Asia. July 30, 2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relationships/Thailand-mends-US-military-ties-after-post-coup-tilt-to-China>
- Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.
- Mahbubani K., Sng J.* The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace. Singapore: Ridge Books, 2017.
- Martinus M.* The Intricacies of 5G Development in Southeast Asia // ISEAS Perspective. 2020. № 130. P. 4. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/11/ISEAS_Perspective_2020_130.pdf

Martinus M., Seth F.N. Current Key Drivers of ASEAN Integration: Digital Skills and Mobilities // ISEAS Perspective. 2023. № 48. P. 6. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2023/05/ISEAS_Perspective_

McCargo D. Network Monarchy and Legitimacy Crises in Thailand // The Pacific Review. 2005. Vol. 18. No. 4. P. 499—519.

McGrath C. Potential \$44 bln locked up in offshore dispute // Khmer Times. May 1, 2015. URL: <https://www.khmertimeskh.com/53620/potential-44-bln-locked-up-in-offshore-dispute/>

Medcalf R. An Australian Vision of the Indo-Pacific and What It Means for South-East Asia. In: Southeast Asian Affairs 2019 / ed. Daljit Singh, M. Cook. Singapore: ISEAS Publishing, 2019. P. 53—60.

The Military Balance 2023. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. London: Routledge, 2023. 528 p. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>.

The Mobile Economy China 2023 / GSMA. London, 2023. P. 5. URL: <https://www.gsma.com/mobileeconomy/wp-content/uploads/2023/03/The-Mobile-Economy-Report-China-2023.pdf>

Mogato M., Martina M., Blanchard B. ASEAN deadlocked on South China Sea, Cambodia blocks statement // Reuters. 25.07.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-ruling-asean-id USKCN1050F6>

Nguyen Hai Quang. Total Factor Productivity Growth of Vietnamese Enterprises by Sector and Region: Evidence from Panel Data Analysis // Economies. 2021. Vol. 9. No. 3. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies9030109>

Nguyễn Hồng Quang. Phản ứng của ASEAN đối với Myanmar từ sau cuộc đảo chính tháng 2 năm 2021 // Nghiên cứu Đông Nam Á. 2023. № 10. (На вьет. яз.)

Nguyen Thanh Lan. Economic relations between Vietnam and the Russian Federation: Achievements, limitations and prospects // European Studies Review. 2022. № 4 (259).

Nguyễn Thị Hương. Một số đặc điểm của Islam giáo hiện nay // Tạp chí Nghiên cứu Tôn giáo. 2015. № 6 (144). (На вьет. яз.)

Nishi N. Religion and Nationalism in Southeast Asia: by Joseph Chinyong Liow, Cambridge University Press, 2016 // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 1—3.

Nyi Nyi Kyaw. Interreligious conflict and the politics of interfaith dialogue in Myanmar // Trends in Southeast Asia. 2019. No 10.

Oehler-Sincai I. How Do BRI Narratives and Actions Impact Co-operation Relations and Partnerships Worldwide // Global Economic Observer. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 275—282.

Ohashi K. Migratory trajectories of the Russian-speaking workers in the tourism sector of Nha Trang (Vietnam) // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 64—70. DOI: [10.19181/demis.2021.1.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.7)

Osman N.D. The legal regulation of biosafety risk: A comparative legal study between Malaysia and Singapore: Thesis. Nottingham Trent University. January 2018. URL: <http://irep.ntu.ac.uk/id/eprint/36701/>

Osman N.D., Chow Jen-T'chiang N.Z. ASEAN and Biosecurity Law: Experience of Southeast Asia // East Asia: Facts and Analytics. 2022. No. 3. P. 58—72.

Paarlberg R. Starved for Science: How Biotechnology Is Being Kept Out of Africa. Harvard University Press, 2008. URL: <http://www.tinyurl.com/y2uysbna>

Pan Chengxin. The 'Indo-Pacific' and Geopolitical Anxieties About China's Rise in the Asian Regional Order // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. No. 4. P. 453—469.

Pant H.V., Rej A. Is India Ready for the Indo-Pacific? // The Washington Quarterly. 2018. Vol. 41. No. 2. P. 47—61.

Parpart E. Myanmar coup no threat to Thai investments but private companies are wary of image and impact // The Thai Enquirer. Feb. 9, 2021. URL: <https://www.thaienquirer.com/23971/myanmar-coup-no-threat-to-thai-investments-but-private-companies-are-wary-of-image-and-impact/>

Patton S. Thailand's efforts to build Mekong bloc deserve support // The Lowy Institute. 12.10.2022. URL: <https://www.loyyinstitute.org/publications/thailand-s-efforts-build-mekong-bloc-deserve-support>

Peou Sorpong. Diplomatic Pragmatism: ASEAN's response to the July 1997 coup // Accord: An International Review of Peace Initiatives. 1998. No. 5. P. 30—35. URL: <https://www.c-r.org/accord/cambodia/diplomatic-pragmatism-aseans-response-july-1997-coup>

Pongsudhirak Th. Thailand's Policy on Myanmar Stinks // The Bangkok Post. June 23, 2023. URL: <https://www.bangkokpost.com/opinion/opinion/2597571/thailands-policy-on-myanmar-stinks>.

Poonkham J. Power Politics and the Institutional Architecture in the Mekong Subregion: Beyond the Geopolitical Trap? // International Studies Center Journal. 2022. No. 1. P. 1—17. URL: https://image.mfa.go.th/mfa/0/4OJCTby7gE/Points_of_View/Journal_1-2022_Power_Politics_and_Institutional_Architecture_in_the_Mekong_Subregion_Jittipat.pdf

Phuong N.T. Religion, law, state, and COVID-19 in Vietnam // Journal of Law, Religion and State. 2020. Vol. 8. No 2/3. P. 284—297.

Putra B.A., Darwis, Burhanuddin. ASEAN Political-Security Community: Challenges of establishing regional security in the Southeast Asia // Journal of International Studies. 2019. Vol. 12(1). P. 33—49.

Raymond G.W. Thai Military Power: A Culture of Strategic Accommodation. Copenhagen: NIAS Press, 2018. 293 p.

Resilient Development: A Strategy to Diversify Cambodia's Growth Model: Cambodia Country Economic Memorandum / ed. by C.H. Hollweg. Phnom Penh: World Bank Group, 2021.

Rival O., Gaur A. ASEAN Leading Public Policies for 5G Deployment. Boston Consulting Group (BCG). July 2021. URL: <https://web-assets.bcg.com/5b/5f/0b49bd5142069d8dd2b5bf2730dc/asean-leading-public-policies-for-5g-deployment.pdf>

Ry Sochan. 'Non-political Myanmar rep only' for ASEAN meet // The Phnom Penh Post. Feb. 03, 2022. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national-politics/non-political-myanmar-rep-only-asean-meet>

Sambath Thet. Hun Sen, Thaksin Lead Nations' First Joint Cabinet Meeting // The Cambodia Daily. June 2, 2003. URL: <https://english.cambodiadaily.com/news/hun-sen-thaksin-lead-nations-first-joint-cabinet-meeting-28643/>

Shils E. Center and periphery: essays in macrosociology. University of Chicago Press, 1975.

Shils E. On the Constitution of Society. University of Chicago Press, 1982.

Singh R., Naharu M.A. Malaysia, the Next Regional Data Center Hub // The Malaysian Reserve. Apr. 17, 2023. URL: <https://themalaysianreserve.com/2023/04/17/malaysia-the-next-regional-data-centre-hub/>

Singh S. Mekong-Ganga Co-operation: Interests, Initiatives, and Influence // Asia Policy. 2022. Vol. 29. No. 2. P. 43—49.

Songsuwanwipa Jirachwalak. ASEAN Political-Security Community and the Solution of Thailand and Cambodia Conflicts: The Border and Preah Vihear // Ramkhamhaeng Journal Humanities Edition. 2014. Vol. 33. No. 1. P. 89—109. URL: <https://so05.tcithaijo.org/index.php/huru/article/view/25585/21743>

Srisamoot A. Strengthened and enhanced over time // China Daily. Aug. 3, 2023. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/08/WS6407c51ea31057c47ebb2f24.html>

Strangio S. Laos Grants 25-Year Power Grid Concession to Chinese-Majority Firm // The Diplomat. March 17, 2021.

Supatn Nucharee. Regional Development of the Golden and Emerald Triangle Areas: Thai Perspective. In: Five Triangle Areas in The Greater Mekong Subregion / ed. by Masami Ishida. Bangkok Research Center; IDE-JETRO, 2012. P. 168—209. (BRC Research Report. No.11).

Tan Yingzi. Chongqing becoming green logistics hub // China Daily. Sept. 8, 2022. URL: http://www.chinadaily.com.cn/regional/chongqing/liangjiang/2022-08/09/content_37551211.html

Tay Kai Lin. ASEAN Cyber-security Cooperation: Towards a Regional Emergency-response Framework. London: IISS, 2023. 26 p. (IISS Research Papers).

Thayer C.A. Vietnam: Defence Policy, Capability and Defence Economics. Thayer Consultancy Background Brief, March 2, 2017. URL: https://www.viet-studies.net/kinhte/VNDDefensePolicy_Thayer.pdf

Thayer C.A. The Role of the Military and Public Security in Contemporary Vietnam. In: Routledge handbook of contemporary Vietnam. London; New York, 2023. 588 p. URL: <https://www.routledge.com/Routledge-Handbook-of-Contemporary-Vietnam/London/p/book/9781138792258>

Tyler R. Mekong dams destroy Tonle Sap Lake // The Third Pole. 27.04.2020. URL: <https://www.thethirdpole.net/en/regional-cooperation/mekong-dams-destroy-tonle-sap-lake/>

Vayrynen R. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts. In: New Directions in Conflict Theory: Conflict Resolution and Conflict Transformation / International Social Science Council. London; New Delhi: SAGE Publications, 1991. P. 1—25.

Veipongsat T. Indonesia presses regional effort to resolve Myanmar crisis // Associated Press. Feb. 24, 2021. URL: <https://apnews.com/article/aung-san-suu-kyi-global-trade-united-nations-myanmar-army-cf1a8e67a58fdae18f884684854501b1>

Vo Hai Minh. Challenge of the Imbalance of Economic-social Development in ASEAN. In: Moving Toward a New Development Model for East Asia-The Role of Domestic Policy and Regional Cooperation / Zhang Yunling, Fukunari Kimura, Sothea Oum (eds.). Jakarta: ERIA, 2011. P. 121—158.

Vũ Dương Huân. Tác động của tôn giáo đối với quan hệ quốc tế trên thế giới hiện nay. Học Viện Ngoại Giao, 2001. (На вьет. яз.)

Vu Truong-Minh, Mayer M. Hydropower infrastructure and regional order making in the Sub-Mekong region // Revista Brasileira de Política Internacional. 2018. Vol. 61. No. 1. DOI: 10.1590/0034-7329201800114

Wezeman S. T. Arms Flows to South East Asia. Stockholm: SIPRI, 2019. 48 p. URL: <https://sipri.org/publications/2019/other-publications/arms-flows-south-east-asia>

Wang Shufang, Xiao Xua, A Xing Zhu, Yuen Jin Ga. The Key Driving Forces for Geo-Economic Relations between China and ASEAN Countries // Sustainability. 2017. No. 9. DOI:10.3390/su9122363.

Xinyue Ruan, Xiaohua Feng. How Does Data Input Drive Enterprise's Technological Innovation: Concepts, Mechanisms and Paths? // Frontiers in Business, Economic and Management. 2023. Vol. 8. № 1.

Yaacob A.R., Priyandita G., Laksmi S. Southeast Asia's Security Landscape: Lessons for the ADF // Australian Army Occasional Paper. 2023. No. 17. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/southeast-asia-s-security-landscape-lessons-adf>

Zhai K., Johnson K. Exclusive: Taking power — Chinese firm to run Laos electric grid amid default warnings. Reuters. Sept. 4, 2020.

Zhao Ruinan. Full speed ahead for SE Asia on the move // China Daily. Dec. 30, 2022. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202212/30/WS63ae2052a31057_c47eba6e45.html

Summary

This monograph has been realized by an international team of scholars representing both academic institutions and universities in Russia and a number of ASEAN countries. It is based on the materials of a thematic conference held by the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (Center for Vietnam and ASEAN Studies) in May 2023. In general, for the first time in Russia, an extensive layer of information about the subregion has been summarized thus representing current assessments on various aspects of the domestic and foreign policy of its member states and the interests of major powers.

The research uses a wide range of official sources, including state summits documents, ASEAN statistics, resolutions of the governments of the Association's member countries, reports from news agencies, think tanks, etc. Both primary and secondary sources, analytical titles of leading scientists from Southeast Asia, Russia, China and the West on various problems of the subregion were involved.

The monograph uses an objective approach to create a cumulative image of Indochina as a zone of dynamic development consisting of five mainland countries. The closeness of their natural, geographical, historical and economic characteristics, cultural and religious traditions, which unites them, forms an independent and deserving subject. The Indochinese states defend their own interests in the wider region of Southeast Asia, try to solve development problems, in particular those of the Mekong basin, to assume sustainability and political integration aiming to avoid new challenges.

The authors analyze important features of the development of the subregion, its hierarchy including the center (Thailand and partly Vietnam) and the periphery (all other states). Thailand is ahead of neighboring countries, and the dynamically growing Cambodia, Laos and Myanmar, Vietnam (CLMV) are striving to repeat the economic success of the newly industrialized states. Despite the persistence of differences with their neighbors in the political system, Thailand and the SRV offer integration initiatives, “constructive interaction” as the main guideline of their policy

in Indochina. The four countries, which declared a socialist orientation, jointly solve a number of common objectives, trying to minimize confrontation in the subregion, although they differ in the choice of leading foreign partners. This accelerated the transformation of Indochina from the battlefield it was during the years of American aggression into a common market and a platform for peaceful cooperation.

The structure of the monograph reflecting the authors' goals, consists of an introduction, five parts and a conclusion. The first one provides basic information about the subregion, examines the common features and peculiarities of Indochina, including the specifics of mainland countries, their differences from the maritime part of the region. The analysis of political and economic processes also reveals the differences between them, the ways of forming the economy and the role of the state in the development of the Indochina states. Geographical, historical, economic, and other factors determined their progress along a single trajectory, maintaining a gap in the level of economic and political maturity, and strong dependence on external factors influencing the course of social evolution. It is typical for the geopolitical situation that the economic and political rivalry of superpowers, namely the United States, China, Japan, the Republic of Korea, and Russia, largely determines the subregional dynamics. Security problems remain urgent, requiring the Indochina countries to look for approaches to their solution and maintain the political stability of the subregion.

The second part reveals the sub-regional trends of cooperation on the example of individual countries. In particular, Thailand plays important role in the integration processes in Indochina, builds "quiet" diplomacy in resolving the current political crisis in Myanmar. There are the similarities and differences between Thailand and Myanmar in terms of military involvement to the political process. The monograph emphasizes the characteristic features and forms of military rule in mainland SEA countries, and suggests a possible classification of this forced or peaceful participation. The interrelationships of Laos with ASEAN in general and with the neighboring Indochina countries in particular, as well as the evolution of Cambodia-Thailand relations are revealed. Although Thailand remains the de facto leading economic force in the subregion, though its chances to assume integration process remain moderate. Thailand's increasing role on a regional stage is hampered by the continuing turbulence and instability of the political situation at home.

Complex internal activities are taking place in Myanmar, causing political contradictions that affect the unity of the entire ASEAN. This

course of events means serious call for the Association, and begins to threaten its legitimacy and central role in the region.

The third part deals with the interaction between the Indochina countries and the outside world. A need for new members to join the Association (due to the example of East Timor) together with necessary changes to ASEAN have arisen, taking into account the shortcomings of existing formats. The general external background is characterized by the emergence of strong players and the growth of China's economic and political influence. An example of cooperation with Laos is indicative, to the development of which the PRC makes a significant contribution by actively forming its transport and energy infrastructure. The connection between the interests of the mainland and maritime parts of ASEAN is revealed by Indonesia's trade and economic relations with Indochina countries.

The fourth part highlights the areas of interest of Russia and the Eurasian Economic Union in the subregion. The "turn to the East" determined for her the importance of relations with Southeast Asian countries, especially in Indochina, as the closest partners in the historical and political context. Interaction in the EAEU free trade area with Vietnam aims at strengthening interconnections: an analysis of economic cooperation between them discovers problems and prospects, ways to improve the effectiveness of the FTA. The arms market and the assistance of the Russian Federation in the field of military-technical cooperation remain important for both sides as one of the few levers of Russian influence in the subregion. The little-known process of formation of the Russian community-based economy in the mainland part of Southeast Asia attracts attention too.

In general, the cooperation of the Russian Federation with the mainland SEA countries is characterized as non-systemic and episodic. The monograph suggests some recommendations for overcoming such a gap in the competitive environment of integration projects in Indochina implemented by the leading powers.

The fifth part discusses aspects of cooperation in the social sphere of ASEAN. The digital transformation of the subregional society and its infrastructural modernization is gaining momentum, actively influencing the policy of the Indochina states regarding data storage and processing centers. This emphasis determines ASEAN's focus on digital support of economic regionalism projects, on the formation of approaches to the development of digital infrastructure. Another important area of cooperation in Indochina is energy security, in particular, the construction

of hydropower stations to ensure further sustainable economic growth. The topic of religious transformations, the problems of the development of extremist movements, the politicization of religions and freedom of religion stay very relevant. The issues of legal protection of biosafety and biodiversity, taking into account some historical, cultural and socio-economic differences between the countries of the subregion, are of increased attention too.

Сведения об авторах

Бойцов Валерий Васильевич (гл. 1) — докт. экон. наук, проф. кафедры экономики и экономгеографии Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ.

E-mail: v.boitsov@mail.ru

Бредихин Антон Викторович (гл. 15) — канд. ист. наук, науч. сотр. Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН, ст. преподаватель социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Бурова Елена Сергеевна (Введение, гл. 3) — науч. сотр. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН.

E-mail: burova@iccaras.ru

Бутко Александр Александрович (гл. 19) — канд. полит. наук, вед. специалист Центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН.

E-mail: alexanderbutko27@gmail.com

Ван Цзинвэй (гл. 11, в соавторстве с С.Л. Сазоновым) — аспирант ИКСА РАН.

E-mail: mailto:wjw07@yandex.ru

Виноградов Илья Сергеевич (гл. 12) — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН.

E-mail: vinbel19@mail.ru

Евтодьева Марианна Георгиевна (гл. 16) — канд. полит. наук, руководитель Группы глобализации военно-экономических процессов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

E-mail: mariannaevt@imemo.ru

Ефремова Ксения Александровна (гл. 4, в соавторстве с Найн Све У) — канд. полит. наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, вед. науч. сотр. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН.

E-mail: efremova.ksenia@gmail.com

Канаев Евгений Александрович (гл. 18) — докт. ист. наук, вед. науч. сотр. Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

E-mail: ekanaev@hse.ru

Колдунова Екатерина Валерьевна (гл. 7) — канд. полит. наук, директор Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Колотов Владимир Николаевич (гл. 14) — докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина.

E-mail: v.kolotov@spbu.ru

Кунтыш Людмила Михайловна (гл. 8) — канд. экон. наук, доцент Военного университета Министерства обороны РФ.

E-mail: kuntysl@mail.ru

Кучеренко Григорий Николаевич (гл. 9) — науч. сотр. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН.

E-mail: kucherenko@iccaras.ru

Липилина Ирина Николаевна (гл. 6) — канд. ист. наук, доцент кафедры истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ.

E-mail: lipilina.i@gmail.com

Мазырин Владимир Моисеевич (гл. 5, Заключение) — докт. экон. наук, гл. науч. сотр., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН, проф. кафедры экономики и экономгеографии ИСАА МГУ.

E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Найн Све У — PhD, старший советник Мьянманского института стратегических и международных исследований МИД РСМ, основатель и исполнительный директор Института стратегических исследований «Тайнинга» (Мьянма).

E-mail: naingsweoo@thayninga.org

Осман Нур Дзухайда (гл. 21) — PhD, старший преподаватель права Исламского научного университета Малайзии (USIM).

E-mail: noordzuhaidah@usim.edu.my

Попов Александр Вячеславович (гл. 13) — канд. экон. наук, ст. науч. сотр. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН и Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН.

E-mail: 3638272@gmail.com

Рязанцев Сергей Васильевич (гл. 17, в соавторстве с М.Н. Храмовой) — чл.-корр. РАН, докт. экон. наук, проф., зав. лабораторией международных демографических исследований Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

E-mail: riazan@fnisc.ru

Сазонов Сергей Леонидович (гл. 11, в соавторстве с Ван Цзинвэй) — канд. экон. наук, вед. науч. сотр. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН.

E-mail: sazonovch_mail.ru

Тьярёнси Нарут (гл. 2) — PhD, доцент кафедры международных отношений Школы международных отношений факультета политологии и государственного управления Университета Чиангмай (Таиланд).

E-mail: narut.c@cmu.ac.th

Хоанг Тхи Ми Ни (гл. 20) — PhD, старший научный сотрудник Института изучения Юго-Восточной Азии Вьетнамской академии общественных наук.

E-mail: mynhi.vass@gmail.com

Храмова Марина Николаевна (гл. 17, в соавторстве с С.В. Рязанцевым) — канд. физ.-мат. наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Шатерников Павел Сергеевич (гл. 10) — науч. сотр. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН.

E-mail: shaternikov@iccaras.ru

About the Authors

Boytsov Valery Vasilyevich (Chap. 1) — Dr. Sc. (Economics), Professor of the Department of Economics and Economic Geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (IAAS MSU).

Bredikhin Anton Viktorovich (Chap. 15) — Cand. Sc. (History), Research Fellow at the Center “Russia, China, and the World” of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

Burova Elena Sergeevna (Introduction, Chap. 3) — Researcher at the Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)

Butko Alexander Alexandrovich (Chap. 19) — Cand. Sc. (Politics), Leading Specialist of the Center for Scientific and Analytical Information of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS).

Charoensri Narut (Chap. 2) — PhD, Assistant Professor in International Relations at the School of International Affairs, Faculty of Political Science and Public Administration at Chiang Mai University (Thailand).

Efremova Ksenia Alexandrovna (Chap. 4, co-authored with Naing Swe Oo) — Cand. Sc. (Politics), Associate Professor at the Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Leading Researcher at ICCA RAS.

Hoang Thi My Nhi (Chap. 20) — PHD, senior research fellow, Institute for Southeast Asian Studies, Vietnam Academy of Social Sciences (ISEAS VASS).

Kanaev Evgeny Alexandrovich (Chap. 18) — Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

Khramova Marina Nikolaevna (Chap. 17, co-authored with Sergey Ryazantsev) — Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Director of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS).

Koldunova Ekaterina Valeryevna (Chap. 7) — Cand. Sc. (Politics), Director of the ASEAN Center of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Associate Professor of the Department of Asian and African Studies, MGIMO.

Kolotov Vladimir Nikolaevich (Chap. 14) — Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Department of History of the Far East Countries, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute.

Kucherenko Grigoriy Nikolaevich (Chap. 9) — researcher at the Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia (ICCA RAS).

Kuntysh Lyubov Mikhailovna (Chap. 8) — Cand. Sc. (Economics), Associate Professor at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Lipilina Irina Nikolaevna (Chap. 9) — Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of History of the Far East and Southeast Asian countries of Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (IAAS MSU).

Mazyrin Vladimir Moiseevich (Chap. 5, Conclusion) — Dr. Sc. (Economics), Chief Researcher, Head of the Center for Vietnam and ASEAN studies, ICCA RAS, Professor of the Department of Economics and Economic Geography, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (IAAS MSU).

Naing Swe Oo (Chap. 4, co-authored with Ksenia Efremova) — PhD, Senior Advisor at the Myanmar Institute for Strategic and International Studies, MFA RSM, Founder and Executive Director of the ThayNinGa Institute for Strategic Studies (Myanmar).

Osman Noor Dzuhaidah (Chap. 21) — PhD, Senior Lecturer in Law at the Universiti Sains Islam Malaysia (USIM).

Popov Alexander Vyacheslavovich (Chap. 13) — Cand. Sc. (Economics), Senior Researcher at the Center for Vietnam and ASEAN studies of the Institute of China and Contemporary Asia (ICCA RAS), the Center of Southeast Asia, Australia and Oceania, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS).

Ryazantsev Sergey Vasilyevich (Chap. 17, co-authored with Marina Khranova) — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Economics), Professor, Head of the Laboratory of International Demographic Studies of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS).

Sazonov Sergey Leonidovich (Chap. 11, co-authored with Wang Jingwei) — Cand. Sc. (Economics), Leading Researcher of the Center “Russia, China, and the World”, Institute of China and Contemporary Asia (ICCA RAS).

Shaternikov Pavel Sergeevich (Chap. 10) — Researcher at the Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia (ICCA RAS).

Vinogradov Ilya Sergeevich (Chap. 12) — Cand. Sc. (History), Senior Researcher of the Center “Russia, China, and the World”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

Wang Jingwei (Chap. 11, co-authored with Sergey Sazonov) — PhD student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)

Yevtodyeva Marianna Georgievna (Chap. 16) — Cand. Sc. (Politics), Head of the Group of Military and Economic Globalization Processes of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

Научное издание

**Страны Индокитая в АСЕАН:
ключевые аспекты развития**

Коллективная монография

Редактор *О.И. Мальцева*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 06.09.2024. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 19,7.
Бумага офсетная. Тираж 200 экз.

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32